

НОЯБРЬ.

№ 11.

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

И. ШАГЕЛАНЪ.

Л. СЪЯКОВЪ.

23

СОДЕРЖАНИЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

I. Извлечения изъ приказовъ военнаго министра (съ № 210-го по № 240-й)	5
II. Приложение къ приказамъ военнаго министра.	
1) Царкуляры инспекторскаго департамента	56
2) Приказы по внутреннему провіантскому управленію.	60
III. Извлечения изъ приказовъ по отдѣльнымъ частямъ военнаго вѣдомства.	
4) Приказъ по 1-й арміи	62
5) Приказы по войскамъ Кавказской арміи	64

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности (съ 1711 по 1825 годъ). Соч. Д. П. ЖУРАВСКАГО . (Продолженіе)	1
Англія и ея военно-сухопутное устройство. (Статья вторая). Л. ДЕ-Р.	17
Объясненія, вызванныя статьею г. Артиллериста, подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ по поводу статьи: Замѣчанія инженера о причинахъ взятія Малахова кургана». А. ОРДЫ	41
Джонъ Рарей , укротитель лошадей. АРКАДІЯ ПАНАЕВА	87
Нѣсколько словъ по поводу статьи: курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи. Лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи прапорщика ДУБРОВИНА	103
Замѣтки на статью: нѣсколько мыслей объ организаціи пѣхоты. ЗАГОРОДНАГО СТРЕЛКА	125
Бивуакъ при аулѣ Хурунхабль. Изъ дневника Кавказца, 25 января 1852 года. ПЕТРА АНДРІЕВИЧА	135
Знакомство съ Шамилемъ. И. РУНОВСКАГО	197
Обозрѣніе русскихъ военныхъ журналовъ	225
Библиографія	241
Военное обозрѣніе.	249

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

въ 1860 году.

выходитъ ежемѣсячно книжками до 20-ти печатныхъ
листовъ въ каждой.

Изданіе это предпринято съ цѣлью доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и полезное чтеніе и въ то же время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средство сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальнаго быта нашихъ войскъ.

По назначенію своему, «Военный Сборникъ» журналъ не специально-военный, а *военно-литературный*. Каждая книжка его, согласно Высочайше одобренной программѣ, имѣетъ *четыре отдѣла*:

1. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ приказовъ Военнаго Министра, Главнокомандующихъ арміями, Генералъ-Инспектора по Инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, Начальника Главнаго Штаба по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ и командировъ корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій Департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, фор-

мы одежды и проч., въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній (*).

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артиллеріи, о соответствующихъ современному состоянію военного искусства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соответствующіе карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ, по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальныя журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разсказы изъ военного быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ Коммиссіи Улучшеній по военной части и всѣхъ отдѣленій Военно-Ученаго Комитета. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенные. в) Выдержки изъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. г) Библіографическія извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. д) Всѣ нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

(*) Извлеченія эти, само собою разумѣется, не могутъ замѣнить подлинныхъ приказовъ и циркуляровъ, которые въ настоящее время обязаны выписывать различные штабы и другія управленія.

Чтобы соответствовать своему назначенію, «Военный Сборникъ» старается изложеніе всѣхъ статей дѣлать общедоступнымъ и общенитереснымъ, заботясь о соединеніи ученыхъ достоинствъ ихъ съ популярностію. Редакція употребляетъ всѣ усилія, чтобы наполнить журналъ по преимуществу такими статьями, которыя имѣли бы живое значеніе для нашего военного быта и возбуждали бы въ читателяхъ дѣятельность мысли. Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность журнала.

Редакція сознаетъ всю важность этой обязанности, всю трудность ея исполненія. Преодолѣть эту трудность она надѣется только при помощи всѣхъ образованныхъ и заботящихся объ общемъ благѣ русскихъ офицеровъ; поэтому и обращается ко всѣмъ служащимъ и служившимъ въ рядахъ нашей арміи офицерамъ съ просьбою содѣйствовать ей въ дѣлѣ изученія нашего военного быта и распространенія въ войскахъ всѣхъ свѣдѣній, до военного дѣла относящихся.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана въ «Сборникѣ» при первой возможности; въ случаѣ неодобренія — возвращается автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу, *безъ всякихъ объясненій*. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники, откуда они взяты. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, Редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ восьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ, Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ къ ней статьи для печати подписывать имена свои и адреса *четко и ясно*; по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстными только одному редактору. Статьи и письма не *подписанныя* Редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 р. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи по 30 р. сер., а за ори-

гинальныя статьи до 50 руб. сер. и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получать безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается: въ конторѣ редакціи «Военнаго Сборника», въ С.-Петербургѣ, въ Моховой улицѣ, въ домѣ Оржевскаго, въ квартирѣ главнаго редактора генераль-маіора Менькова, и

Въ конторахъ «Военнаго Сборника», находящихся:

Въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Николаевского Дворца.

Въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Щепкина и комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина. За пересылку въ Москву, лица, получающія «Военный Сборникъ въ магазинѣ Щепкина, ничего не платятъ.

Цѣна за полное годовое изданіе «Военнаго Сборника» въ 1860 году 6 руб. сер. за 12 книжекъ. Лица, служащія въ войскахъ, за пересылку въ другіе города ничего не платятъ: журналъ будетъ доставляться на ихъ имя *въ ту часть войскъ, къ которой они принадлежатъ.* Лица же, къ войскамъ не принадлежащія, прилагаютъ къ подписной цѣнѣ за пересылку въ другіе города, или въ С.-Петербургѣ за доставку на домъ 1 руб. 50 коп. серебромъ.

Требованія на «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, а равно и на карту Италіи, изданную при «Военномъ Сборникѣ», будутъ удовлетворяемы немедленно.

Главный редакторъ,

Генеральнаго Штаба *генераль-маіоръ МЕНЬКОВЪ.*

Помощникъ главнаго редактора,

Генеральнаго Штаба *полковникъ СЛѢДОВЪ.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С.-Петербургъ, 30-го сентября 1859 года. Ценсоръ *К. Обертъ.*

въ типографіи Карла Вульфа.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

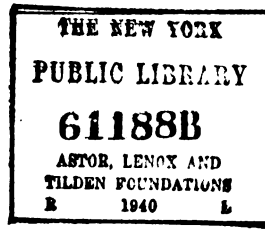
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ТОМЪ X

•

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 30-го октября 1859 года.

Ценсоръ К. Овертъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ИЗВЛЧЕНІЯ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ Г. ВОЕННАГО МИНИСТРА.

27 августа, № 210.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

- 1) Учебную артиллерійскую батарею переформировать въ Подвижной гвардейскій паркъ.
- 2) Паркъ этотъ содержать въ мирное время на основаніи прилагаемаго у сего положенія.

ПОЛОЖЕНІЕ О ПОДВИЖНОМЪ ГВАРДЕЙСКОМЪ ПАРКѢ.

1. Цѣль учрежденія парка и составъ онаго.

§ 1. Подвижной паркъ гвардейской артиллеріи учреждается на мирное время:

- а) Въ видѣ кадра, для формированія на время войны 3 подвижныхъ и 1 летучаго парковъ гвардейскаго корпуса, которые должны будутъ возить боевые припасы для войскъ упомянутаго корпуса, — и
- б) Для приготовленія въ гренадерскіе и армейскіе подвижные и летучіе парки обученныхъ: фейерверкеровъ, въ помощь дивизионнымъ школамъ, и грамотныхъ бомбардировъ-лаборатористовъ.

§ 2. Личный составъ подвижнаго парка гвардейской артиллеріи опредѣляется прилагаемымъ при семъ штатомъ для мирнаго времени; на время же войны изъ этого парка формируются 3 подвижныхъ и 1 летучій парк,

для войск гвардейскаго корпуса, по штатамъ гренадерскихъ и армейскихъ подвижныхъ и летучихъ парковъ.

§ 3. Командиръ и оберъ-офицеры подвижнаго гвардейскаго парка, содержащаго въ мирное время, равно командиры и оберъ-офицеры формируемыхъ на военное время 3 подвижныхъ и 1 летучаго парковъ гвардейскаго корпуса, состоятъ на правахъ офицеровъ полевой артиллеріи, изъ числа которыхъ потому въ паркы и избираются.

Нижніе чины означенныхъ парковъ, въ отношеніи правъ по службѣ, состоятъ на армейскомъ положеніи, одинаково съ нижними чинами гренадерскихъ баттарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады.

2. Комплектованіе парка.

а) Въ мирное время.

§ 4. Подвижной паркъ гвардейской артиллеріи формируется изъ учебной артиллерійской баттарей, а недостающіе за тѣмъ чины, по званіямъ, назначаются по распоряженію штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера.

§ 5. Командиръ полка избирается Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ и утверждается въ этой должности Высочайшимъ приказомъ.

§ 6. Офицеры назначаются или по предварительному избранію начальника гвардейской артиллеріи, или по усмотрѣнію Генералъ-Фельдцейхмейстера, а лекарь по распоряженію медицинскаго департамента. Тѣ и другіе зачисляются Высочайшими приказами; артиллерійскіе же чиновники и ихъ помощники назначаются приказами Генералъ-Фельдцейхмейстера.

§ 7. На пополненіе убыли въ нижнихъ чинахъ парка назначаются рекруты изъ числа выбираемыхъ для гвардейской артиллеріи, по усмотрѣнію начальника оной, не старѣе 20 лѣтъ отъ роду, преимущественно грамотные и меньшаго роста изъ людей, допускаемыхъ въ гвардію. При отсутствіи же рекрутскихъ наборовъ, убыль въ паркѣ пополняется выборомъ рядовыхъ изъ гренадерской и полевой артиллеріи, преимущественно изъ парковъ. При такомъ выборѣ соблюдаются тѣ же условія при назначеніи людей, какъ и при укомплектованіи рекрутами, кромѣ роста, который допускается и менѣе 2 аршинъ и 6 вершковъ. Ежегодно къ 1 октября командиръ парка представляетъ по командѣ, въ штабъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, вѣдомость о числѣ рекрутъ или рядовыхъ и нестроевыхъ, потребныхъ на пополненіе убыли въ паркѣ.

Примѣчаніе. Вольноопредѣляющіеся изъ дворянъ и лица съ правами оберъ-офицерскихъ дѣтей въ паркъ гвардейской артиллеріи не назначаются.

б) Въ военное время.

§ 8. Въ военное время Подвижной паркъ гвардейской артиллеріи, содержащій въ мирное время, образуетъ изъ себя 3 подвижныхъ и 1 летучій паркы гвардейскаго корпуса.

Для этого чины упомянутаго парка дѣлятся на 4 равныя части, по числу парковъ военнаго времени, и назначаются въ эти паркы въ видѣ кадра.

Недостающими за тѣмъ чинами паркы гвардейскаго корпуса, формируемые въ военное время, укомплектовываются по распоряженію Генералъ-Фельдцейхмейстера и по надлежащемъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношеніи штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера, при чемъ недостающіе до штата нижніе чины назначаются изъ тѣхъ же источниковъ, какіе § 83 положенія о переформи-

рованіи артиллеріи, Высочайше утвержденнаго 27 октября 1886 года, указаны для пополненія въ военное время парковъ гренадерскаго и 6 армейскихъ корпусовъ.

3. Довольствіе.

§ 9. Въ мирное время паркъ гвардейской артиллеріи, а въ военное время всѣ 4 гвардейскіе парка довольствуются отъ комиссаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ на основаніи положеній, существующихъ для гренадерскихъ баттарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, по формѣ коихъ присвоивается чинамъ означенныхъ парковъ и обмундированіе.

Для парка мирнаго времени прилагается при семъ табель подъ литерою А, мундирнымъ аммуничнымъ и прочимъ вещамъ, а равно деньгамъ, причитающимся къ отпуску изъ комиссаріата.

Примѣчаніе. На околышахъ фуражныхъ шапокъ нижнихъ чиновъ и на квартиргерскихъ значкахъ имѣть:

а) Въ мирное время.

На околышахъ литеры: «Г. П. П.» (Гвардейскій Подвижной Паркъ).

На квартиргерскихъ значкахъ надпись: «Подвижной Паркъ Гвардейской Артиллеріи».

б) Въ военное время.

На околышахъ литеры:

1-й Г. П. П. (Первый Гвардейскій Подвижной Паркъ).

2-й Г. П. П. (Второй Гвардейскій Подвижной Паркъ).

3-й Г. П. П. (Третій Гвардейскій Подвижной Паркъ).

Г. Л. П. (Гвардейскій Летучій Паркъ).

На квартиргерскихъ значкахъ надпись:

1-й Подвижной Паркъ Гвардейской Артиллеріи.

2-й — — — —

3-й — — — —

Летучій Паркъ Гвардейской Артиллеріи.

§ 10. Отъ артиллерійскаго департамента, кромѣ положеннаго ремонта на оружіе, обозъ, инструменты и пр., по прилагаемой табели подъ буквою Б, отпускается ежегодно парку мирнаго времени:

а) На добавочное жалованье 4 офицерамъ за занятіе въ классахъ, въ видѣ столовыхъ денегъ, по 200 р. каждому, всего 800 р. с.

б) На классныя потребности по 2 р. 14 $\frac{1}{4}$ к. на каждого строеваго рядоваго, обучающагося въ классахъ, всего на 298 чел. 638 р. 46 $\frac{1}{4}$ к.

в) На награды ученикамъ по 75 к. с. на каждого, всего на 298 чел. 223 р. 50 к.

г) Для практическихъ занятій, показанные въ прилагаемой вѣдомости подъ буквою в припасы и деньги на приобрѣтеніе матеріаловъ, въ натурѣ не отпускаемыхъ, по 15 к. на зарядъ, всего для 318 зарядовъ 47 р. 70 к.; на покупку и заведеніе различныхъ предметовъ, нужныхъ при лабораторныхъ работахъ и на приобрѣтеніе вѣкоторыхъ лишнихъ матеріаловъ, необходимыхъ для пополненія испорченныхъ при работахъ и пробѣ, по 49 р.

30 к., дополнительно, и на мишени, длиною 8 саж. 1 ар. и вышиною 9 ф., въ которыхъ паркъ стрѣляютъ картечными гранатами, по 10 р. с.

§ 11. Подвижной паркъ гвардейской артиллеріи помѣщается въ С.-Петербургѣ, въ части казармъ упраздненной Учебной артиллерійской бригады, ремонтное производство которыхъ производится распоряженіемъ инженернаго департамента.

§ 12. Паркъ гвардейской артиллеріи снабжается отъ инженернаго департамента, по занимаемому имъ помѣщенію, дровами для отопленія и, кромѣ того, для дѣйствія паровой водоподъемной машины, а также масломъ и свѣчами для освѣщенія, на основаніи существующихъ на сей предметъ общихъ постановленій и особыхъ разрѣшеній.

На освѣщеніе классовъ въ зимнее и осеннее время отпускается въ паркъ отъ того же департамента на каждыя 3 учениковъ по 1 свѣчѣ въ сутки, съ 1 сентября по 1 марта.

§ 13. Для содержанія, по 7-му пункту 1,266 ст. III кн. IV части, «Св. Воен. Пост.», чистоты въ казармахъ, которыя занимала бывшая Учебная артиллерійская бригада и въ которыхъ помѣщаются, кромѣ парка гвардейской артиллеріи, и другія артиллерійскія части, отпускается изъ инженернаго департамента ежегодно по 500 р. с. Сверхъ того, отъ сего же департамента отпускается парку на хозяйственныя надобности по 185 р. 71 $\frac{1}{4}$ к. с. въ годъ.

§ 14. Всѣ чины парка получаютъ казенныя квартиры, а за неимѣніемъ оныхъ квартирныхъ денегъ по положенію.

§ 15. Для подаванія первой врачебной помощи и пользованія больныхъ, учреждается въ паркѣ лазаретъ на 10 кроватей, на содержаніе коего производится парку изъ комиссаріатскаго вѣдомства на штатное число чиновъ, также и на деньщиковъ, по 57 $\frac{1}{2}$ к. с. въ годъ на человѣка и на ремонтную поддержку лазаретныхъ вещей 35 р. 71 $\frac{1}{2}$ к. ежегодно.

§ 16. Требующіе радикальнаго леченія чины парка отправляются во 2-й С.-Петербургскій военно-сухопутный госпиталь.

4. ОБРАЗОВАНІЕ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

§ 17. Образованіе нижнихъ чиновъ парка должно продолжаться, для приготовленія рядовыхъ въ фейерверкеры и бомбардиры-лаборанты, не болѣе 4 лѣтъ. Занятія раздѣляются на зимнія и лѣтнія.

а) Зимнія занятія.

§ 18. Для постепеннаго образованія нижнихъ чиновъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, учреждается въ паркѣ четыре класса: младшій, средній, старшій и практическій.

§ 19. Для преподаванія необходимыхъ въ классахъ наукъ и въ полномъ объемѣ практической военной лабораторіи, избираются командиромъ парка болѣе способные 4 офицера; каждый изъ нихъ завѣдываетъ классомъ; въ помощь имъ назначаются: въ практическій классъ — 1 офицеръ на лѣтнее время, если нужно по усмотрѣнію командира парка, и постоянно 2 фейерверкера лабораторные подмастерья, а въ прочіе классы — по 1 строевому фейерверкеру.

§ 20. Учебные предметы распредѣляются въ классахъ: младшемъ, среднемъ и старшемъ, согласно съ программой дивизионныхъ фейерверкер-

скихъ школъ, а назначеніе лекцій и занятій въ практическомъ классѣ и распредѣленіе ихъ по часамъ предоставляется командиру парка.

§ 21. Въ практическомъ классѣ, кромѣ военной лабораторіи, преподаются наглядно: конюшенное хозяйство, которое заключается въ распознаваніи хорошей и дурнойковки лошадей, въ леченіи наружныхъ болѣзней и исправленіи порочныхъ копытъ, въ умѣнн пустить кровь, поставить заволоку, умѣть сдѣлать перевязку раны, узнать по зубамъ лѣта лошади, узнать, какъ пригнать хомутъ, и имѣть вообще полное понятіе объ уходѣ за лошадьми. Для уразумѣнія этихъ предметовъ, ученики парка водятся въ конювальную школу, гдѣ имъ учителями школы все объясняется, подѣ наблюдениемъ завѣдывающаго практическимъ классомъ офицера и командира парка.

§ 22. Для облегченія развитія нижнихъ чиновъ и преподаванія имъ наукъ, ученики практическаго класса водятся по временамъ въ С.-Петербургскій Арсеналъ, лабораторію, на пороховой заводъ и Капсюльное заведеніе, ближайшее начальство которыхъ обязано назначать своихъ офицеровъ или мастеровъ, для объясненія сказаннымъ ученикамъ работъ и качества употребляемыхъ въ работы матеріаловъ, подѣ наблюдениемъ завѣдывающаго практическимъ классомъ офицера и командира парка.

§ 23. Въ свободное отъ занятій время, ученики обучаются: одиночной выправкѣ, маршировкѣ, ружейнымъ приѣмамъ, тесачнымъ приѣмахъ, приѣмахъ при орудіяхъ и гимнастикѣ, безъ отягощенія людей по другимъ обязанностямъ.

§ 24. Всѣ нижніе чины парка практикуются въ нагрузкѣ парковаго имущества въ повозки, для чего въ подвижномъ паркѣ имѣть 6 повозокъ со всѣми родами возимаго въ паркѣ имущества и походную кузницу. При чемъ объясняются ученикамъ общія служебныя обязанности нижнихъ чиновъ при парковомъ обозѣ и правила храненія огнестрѣльныхъ и другихъ припасовъ и парковаго имущества.

Примѣчаніе 1-е. Въ паркѣ Гвардейской артиллеріи, въ мирное время состоятъ 6 повозокъ, а именно:

- 1) Для укладки патроновъ, матеріаловъ на нихъ и другихъ предметовъ, помѣщаемыхъ въ повозку, — № 11.
- 2) Для укладки снаряженныхъ гранатъ, картечей и другихъ предметовъ, укладываемыхъ въ повозку, — № 22.
- 3) Для укладки неснаряженныхъ гранатъ, ядеръ и другихъ вещей, помѣщаемыхъ въ повозку, — № 38.
- 4) Для укладки бочекъ съ порохомъ, укладываемыхъ въ повозку (съ желѣзною крышею), — № 52.
- 5) Для укладки лабораторнаго инструмента и другихъ вещей, помѣщаемыхъ въ повозку, — № 59.
- 6) Для укладки мастерскаго и шанцоваго инструментовъ, укладываемыхъ въ повозку, — № 60.

Примѣчаніе 2-е. Эти 6 повозокъ и принадлежащія къ нимъ припасы назначаются въ подвижной паркъ гвардейской артиллеріи только до того времени, когда:

- а) Для одного, или всѣхъ подвижныхъ и летучаго парковаго гвардейской артиллеріи будетъ построенъ положенный для парковъ по штатнымъ вѣдомостямъ парковый артиллерійскій обозъ и отпущены возимые въ немъ припасы, которые поступаютъ въ непосредственное вѣдѣніе командира Подвижнаго парка гвардейской артиллеріи. Тогда упомянутые 6 повозокъ съ припасами поступаютъ въ число полнаго штатнаго обоза и имущества. Или

б) Съ утвержденіемъ новой конструкціи обоза подвижныхъ парковъ, измѣнятся конструкція повозокъ и количество укладываемыхъ въ нихъ припасовъ. Тогда, вмѣсто упоминаемыхъ 6 повозокъ съ припасами, отпускается въ подвижной паркъ то число новыхъ повозокъ съ соответствующимъ количествомъ имущества, какое окажется нужнымъ по разнородности новыхъ повозокъ.

§ 25. Классныя занятія въ паркѣ начинать ежегодно съ 1 сентября и продолжать по 1 мая слѣдующаго года. Въ теченіе этого времени паркъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей городской гарнизонной службы, за исключеніемъ наряда вѣстовыхъ въ штабы и другія мѣста, по назначенію начальства.

§ 26. Ежегодно въ концѣ апрѣля производится каждому классу испытаніе учениковъ въ теоретическомъ образованіи подробно по всѣмъ пройденнымъ предметамъ, не выходя изъ программъ дивизионныхъ фейерверкерскихъ школъ. Для производства этихъ экзаменовъ, по распоряженію начальника гвардейской артиллеріи, назначается коммиссія, подъ предсѣдательствомъ состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ штабъ-офицера, изъ двухъ баттарейныхъ командировъ и двухъ оберъ-офицеровъ (отъ поручика до капитана включительно). Если при экзаменѣ присутствуетъ самъ начальникъ гвардейской артиллеріи, то въ эти часы состоящій при немъ для особыхъ порученій штабъ-офицеръ обращается въ старшаго члена коммиссіи.

§ 27. При экзаменѣ семъ дозволяется присутствовать и другимъ свободнымъ отъ службы гг. штабъ и оберъ-офицерамъ гвардейской артиллеріи.

§ 28. Экзаменный листъ составляется по формѣ, существующей для дивизионныхъ школъ; въ немъ каждый день, по окончаніи испытанія въ какихъ либо предметахъ, отмѣчаются экзаменаторами противъ каждаго ученика оказанные ими успѣхи. По заключеніи же годоваго экзамена, сіи листы подписываются всѣми присутствующими и представляются предсѣдателемъ коммиссіи, въ 2-хъ экземплярахъ, начальнику гвардейской артиллеріи.

§ 29. Начальникъ гвардейской артиллеріи, по удостоенію командира парка, основанному на послѣдствіяхъ экзамена и на совѣщаніи съ учителями и по собственному удостовѣренію, предназначаетъ переводы учениковъ изъ одного класса въ другой и выпускъ изъ практическаго класса; но назначеніе сіе приводится въ исполненіе не иначе, какъ по окончаніи лагерныхъ занятій, когда начальникъ гвардейской артиллеріи удостовѣрится, что и по строевой части ученики имѣютъ достаточныя свѣдѣнія.

§ 30. Если кто либо изъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года не окажетъ желаемыхъ успѣховъ, отъ лѣности или нерадѣнія, то таковые, послѣ годоваго экзамена, выписываются въ армейскіе подвижные и летучіе парки, по распоряженію штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера. Люди сіи не могутъ быть производимы въ фейерверкеры ранѣе 10-ти лѣтъ, въ томъ уваженіи, что имъ преподаны были средства, и, кромѣ того, они навсегда лишаются права на переводъ въ паркъ гвардейской артиллеріи.

б) Летнія занятія.

§ 31. Ежегодно, съ начала мая по августъ мѣсяцъ, въ лагерное время, подъ Краснымъ Селомъ, нижніе чины парка, кромѣ фронтовыхъ упражненій, въ пѣшемъ строю съ ружьями и тесаками, обучаются:

1) Изготовленію зарядовъ, какъ съ порохомъ, такъ и съ деревянными опилками, патроновъ, снаряженію пустотѣлыхъ снарядовъ, приготовленію

трубокъ: гранатныхъ, скорострѣльныхъ и для картечныхъ гранатъ, изготовленію палительныхъ свѣчъ, фитиля, кусковъ зажигательнаго состава для гранатъ, свѣтащихъ ядеръ, сигнальныхъ ракетъ, снаряженію жестянокъ обыкновенной картечи и калиброванію, оловярованію и осмолкѣ снарядовъ.

2) Приемамъ при настоящихъ орудіяхъ пѣшихъ баттарей гвардейской артиллеріи, а также въ движеніи съ запряженными орудіями и въ практической стрѣльбѣ изъ нихъ. Для сего, по наряду начальника гвардейской артиллеріи, назначаются запряженные орудія съ ѣздовыми, по очереди отъ баттарей, въ то время, когда сами батареи не упражняются при своихъ орудіяхъ.

3) Приемамъ и практической стрѣльбѣ изъ осадныхъ, крѣпостныхъ и горныхъ орудій Красносельскаго учебнаго полигона. При чемъ нижніе чины парка изготовляютъ всѣ заряды и другіе предметы, необходимые имъ для стрѣльбы изъ этихъ орудій, — и

4) Практической стрѣльбѣ изъ ружей, состоящихъ при паркѣ.

§ 32. Въ распредѣленіи и исполненіи занятій по 1-му и 4-му пунктамъ предыдущаго § и другихъ упражненій парковой службы, равно въ требованіи, отпускѣ и перевозкѣ учебныхъ припасовъ и денегъ, подвижному парку гвардейской артиллеріи руководствоваться Высочайше утвержденнымъ 21 февраля г. положеніемъ для занятій подвижныхъ и летучихъ парковъ.

5) Переводъ изъ класса въ классъ учениковъ и выпускъ ихъ изъ практическаго класса.

§ 33. Начальникъ гвардейской артиллеріи, въ лагерное время, производитъ самъ испытаніе ученикамъ въ строевой службѣ и практическихъ занятіяхъ, и потомъ приводитъ въ исполненіе предназначенные, по § 29, переводъ изъ одного класса въ другой и выпускъ учениковъ изъ практическаго класса, примѣняясь къ правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 27 января 1838 г., положенія о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ.

§ 34. Изъ выпускаемыхъ учениковъ удостоиваются:

1) Оказавшіе отличные, сравнительно, успѣхи въ теоретическихъ и въ практическихъ свѣдѣніяхъ, особенно въ военной лабораторіи, — въ младшіе фейерверкеры-лабораторные подмастерья.

2) Слѣдующіе за ними по успѣхамъ и особенно твердые въ строевомъ образованіи — въ строевые фейерверкеры 4-го класса.

3) Прочіе ученики съ удовлетворительными познаніями въ бомбардиры-лаборатористы, — и,

4) Наконецъ, ученики, которыхъ успѣхи не совсѣмъ удовлетворительны въ практическихъ познаніяхъ, — выпускаются бомбардирами, съ тѣмъ, чтобы они въ гренадерскихъ и армейскихъ паркахъ, подъ руководствомъ командировъ оныхъ, докончили практическое образованіе свое; послѣ чего чрезъ годъ, или чрезъ два командиры парковыхъ бригадъ вновь подвергаютъ ихъ испытанію и, смотря по успѣхамъ и поведенію, переименовываютъ въ бомбардиры-лаборатористы 2-го класса, или удостоиваютъ къ занятію должности вице-фейерверкеровъ, а потомъ и къ производству въ фейерверкеры.

§ 35. Изъ выпускаемыхъ учениковъ прежде назначаются, по усмотрѣнію начальника гвардейской артиллеріи, на пополненіе фейерверкерскихъ вакансій, лабораторныхъ подмастерьевъ и строевыхъ, — въ гвардейскомъ паркѣ;

остальные ученики предназначаются на службу въ гренадерскіе и армейскіе парки.

§ 36. Списокъ удостоеннымъ къ выпуску ученикамъ практическаго класса начальникъ гвардейской артиллеріи представляетъ Генералъ-Фельдцейхмейстеру, немедленно по окончаніи лагеря, съ отмѣтками: кто изъ удостоиваемыхъ въ фейерверкеры, лабораторные подмастерья и строевые, предназначается въ гвардейскій паркъ, а также въ гренадерскіе и армейскіе парки, и удостоивается ко внесенію именъ на мѣдную доску (не болѣе 2-хъ первыхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ). По этимъ спискамъ и по соображеніи въ штабѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера числа выпускаемыхъ съ имѣющимися вакансіями, показанные въ списокѣ рядовые, приказами Генералъ-Фельдцейхмейстера, назначаются на службу, съ производствомъ въ тѣ званія, къ какимъ удостоены, а если нѣтъ вакансій фейерверкерскихъ и бомбардировъ-лаборатористовъ, то зачисляются вице-фейерверкерами (бомбардирами-лаборатористами 1-го класса) и бомбардирами, вперёдъ до открытія соответствующихъ этимъ частямъ вакансій, на которые производятся уже по представленію того начальства, гдѣ служатъ выпущенные вице-фейерверкерами-бомбардирами, на основаніи § 77 Высочайше утвержденного 27 января 1838 г. положенія о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ.

§ 37. По полученіи приказа Генералъ-Фельдцейхмейстера, о которомъ упоминается въ предыдущемъ §, начальникъ гвардейской артиллеріи приводитъ оный въ исполненіе, примѣняясь къ порядку и распоряженію, указаннымъ по § 71 Высочайше утвержденного 27 января 1838 года положенія о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ Генералъ-Фельдцейхмейстеру годовою отчетъ по формѣ Е., приложенной къ § 72-му упомянутаго положенія о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ.

§ 38. Выпускаемые изъ гвардейскаго парка въ прочіе парки артиллеріи ученики отправляются ежегодно 15 сентября, къ которому времени они должны быть обмундированы по формѣ той части, куда назначаются на службу, и приготовлены на нихъ письменныя о службѣ и довольствіи свѣдѣнія.

Примѣчаніе. Пуговицы къ мундирамъ и шинелямъ означенныхъ выпускныхъ учениковъ нашивать, вмѣсто металлическихъ, суконныя обтяжныя; металлическія же пуговицы выдавать имъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, куда поступятъ на службу эти нижніе чины. Впрочемъ, не воспрещается симъ людямъ при отправленіи отсюда нашивать, если пожелаютъ, приобретенныя собственными ихъ средствами металлическія пуговицы, съ какими бы то ни было нумерами, или вовсе безъ нумеровъ.

§ 39. При отправленіи выпускныхъ въ гренадерскіе и армейскіе парки, какъ равно при доставленіи нижнихъ чиновъ, выбранныхъ изъ полевой артиллеріи въ паркъ гвардейской артиллеріи, руководствоваться постановленіями, существующими для отправленія выпускныхъ изъ образцовыхъ батарей и назначенныхъ въ оныя. Выписываемые же изъ парка гвардейской артиллеріи нижніе чины за дурное поведеніе и неуспѣхи въ наукахъ отправляются въ армейскіе парки по этапамъ, чрезъ внутреннюю стражу.

• § 40. Касательно внесенія въ формулярные списки времени вступленія въ гвардейскій паркъ, выпуска изъ практическаго класса онаго, полученія наградъ и пр. руководствоваться § 78 упомянутаго положенія 1838 года о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ.

6) Обязанность начальствующих лицъ и чиновъ парка.

§ 41. Начальникъ гвардейской артиллеріи, кромѣ прямой своей обязанности по парку, исполняетъ и то, что сказано въ главѣ X положенія 1838 года дивизионныхъ артиллерійскихъ школъ о начальникахъ дивизій, примѣняя указанныя тамъ правила къ настоящему положенію о паркѣ.

§ 42. Командиръ подвижнаго парка гвардейской артиллеріи, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника гвардейской артиллеріи, кромѣ прямой своей обязанности по этому званію, исполняетъ еще слѣдующее:

1) Относительно образованія учениковъ все то, что упоминается по этому предмету въ главѣ XI положенія 1838 года о дивизионныхъ артиллерійскихъ школахъ о командирѣ школы.

2) Завѣдуетъ, на основаніи прилагаемой при семъ инструкціи, учрежденнымъ при деревнѣ Пори-Пико складомъ гвардейскаго корпуса.

§ 43. Офицеры, завѣдующіе классами въ паркѣ, исполняютъ обязанности офицеровъ дивизионныхъ артиллерійскихъ школъ, по положенію 1838 г. о школахъ, и пользуются ихъ правами по службѣ.

1-го сентября, № 217.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: Подвижную invalidную № 25-го роту, состоящую въ вѣдомствѣ Генеральнаго штаба, для употребленія къ работамъ при военно-топографическихъ съемкахъ, упразднить, а чиновъ оной распределить по особому распоряженію.

4-го сентября, № 218.

При приказѣ по военному вѣдомству, отъ 4-го ноября 1857 года, за № 272, объявлено было Высочайше утвержденное, въ тотъ день, въ видѣ опыта на одинъ годъ: Положеніе о Стрѣлковой Офицерской Школѣ, учрежденной въ Царскомъ Селѣ, съ штатною вѣдомостью о числѣ чиновъ въ оной школѣ.

Нынѣ Государь Императоръ, въ 1-й день сего сентября, Высочайше соизволилъ утвердить, въ видѣ опыта, на три года, вновь составленные для означенной школы и при семъ прилагаемые: Положеніе и штатную вѣдомость.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть:

1) За прикомандированіемъ Стрѣлковой роты къ Стрѣлковой Офицерской Школѣ, въ которую назначаются уже для обученія по одному офицеру отъ каждаго стрѣлковаго баталіона — отмѣнить высылку, сверхъ того, особыхъ офицеровъ отъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ перемѣняющійся составъ Стрѣлковой роты Образцоваго пѣхотнаго полка, опредѣленную штатную вѣдомость для сего полка, Высочайше утвержденную 22-го декабря 1856 года.

2) Сопровоженіе же въ перемѣняющійся составъ упомянутой роты нижнихъ чиновъ, которые должны быть высылаемы отъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, равно обратное препровоженіе ихъ изъ оной въ свои части, возлагать, по распоряженію начальства, на тѣхъ же офицеровъ, которые командуются отъ означенныхъ баталіоновъ въ Стрѣлковую Офицерскую Школу, — и

3) На семъ основаніи отправленіе въ перемѣняющійся составъ Стрѣлковой роты Образцоваго пѣхотнаго полка и оттуда обратно въ свои части

командъ отъ стрѣлковыхъ баталіоновъ производить одновременно съ отпращиваніемъ въ школу и возвращеніемъ изъ оной офицеровъ.

ПОЛОЖЕНІЕ О СТРЕЛКОВОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛѢ.

I. Назначеніе школы.

1. Стрѣлковая Офицерская Школа содержитсѣ для теоретическаго и практическаго ознакомленія пѣхотныхъ офицеровъ со всѣми предметами, до ручнаго оружія и стрѣлбы относящимися, въ такой степени, чтобы обучающіеся въ ней офицеры были приготовлены для занятія должностей командировъ стрѣлковыхъ ротъ, для заведыванія въ своихъ частяхъ оружейною частію и вообще для распредѣленія въ оныхъ правильныхъ познаній стрѣлковаго дѣла.

2. Согласно съ таковымъ назначеніемъ, школа обязана приготовить офицеровъ для стрѣлковой службы: 1) теоретическимъ преподаваніемъ, заключающимся въ чтеніи лекцій о ручномъ оружіи, о стрѣлбѣ и о дѣйствіи стрѣлкова въ бою, и 2) практическими упражненіями, которыя должны заключаться: а) въ занятіяхъ въ оружейной мастерской и лабораторіи; б) въ осмотрѣ оружейнаго и пороховаго заводовъ и капсюльнаго заведенія; в) въ цѣльной стрѣлбѣ; г) въ упражненіяхъ гимнастики, фехтованія и плаванія, и д) въ обученіи нижнихъ чиновъ.

3. Для содѣйствія школѣ выполнять свое назначеніе, постановляется правилами: 1) Чтобы все, что будетъ доставляемо нашими военными агентами изъ-за границы по части огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, — сообщалось Стрѣлковой Школѣ, и 2) Чтобы военное министерство и артиллерійское вѣдомство доставляли въ школу всѣ вновь издаваемые инструкціи и положенія о ручномъ оружіи и его употребленіи, а также измѣненныя лекала и образцы, въ количествѣ экземпляровъ по числу обучающихся въ школѣ офицеровъ.

II. Начальство школы.

4. Стрѣлковая Офицерская Школа находится подъ попечительствомъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера и подъ непосредственнымъ руководствомъ и заведываніемъ начальника штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса.

5. Права, обязанности и отношенія попечителя школы опредѣляются тою степенью, въ какой они присвоены командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ.

6. По истеченіи каждаго учебнаго курса, Попечитель школы доставляетъ военному министру, для всеподданнѣйшаго Его Императорскому Величеству доклада, подробный отчетъ о состояніи школы и о ходѣ и результатѣ занятій въ продолженіе истекшаго курса.

7. Начальникъ штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса заведываетъ школою на правахъ начальника дивизіи.

III. Составъ школы.

8. Школа состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: постояннаго и перемѣняющагося.

Число чиновъ по каждому изъ этихъ двухъ отдѣловъ опредѣляется прилагаемою у сего штатною вѣдомостію.

9. Сверхъ того, при школѣ состоятъ въ прикомандированіи: а) Стрѣлковая рота Образцоваго пѣхотнаго полка, въ полномъ ея составѣ, и б) нижніе чины, присылаемые для обученія отъ войскъ гвардіи, въ числѣ 76 человекъ, по слѣдующему расчету:

Отъ каждого изъ 12 полковъ по четыре	48
Отъ каждого изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, за исключеніемъ Финскаго, по четыре	12
Отъ Гвардейскаго экипажа	4
— Сводной Саперной бригады	8
— Лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго полка	2
— Лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка	2

IV. О чинахъ постоянного отдѣла.

10. Къ постоянному отдѣлу школы принадлежатъ: начальникъ школы, два помощника начальника школы, младшій помощникъ по теоретической части, преподаватель тактики, адъютантъ, казначей, онъ же и квартирмейстеръ, два оружейныхъ мастера изъ вольнонаемныхъ и нестроевые нижніе чины разныхъ званій, въ числѣ, показанномъ по штатной вѣдомости.

11. Начальнику школы подчиняются непосредственно всѣ чины постоянного и переменнаго отдѣловъ, а также прикомандированные къ школѣ.

Права и власть его по завѣдыванію личнымъ составомъ и вообще по управленію школою опредѣляются въ той степени, въ какой присвоены они полковому командиру.

12. Направляя дѣйствія всѣхъ чиновъ постоянного отдѣла школы къ тому, чтобы заведеніе это вполне достигало цѣли и видамъ правительства къ образованію въ стрѣлковомъ дѣлѣ офицеровъ, присылаемыхъ отъ войскъ, начальникъ школы неуклонно наблюдаетъ, чтобы обучающіеся офицеры съ наибольшею для себя пользою усвоивали преподаваемые въ школѣ предметы и знаніемъ оныхъ были приготовлены въ такой степени, чтобы могли служить хорошими руководителями по стрѣлковой части въ тѣхъ войскахъ, куда они должны возвратиться.

13. Начальникъ школы, освобождаемый отъ обязанности непосредственнаго преподаванія какой либо одной исключительной отрасли стрѣлковаго дѣла, слѣдитъ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ и наблюдаетъ, чтобы чтеніе лекцій и практическія занятія, дополняя одни другія, имѣли соотвѣтственное и правильное теченіе въ общемъ объемѣ курса школы.

14. Обязанности непосредственнаго преподаванія въ школѣ возлагаются на двухъ помощниковъ.

Изъ нихъ одинъ, по теоретической части, читаетъ лекціи о ручномъ оружій и руководитъ занятіями въ оружейной мастерской и лабораторіи; другой, по практической части, обучаетъ цѣльной стрѣльбѣ, гимнастикѣ и фехтованію, а также руководитъ обученіемъ нижнихъ чиновъ.

15. Младшій помощникъ назначается для содѣйствія и пособія помощнику по теоретической части и заступаетъ его мѣсто въ случаѣ отсутствія или болѣзни.

Въ его вѣдѣніи находится все оружіе о образцы, принадлежащія школѣ.

16. Теоретическія правила и дѣйствія стрѣлковъ и вообще войскъ въ бою преподаются командируемымъ для сего въ школу офицеромъ Генеральнаго штаба.

17. Адъютантъ и казначей (онъ же и квартирмейстеръ) завѣдываютъ каждымъ дѣлопроизводствомъ и отчетностію по предметамъ, соответствующимъ ихъ назначенію.

Казначей наблюдаетъ, кромѣ того, за исправнымъ содержаніемъ имущества школы, всѣхъ ея хозяйственныхъ способовъ и самого помѣщенія.

18. Начальникъ школы и всѣ штабъ и оберъ-офицеры постоянного отдѣла назначаются Высочайшими приказами по представленіямъ попечителя школы, за исключеніемъ офицера-преподавателя тактическихъ правилъ, который командированъ отъ Генеральнаго штаба.

19. Мастеровые назначаются въ школу по распоряженію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера, а писаря по сношенію начальника штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса съ инспекторскимъ департаментомъ.

20. Штабъ и оберъ-офицеры постоянного отдѣла числятся въ тѣхъ частяхъ, изъ коихъ поступать въ школу только по спискамъ, не занимая въ оныхъ штатныхъ вакансій.

Они сохраняютъ обмундированіе по формѣ означенныхъ частей, равно пользуются по линіи этихъ частей и производствомъ на вакансіи въ слѣдующіе чины.

Командируемый же для преподаванія тактики офицеръ остается въ комплектѣ Генеральнаго штаба.

21. Нижніе чины постоянного отдѣла, сохраняя также форму обмундированія тѣхъ частей, изъ коихъ поступать, въ списочномъ состояніи оныхъ уже не полагаются.

22. Сверхъ исчисленныхъ въ предъидущихъ параграфахъ чиновъ постоянного отдѣла, въ школу командировуются для показанія правилъ гимнастики и фехтованія помощники учителей отъ Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса.

У. О чинахъ переменяющагося отдѣла.

Переменяющійся отдѣлъ школы составляютъ офицеры, присылаемые въ школу отъ войскъ для изученія стрѣлковаго дѣла.

24. Ежегодно высылаются офицеры отъ войскъ для обученія въ школу, въ слѣдующемъ числѣ:

а) *Пѣхотныхъ полковъ.*

	Число.
Гвардейскаго корпуса отъ каждой дивизіи два, а отъ всѣхъ трехъ . . .	6
Гренадерскаго и шести армейскихъ корпусовъ по два же отъ каждой дивизіи, а всего отъ трехъ гренадерскихъ и 18-ти пѣхотныхъ . . .	42

б) *Резервныхъ баталіоновъ.*

Резервныхъ дивизій шести армейскихъ корпусовъ по два отъ каждой, а отъ всѣхъ шести	12
Резервной Кавказской дивизіи	2

в) *Стрѣлковыхъ баталіоновъ.*

Лейбъ-гвардіи: Его Величества, Царскосельскаго и Императорской Фамилии, по одному отъ каждого, а отъ всѣхъ	3
--	---

	Число.
Трехъ гренадерскихъ и 18-ти стрѣлковыхъ, по одному отъ cadaго, а отъ всѣхъ	21
Четырехъ учебныхъ, по одному отъ cadaго, а отъ всѣхъ	4
Резервныхъ: 1-го и 2-го Сводныхъ и Кавказскаго, по одному отъ каж- даго, а отъ всѣхъ.	3

г) Саперныхъ баталіоновъ.

Саперныхъ бригадъ: Сводной, 1-й и 2-й, по одному отъ каждой бри- гады, а отъ всѣхъ	3
---	---

д) Линейныхъ баталіоновъ.

Отъ двухъ Кронштадтскихъ	1
— Оренбургскихъ первыхъ шести нумеровъ.	2
— Сибирскихъ.	2
— Линейныхъ Восточной Сибири.	1
— Финляндскихъ.	1

е) Пѣхотныхъ войскъ Кавказской арміи.

— cadaго изъ пяти отдѣловъ по одному, а отъ всѣхъ	5
---	---

ж) Кавалерійскихъ полковъ.

Лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго и Драгунскаго, отъ обоихъ . . .	1
Драгунскихъ полковъ семи легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по одному отъ каждой дивизіи, а отъ всѣхъ	7
Такимъ образомъ, всего въ школѣ должно быть обучающихся офицеровъ	116

Сверхъ того, отъ флотскихъ экипажей, по назначенію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, опредѣляется имѣть въ школѣ четырехъ офицеровъ, съ содержаніемъ отъ морскаго вѣдомства.

Примѣчаніе. Резервная Кавказская дивизія командируетъ въ Офицерскую Школу опредѣленное число офицеровъ только по возвращеніи съ Кавказа, такъ какъ по нахожденію при Кавказской арміи она должна назначать офицеровъ для образованія въ стрѣлковомъ дѣлѣ въ Кавказскую Стрѣлковую школу.

25. Какъ по расчету, изложенному въ предыдущемъ параграфѣ, ежегодно отправляются въ школу офицеры, одинъ отъ каждыхъ двухъ полковъ, а отъ саперныхъ и линейныхъ баталіоновъ по одному отъ нѣсколькихъ баталіоновъ, то начальствующія лица, отъ которыхъ зависить назначеніе въ школу офицеровъ, обязываются соблюдать въ ежегодномъ выборѣ ихъ очередь между полками и баталіонами.

26. Назначаемые для обученія въ школѣ избираются изъ оберъ-офицеровъ, прослужившихъ не менѣе двухъ лѣтъ во фронтѣ, не ограничиваясь чинами и руководствуясь исключительно извѣстною и совершенною готовностію, со стороны избранныхъ, заняться съ пользою изученіемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ школѣ, а также условіемъ достаточныхъ способностей къ усвоенію познаній въ стрѣлковомъ дѣлѣ.

27. Офицеры должны быть присылаемы изъ войскъ въ школу, согласно разсчету, ко времени начатія учебнаго курса, не ожидая для отправленія ихъ особаго распоряженія.

Если же, по особому распоряженію, разсчитать числу офицеровъ для отправленія на наступающій курсъ долженъ подлежать измѣненію, или новый учебный курсъ предполагается начать ранѣе или позже установленнаго срока, то объ этомъ объявляется по войскамъ въ циркулярѣ Инспекторскаго департамента, по полученіи на сей предметъ благовременнаго утѣдомленія отъ начальства школы.

28. Обучающіеся офицеры, рапортующіеся во время нахождения въ школѣ больными два мѣсяца и болѣе, отчисляются отъ оной и по выздоровленіи отправляются, по распоряженію Инспекторскаго департамента, въ свои части.

Офицеры эти, какъ равно и тѣ, кои могутъ быть возвращены въ свои части по недостатку вниманія къ своимъ обязанностямъ, другими офицерами впредь до начала слѣдующаго учебнаго курса уже не замѣщаются.

29. Бытность обучающихся офицеровъ въ Стрѣлковой Офицерской школѣ вносится въ формулярные о службѣ ихъ списки.

30. По окончаніи учебнаго курса, трое изъ способнѣйшихъ офицеровъ, съ утвержденія военнаго министра, оставляются въ оной еще на одинъ годъ для завѣдыванія обучающимися офицерами.

Для этого всѣ обучающіеся офицеры дѣлятся на три разныя отдѣленія, съ тѣмъ, что на завѣдывающихъ оными возлагается наблюдать за точнымъ выполненіемъ служебныхъ обязанностей обучающимися офицерами, содѣйствовать имъ ближайшими указаніями и руководствомъ въ усвоеніи теоретическихъ познаній, въ правильномъ и успѣшномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, а также руководить ихъ при обученіи нижнихъ чиновъ подъ завѣдываніемъ помощника по практической части.

31. Завѣдывающіе офицерскими отдѣленіями въ числѣ обучающихся не считаются и потому назначеніе въ школу офицеровъ для обученія должно производиться въ полномъ числѣ, независимо отъ оставляемыхъ въ школѣ.

32. По истеченіи годичнаго срока, завѣдывающіе офицерскими отдѣленіями возвращаются въ свои части и на мѣсто ихъ оставляются въ школѣ другіе три офицера изъ прошедшихъ послѣдній учебный курсъ.

33. Завѣдывающіе офицерскими отдѣленіями, на одинаковомъ основаніи съ обучающимися, принадлежатъ къ перемѣняющемуся отдѣлу школы и потому числятся въ комплектъ своихъ частей.

34. Находясь въ школѣ, офицеры перемѣняющагося состава обязаны участвовать въ общемъ обѣденномъ столѣ вмѣстѣ съ офицерами постояннаго отдѣла.

35. Въ школѣ могутъ заниматься, по желанію, изученіемъ стрѣлковаго дѣла офицеры, не принадлежащіе къ перемѣняющемуся отдѣлу, но безъ права на содержаніе, офицерамъ школы присвоенное.

Допущеніе таковыхъ офицеровъ дѣлается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Попечителя школы, но не иначе, какъ въ отношеніи тѣхъ только, пребываніе коихъ въ школѣ не отвлекаетъ ихъ отъ исполненія служебныхъ обяза ностей въ своихъ частяхъ, какъ, напримѣръ, офицеровъ, находящихся въ безсрочномъ и срочномъ отпускахъ (послѣдніе только въ

продолженіе разрѣшеннаго отпуска), числящихся по роду войскъ безъ должностей, и т. п.

VI. О чинахъ, прикомандированныхъ къ школѣ.

36. Стрѣлковая рота Образцоваго пѣхотнаго полка и нижніе чины войскъ гвардіи, высылаемые въ школу по расчету, изложенному въ параграфѣ 9, состоятъ въ прикомандированіи къ школѣ для предоставленія обучающимся въ оной офицерамъ способовъ къ обученію нижнихъ чиновъ и передачѣ имъ правилъ стрѣлковаго дѣла, равно и для производства при школѣ фронтовыхъ стрѣлковыхъ занятій.

Изъ этихъ же нижнихъ чиновъ употребляются знающіе дѣло для обученія плаванію.

37. Нижніе чины войскъ гвардіи прикомандировываются къ школѣ на два года, съ тѣмъ, что ежегодно половина ихъ отправляется въ свои части и смѣняется другими.

38. Нижніе чины войскъ гвардіи, какъ равно и высылаемые въ переминыяющійся составъ Стрѣлковой роты Образцоваго пѣхотнаго полка, должны быть избираемы непременно изъ грамотныхъ.

39. Въ случаѣ убыли командира Стрѣлковой роты Образцоваго пѣхотнаго полка и его помощника, вакансіи ихъ замѣщаются, по представленію начальника школы, другими офицерами изъ числа находящихся въ переминыяющемся отдѣлѣ школы, или Образцоваго полка.

40. Убыль кадровыхъ нижнихъ чиновъ Стрѣлковой роты пополняется назначеніемъ нижнихъ чиновъ переминыяющагося состава этой роты, также по представленію начальства школы.

VII. Учебная часть школы.

41. Учебная часть школы управляется учебнымъ совѣтомъ, который составляютъ: начальникъ школы, два помощника и офицеръ Генеральнаго штаба, преподающій тактическія правила.

Младшій помощникъ по теоретической части есть дѣлопроизводитель совѣта.

42. Учебный совѣтъ изыскиваетъ и обсуждаетъ мѣры, служащія къ соотвѣтственному, съ назначеніемъ школы, направленію преподаванія стрѣлковаго дѣла и, на этомъ основаніи, улучшаетъ методу обученія, составляетъ и разсматриваетъ программы теоретическихъ и практическихъ занятій, равно согласуетъ между собою преподаванія разныхъ отраслей стрѣлковаго дѣла, по отношенію къ общей цѣли полнаго и равносторонняго образованія офицеровъ по всѣмъ предметамъ стрѣлковой службы.

43. Одобренныя учебнымъ совѣтомъ программы утверждаются для принятія ихъ къ руководству Попечителемъ школы, который списокъ съ одобренныхъ имъ программъ доводитъ чрезъ военнаго министра до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія.

44. Къ обязанности учебнаго совѣта относится также опредѣленіе соотвѣтственнаго употребленія денежныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на снабженіе школы учебными руководствами и пособиями.

45. Учебный курсъ въ Стрѣлковой Офицерской школѣ начинается съ 1-го ноября и продолжается одинъ годъ.

46. Въ зимнее и начало весенняго времени, именно съ 1-го ноября по 15-е апрѣля, обучающимся офицерамъ читаются лекціи о ручномъ оружіи и о дѣйствіи стрѣлковъ въ бою.

На первый предметъ назначается три лекціи въ недѣлю, а на второй — одна лекція въ недѣлю; каждая лекція продолжается полтора часа.

47. Въ тотъ же періодъ времени обучающіеся офицеры занимаются: а) черченіемъ, — одинъ или два раза въ недѣлю; б) изученіемъ, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, исправленія и починки оружія; в) изученіемъ способа правильнаго приготовленія патроновъ, для чего назначается время, свободное отъ другихъ занятій.

При лабораторныхъ занятіяхъ офицеры сами изготовляютъ назначаемое для каждаго изъ нихъ количество патроновъ, начиная съ отливки пуль до укладки приготовленныхъ патроновъ въ пакки.

48. Затѣмъ въ свободные отъ лекцій и техническихъ занятій часы офицеры занимаются обученіемъ нижнихъ чиновъ, подъ руководствомъ помощника начальника школы по практической части: а) теоріи стрѣльбы и обращенію съ оружіемъ; б) изготовленію патроновъ; в) прикладкѣ съ разбиваніемъ капсулей; г) гимнастикѣ и д) фехтованію.

49. Цѣльною стрѣльбою, въ зимнее и начало весенняго времени, офицеры и нижніе чины занимаются исподоволь и преимущественно для повѣрки на дѣлѣ теоретическихъ правилъ и пристрѣлки ружей.

50. Апрѣль мѣсяцъ обучающіеся офицеры употребляютъ для осмотра пороховаго завода и капсульнаго заведенія, а также знакомятся на Сестро-рѣцкомъ оружейномъ заводѣ съ производствомъ оружейнаго дѣла.

51. Время съ 1-го мая по 15-е августа употребляется исключительно для практическихъ упражненій: а) въ цѣльной стрѣльбѣ; б) въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній; в) въ примѣненіи къ мѣстности и маневрированіи малыми частями, и г) въ искусствѣ плаванія.

52. Всякое ученье съ примѣненіемъ къ мѣстности дѣлается по предположенію и офицеры, командовавшіе частями, обязаны представлять начальству школы описаніе маневра, съ приложеніемъ плана.

53. Подробное распредѣленіе ежедневныхъ занятій и назначеніе для нихъ времени предоставляется начальнику школы.

VIII. Испытаніе офицеровъ и возвращеніе ихъ въ свои части.

54. Въ весеннее время преподаватели производятъ частныя, каждый по своему предмету, испытанія, дабы повтореніемъ пройденнаго подготовить офицеровъ къ практическимъ занятіямъ.

55. Общее теоретическое испытаніе производится съ 15-го сентября по 15-е октября.

На этомъ испытаніи каждый офицеръ долженъ: а) отвѣтить отчетливо на данный ему одинъ изъ билетовъ по программѣ и на всѣ предлагаемые по программѣ изустные вопросы; б) представить чертежи и на доскѣ объяснить способъ черченія по назначенной темѣ; в) изготовить патронъ по назначенной системѣ и распредѣлить ходъ данной ружейной починки, осмотра или приѣма данной части ружья, и г) представить составленные имъ извлеченія пройденнаго курса, какъ источники, по которымъ долженъ будетъ передавать другимъ усвоенныя свѣдѣнія.

56. Въ августѣ мѣсяцѣ предѣ теоретическимъ испытаніемъ производятся офицерамъ школы испытанія: а) въ продолженіе первой половины мѣсяца— въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній, въ примѣненіи къ мѣстности и въ искусствѣ плаванія, и б) во второй половинѣ мѣсяца — въ цѣльной стрѣльбѣ.

57. Годичныя испытанія производятся экзаменною комиссіею, состоящею изъ начальника школы, трехъ помощниковъ, преподавателя тактики; кромѣ того, въ эту комиссію командируются четыре члена, изъ коихъ одинъ отъ военнаго министра, другой отъ артиллерійскаго вѣдомства, по назначенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера, третій отъ начальства стрѣлковыхъ баталіоновъ, по назначенію Его Велико-Герцогскаго Высочества инспектора оныхъ, и четвертый отъ Гвардейскаго корпуса, по назначенію командира сего корпуса.

Независимо этихъ лицъ, могутъ быть приглашаемы начальствомъ школы для присутствованія на испытаніяхъ и другія лица, специально свѣдущія въ предметахъ, относящихся къ стрѣлковому искусству.

58. Предсѣдатель экзаменной комиссіи избирается и назначается по усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества Попечителя школы.

59. По степени оказанныхъ на испытаніяхъ успѣховъ въ предметахъ теоретическаго и практическаго знанія стрѣлковаго дѣла, обучающіеся въ школѣ офицеры дѣлятся на два разряда:

Къ первому разряду относятся офицеры, оказавшіеся по испытаніи усвоившими стрѣлковое дѣло во всѣхъ его видахъ въ отличной степени.

Прочіе затѣмъ, съ успѣхами удовлетворительными, относятся ко второму разряду, а не оказавшіе успѣховъ и въ удовлетворительной степени — къ разрядамъ не причисляются, о чемъ и показывается въ формулярныхъ свѣдѣніяхъ.

60. Опредѣленіе степени достоинства успѣховъ на испытаніяхъ и отношеніе, смотря по онымъ, офицеровъ къ тому или другому разряду дѣлается экзаменною комиссіею.

61. По окончаніи испытаній, обучающіеся офицеры возвращаются въ свои части, при чемъ причисленные по успѣхамъ къ первому разряду—удостоиваются къ наградѣ слѣдующими чинами, а при отправленіи въ свои части снабжаются отъ учебнаго совѣта школы особыми свидѣтельствами, которыя вносятся въ формулярные ихъ списки.

62. Обучающіеся офицеры во время нахожденія въ школѣ и въ продолженіе года по возвращеніи въ свои части не могутъ быть увольняемы ни въ продолжительные отпуска, ни отъ службы, и исключеніе изъ сего допускается только въ случаѣ тяжелой и неизлечимой болѣзни.

Равно воспрещается назначать ихъ въ своихъ частяхъ въ должности адъютантовъ, казначеевъ и квартирмейстровъ впредь до того, пока не будетъ въ часть другой офицеръ, обучавшійся въ школѣ.

63. Нижніе чины, состоящіе прикомандированными къ школѣ, при выпускѣ изъ оной въ свои войска награждаются:

а) Унтеръ-офицеры, заслужившіе по успѣхамъ достоинство стрѣлковъ 1-го разряда — галуною нашивкою вдоль плечеваго погона, и

б) Рядовые, приобрѣвшіе достоинство стрѣлковъ того же разряда — галуномъ вокругъ обшлаговъ на рукавахъ мундира; но если, кромѣ искусства

мѣткой стрѣльбы, достойны и по всѣмъ другимъ отношеніямъ унтеръ-офицерскаго званія, то производится, взамѣнъ того, въ унтеръ-офицеры.

IX. СОДЕРЖАНІЕ, ПОМѢЩЕНІЕ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ШКОЛЫ.

64. Чины школы довольствуются жалованьемъ и столовыми деньгами, какъ показано въ штатной вѣдомости.

65. Начальнику школы и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ постоянного и переменнаго отдѣловъ жалованье производится по усиленнымъ окладамъ.

66. Усиленный окладъ жалованья офицерамъ переменнаго отдѣла производится со дня прибытія въ школу и по день исключенія изъ оной въ свои части.

Примѣчаніе. Офицеры сего отдѣла при отправленіи обратно къ своимъ частямъ удовлетворяются жалованьемъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы.

67. Всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, какъ постояннаго, такъ и переменнаго отдѣловъ, квартирныя деньги во время пребыванія въ школѣ производится по чинамъ, съ прибавкою половины оклада къ тому, который опредѣленъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 23-го марта 1858 года, за № 69.

68. Всѣ офицеры, назначенные изъ войскъ для обученія въ школу, получаютъ на проѣздъ въ оную и въ обратное отправленіе въ свои части прогонныя деньги изъ Коммиссаріата, по чинамъ и по положенію.

69. Таковыя же деньги отпускаются для проѣзда офицерамъ, посылаемымъ въ оружейный и пороховой заводы и, сверхъ того, во время нахожденія на сихъ заводахъ производится имъ отъ Коммиссаріата порціонныя деньги въ сутки: штабъ-офицерамъ по 1 р., а оберъ-офицерамъ по 50 коп. серебромъ.

70. Чины кадрового и переменнаго состава Стрѣлковой роты Образцоваго пѣхотнаго полка, а также нижніе чины, прикомандированные къ школѣ отъ войскъ гвардіи, получаютъ все содержаніе по положенію и штатамъ тѣхъ частей, отъ коихъ въ прикомандированіи къ школѣ находятся.

Примѣчаніе. Требованіе и производство коммиссаріатскаго довольствія на чиновъ, прикомандированныхъ къ школѣ, остается на обязанности Образцоваго пѣхотнаго полка и полковъ и баталіоновъ гвардіи; требованіе же провіантскаго довольствія на упомянутыхъ чиновъ возлагается на начальство школы.

71. На содержаніе школы отпускаются ежегодно деньги на слѣдующія надобности:

Отъ коммиссаріатскаго вѣдомства.

	Руб.
На приобрѣтеніе книгъ, журналовъ и учебныхъ пособій	600
— приобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей для нижнихъ чиновъ .	200
— классныя принадлежности и на канцелярскіе припасы	500
— принадлежности для плаванія	50
— постройку мишеней	400
— содержаніе мастерской, запасные матеріалы, приобрѣтеніе мастерскихъ инструментовъ и припасовъ и на рабочую одежду	500

	Руб. К.
На наемъ служителей	800
— перевозочныя средства	200
— столовую, пекарную и кухонную посуду для нижнихъ чиновъ постояннаго отдѣла школы и прикомандированныхъ	84
— канцелярскія принадлежности для Стрѣлковой роты Образцо- ваго полка	36

Отъ артиллерійскаго вѣдомства.

На фехтовальное оружіе и принадлежности	250
— выдачу премій нижнимъ чинамъ за стрѣльбу	45 80
— приобрѣтеніе новыхъ образцовъ инструментовъ и приборовъ .	250
— На смазку принадлежащаго школѣ заручнаго оружія и состоя- щаго въ музеумѣ — деньги по арсенальному положенію.	

Отъ инженернаго вѣдомства.

На ремонтъ и возобновленіе мебели	250
— освѣщеніе классовъ аудиторіи и т. п.	50

72. Учебные артиллерійскіе припасы: порохъ, свинецъ и капсюли, а такъ же деньги на патронную бумагу и на обсаиваніе патроновъ, начальство школы требуетъ изъ с.-петербургской мѣстной лабораторіи, въ слѣдующей ежегодной пропорціи:

На каждого обучающагося офицера 650 боевыхъ патроновъ.

На каждого обучающагося стрѣлка патроновъ: 100 холостыхъ, 350 боевыхъ и, кромѣ того, 50 капсюлей для обученія спуска курка съ разбиваніемъ капсюля.

73. Помѣщенія школы состоятъ изъ аудиторіи, зала для черченія, библіотеки, музеума для храненія коллекціи оружія, помѣщенія для офицерскихъ ружей, оружейной мастерской, съ помѣщеніемъ для оружейнаго мастера, столярной, слесарной, кузницы и лабораторіи.

Пороховога погребѣ для артиллерійскихъ припасовъ не отводится и они хранятся въ отпускаемыхъ школѣ зарядныхъ ящикахъ, а частию въ пороховомъ погребѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.

Порядокъ и чистота всѣхъ помѣщеній школы поддерживается вольными служителями, для найма которыхъ отпускается школѣ особая сумма въ размѣрѣ, опредѣленномъ 71 параграфомъ.

74. Хозяйственная часть школы управляется хозяйственнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ четырехъ членовъ.

Въ члены сего комитета назначаются одинъ изъ помощниковъ начальника школы, младшій помощникъ, казначей и одинъ изъ трехъ офицеровъ, завѣдывающихъ офицерскими отдѣленіями; старшій изъ членовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель комитета.

Всѣ члены, независимо участія въ хозяйственномъ комитетѣ, продолжаютъ оставаться и при прямыхъ по ихъ должностямъ обязанностяхъ.

75. Хозяйственный комитетъ школы руководствуется правилами хозяйственныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ видѣ опыта въ нѣкоторыхъ полкахъ гвардіи.

76. Школѣ присвоивается печать съ государственнымъ гербомъ, двумя на крестъ сложенными ружьями и съ круговою надписью: *Печать Офицерской Стрѣлковой Школы.*

ШТАТНАЯ ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ЧИНОВЪ, КАКОЕ ПОЛАГАЕТСЯ ВЪ СТРЕЛКОВОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛѢ.

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	Число чиновъ.	Годовой окладъ содержа- нія серебромъ каждому:			
		Жалованья.		Столовыхъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
а) <i>Постоянный отдѣлъ:</i>					
Начальникъ школы, генералъ-маіоръ . . . (Можетъ быть и полковникъ).	1	По чинамъ изъ усиленнаго капитала.		1,401	»
Помощниковъ начальника школы, изъ штабъ-офицеровъ или капитановъ:					
По теоретической части.	1			560	40
— практической части	1			560	40
Младшій помощникъ по теоретической части, капитанъ	1			280	20
(Можетъ быть штабъ-капитанъ).					
Преподаватель тактики, штабъ или оберъ- офицеръ Генеральнаго штаба	1(*)			300	»
Адъютантъ, поручикъ	1		138	»	
Казначей, онъ же квартирмейстеръ, поручикъ (адъютантъ и казначей могутъ быть до чина капитана включительно).	1		138	»	
Итого		7			
Нестроевыхъ чиновъ:					
Вольнонаемныхъ оружейныхъ мастеровъ:					
Старшій	1	800	»		
Младшій	1	600	»		
Нижнихъ чиновъ:					
Писарей: Старшихъ	2	27	45		
Младшихъ	4	16	20		
(*) Основной окладъ жалованья офицеру Генеральнаго штаба произво- дится по штату Генеральнаго штаба, и затѣмъ по штату школы полу- чается сумма, причитающуся до усиленнаго оклада.					

З В А Н І Е Ч И Н О В Ъ .	Число чиновъ.	Годовой окладъ содержа- нія серебромъ каждому.			
		Жалованья.		Столовыхъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Лаборатористовъ, унтеръ-офицер. званія:					
Старшій	1	98	10		
Младшихъ	3	42	»		
Рисовальщикъ, унтеръ-офицерскаго званія	1	42	»		
Мастеровыхъ:					
Оружейниковъ.	10	8	70		
Ложниковъ	4	8	70		
Слесарей	2	8	70		
Кузнецъ	1	8	70		
Токарь	1	8	70		
Столяръ	1	8	70		
Плотниковъ.	4	8	70		
Кашеваръ	1	4	95		
Хлѣбопекъ	1	4	95		
Итого нестроевыхъ нижнихъ чиновъ .	36				
б) <i>Перемѣняющійся отдѣлъ:</i>					
Завѣдывающихъ отдѣленіями обучающихъ офицеровъ оберъ-офицеровъ . . .	3	} По чинамъ изъ усилен- наго окла- да.	138		
Обучающихся оберъ-офицеровъ, присылае- мыхъ отъ войскъ:					
Военно-сухопутнаго вѣдомства . .	116	} Содержаніе производится отъ морскаго вѣдомства.			
Морскаго вѣдомства	4				

- Примѣчанія:* 1. Оклады жалованья и столовыхъ денегъ показаны за исключеніемъ узаконенныхъ вычетовъ: на госпиталь, медикаменты, въ пенсіонный и инвалидный капиталы и въ Эмеритальную кассу.
2. Провіантъ и приварочныя деньги нестроевымъ нижнимъ чинамъ постоянного отдѣла школы, кромѣ деньщиковъ, производятся одинаково съ нижними чинами войскъ Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, въ размѣрѣ, установленномъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 30 мая 1859 года, за № 128.
3. Всѣмъ чинамъ школы, сверхъ содержанія, въ семъ штатѣ и положеніи о школѣ показаннаго, производится и все прочее довольствіе, существующими законоположеніями опредѣленное.
4. Деньщики штабъ и оберъ-офицерамъ назначаются на основаніи постановленія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 26 мая 1859 года, за № 123.

8 сентября, № 219.

Государь Императоръ, въ дополненіе Высочайшаго приказа, сего числа отданнаго, о именованіи Лейбъ-Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, лейбъ-гвардіи Атаманскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ, съ правомъ молодой гвардіи, Высочайше повелѣтъ соизволить:

1) Допустить, вмѣстѣ съ тѣмъ, штабъ-офицеровъ означеннаго полка для командованія эскадронами, наравнѣ съ лейбъ-гвардіи козачьимъ полкомъ; гербы на шапкахъ замѣнить гвардейскими орлами, съ сохраненіемъ надписи «за Варшаву» на знакахъ отличія.

2) Чинамъ сего полка даровать тѣ же самыя преимущества, которыми пользуются чины причисленнаго къ нему лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона, т. е. офицерамъ предоставить преимущество въ чинахъ предъ полевыми донскими полками на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно предоставлено офицерамъ лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона, и жалованье по окладу, получаемому офицерами всѣхъ войскъ, имѣющихъ преимущество чиномъ выше противъ арміи; нижнимъ же чинамъ присвоить тѣ оклады жалованья, кои опредѣлены нижнимъ чинамъ лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона, — и

3) Чинъ майора въ означенномъ полку упразднить, и за тѣмъ установить въ одномъ линію вакантнаго производства изъ подполковниковъ въ полковники, по числу 3 дивизіонеровъ, полагая изъ нихъ: одного въ чинѣ полковника и двухъ въ чинѣ подполковника.

6 сентября, № 223.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ моемъ по военному вѣдомству, отъ 14 февраля настоящаго года за № 44, Военно-медицинскимъ департаментомъ составлены слѣдующія правила для посылаемыхъ симъ департаментомъ за границу врачей, для усовершенствованія ихъ въ практическихъ врачебныхъ наукахъ:

1. Посылаемые за границу отъ Военно-медицинскаго департамента врачи обязываются:

а) Подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ по избраннымъ ими специальнымъ отраслямъ практической медицины совершенствоваться въ терапіи и хирургіи со включеніемъ офтальміатріи, какъ въ діагностическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, притомъ слѣдить за всѣми современными усовершенствованіями въ врачебной наукѣ, преимущественно въ отношеніи новыхъ методовъ леченія болѣзней, вновь открываемыхъ и вводимыхъ въ употребленіе врачебныхъ средствъ, хирургическихъ и діагностическихъ орудій, а равно постепеннаго улучшенія и измѣненія послѣднихъ.

б) Изучать въ подробности какъ теоретически, такъ и на практикѣ военную гигиену во всѣхъ примѣненіяхъ ея къ жизни солдата, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, преимущественно въ отношеніи размѣщенія войскъ въ казармахъ, лагеряхъ и бивуакахъ, ихъ продовольствія, формы военной одежды и амуниціи, занятій видовъ движенія и гимнастики, вліянія разнородныхъ мѣстностей, на которыхъ войска расположены, на развитіе въ нихъ болѣзненности и смертности, какъ вообще всѣхъ условій, имѣющихъ какое либо вліяніе на здоровье и болѣзненность арміи.

в) Всюгдѣ ознакомиться съ лучшими системами внутренняго устройства военныхъ госпиталей и лазаретовъ во всѣхъ его подробностяхъ съ ихъ администраціею, а также съ мѣрами снабженія ихъ необходимыми врачеб-

ными и хирургическими пособиями въ мирное и военное время и со способами транспортированія больныхъ и переноски раненныхъ съ поля сраженія.

II. Въ отношеніи всѣхъ вышеизложенныхъ вопросовъ, посылаемые за границу врачи обязываются, отнюдь не ограничиваясь теоретическимъ изученіемъ, подлежащихъ предметовъ, осматривать и изслѣдовать все къ нимъ относящееся, по мѣрѣ возможности на самомъ дѣлѣ.

III. Въ видахъ облегченія къ тому способовъ они имѣютъ быть снабжены официальными рекомендаціями къ посланникамъ нашимъ при тѣхъ изъ иностранныхъ державъ, гдѣ какъ врачевныя практическія науки, такъ въ особенности военная гигиена и госпитальная часть находятся на высшей степени совершенства, какъ-то: въ Пруссіи, Бельгіи, Франціи и Англіи. Въ отношеніяхъ своихъ къ представителямъ этихъ частей посылаемые за границу врачи должны имѣть постоянно въ виду, чтобы и по возвращеніи въ Россію ученые между ними сношенія могли продолжаться.

IV. О ходѣ учебныхъ занятій своихъ посылаемые для усовершенствованія за границу врачи обязываются доставлять въ Медицинскій департаментъ Военнаго министерства подробные отчеты по истеченіи каждаго полугодя. Но, не стѣсняясь этимъ срокомъ, они должны доносить сему департаменту о всѣхъ важнѣйшихъ какъ новыхъ открытіяхъ въ практической медицинѣ, такъ и тѣхъ значительныхъ усовершенствованіяхъ въ ней, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на успѣхи ея, дабы таковыя могли быть безъ замедленія сообщаемы военнымъ врачамъ.

V. Срокъ пребыванія за границею назначается для каждаго врача 2-хъ годовыхъ, считая со дня отправленія.

VI. Время это засчитывается посылаемымъ врачамъ въ дѣйствительную службу.

VII. Во все время путешествія они удерживаютъ *получаемое ими на службѣ содержаніе*, а равно и *выслуженныя прибавки за пятнадцать лѣтъ*.

VIII. Сверхъ того, каждый изъ посылаемыхъ врачей получаетъ отъ Военно-медицинскаго департамента по 1,200 р. с. въ годъ изъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ Высочайшимъ повелѣніемъ 29 января 1859 г.

IX. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія врачи обязываются отслужить въ Военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, считая за каждый годъ по 2 года, 4 года, по назначенію Военно-медицинскаго департамента.

Примѣчаніе. Получившіе воспитаніе на счетъ казны должны прослужить въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ вышеозначенный срокъ сверхъ обязательнаго срока службы за воспитаніе.

X. Выборъ врачей для отправленія за границу, съ цѣлію усовершенствованія во врачевныхъ знаніяхъ, преимущественно необходимыхъ для военнаго врача, предоставляется Военно-медицинскому департаменту, который въ этомъ отношеніи съ строгою разборчивостію будутъ руководиться не лѣтами службы, а способностью и степенью врачебнаго образованія находящихся въ вѣдѣніи его врачей, избирая для этой цѣли имѣющихъ высшую ученую степень доктора, преимущественно изъ числа тѣхъ, которые до того были прикомандированными для усовершенствованія къ университетамъ или академіи. При прочихъ необходимыхъ условіяхъ, отъ посылаемаго за границу будутъ требоваться извѣстная степень служебной опытности и знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Военно-медицинскій департаментъ съ своей стороны надѣется, что военные врачи, которые будутъ имѣть счастье воспользоваться этимъ новымъ

благодѣяніемъ Государя Императора, ревностнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ возлагаемаго на нихъ порученія оправдаютъ выборъ департамента и по возвращеніи своимъ сдѣлаются достойными руководителями молодыхъ врачей и живыми проводниками всѣхъ полезныхъ современныхъ знаній для охраненія здоровья храбрыхъ воиновъ нашихъ.

Примѣчаніе. Сверхъ посылаемыхъ Военно-медицинскимъ департаментомъ дозволяется военнымъ врачамъ отправляться за границу для усовершенствованія въ врачебныхъ наукахъ и на собственный ихъ счетъ. Время, проводимое ими съ этою цѣлю за границею, не болѣе впрочемъ трехлѣтняго срока, засчитывается имъ въ дѣйствительную службу по военному вѣдомству въ томъ только случаѣ, если они, отправляясь въ путешествіе, объявляются, по возвращеніи въ Россію, продолжать службу въ этомъ самомъ вѣдомствѣ, не менѣе двухъ лѣтъ сряду, по отъ казны ни жалованья, ни другихъ денежныхъ довольствій во все время пребыванія за границею они не получаютъ.

Военнымъ врачамъ, совершившимъ такое путешествіе за границу на собственный ихъ счетъ, предоставляются совершенно равныя права на полученіе высшихъ мѣстъ по военно-медицинскому вѣдомству, если они удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ отправляемыхъ на счетъ казны.

Государь Императоръ таковыя правила въ 15 день августа сего года соизволилъ Высочайше утвердить.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената.

По Именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 1859 года сентября въ 8-й день, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено:

«Признавая справедливымъ даровать нижнимъ чинамъ, поступающимъ въ военную службу, облегченіе въ исполненіи этой повинности сокращеніемъ сроковъ обязательной ихъ службы, и избравъ для приведенія въ дѣйствіе сей мѣры торжественный день совершеннѣйшаго Любезнѣйшаго Сына Нашего и Наслѣдника Престола Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, Всемилоостивѣйше повелѣваемъ:

«1) Нижнимъ чинамъ, которые впредъ поступать въ рекруты, опредѣлить общіе обязательные сроки службы для отставки: въ военномъ вѣдомствѣ и въ комплектуемыхъ отъ оного командахъ другихъ вѣдомствъ — 15-ти-лѣтній, а въ морскомъ вѣдомствѣ — 14-ти-лѣтній.

«2) Нижнимъ чинамъ, поступившимъ уже на службу до настоящаго времени, сократить сроки обязательной службы, назначивъ для сего общій 20-ти-лѣтній срокъ, безъ различія, въ какихъ бы вѣдомствахъ они ни состояли, а обязанныхъ по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ 20-ти-лѣтнимъ и кратчайшими противу сего сроками увольнять въ отставку за эти же сроки и на будущее время; — и

«3) Тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые подвергались или подвергнутся оштрафованіямъ, лишающимъ права на полученіе отставки наравнѣ съ безпорочно-служившими, подчинять при увольненіи отъ службы, независимо отъ выслуги ими устанавливаемыхъ нынѣ общихъ обязательныхъ сроковъ, и

всѣмъ прочимъ условіямъ, которыя дѣйствующими узаконеніями опредѣлены для увольненія въ отставку штрафованныхъ нижнихъ чиновъ.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе».

Правительствующій Сенатъ приказали: о семъ Именномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Указѣ, для зависящихъ распоряженій, гг. военнаго министра и управляющаго Морскимъ министерствомъ увѣдомить указами, а для приведенія во всеобщую извѣстность припечатать въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ». Сентября 9 дня 1859 года.

8 сентября, № 225.

Государь Императоръ Высочайшимъ указомъ, сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше соизволилъ даровать сокращеніе сроковъ обязательной до отставки службы нижнимъ воинскимъ чинамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть:

1) Всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые впредь поступать въ рекруты, увольнять по безпорочной выслугѣ 12-ти лѣтъ въ безсрочный отпускъ, безъ различія въ какихъ бы частяхъ регулярныхъ войскъ, командахъ и званіяхъ военно-сухопутнаго вѣдомства, а также въ комплектуемыхъ отъ онаго командахъ другихъ вѣдомствъ, они ни состояли на службѣ; но на нижнихъ чиновъ изъ горцевъ и другихъ азіатцевъ Кавказскаго края, отдаваемыхъ въ службу за наказаніе, не распространять права пользованія безсрочнымъ отпускомъ, а увольнять ихъ по выслугѣ ими 15-ти лѣтняго срока въ отставку прямо изъ войскъ.

2) Для нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу до 8 сентября 1859 г., оставить въ своей силѣ существующія постановленія о правахъ на увольненіе въ безсрочный отпускъ за безпорочную выслугу 15-ти-лѣтняго срока, по войскамъ, званіямъ и происхожденію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, право увольненія въ означенный отпускъ за 15-ти-лѣтній срокъ распространить на состоящихъ нынѣ въ службѣ хорныхъ музыкантовъ и нижнихъ чиновъ изъ солдатскихъ дѣтей и евреевъ, пользовавшихся до сего времени безсрочнымъ отпускомъ за 20-ти-лѣтній срокъ службы, если только они по положенію, на одинаковомъ съ прочими нижними чинами основаніи, будутъ имѣть вообще право на безсрочный отпускъ.

3) За сокращеніемъ сроковъ выслуги на отставку для нижнихъ чиновъ, состоящихъ нынѣ на службѣ, не распространять права увольненія въ безсрочный отпускъ за 15-ти-лѣтній срокъ на войска, пользовавшіеся симъ отпускомъ. Но это изыятіе, сохраняемое для упомянутыхъ войскъ, командъ и званій по увольненію въ безсрочный отпускъ за 15-ти-лѣтній срокъ, Его Величество изволитъ предоставлять усмотрѣнію Своему ограничивать постепенно распространеніемъ и на нижнихъ чиновъ, служащихъ въ этихъ войскахъ, командахъ и званіяхъ, увольненія въ безсрочный отпускъ до выслуги ими 20-ти-лѣтняго срока на отставку, впредь до совершеннаго уравниванія ихъ въ правахъ на безсрочный отпускъ съ прочими нижними чинами, пользующимися этимъ отпускомъ за 15 лѣтъ службы, — и

4) Нижнихъ чиновъ, состоящихъ нынѣ въ войскахъ, командахъ и званіяхъ, пользующихся правомъ увольненія въ безсрочный отпускъ за 15 лѣтъ службы, а также и тѣхъ, которымъ право это предоставляется нынѣ, если они послѣ 8 сентября 1859 г. будутъ переведены въ войска, команды и званія, не пользующіяся безсрочнымъ отпускомъ за 15-ти-лѣтній срокъ, уволь-

нять въ означенный отпускъ по выслугѣ 15 лѣтъ на томъ же самомъ основаніи, какъ если бы они оставались въ прежнихъ своихъ войскахъ, командахъ и званіяхъ, въ которыхъ воспользовались бы безсрочнымъ отпускомъ за 15-ти-лѣтній срокъ.

Кромѣ сего, Его Величество, принимая во Всемиловѣйшее вниманіе, что по дѣйствующимъ нынѣ постановленіямъ служебныя права и преимущества нижнихъ чиновъ чрезвычайно разнообразны, вслѣдствіе различій и ограниченій, установленныхъ въ прежнее время, и признавая необходимымъ сдѣлать измѣненія въ постановленіяхъ, на сей предметъ существующихъ, какъ для согласованія ихъ съ новыми сроками обязательной военной службы, такъ и для уравниванія служебныхъ правъ нижнихъ чиновъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: постановить на будущее время слѣдующія правила о преимуществахъ, предоставляемыхъ нижнимъ чинамъ всѣхъ регулярныхъ войскъ и командъ военного вѣдомства, поступающимъ въ службу на общіе обязательные сроки.

І. О ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ ЗА ОТКАЗЪ ОТЪ БЕЗСРОЧНАГО ОТПУСКА.

Всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, приобрѣвъ право на безсрочный отпускъ, откажутся отъ увольненія въ этотъ отпускъ и останутся на дѣйствительной службѣ, награждать за это золотымъ или серебряннымъ по цѣту пуговицъ, шеврономъ изъ галуна на лѣвомъ рукавѣ мундира и производить впредь до того времени, когда выслугою установленнаго срока приобрѣтутъ право на отставку, прибавочное жалованье въ размѣрѣ полугодоваго оклада, назначая эту прибавку изъ тѣхъ окладовъ, которые нижніе чины получаютъ, если эти оклады не превышаютъ 34 р. 28½ к. с., а въ противномъ случаѣ — изъ сего послѣдняго оклада.

Тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ нынѣ въ службѣ, которые до изданія настоящихъ правилъ, приобрѣвъ право на безсрочный отпускъ, отказались уже отъ увольненія въ оный и награждены за этотъ отказъ золотымъ или серебряннымъ шеврономъ, равномѣрно производить съ 8 сентября 1859 г. прибавочное полугодовое жалованье, на вышеизложенномъ основаніи въ продолженіе всего срока обязательной ихъ службы.

Нижнихъ чиновъ, однажды отказавшихся отъ безсрочнаго отпуска и воспользовавшихся установленными за это преимуществами, не увольнять уже впослѣдствіи въ безсрочный отпускъ, а оставлять на дѣйствительной службѣ до приобрѣтенія выслугою опредѣленнаго срока права на отставку.

ІІ. О ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ ЗА ОТКАЗЪ ОТЪ ОСТАВКИ И ЗА ПОСТУПЛЕНІЕ ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ ЖЕЛАНІЮ ИЗЪ ОСТАВКИ НА ВТОРИЧНУЮ СЛУЖБУ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые по выслугѣ общихъ обязательныхъ сроковъ, какъ прежде существовавшихъ, такъ и нынѣ установленныхъ, откажутся отъ отставки или неступятъ изъ отставки по добровольному желанію на вторичную службу, предоставлять слѣдующія преимущества:

1) При самомъ отказѣ отъ отставки или при вступленіи на вторичную службу жаловать имъ серебрянную медаль на Аннинской лентѣ, съ надписью: «за усердіе», и сохранять въ отставкѣ эту медаль всѣмъ тѣмъ изъ увольняемыхъ отъ службы послѣ 8 сентября 1859 г., которые пробудутъ на вторичной службѣ не менѣе 3 лѣтъ или хотя менѣе этого срока, но будутъ уволены отъ службы по совершенной неспособности къ дальнѣйшему

служенію, порядкомъ, установленнымъ для увольненія въ отставку неспособныхъ нижнихъ чиновъ.

2) Награждать ихъ золотымъ или серебряннымъ, по цвѣту пуговицъ, шеврономъ изъ галуна на лѣвомъ рукавѣ мундира и чрезъ каждые 3 года вторичной службы давать по одному такому же шеврону; но по увольненіи отъ службы шевронъ, пожалованный за отказъ отъ отставки или за вступленіе на вторичную службу, сохранять только тѣмъ, которые будутъ имѣть право и на сохраненіе въ отставки медали, за вторичную службу пожалованной.

Сверхъ штатнаго оклада жалованья, производить имъ прибавочное жалованье: въ первое трехлѣтіе — въ размѣрѣ одного оклада, во второе трехлѣтіе — въ размѣрѣ двухъ окладовъ, въ третье трехлѣтіе — въ размѣрѣ трехъ окладовъ и четвертое трехлѣтіе — въ размѣрѣ четырехъ окладовъ. Это прибавочное жалованье производить по окладамъ, которые нижніе чины получаютъ, если оклады сіи не превышаютъ 34 р. 28½ к. с., а въ противномъ случаѣ — по сему послѣднему окладу. При отставкѣ же назначать пенсію: прослужившимъ на вторичной службѣ одно трехлѣтіе — въ размѣрѣ одного штатнаго оклада жалованья, если этотъ окладъ не превышаетъ 17 р. 14 коп.; если же окладъ сей болѣе 17 р. 14 к., то въ размѣрѣ половиннаго оклада, но съ тѣмъ, чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ пенсія, за одно трехлѣтіе слѣдующая, была не менѣе 17 р. 14 к. и не болѣе 34 р. 28½ к., такъ, что если половинный окладъ штатнаго жалованья будетъ составлять меньше 17 р. 14 к., то въ пенсію назначать 17 р. 14 к.; если же положенный окладъ штатнаго жалованья будетъ больше 34 р. 28½ к., то въ пенсію назначать 34 р. 28½ к. За каждое изъ трехъ слѣдующихъ затѣмъ трехлѣтій назначать прибавку пенсій на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, и такимъ образомъ нижнимъ чинамъ, прослужившимъ два трехлѣтія на вторичной службѣ, назначать въ отставку пенсію въ размѣрѣ вдвое болѣе, прослужившимъ три трехлѣтія — въ размѣрѣ втрое болѣе и прослужившимъ четыре трехлѣтія — въ размѣрѣ въ четыре раза болѣе противъ причитающейся за одно трехлѣтіе.

Примѣчаніе. По прослуженіи нижними чинами четырехъ трехлѣтій на вторичной службѣ, новыхъ прибавочныхъ окладовъ жалованья за дѣйствительную службу уже не назначать, а производить имъ то же самое содержаніе, какъ и въ четвертое трехлѣтіе. Равнымъ образомъ и пенсію въ отставку пробывшимъ на вторичной службѣ болѣе четырехъ трехлѣтій опредѣлять въ томъ же количествѣ, какъ и увольняемымъ въ отставку тотчасъ по прослуженіи четырехъ трехлѣтій.

Прибавочное жалованье за вторичную службу назначать нижнимъ чинамъ: отказывающимся отъ отставки — со дня пріобрѣтенія права на отставку, а поступающимъ изъ отставки на вторичную службу — не при самомъ вступленіи въ оную, а только впоследствии, по особому удостоенію начальства, за усердную службу и хорошее поведеніе, съ тѣмъ, чтобы и срокъ выслуги на пенсію, за вторичную службу установленная, считался поступившимъ на вторичную службу изъ отставки лишь со времени разрѣшенія производства имъ этого прибавочнаго жалованья.

Всѣми этими преимуществами предоставить въ равной мѣрѣ пользоваться и нижнимъ чинамъ, состоящимъ уже нынѣ на вторичной службѣ, по вступленіи сего: 1) Наградить теперь же серебряными медалями на Аннинской лентѣ, съ надписью: «за усердіе», всѣхъ тѣхъ изъ состоящихъ уже на вторичной службѣ, которые при отказѣ отъ отставки или при вступленіи по

желанію на вторичную службу не получили этой медали. 2) Дать шевроны изъ золотого или серебряннаго галуна тѣмъ нижнимъ чинамъ изъ состоящихъ нынѣ на вторичной службѣ, которые за отказъ отъ отставки или за вступленіе на вторичную службу не получили ни шевроновъ изъ галуна, ни нашивокъ изъ тесьмы, а равно замѣнить шевронами послѣдне-полученныя нашивки тѣмъ, которые, какъ не пользовавшіеся правомъ безсрочнаго отпуска, награждены за вторичную службу лишь нашивками изъ тесьмы. Срокъ же для полученія слѣдующаго за симъ шеврона въ томъ и другомъ случаѣ считать съ 8-го сентября 1859 года, т. е. со дня приобрѣтенія права на первый шевронъ; и 3) Прибавочное жалованье и пенсіи за вторичную службу состоящимъ уже нынѣ на оной назначать: или по дѣйствовавшимъ до настоящаго времени правиламъ, или по установленнымъ нынѣ правиламъ, смотря по тому, что будетъ для нихъ выгоднѣе. Тѣмъ, которые пожелаютъ получить прибавочное жалованье за вторичную службу по новымъ правиламъ, т. е. въ первые три года въ размѣрѣ одного прибавочнаго оклада, трехлѣтній срокъ для полученія слѣдующаго за тѣмъ прибавочнаго оклада и приобрѣтенія права на пенсію, новыми правилами опредѣленную, считать съ 8 сентября 1859 г.; но нижнимъ чинамъ изъ состоящихъ нынѣ на вторичной службѣ, которые, воспользовавшись прибавочнымъ жалованьемъ по новымъ правиламъ, пробудутъ на вторичной службѣ 5 лѣтъ, считая со дня отказа отъ отставки или поступленія изъ отставки вновь на службу, но не выслужать трехлѣтняго срока съ 8 сентября 1859 г. и не приобрѣтутъ поэтому права на пенсію по новымъ правиламъ, назначать пенсіи, которыя слѣдовали бы имъ за выслугу 5-ти-лѣтняго срока по прежнимъ правиламъ.

Съ установленіемъ на изложенныхъ здѣсь основаніяхъ преимуществъ за вторичную службу, соблюдать слѣдующія правила относительно нижнихъ чиновъ, изъявляющихъ желаніе отказаться отъ отставки или поступить изъ отставки вновь на службу:

1) Для оставленія на вторичной службѣ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ сроки на отставку, кромѣ собственнаго ихъ желанія продолжать службу, полагать непремѣннымъ условіемъ и согласіе на то начальства, которое удостоверяло бы тѣмъ самымъ, что отъ объявившаго означенное желаніе можно ожидать дѣйствительной пользы для службы; безъ согласія же начальства не допускать вовсе оставленія на службѣ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ сроки для увольненія въ отставку.

2) Равнымъ образомъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ дозволить поступать на вторичную службу не иначе, какъ съ согласія того начальства, въ вѣдѣніи котораго служить желаютъ. Только въ военное время и, притомъ, если правительство найдетъ нужнымъ сдѣлать общее приглашеніе отставнымъ нижнимъ чинамъ къ поступленію вновь на службу, разрѣшить опредѣляться въ войска всѣмъ безъ исключенія нижнимъ чинамъ, которые изъявятъ желаніе поступить изъ отставки на вторичную службу.

3) Нижнихъ чиновъ, желающихъ изъ отставки поступить на вторичную службу, опредѣлять только въ войска и команды, однородныя съ тѣми, въ которыхъ они служили до увольненія въ отставку, и на этомъ основаніи не допускать опредѣленія служившихъ въ строевыхъ войскахъ въ нестроевыя команды и вообще въ команды, комплектуемыя неспособными нижними чинами, соблюдая это правило и при переводахъ ихъ изъ однихъ частей войскъ въ другія, въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, — и

4) Нижнимъ чинамъ, выслужившимъ установленныя для отставки сроки во время пахожденія въ безсрочномъ отпуску, дозволить отказываться отъ

отставки на общемъ основаніи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не оставались за тѣмъ въ безсрочномъ отпуску, а являлись на дѣйствительную службу, предоставляя имъ и преимущества, за отказъ отъ отставки установленныя, лишь со времени прибытія ихъ изъ безсрочнаго отпуска въ полки и команды.

III. О производствѣ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскихъ званій въ военный офицерскій и классный чинъ.

1. О правѣ на производство въ военный или классный чинъ.

Существующія постановленія о томъ: какіе нижніе чины имѣютъ право на производство на службѣ въ военный чинъ и какіе въ классный чинъ, — оставить въ своей силѣ; но въ отношеніи нижнихъ чиновъ, производство которыхъ допускается условно: въ однихъ случаяхъ въ военный, а въ другихъ въ классный чинъ, — постановить слѣдующія измѣненія въ существующихъ на сей предметъ правилахъ:

а) Фурштатскихъ унтеръ-офицеровъ гвардіи и арміи и фуражмейстеровъ Гвардейской Берейторской школы производить въ военный офицерскій чинъ по примѣру фельдфебелей и вагенмейстеровъ фурштатскихъ командъ, — и

б) Фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ военно-рабочихъ и арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства производить въ военный офицерскій чинъ, если они половину срока, для производства установленнаго, пребыли въ дѣйствительной строевой службѣ въ полевыхъ войскахъ въ строевомъ унтеръ-офицерскомъ званіи, а въ противномъ случаѣ — удостоивать ихъ къ производству въ коллежскіе регистраторы.

Въ отставку же награждать всѣхъ нижнихъ чиновъ, безъ различія: имѣли ли они по мѣстамъ служенія и по званіямъ своимъ право на производство на службѣ въ военный офицерскій или классный чинъ, — лишь только класснымъ чиномъ; но тѣхъ, которые до изданія настоящихъ правилъ пріобрѣли уже полное награжденіе при отставкѣ военнымъ офицерскимъ чиномъ, награждать этимъ чиномъ и при увольненіи отъ службы послѣ 8 сентября 1859 года.

Нижнимъ чинамъ, имѣющимъ право на производство въ военный офицерскій чинъ, зачитать въ выслугу срока, для производства въ этотъ чинъ опредѣленнаго, и время, проведенное ими въ нестроевомъ унтеръ-офицерскомъ званіи или въ званіи строевыхъ музыкантовъ, точно такъ же, какъ строевая унтеръ-офицерская служба принимается въ счетъ выслуги срока, для производства въ классный чинъ опредѣленнаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при производствѣ въ военный офицерскій чинъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ нѣкоторое время въ нестроевомъ унтеръ-офицерскомъ званіи или въ званіи строевыхъ музыкантовъ, полагать непремѣннымъ условіемъ, чтобы они прослужили послѣдніе два года предъ удостоеніемъ къ производству къ дѣйствительной строевой службѣ въ строевомъ унтеръ-офицерскомъ званіи, дающемъ право на производство въ офицеры.

2. О срокахъ выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи для производства:

а) Въ военный офицерскій чинъ.

Кондукторамъ инженернаго корпуса, удостоиваемымъ производства въ полевые инженеры, и топографамъ 1-го класса, удостоиваемымъ производ-

Т. X. Отд. I.

3

ства въ корпусъ топографовъ, сохранить право на производство: первымъ — за выслугу 6-ти, а последнимъ — за выслугу 8-ми лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи.

Для прочихъ же нижнихъ чиновъ, взаимно установленныхъ существующими нынѣ правилами различныхъ сроковъ выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи для приобрѣтенія права на производство, назначить одинаковые для сего сроки, а именно: 10-ти-лѣтній — строевымъ чинамъ гвардіи, пользующимся и нынѣ правомъ на производство за выслугу этого срока, и 12-ти-лѣтній — всѣмъ прочимъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ право на производство въ офицерскій чинъ.

За выслугу этихъ 10-ти и 12-ти-лѣтняго сроковъ производить строевыхъ нижнихъ чиновъ, если пожелають, и въ классный чинъ, а равно награждать этимъ чиномъ въ отставку.

б) Въ классный чинъ.

Нестроевымъ нижнимъ чинамъ, которые, по существующимъ нынѣ правиламъ, производятся въ классный чинъ по выслугѣ 5, 6 и 9 лѣтъ, предоставить право на производство за эти сокращенные сроки и на будущее время, съ тѣмъ, чтобы они были удостоиваемы производства по выслугѣ сихъ сроковъ лишь съ назначеніемъ на соответствующія вакансіи въ мѣстахъ и командахъ, гдѣ на службѣ состоятъ, на точномъ основаніи дѣйствующихъ нынѣ постановленій. Всѣмъ же прочимъ нижнимъ чинамъ назначить срокъ выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи для производства въ классный чинъ общій 12-ти-лѣтній. Удостоиваемыхъ производства за выслугу этого срока производить въ классный чинъ не только въ своихъ мѣстахъ и командахъ, но и съ назначеніемъ во всѣ постороннія мѣста, команды и вѣдомства, при томъ условіи, если будетъ получено уведомленіе о согласіи подлежащаго начальства предоставить нижнему чину, выслужившему установленный для производства срокъ, имѣющуюся вакансію. При чемъ усмотрѣнію уже начальства, въ вѣдѣніи коего состоятъ нижніе чины, предоставить, если оно признаетъ нужнымъ, въ видахъ споспѣшествованія имъ къ присканію должностей, сводиться объ этомъ съ начальствами тѣхъ вѣдомствъ, куда нижніе чины изъявили желаніе поступить на службу съ производствомъ.

За выслугу этого 12-ти-лѣтняго срока, награждать нижнихъ чиновъ класснымъ чиномъ и при увольненіи въ отставку.

3. Объ экзаменахъ при производствѣ.

Нижнихъ чиновъ, удостоиваемыхъ производства въ военный офицерскій чинъ, испытывать въ наукахъ по программамъ, для сего установленнымъ, соответственно тѣмъ войскамъ, куда они съ производствомъ назначаются.

Удостоиваемыхъ же производства въ классный чинъ подвергать испытанію въ наукахъ на слѣдующемъ основаніи: если нижніе чины удостоиваются производства съ оставленіемъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, то ихъ испытывать по специальнымъ программамъ, установленнымъ для тѣхъ должностей, мѣстъ и вѣдомствъ, въ которыя они изъявили желаніе поступить и на принятіе ихъ въ которыя послѣдовало согласіе подлежащаго начальства; если же они изъявили желаніе по производствѣ поступить на службу въ гражданское вѣдомство, то подвергать ихъ испытанію, опредѣ-

ленному для канцелярскихъ и другихъ нижнихъ служителей и неклассныхъ должностныхъ лицъ гражданского вѣдомства.

Примѣчаніе 1-е. Писарей департаментовъ военного министерства и другихъ высшихъ управленій, въ которыхъ писарямъ предоставлено было право на производство за отличіе по выслугѣ 12-ти-лѣтняго срока, при удостоеніи на будущее время къ производству за выслугу 12-ти лѣтъ подвергать экзамену не по той программѣ, по которой они испытывались при производствѣ за отличіе, а по программѣ, установленной для производства ихъ за выслугу установленнаго срока.

Примѣчаніе 2-е. Испытаніе жандармскихъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ, поступающихъ въ станціонные смотрители, оставить на правилахъ, установленныхъ для производства станціонныхъ смотрителей изъ нижнихъ званій почтоваго вѣдомства.

Испытаніе нижнихъ чиновъ, производимыхъ въ классный чинъ съ оставленіемъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, производить на основаніи существующихъ нынѣ правилъ въ тѣхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, въ вѣдомство коихъ ниже чины съ производствомъ предназначаются на службу, и въ случаѣ невыдержанія ими установленнаго для производства экзамена — оставлять ихъ на службѣ въ этихъ мѣстахъ въ нижнемъ званіи, если не пожелаютъ выйти въ отставку по приобрѣтенію на оную права.

Практическое испытаніе для нижнихъ чиновъ, поступающихъ на службу въ артиллерійскіе и нижемерные чиновники, а также въ провіантскій и комиссаріатскій штатъ, оставить на существующихъ нынѣ основаніяхъ.

Если нижній чинъ, предназначенный къ производству въ какое либо вѣдомство, выдержитъ установленный для сего экзаменъ, но до производства въ этомъ вѣдомствѣ пожелаетъ перейти на службу въ другое вѣдомство, гдѣ будетъ для него вакансія, на которую начальство согласится принять его, то обязывать его держать дополнительный экзаменъ въ тѣхъ специальныхъ познаніяхъ, которыя требуются по программѣ въ этомъ вѣдомствѣ, подобно тому, какъ подвергаются дополнительному испытанію при производствѣ съ оставленіемъ на службѣ во военному вѣдомству нижніе чины, имѣющие аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ уѣздныхъ или равныхъ имъ училищахъ. Этому же правилу подчинять при производствѣ съ назначеніемъ на службу въ постороннія мѣста и команды тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые освобождены отъ испытанія въ наукахъ при производствѣ на должности въ своемъ вѣдомствѣ.

Произведенныхъ въ классный чинъ по выдержаніи испытанія по специальнымъ программамъ, установленнымъ для военного вѣдомства, не обязывать никакимъ срокомъ выслуги въ ономъ, а дозволить имъ выходить во всякое время въ отставку на одинаковомъ основаніи со всѣми прочими гражданскими чиновниками военного вѣдомства, или переходить въ гражданскія вѣдомства, по выдержаніи въ семъ послѣднемъ случаѣ испытанія, установленнаго для канцелярскихъ служителей гражданского вѣдомства.

При награжденіи чинами въ отставку нижнихъ чиновъ, выслужившихъ опредѣленные для сего сроки въ унтеръ-офицерскомъ званіи, испытывать ихъ въ наукахъ и программѣ установленной для испытанія канцелярскихъ служителей гражданского вѣдомства, и только тѣхъ, которые выдержатъ экзаменъ по этой программѣ, награждать въ отставку класснымъ чиномъ, а прочихъ увольнять отъ службы прежними унтеръ-офицерскими званіями; но нижнимъ чинамъ, приобрѣтшимъ уже до изданія настоящихъ правилъ полное право на награжденіе въ отставку офицерскимъ или класснымъ чи-

номъ, сохранить право на получение этихъ чиновъ и при увольнении отъ службы послѣ 8 сентября 1859 года, не подвергалъ ихъ экзамену по программѣ, установленной для испытанія канцелярскихъ служителей гражданского вѣдомства.

Прилѣчаніе. Отъ экзамена по этой программѣ, какъ при увольнении въ отставку съ награжденіемъ класснымъ чиномъ, такъ и при производствѣ на службу въ гражданское вѣдомство освобождать всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые имѣютъ аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, равныхъ по крайней мѣрѣ уѣздному училищу, или представлять свидѣтельства объ удовлетворительномъ изученіи всѣхъ предметовъ, заключающихся въ упомянутой программѣ.

4. О старшинствѣ, отдаваемомъ при производствѣ.

Нижнимъ чинамъ, производимымъ въ военный офицерскій и классный чинъ, отдавать старшинство со дня Высочайшаго приказа о производствѣ. Исключеніе изъ сего допустить только:

а) Для тѣхъ изъ удостоиваемыхъ производства въ военный офицерскій чинъ, которые по приобрѣтеніи полного права на производство выслугою срока и выдержаніемъ установленнаго экзамена въ наукахъ прикомандировываются къ войскамъ для предварительнаго узнанія того рода службы, куда предназначаются къ производству. Имъ отдавать старшинство въ сравненіе съ сверстниками, одновременно съ ними представленными къ производству безъ прикомандированія къ упомянутымъ войскамъ, а если нѣтъ такихъ сверстниковъ, то со дня самаго прикомандированія, — и

б) Для тѣхъ изъ производимыхъ въ классный чинъ, которые равномѣрно по приобрѣтеніи уже полного права на производство поступаютъ на практическое испытаніе съ назначеніемъ для исправленія должностей артиллерійскихъ и инженерныхъ чиновниковъ, въ которыхъ потомъ и утверждаются при производствѣ. Имъ отдавать старшинство со дня поступленія на практическое испытаніе съ назначеніемъ для исправленія должностей артиллерійскихъ и инженерныхъ чиновниковъ.

Но всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые по дѣйствовавшемъ до сего времени узаконеніямъ, бывъ представлены уже къ производству, имѣли право на большее старшинство въ чинъ противу слѣдующаго имъ на основаніи настоящихъ правилъ, отдавать это старшинство и при производствѣ ихъ послѣ 8 сентября 1859 года.

5. О вакансіяхъ для производства въ чины.

Нижнихъ чиновъ по выслугѣ установленнаго срока и по выдержаніи экзамена производить въ военный офицерскій или классный чинъ не иначе, какъ на вакансіи. Исключеніе изъ сего допустить только для удостоиваемыхъ производства въ полевые инженеры и въ корпусъ топографовъ. Ихъ производить въ офицеры, хотя бы и не было вакансій.

Въ случаѣ неимѣнія вакансій, нижнимъ чинамъ, выслужившимъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи установленные для производства въ офицерскій или классный чинъ 10-ти и 12-ти-лѣтніи сроки и выдержавшимъ экзаменъ предоставить:

а) Или выйти въ отставку, если даже и не исполнился общій для отставки срокъ службы; но при отставкѣ награждать класснымъ чиномъ только

тѣхъ изъ нихъ, которые на точномъ основаніи правилъ, постановленныхъ объ экзаменахъ при награжденіи въ отставку чиномъ, будутъ имѣть на то право, прочихъ же увольнять отъ службы прежнимъ унтеръ-офицерскимъ званіемъ.

б) Или остаться на службѣ въ прежнемъ унтеръ-офицерскомъ званіи.

Нижнихъ чиновъ, которые, выслуживъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи срокъ, установленный для производства, и выдержавъ экзаменъ, останутся на службѣ въ прежнемъ унтеръ-офицерскомъ званіи, не зачислятъ въ кандидаты и, не присвоивая имъ наименованія кандидатовъ, предоставлять слѣдующія преимущества: 1) право ношенія серебрянаго темляка: строевымъ — всѣмъ, а изъ нестроевыхъ — только тѣмъ, которымъ по формѣ обмундированія присвоено носить холодное оружіе; 2) право освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія по суду и безъ суда; 3) право быть произведенными въ военный офицерскій чинъ, когда потребуется замѣстить офицерскія вакансіи производствомъ служащихъ на общемъ срокѣ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскихъ званій, если, притомъ, будутъ удостоены къ тому начальствомъ, и въ классный чинъ, когда будетъ для производства соотвѣтствующая вакансія, на которую подлежащее начальство удостоитъ ихъ къ назначенію, — и 4) право выхода въ отставку во всякое время съ награжденіемъ класснымъ чиномъ или безъ оного, смотря по тому: выдержатъ или не выдержатъ экзаменъ по программѣ, установленной для испытанія канцелярскихъ служителей гражданскаго вѣдомства. Всѣхъ этихъ преимуществъ лишать не иначе, какъ по приговору суда, установленнымъ порядкомъ утвержденному.

Если эти нижніе чины выслужатъ и сроки, для отставки установленные, то предоставить имъ пользоваться преимуществами за вторичную службу на общемъ основаніи.

Строевымъ же музыкантамъ, удостоеннымъ по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи установленнаго срока и по выдержаніи экзамена къ назначенію въ чиновники обученія музыки или въ корпусные капельмейстеры, если за неимѣніемъ вакансій для производства останутся музыкантами, сверхъ предоставленія упомянутыхъ выше правъ и преимуществъ, производить жалованье, одинаковое съ отказавшимися отъ производства, и по выслугѣ ими послѣ того въ званіи музыкантовъ 5 лѣтъ обращать это жалованье при отставкѣ въ пенсію независимо отъ награжденія класснымъ чиномъ, если приобретутъ на оный право выдержаніемъ установленнаго экзамена.

Примѣчаніе. Этимъ музыкантамъ, если они выслужатъ и общіе сроки, для отставки опредѣленные, жалованья и пенсій, за вторичную службу установленныхъ, уже не производить, за предоставленіемъ имъ права пользоваться особымъ содержаніемъ на службѣ и пенсіями въ отставкѣ.

Нижнимъ чинамъ, которые зачислены уже въ кандидаты или приобрѣли право на это зачисленіе до 8 сентября 1859 года, сохранить самое наименованіе кандидатовъ и преимущества, присвоенныя этому званію. Независимо отъ сего, предоставить имъ по выслугѣ общаго обязательнаго для отставки срока воспользоваться, если пожелаютъ, прибавочнымъ жалованьемъ и пенсіями, за вторичную службу установленными, взаменъ того прибавочнаго жалованья или пенсій, на которыя они теперь имѣютъ право. Но въ этомъ случаѣ тѣмъ изъ нихъ, которымъ выслуга обязательнаго для отставки срока исполнилась уже прежде, вторичную службу ко всѣмъ преимуществамъ, за оную установленнымъ, зачитать лишь съ 8 сентября 1859 года, и назна-

чать имъ эти преимущества на томъ самомъ основаніи, какъ если бы они въ этотъ день отказались отъ отставки или поступили изъ отставки на вторичную службу.

6. О преимуществахъ за отказъ отъ производства въ военный офицерскій или классный чинъ.

Нижнимъ чинамъ, приобрѣтшимъ право на производство въ военный офицерскій или классный чинъ за выслугу въ унтеръ-офицерскомъ званіи 10 или 12-ти-лѣтняго срока, по выдержаніи установленнаго для сего экзамена, если откажутся отъ производства какъ въ офицерскій, такъ и въ классный чинъ, предоставлять слѣдующія преимущества:

1) Жаловать имъ серебряный темлякъ; но изъ нестроевыхъ право на получение этого темляка предоставить только тѣмъ, которымъ по формѣ обмундированія присвоено носить холодное оружіе.

Примѣчаніе. На этомъ же самомъ основаніи, наградить серебрянымъ темлякомъ тѣхъ изъ нестроевыхъ чиновъ, которые, отказавшись отъ производства прежде 8 сентября 1859 г., нынѣ состоятъ на службѣ или изъ отставки поступать на службу впоследствии.

2) Награждать ихъ золотымъ или серебрянымъ по цвѣту пуговицъ шеврономъ изъ галуна, и чрезъ каждые 3 года послѣ того давать по одному такому шеврону. По выслугѣ же общаго обязательнаго для отставки срока награждать ихъ и медалями, за вторичную службу установленными, на общемъ основаніи.

3) Освобождать ихъ отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда и по суду.

4) Производить имъ на службѣ жалованье по 100 р. с. въ годъ.

Примѣчаніе. Нижнимъ чинамъ, имѣющимъ право на получение жалованья по усиленнымъ окладамъ, производить жалованье за отказъ отъ производства въ количествѣ 150 р. с. въ годъ.

5) По выслугѣ ими послѣ того 5 лѣтъ обращать это жалованье (100 р.) въ пенсію при отставкѣ, безъ различія: въ какихъ бы войскахъ, командахъ и званіяхъ нижніе чины ни прослужили этотъ срокъ.

6) Предоставлять имъ выходить въ отставку когда пожелаютъ, — и

7) Всѣхъ преимуществъ этихъ лишать ихъ не иначе, какъ по приговору суда, установленнымъ порядкомъ утвержденному.

Что касается до нижнихъ чиновъ, которые до 8 сентября 1859 года отказались уже отъ производства въ офицерскій или классный чинъ и пользуются установленными за это преимуществами или приобрѣли право на эти преимущества, а равно нижнихъ чиновъ изъ числа отказавшихся въ прежнее время отъ производства, которые, находясь нынѣ въ отставкѣ, поступятъ впоследствии на службу, то въ отношеніи производства имъ жалованья на службѣ и назначенія пенсій въ отставкѣ постановить слѣдующія правила:

1) Тѣмъ, которые по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ имѣютъ право на получение жалованья въ размѣрѣ, превышающемъ 100 р., а по усиленнымъ окладамъ — 150 р., производить прежнее жалованье и на будущее время.

2) Имѣвшимъ до сего времени право на получение низшихъ противу этого окладовъ производить съ 8 сентября 1858 г. жалованье за отказъ отъ производства въ количествѣ 100 р., а по усиленнымъ окладамъ — въ количествѣ 150 р. с., — и

3) Пенсіи въ отставку назначать: имѣющимъ право по существующимъ нынѣ постановленіямъ на пенсіи въ размѣрѣ, превышающемъ 100 р., — по прежнимъ окладамъ, а тѣмъ, для коихъ существующіе нынѣ оклады пенсій менѣе 100 р., опредѣлять пенсіи на слѣдующемъ основаніи: если они прослужили 5 лѣтъ послѣ 8 сентября 1859 г., то изъ оклада 100 р., а прослужившимъ 5-ти-лѣтній срокъ со дня отказа отъ производства, но не выслужившимъ этого срока послѣ 8 сентября 1859 г. — изъ прежнихъ окладовъ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые отказались или откажутся отъ производства съ правомъ на полученіе за это особаго оклада жалованья на службѣ и пенсій въ отставку, не назначать уже по выслугѣ ими общаго срока, для отставки опредѣленнаго, прибавочнаго жалованья и пенсій, за вторичную службу установленныхъ. Изъятіе изъ этого правила сохранить для тѣхъ нижнихъ чиновъ III округа Корпуса Жандармовъ, которые по дѣйствующимъ нынѣ постановленіямъ выслугою установленныхъ сроковъ приобрѣли уже до 8 сентября 1859 г. право на полученіе жалованья какъ за отказъ отъ производства, такъ и за отказъ отъ отставки.

Отставнымъ нижнимъ чинамъ, получавшимъ до увольненія отъ службы жалованье за отказъ отъ производства, дозволить опредѣляться вновь на службу на существующемъ нынѣ основаніи только въ войска и команды, однородныя съ тѣми, изъ коихъ они уволены, и, притомъ, не иначе, какъ въ тотъ самый родъ оружія, въ которомъ служили. Условіе это соблюдать и при переводахъ ихъ изъ однихъ частей въ другія, въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ.

Что касается до предоставленнаго нижнимъ чинамъ, выслужившимъ сроки для производства и умѣющимъ читать и писать, права отказываться отъ производства до выдержанія установленнаго для производства экзамена, то на будущее время отиѣнить вовсе подобный отказъ отъ производства до приобретенія на оное права выдержаніемъ экзамена. Согласно сему, нижнимъ чинамъ, которые выслужили въ унтеръ-офицерскомъ званіи установленные для производства сроки, но умѣютъ только читать и писать, не назначать никакихъ за это преимуществъ, кромѣ того, которыя будутъ слѣдовать имъ на общемъ основаніи за вторичную службу по выслугѣ опредѣленнаго для отставки срока. Но тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые приобрѣли уже до 8 сентября 1859 года право на преимущества за подобный отказъ отъ производства, сохранить эти преимущества на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на коихъ они установлены существующими узаконеніями. Въмѣстѣ съ тѣмъ, предоставить имъ получать шевроны послѣ отказа отъ производства не чрезъ каждыя 5 лѣтъ, какъ нынѣ установлено, а чрезъ каждые 3 года; медалями же за вторичную службу по выслугѣ общаго для отставки срока награждать ихъ наравнѣ со всѣми прочими нижними чинами.

IV. О прибавочномъ жалованьи за выслугу въ унтеръ-офицерскомъ званіи опредѣленныхъ сроковъ.

За предоставленіемъ всѣмъ нижнимъ чинамъ права на производство въ военный офицерскій или классный чинъ по выслугѣ 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи и за сокращеніемъ сроковъ обязательной для отставки службы, не назначать на будущее время никакихъ прибавочныхъ окладовъ

жалованья собственно за выслугу въ унтеръ-офицерскомъ званіи 12 и 18-лѣтняго срока.

Нижнимъ же чинамъ, которые до изданія настоящихъ правилъ приобрѣли право на полученіе двойнаго жалованья за выслугу 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, производить это жалованье и впредь на все время обязательной ихъ службы. Но по выслугѣ ими общаго срока, для отставки опредѣленнаго, прекращать производство этого двойнаго жалованья, а взамѣнъ сего предоставить имъ пользоваться преимуществами, за вторичную службу опредѣленными, на общемъ основаніи, если пожелаютъ продолжать службу. Музыкантамъ же, которые до 8 сентября 1859 года приобрѣли право на получение 4 окладовъ жалованья за выслугу 18 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, производить оное на будущее время и въ продолженіе вторичной ихъ службы, вмѣсто того содержанія, которое причиталось бы за эту службу. Производство этихъ 4 окладовъ не прекращать имъ впредь до того времени, когда выслугою опредѣленнаго числа лѣтъ на вторичной службѣ не приобретутъ права на полученіе большаго содержанія, собственно за эту службу жалуемаго.

Всѣмъ этимъ нижнимъ чинамъ, получающимъ нынѣ прибавочное жалованье за выслугу въ унтеръ-офицерскомъ званіи 12 и 18 лѣтъ, если выслуга обязательнаго для отставки срока исполнилась имъ до 8 сентября 1859 года, зачитать вторичную службу къ полученію прибавочныхъ окладовъ жалованья и пенсій, за оную установленныхъ, только съ 8 сентября 1859 года.

V. О НАШИВКАХЪ ИЗЪ ТЕСЬМЫ, ЗА БЕЗПОРОЧНУЮ СЛУЖБУ УСТАВЛЕННЫХЪ.

Право на полученіе нашивокъ изъ тесьмы, за безпорочную службу установленныхъ, предоставить всѣмъ безъ исключенія нижнимъ чинамъ, въ какихъ бы они войскахъ, командахъ и званіяхъ ни состояли. Вмѣстѣ съ симъ, зачесть нижнимъ чинамъ, нынѣ состоящимъ въ службѣ, время, проведенное ими въ званіяхъ, въ которыхъ не предоставлено было получать нашивокъ въ выслугу срока, для награжденія нашивками опредѣленнаго, и на этомъ основаніи всѣхъ ихъ наградить нашивками по числу безпорочно прослуженныхъ ими лѣтъ.

Нашивки изъ тесьмы за безпорочную службу жаловать: обязаннымъ 15-лѣтнимъ срокомъ службы — по выслугѣ 10 лѣтъ, обязаннымъ 20-лѣтнимъ срокомъ — по выслугѣ 10 и 15 лѣтъ, а тѣхъ, которые выслугою установленнаго срока до 8 сентября 1859 года приобрѣли право на полученіе нашивки и за 20 лѣтъ службы, — награждать нашивками и за этотъ срокъ.

VI. О НАГРАЖДЕНІИ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ, СОСТОЯЩИХЪ НЫНѢ ВЪ СЛУЖБѢ, ПРИ УВОЛЬНЕНІИ ВЪ ОСТАВКУ ЗА ВЫСЛУГУ 22 ИЛИ 25-ЛѢТНЯГО СРОКА, ПЕНСИЯМИ, ШЕВРОНАМИ И УНТЕРЪ-ОФИЦЕРСКИМЪ ЗВАНІЕМЪ.

За сокращеніемъ срокъ обязательной службы нижнихъ чиновъ не назначать имъ въ отставку никакихъ другихъ наградъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены выше сего въ статьяхъ о преимуществахъ за вторичную службу и о производствѣ въ чины. Нижнимъ же чинамъ, которымъ по дѣйствующимъ нынѣ постановленіямъ присвоено право на полученіе особыхъ преимуществъ при увольненіи въ отставку за выслугу 22 или 25-лѣтняго

срока, предоставить воспользоваться этими преимуществами и по изданіи настоящихъ правилъ, на нижеслѣдующемъ основаніи:

1) Пенсіи въ отставку назначать тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые по дѣйствующимъ нынѣ постановленіямъ, имѣя право на пенсіи при увольненіи въ отставку за выслугу 22 и 25-лѣтняго срока, выслужили эти сроки до 8 сентября 1859 года, или которые найдутъ для себя выгоду дослужить оныя и послѣ сего времени, чѣмъ воспользоваться пенсіями, которыми слѣдовали бы имъ на общемъ основаніи за вторичную службу, — и

2) Шевронами и унтеръ-офицерскимъ званіемъ награждать нижнихъ чиновъ, которые, имѣя право на полученіе этихъ наградъ при увольненіи въ отставку за выслугу 22 и 25-лѣтняго срока, выслужили или выслужать эти сроки до 1 января 1860 года.

Считая для себя за счастье объявить по войскамъ о новой милости, которую Государь Императоръ, въ отеческой заботливости и постоянномъ о нихъ попеченіи, изволилъ даровать нижнимъ чинамъ чрезъ сокращеніе сроковъ обязательной до отставки службы, прилагаю при этомъ копію съ указа Правительствующаго Сената, въ коемъ обнародованъ состоявшійся по сему предмету Высочайшій указъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаю извѣстнымъ по военному вѣдомству, къ надлежащему исполненію и руководству, о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, въ настоящемъ приказѣ моемъ изложенномъ, относительно уравнинія служебныхъ правъ и преимуществъ нижнихъ чиновъ.

8 сентября, № 226.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Нижнихъ чиновъ, пользующихся въ службѣ особыми правами по происхожденію, награждать въ отставку класснымъ чиномъ на одинаковомъ основаніи съ нижними чинами, служащими на общемъ срокѣ, въ такомъ только случаѣ, когда они, независимо отъ выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи сроковъ, по происхожденію для сего опредѣленныхъ, выдержать экзаменъ по программѣ, установленной для испытанія канцелярскихъ служителей гражданскаго вѣдомства, освобождая отъ сего экзамена: а) тѣхъ, которые окончили курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, равныхъ по крайней мѣрѣ уѣздному училищу, или представить свидѣтельства объ удовлетворительномъ изученіи всѣхъ предметовъ, заключающихся въ означенной программѣ, — и б) тѣхъ, которые при вступленіи на службу держали экзаменъ по программѣ, Высочайше утвержденной 6 мая 1844 года для приема въ военную службу дворянъ и вольноопредѣляющихся.

2) Правила, въ предъидущемъ пунктѣ постановленнаго, не распространять на нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, которые ранены въ дѣлахъ противъ непріятеля. Ихъ для пріобрѣтенія права на полученіе въ отставку офицерскаго или класснаго чина вовсе не обязывать держать экзамена въ наукахъ, — и

3) Всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые до 8 сентября 1859 года пріобрѣли уже полное право на награжденіе въ отставку класснымъ чиномъ, предоставить получать этотъ чинъ и при увольненіи отъ службы послѣ этого времени, не подвергая ихъ экзамену въ наукахъ по программѣ, установленной для испытанія канцелярскихъ служителей гражданскаго вѣдомства.

9 сентября, № 227.

Въ указѣ Правительствующаго Сената, опубликованномъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 28 минувшаго іюля, за № 60, сказано, что Государь Императоръ, въ 22 день мая текущаго года, Высочайше соизволилъ утвердить воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей статута ордена Св. Равноапостольнаго князя Владимира.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи объявляется по военному вѣдомству.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената.

Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей статута ордена Св. Равноапостольнаго князя Владимира.

15-го іюля.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ предложеніе г. министра юстиціи, статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера, графа Виктора Никитича Панина, отъ 27 іюня 1859 года, за № 3,780, при коемъ предлагаетъ Правительствующему Сенату Высочайше утвержденное, 22 мая сего года, мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей статута ордена Св. Равноапостольнаго князя Владимира, слѣдующаго содержанія: Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе канцлера руссійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ о правилахъ удостоенія къ ордену Св. Равноапостольнаго князя Владимира за выслугу лѣтъ, мнѣніемъ положилъ: въ измѣненіе подлежащихъ статей статута ордена Св. Равноапостольнаго князя Владимира (Св. Зак. Т. I, изд. 1857 года) постановить слѣдующія правила: 1) Права на полученіе ордена Св. Владимира за выслугу лѣтъ лишаются: а) Всѣ тѣ, кой были, по разнымъ случаямъ, подъ судомъ или слѣдствіемъ не только по службѣ, но и по дѣламъ постороннимъ, и по рѣшеніямъ суда полнаго оправданія въ поступкахъ своихъ не получили. б) Бывшіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, и хотя не наказанные или неоштрафованные по недостатку доводовъ къ обвиненію, но оставленные въ подозрѣніи. в) Бывшіе подъ судомъ, но прощенные Всемилостивѣйшими манифестами. Примѣчаніе. По силѣ сего пункта, лишаются права на полученіе ордена Св. Владимира за выслугу лѣтъ лишь тѣ изъ прощенныхъ Всемилостивѣйшими манифестами, кои ихъ сѣи манифесты застали состоящими уже подъ судомъ, и кои ихъ бытность подъ судомъ и прощеніе значатся въ послужныхъ спискахъ, на основаніи устава о службѣ гражданской (Св. Зак. Т. III, ст. 1,422); на тѣхъ тѣхъ же чиновниковъ, кои прежде отсылки дѣла къ судебному рассмотрѣнію прощены по Всемилостивѣйшему манифесту, сей пунктъ не распространяется. г) Всѣ тѣ, изъ бывшихъ подъ судомъ и присужденныхъ къ какому либо наказанію или взысканію, или подвергшихся штрафамъ, у кои ихъ бытность подъ судомъ и сдѣланныя имъ замѣчанія или другія взысканія и наказанія показаны въ послужныхъ спискахъ въ штрафной графѣ (XI), или въ графѣ о прохожденіи службы (VII), и д) Всѣ тѣ, кой, по формулярнымъ спискамъ, въ теченіе своей службы, въ чемъ либо были не аттестованы, равно тѣ, кои подверглись нижеслѣдующимъ случаямъ въ штрафъ, а именно: были удалены отъ должностей, переимѣнены изъ высшей должности на низшую и

уволены изъ мѣста службы, безъ означенія причинъ и порядка увольненія.

2) Изъ лицъ, бывшихъ подъ судомъ и подвергшихся наказаніямъ, взысканіямъ и штрафамъ, не лишаются права на полученіе ордена Св. Владиміра за выслугу лѣтъ: а) Тѣ, кои по суду или слѣдствію получили полное оправданіе въ своихъ проступкахъ. б) Тѣ, коихъ оштрафованія, наказанія и взысканія вовсе не подлежатъ, по закону, внесенію въ послужные (формулярные) списки, и в) Лица, удаленныя отъ должностей, перемѣщенные съ высшей должности на низшую, уволенные изъ мѣста службы, безъ означенія причинъ и порядка увольненія и вообще неаттестованныя въ чемъ либо по формуляру, если будетъ доказано, что означенныя лица подверглись этимъ случаямъ по недостатку познаній или способностей, но со стороны усердія къ службѣ и благопріятія имѣютъ одобрительныя засвидѣтельствованія.

3) Если послѣдуетъ Всемилостивѣйшее соизволеніе, чтобы кому либо изъ лицъ, подвергшихся штрафу, не считать оного препятствіемъ къ полученію награды, за безпорочную службу установленныхъ, то не относить сего Монаршаго соизволенія къ награжденію орденомъ Св. Владиміра за выслугу лѣтъ, къ коему представлять не иначе, какъ на точномъ основаніи сихъ правилъ.

4) Не могутъ быть представляемы къ ордену Св. Владиміра за выслугу лѣтъ: а) Состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ, и коихъ дѣйствія, по прикосновенности къ слѣдственнымъ и уголовнымъ дѣламъ, подлежатъ совокупному съ оными разсмотрѣнію, дотогѣ, пока не будутъ совершенно оправданы, и б) Тѣ, которые хотя и не состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, но дѣйствія коихъ, до службы относящіяся, по какимъ либо обстоятельствамъ, находятся въ разсмотрѣніи высшаго начальства до окончательнаго о нихъ рѣшенія.

5) Если бы, по отправленіи въ капитулъ формуляровъ и представленій о лицахъ, удостоиваемыхъ къ ордену Св. Владиміра за выслугу лѣтъ, послѣдовали какія либо перемѣны въ ихъ чинахъ и должностяхъ, или встрѣтились съ ними такія обстоятельства, которыя препятствуютъ ихъ удостоенію, въ такомъ случаѣ каждое начальство обязано увѣдомить о томъ немедленно капитулъ орденовъ, такъ, чтобы капитулъ могъ имѣть сіе въ виду прежде наступленія сроковъ, назначенныхъ для ежегодныхъ собраній кавалерской думы ордена Св. Владиміра.

6) Лица, кои до дня утвержденія настоящихъ правилъ выслужили уже установленные сроки и приобрѣли право на орденъ Св. Владиміра за выслугу лѣтъ на основаніи прежнихъ правилъ, равно какъ и лица, коимъ штрафы Всемилостивѣйше прощены прежде 13 ноября 1849 года (ст. 497 Учр. Орд., Св. Зак. Т. I, изд. 1857 года), сохраняютъ право на полученіе ордена Св. Владиміра за такую выслугу на прежнемъ основаніи, безъ примѣненія къ нимъ настоящихъ правилъ.

7) Состоящимъ въ службѣ и принявшимъ на подданство Россіи присягу иностранцамъ зачитается въ дѣйствительную службу къ награждѣ орденомъ Св. Владиміра за выслугу опредѣленныхъ сроковъ вся служба въ классныхъ чинахъ, какъ до принятія присяги, такъ и послѣ того продолжавшаяся; не присягнувшіе же на подданство Россіи иностранцы права на сей орденъ не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ, каждому иностранцу, присягнувшему на подданство Россіи, въ выслугу на полученіе ордена Св. Владиміра за опредѣленные сроки зачитается одна только дѣйствительная коронная служба его Россійскому государству въ классныхъ чинахъ или званіяхъ; служба же его при разныхъ мѣстахъ и заведеніяхъ по найму, хотя бы по найму отъ правительства, изъ дѣйствительной выслуги вычитается.

8) Служба чиновъ для удостоенія къ награждѣ орденомъ Св. Владиміра за выслугу лѣтъ нечислится

въ Кавалерской думѣ по день сдѣланнаго о каждомъ отъ главнаго начальства представленія.

Такое мнѣніе Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель Государственнаго Совѣта *князь Орловъ*.

19-го сентября, № 237.

Государь Императоръ, въ послѣдствіе приказа по военному вѣдомству отъ 4-го іюня текущаго года, № 133, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Дозволить увольнять, по просьбамъ, изъ войскъ 1-го, 2-го, 3-го и 5-го армейскихъ корпусовъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ продолжительные, свыше 4 мѣсяцевъ, отпуска, распространяя это какъ на генераловъ, такъ на штабъ и оберъ-офицеровъ штабовъ и управленій 1-й арміи и 5-го корпуса, на общемъ основаніи.

2) По войскамъ 1-го, 2-го, 3-го и 5-го армейскихъ корпусовъ, также по другимъ командамъ, комплектуемымъ противу штатовъ военного времени, на основаніи росписи № 3-го безсрочно-отпускными нижними чинами, равно по войскамъ Кавказской арміи, не производить увольненія нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ, впредь до особаго повелѣнія.

3) По всѣмъ прочимъ затѣмъ войскамъ, именно: гвардіи, гренадеръ и арміи, допустить увольненіе въ безсрочный отпускъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ по закону право за выслугу опредѣленныхъ сроковъ по 1-е января 1860 года, по полученіи сего приказа и по окончаніи въ войскахъ сборовъ.

4) Равно произвести увольненіе въ безсрочный отпускъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ по закону право за выслугу положенныхъ лѣтъ по 1-е января 1860 года, по отдѣльнымъ корпусамъ: Оренбургскому и Сибирскому, по войскамъ, въ Восточной Сибири и Финляндіи расположеннымъ, по корпусу внутренней стражи, по корпусу жандармовъ, по крѣпостной и гарнизонной артиллеріи и вообще по внутреннимъ: артиллерійскому и инженерному вѣдомствамъ, также по всѣмъ прочимъ командамъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ.

29-го сентября, № 241.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить прилагаемыя при семъ новыя формы для билетовъ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ отпуска, съ причисленіемъ къ резервнымъ войскамъ, вмѣсто прежнихъ для этого формъ, приложенныхъ къ правиламъ 15-го мая 1856 года, и именно:

На красной бумагѣ, для увольняемыхъ въ безсрочный отпускъ:

Подъ № 1-мъ—уроженцевъ имперіи;

Подъ № 2-мъ—уроженцевъ царства Польскаго.

На желтой бумагѣ, для увольняемыхъ во временной отпускъ:

Подъ № 3-мъ—уроженцевъ имперіи;

Подъ № 4-мъ—уроженцевъ царства Польскаго.

Объявляю объ этомъ по военному вѣдомству для надлежащей извѣстности и руководства, присовокупляя:

а) Билеты на безсрочный и временной отпуска нижнимъ чинамъ должны быть выдаваемы впредь по новымъ формамъ; выданные же до настоящаго времени по прежнимъ формамъ билеты, находящимся въ таковыхъ отпускахъ нижнимъ чинамъ, должны оставаться безъ перемѣны.

б) Дабы въ войскахъ своевременно дѣлались распоряженія по увольненію нижнихъ чиновъ въ отпуска, безъ всякой въ томъ остановки, командиры

полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей, на основаніи примѣч. къ 1,241 ст., 2-й части I кн. Св. Воен. Постановленій, обязываются представлять въ инспекторскій департаментъ временно одинъ разъ въ годъ, и именно къ 1-му мал., самыя вѣрныя свѣдѣнія о числѣ печатныхъ бланковъ, билетовъ и другихъ письменныхъ свѣдѣній, необходимыхъ при увольненіи нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ, для высылки этихъ бланковъ изъ инспекторскаго департамента.

БИЛЕТЪ (*).

(На безсрочный отпускъ для уроженцевъ имперіи).

Объявитель сего, служащій въ Московскомъ пѣхотномъ полку, рядовой *Михайло Осиповъ сынъ Петровъ*.

Имѣеть: знакъ отличія военнаго ордена подъ № 76,874, и серебряныя медали: за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи 1849 года и за защиту Севастополя, также бронзовую свѣтлую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, и на лѣвомъ рукавѣ изъ желтой тесьмы нашивки въ два ряда за 15-лѣтнюю безпорочную службу.

Въ службу вступилъ, какъ видно изъ формулярнаго списка, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, села Кольцова, 15 декабря 1844 года, въ такой-то полкъ (**).

Жалованья получалъ по 2 руб. 70 коп. сер. въ годъ.

Отъ роду ему нынѣ 42 года; вѣроисповѣданія православнаго; примѣтами: росту 2 арш. 6 $\frac{1}{2}$, вершк., лице продолговатое, носъ умѣренный, волосы на головѣ и бровяхъ черные, глаза сѣрые.

У него жена Анна, Иванова дочь; вѣроисповѣданія православнаго. Имѣеть дѣтей, прижитыхъ во время состоянія на службѣ, сыновей: Степана — 10 и Семена — 7 лѣтъ.

Дѣти рядоваго Петрова подчиняются всѣмъ тѣмъ законоположеніямъ и правиламъ, которые изданы для солдатскихъ дѣтей вообще.

Нынѣ рядовой *Петровъ*, по служенію въ такой-то ротѣ такого-то батальона и полка, за безпорочную выслугу установленныхъ столькихъ-то лѣтъ, на основаніи законовъ, увольняется въ безсрочный отпускъ на родину, Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, въ село Кольцово.

При увольненіи онъ снабженъ: полукафтаномъ срока 1857 года, зимними павтафонами срока 1857 года, шинелью по сроку 1857 года и годовыми вещами по положенію.

Во время отпуска можетъ онъ заниматься земледѣліемъ, мастерствомъ всякаго рода или торговою промышленностію, на существующихъ правилахъ и на общемъ основаніи съ тѣми обывателями, среди коихъ водво-

(*) Билетъ сей выдается на красной бумагѣ.

(**) Если кто участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, то въ билетахъ не премѣнно объяснять, послѣ времени вступленія въ службу: «За участіе въ оборонѣ Севастополя въ теченіе такого-то времени прибавлено столько-то лѣтъ и мѣсяцевъ къ общей службѣ».

рится; также можетъ опредѣляться къ разнымъ должностямъ вообще, какъ на казенныя, такъ и на частныя мѣста, изыскивая тѣмъ способы къ своему содержанию, при тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты, или впредь будутъ принимаемы правительствомъ, для доставленія осѣдлости безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ въ военную службу какъ изъ государственныхъ крестьянъ, такъ изъ городскихъ разныхъ сословій, изъ помещичьихъ крестьянъ и другихъ обществъ.

Онъ обязанъ: вести себя честно и добropорядочно; сохраняя воинскій видъ; при явкѣ начальству соблюдать въ одеждѣ форму, какъ установлено Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 24 ноября 1857 года, № 294; бороду брить, по-миру не ходить, отъ всякихъ законамъ противныхъ поступковъ воздерживаться, мѣстному начальству повиноваться и никому никакихъ оскорбленій не дѣлать, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, наказанія по законамъ и обращенія на дѣйствительную службу.

Равнымъ образомъ, и ему, Петрову, во уваженіе безпорочной его службы, оказывать, въ случаѣ надобности, всякое содѣйствіе въ справедливыхъ его требованіяхъ и уваженіе, приличное заслуженному воину. Если же отъ кого либо причинена будетъ ему какая либо обида или притѣсненіе, то долженъ онъ приносить жалобу: въ городѣ—гражданскому, а въ уѣздѣ—земскому начальству, которыя и обязаны доставлять справедливую защиту и удовлетвореніе по законамъ.

Рядовой Петровъ, по прибытіи на избранное мѣсто жительства, непременно долженъ объявить сей билетъ: въ городѣ—градской, а въ уѣздѣ—земской полиціи, отъ которой дѣлается объ этомъ на билетѣ установленная правилами 1856 года надпись. За этимъ строго наблюдать должны: въ городахъ—полицейскія, а въ мѣстечкахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ—мѣстныя начальства и немедленно отсылать въ полицію отпускнаго съ билетомъ, если на ономъ не будетъ явочной надписи, свидѣтельствующей, что отпускной дѣйствительно занесенъ въ списки, установленными упомянутыми правилами, дабы чрезъ то полиція могла вести вѣрно списки безсрочно-отпускнымъ и доставлять объ нихъ свѣдѣнія командирамъ гарнизонныхъ баталіоновъ.

Не возбраняется ему, Петрову, по видамъ промышленности и по другимъ уважительнымъ причинамъ, отлучаться на короткое время въ другія мѣста, но не иначе, какъ съ дозволенія на то градской, или земской полиціи, по принадлежности, которая въ семъ случаѣ обязана: оставивъ у себя подлинный билетъ, выдавать вмѣсто онаго другой билетъ на простой бумагѣ и наблюдать за своевременнымъ его, Петрова, возвращеніемъ на мѣсто постоянного его жительства,

Дозволяется также Петрову избрать впоследствии для постоянного своего жительства другой городъ, или уѣздъ своей губерніи, но также съ разрѣшенія мѣстной градской или земской полиціи, которая означаетъ такое дозволеніе установленною въ законѣ надписью на семъ же билетѣ.

Не перейти для постоянного жительства въ другія губерніи, не исключая Сибирскихъ, также Астраханской, Ставропольской, Бессарабской области и великаго княжества Финляндскаго, онъ, Петровъ, можетъ тогда только, когда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ времени прибытія на мѣсто, первоначально имъ для сего избранное, не найдетъ въ ономъ вѣрныхъ спосо-

бовъ къ своему пропитанію. На таковой переходъ мѣстная полиція даетъ разрѣшеніе не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, т. е. съ разрѣшенія начальника губерніи, въ которой отпускной проживаетъ, и по сдѣланіи надлежащей надписи на билетѣ полиціею, которая о всякомъ переходѣ изъ ея вѣдомства отпускнаго, какъ объ убыли по спискамъ, ведущимся въ полицію, должна непременно доставить свѣдѣніе, по формѣ, командиру подлежащаго гарнизоннаго или линейнаго баталіона.

Когда Петровъ проживать будетъ не въ томъ мѣстѣ, въ которое уволенъ въ безсрочный отпускъ, и на переходъ изъ онаго въ другое мѣсто не будетъ на билетѣ дозвоительной надписи городской или земской полиціи, то начальство мѣста, въ которомъ окажется таковой отпускной, виновный въ нарушеніи установленнаго порядка, обязано задержать его, Петрова, и отправить за карауломъ къ ближайшему начальству внутренней стражи, для поступленія съ нимъ, Петровымъ, по законамъ.

Если рядовой Петровъ до истеченія срока, установленнаго закономъ для увольненія его въ отставку, будетъ призванъ правительствомъ на дѣйствительную службу, то обязанъ по востребованію немедленно явиться въ мѣстную полицію, а потомъ къ командиру Гарнизоннаго баталіона той губерніи, въ которой будетъ находиться на жительствѣ. Но если до окончанія срока на отставку рядовой Петровъ не будетъ требованъ на дѣйствительную службу, то января 1 числа такого-то года онъ получаетъ отставку и снабжается надлежащимъ паспортомъ отъ окружнаго генерала внутренней стражи того округа, въ вѣдомствѣ коего находится будетъ въ отпуску.

При поступленіи на службу въ военное время Петровъ получаетъ отставку по окончаніи войны изъ той части, въ которой будетъ состоятъ на службѣ.

По смерти рядоваго Петрова, родственники его или мѣстное начальство доставляютъ сей билетъ, со всѣми бывшими у него, Петрова, знаками отличія и медалями, градской или земской полиціи, для отправленія къ командиру гарнизоннаго баталіона той губерніи, въ которой Петровъ находится будетъ, и отсылки потомъ въ инспекторскій департаментъ.

Обучался, или не обучался, дѣйствию при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Знаетъ сапожное или портное мастерство, или не знаетъ.

Артельными деньгами *удовлетворенъ спола.*

Претензіи никакой не имѣетъ.

Данъ тамъ-то, такого-то мѣсяца и дня такого-то года.

(Подпись полковаго командира, за скрѣпою адъютанта, съ приложеніемъ казенной печати.)

Примѣчанія: 1) По сей формѣ выдаются билеты на безсрочный отпускъ по всѣмъ вообще войскамъ, — съ тѣмъ, чтобы объ уволенныхъ изъ артилеріи было объяснено: кто былъ вѣдовымъ и кто какъ аттестовался по части артиллерійской или лабораторной.

2) Увольняемымъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ отпускъ за искусную стрѣльбу въ цѣль должно быть объяснено въ билетахъ, въ своемъ мѣстѣ: «Уволенъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго тогда-то, за искусную стрѣльбу въ цѣль, во временной отпускъ, на правахъ безсрочнаго отпуска».

БИЛЕТЪ (*)

(на безсрочный отпуск для уроженцевъ царства Польскаго, съ переводомъ на польскій языкъ.)

Объявитель сего служащій въ Московскомъ пѣхотномъ полку рядовой *Валеріанъ Осиповъ сынъ Длотовскій*.

Имѣть: знакъ отличія военнаго ордена подъ № 79,874, серебряныя медали: за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи 1849 г., за защиту Севастополя, также бронзовую свѣтлую медаль въ память войны 1853 — 1856 годовъ, и на лѣвомъ рукавѣ изъ желтой тесьмы нашивки въ два ряда за 15-лѣтнюю безпорочную службу.

Въ службу вступилъ, какъ видно изъ формулярнаго списка, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, Варшавской губерніи, Ленчицкаго уѣзда, деревни такой-то, 13 декабря 1844 года, въ такой-то полкъ (**).

Жалованья получалъ 2 руб. 70 коп. сер. въ годъ.

Отъ роду ему нынѣ 42 года; вѣроисповѣданія римско-католическаго; примѣтами: роста 2 арш. 6 $\frac{1}{2}$ вершка, лице продолговатое, носъ умѣренный, волосы на головѣ и бровяхъ черные, глаза сѣрые.

У него жена Агнешка, Иванова дочь, вѣроисповѣданія лютеранскаго; имѣть дѣтей, прижитыхъ во время состоянія на службѣ: сыновей Степана — 10 и Семена — 7 лѣтъ.

Дѣти рядоваго Длотовскаго подчиняются всѣмъ тѣмъ законоположеніямъ и правиламъ, которыя изданы для солдатскихъ дѣтей вообще.

Нынѣ рядовой Длотовскій, по служенію въ такой-то ротѣ такого-то батальона и полка, за безпорочную выслугу установленныхъ столькихъ-то лѣтъ, на основаніи законовъ, увольняется въ безсрочный отпускъ на родичу, *Варшавской губерніи, Ленчицкаго уѣзда, въ деревню такую-то*.

При увольненіи онъ снабженъ: мундиромъ срока 1857 года, зимними панталонами срока 1857 года, шинелью по сроку 1857 года и годовыми вещами по положенію.

Во время отпуска можетъ онъ заниматься земледѣліемъ, мастерствомъ всякаго рода или торговою промышленностію, на существующихъ правилахъ и на общемъ основаніи съ тѣми обывателями, среди которыхъ водворится; также можетъ опредѣляться къ разнымъ должностямъ, вообще какъ на казенныя, такъ и на частныя мѣста, изыскивая тѣмъ способы къ своему содержанію, при тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты, или впредь будутъ принимаемы, правительствомъ для доставленія осядлости безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ въ военную службу какъ изъ государственныхъ крестьянъ, такъ изъ городскихъ разныхъ сословій, изъ помѣщичьихъ крестьянъ и другихъ обществъ.

Онъ обязанъ: вести себя честно и добропорядочно; сохраняя воинскій видъ, при явкѣ начальству соблюдать въ одеждѣ установленную форму; бороду брить, по-міру не ходить, отъ всякихъ законовъ противныхъ посту-

(*) Билетъ по сей формѣ выдается на красной бумагѣ.

(**) Если кто участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, то въ билетахъ непременно объяснять послѣ времени вступленія въ службу: «За участіе въ оборонѣ Севастополя, въ теченіе такого-то времени, прибавлено столько-то лѣтъ и мѣсцевъ къ общей службѣ».

ковъ воздерживаться, мѣстному начальству повиноваться и никому никакихъ оскорбленій не дѣлать, подѣ опасеніемъ въ противномъ случаѣ наказанія по законамъ и обращенія на дѣйствительную службу.

Равнымъ образомъ и ему, Дютовскому, во уваженіе безпорочной его службы, оказывать, въ случаѣ надобности, всякое содѣйствіе въ справедливыхъ его требованіяхъ и уваженіе, приличное заслуженному воину. Если же отъ кого-либо причинена будетъ ему какая либо обида или притѣсненіе, то долженъ онъ приносить жалобу: въ городѣ — гражданскому, а въ уѣздѣ — мѣстному земскому начальству, которое и обязано доставлять ему справедливую защиту и удовлетвореніе по закону.

Рядовой Дютовскій, по прибытіи на избранное мѣсто жительства, непременно долженъ тотчасъ объявить сей билетъ: въ городѣ — градской, а въ уѣздѣ — мѣстной земской полиціи, отъ которой дѣлается объ этомъ на билетѣ установленная правилами 1856 года надпись. За этимъ строго наблюдать должны: въ городахъ — полицейскія, а въ мѣстечкахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ — мѣстные начальства и немедленно отсылать въ полицію отпускныхъ съ билетомъ, если на ономъ не будетъ явочной надписи, свидѣтельствующей, что отпускной дѣйствительно занесенъ въ списки, установленные упомянутыми правилами, дабы чрезъ то полиціи могли вести вѣрно списки безсрочно-отпускнымъ и доставлять объ нихъ свѣдѣнія начальствамъ, завѣдывающимъ отпускными, по принадлежности.

Не возбраняется ему, Дютовскому, по видамъ промышленности и по другимъ уважительнымъ причинамъ, отлучаться на короткое время въ другія мѣста, но не иначе, какъ съ дозволенія на то мѣстной градской или земской полиціи, которая въ семъ случаѣ обязана, оставивъ у себя подлинный билетъ, выдать вмѣсто оного другой билетъ на простой бумагѣ и набыти за своевременнымъ его, Дютовскаго, возвращеніемъ на мѣсто постоянного его жительства.

Дозволяется также Дютовскому избрать впоследствии для постоянного своего жительства другой городъ или уѣздъ своей губерніи, но также съ разрѣшенія мѣстной полиціи, которая означаетъ такое дозволеніе установленною въ законѣ надписью на семъ же билетѣ. Но перейти для постоянного жительства въ другія губерніи, не исключая сибирскихъ, также Астраханской, Ставропольской, Бессарабской области и великаго княжества Финляндскаго, онъ, Дютовскій, можетъ тогда только, когда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ времени прибытія на мѣсто, первоначально имъ для сего избранное, не найдетъ въ ономъ вѣрныхъ способовъ къ своему пропитанію. На таковой переходъ мѣстная полиція даетъ разрѣшеніе не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, т. е. съ разрѣшенія начальника губерніи, въ которой отпускной проживаетъ, и по сдѣланіи надлежащей надписи на билетѣ полицію, которая о всякомъ переходѣ изъ ея вѣдомства отпускнаго, какъ объ убыли по спискамъ, ведущимся въ полиціи, должна непременно доставить свѣдѣніе, по формѣ, подлежащему начальству, завѣдывающему отпускными.

Когда Дютовскій проживать будетъ не въ томъ мѣстѣ, въ которое уволенъ въ безсрочный отпускъ, и на переходъ изъ оного въ другое мѣсто не будетъ на билетѣ дозвоительной надписи мѣстной полиціи, то начальство мѣста, въ которомъ окажется таковой отпускной, виновный въ нарушеніи установленного порядка, обязано задержать его, Дютовскаго, и отправить за карауломъ къ ближайшему начальству внутренней стражи, для поступленія съ нимъ, Дютовскимъ, по законамъ.

Если рядовой Дютовскій до истеченія срока, установленнаго закономъ для увольненія его въ отставку, будетъ призванъ правительствомъ на дѣйствительную службу, то обязанъ по востребованію явиться въ мѣстную полицію, а потомъ куда будетъ приказано. Но если до окончанія срока на отставку рядовой Дютовскій не будетъ требованъ на дѣйствительную службу, то января 1 числа такого-то года онъ получаетъ отставку и снабжается надлежащимъ паспортомъ отъ окружнаго генерала внутренней стражи того округа, въ вѣдомствѣ коего находится будетъ въ отпуску.

При поступленіи на службу въ военное время Дютовскій получаетъ отставку по окончаніи войны изъ той части, въ которой будетъ состоять на службѣ.

По смерти рядового Дютовскаго родственники его или мѣстное начальство доставляютъ сей билетъ со всѣми бывшими у Дютовскаго знаками отличія и медалями мѣстной полиціи, для отиравленія къ начальству, завѣдывающему отпускными, а потомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго Министерства.

Обучался, или не обучался дѣйствию при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Знаетъ сапожное или портное мастерство, или не знаетъ.

Артельными деньгами *удовлетворенъ* *столна*.

Претензіи никакой не имѣть.

Данъ тамъ-то, такого-то мѣсяца и дня такого-то года.

(Подпись подковаго командира, за скрѣпкою адъютанта, съ приложеніемъ казенной печати.)

Примѣчанія: 1) По сей формѣ выдаются билеты на безсрочный отпускъ по всѣмъ вообще войскамъ, — съ тѣмъ, чтобы объ уволенныхъ изъ артилеріи было объяснено: кто былъ ѣздовымъ и кто какъ аттестовался по части артиллерійской или лабораторной.

2) Уволеннымъ изъ стрѣльковыхъ баталіоновъ въ отпускъ за искусную стрѣльбу въ цѣль должно быть объясняемо въ билетахъ, въ своемъ мѣстѣ: «Уволенъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго тогда-то, за искусную стрѣльбу въ цѣль, во временной отпускъ, на правахъ безсрочнаго отпуска.

Б И Л Е Т Ъ (*).

(На временной отпускъ для уроженцевъ имперіи.)

Объявитель сего *унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Левъ Андреевъ, сынъ Мартыковъ.*

Имѣть: знакъ отличія военнаго ордена, подъ № 89,739, серебряную медаль за защиту Севастополя и бронзовую свѣтлую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, также на лѣвомъ рукавѣ нашивку изъ желтой тесьмы въ одинъ рядъ за безпорочную 10-ти-лѣтнюю службу.

Въ службу вступилъ, какъ видно изъ формулярнаго списка, изъ крестьянъ Черниговской губерніи, Козелецкаго уѣзда, села Лысова, 15-го января 1847

(*) Билеты по сей формѣ выдаются на желтой бумагѣ.

года, въ такой-то полкъ (*). Произведенъ въ унтеръ-офицеры 1-го сентября 1856 года.

Жалованья получалъ 16 руб. 20 коп. сер. въ годъ.

Отъ роду ему нынѣ 35 лѣтъ; вѣроисповѣданія *православнаго*; примѣтами: роста 2 арш. 9 вершк., лице чистое, носъ прямой, волосы на головѣ, бровяхъ и усахъ черные, глаза черные.

Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ.

У него, Мартынова, жена Дарья, Федорова дочь, вѣроисповѣданія *православнаго*, и дѣти, прижитыя во время состоянія на службѣ: Андрей 6-ти и Петръ 4-хъ лѣтъ, которыхъ находятся при немъ.

Дѣти унтеръ-офицера Мартынова подчиняются всѣмъ тѣмъ законоположеніямъ и правиламъ, которыя изданы для солдатскихъ дѣтей вообще.

Нынѣ унтеръ-офицеръ Мартыновъ, по служенію въ такой-то ротѣ такого-то баталіона и полка, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго тогда-то, уволенъ во временной отпускъ, впредь до востребованія, *туда-то или на родину, въ Черниговскую губернію, Козелецкаго уѣзда, въ село Лысова*, съ тѣмъ, что онъ, Мартыновъ, по первому требованію мѣстнаго начальства внутренней стражи, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, непремѣнно долженъ явиться, куда будетъ приказано, для отправленія на службу, по особому назначенію, подъ опасеніемъ за противное взысканія по законамъ.

При увольненіи онъ снабженъ такими-то мундирными и годовыми вещами.

Во время отпуска можетъ онъ заниматься земледѣіемъ, мастерствомъ всякаго рода, или торговою промышленностію, на существующихъ правилахъ и на общемъ основаніи съ тѣми обывателями, среди которыхъ водворится; также можетъ опредѣляться къ разнымъ должностямъ, вообще, какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ мѣстахъ, изыскивая тѣмъ способы къ своему содержанію.

Онъ обязанъ: вести себя честно и добропорядочно; сохраняя воинскій видъ, при явкѣ начальству соблюдать въ одеждѣ форму, какъ установлено Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 24-го ноября 1857 года, № 294; бороду брить, по-міру не ходить, отъ всякихъ законамъ противныхъ поступковъ воздерживаться, мѣстному начальству повиноваться и никому никакихъ оскорбленій не дѣлать, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, наказанія по законамъ и обращенія на дѣйствительную службу.

Равнымъ образомъ и ему, Мартынову, во уваженіе его безпорочной службы, оказывать, въ случаѣ надобности, всякое содѣйствіе въ справедливыхъ его требованіяхъ. Если же отъ кого либо причинена будетъ ему обида, или притѣсненіе, то долженъ онъ приносить жалобу: въ городѣ—гражданскому, а въ уѣздѣ—земскому началству, которое и обязано доставлять справедливую защиту и удовлетвореніе по законамъ.

Унтеръ-офицеръ Мартыновъ, по прибытіи въ отпускъ въ избранное мѣсто, или на родину, долженъ тотчасъ объявить сей билетъ: въ городѣ—

(*) Если кто участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, то въ билетахъ непременно объяснять, послѣ времени вступленія въ службу: *За участіе въ оборонѣ Севастополя, въ теченіе такого-то времени, прибавлено столько-то лѣтъ къ общей службѣ.*

градской, а въ уѣздѣ—земской полиціи, отъ которой дѣлается объ этомъ на билетѣ установленная правилами 1856 года надпись. За этимъ строго наблюдать должны: въ городахъ—полицейскія, а въ мѣстечкахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ—мѣстные начальства, и немедленно отсылать въ полицію отпускнаго съ билетомъ, если на ономъ не будетъ явочной надписи, свидѣтельствующей, что отпускной дѣйствительно занесенъ въ списки, установленные упомянутыми правилами, дабы чрезъ то полиціи могли вести вѣрно списки отпускнымъ и доставлять объ нихъ свѣдѣнія командирамъ гарнизонныхъ баталіоновъ.

По видамъ промышленности, или по другимъ уважительнымъ причинамъ, допускается ему отлучаться на короткое время и въ другія мѣста, но не иначе, какъ съ разрѣшенія на то градской или земской полиціи, по принадлежности, которая, въ семъ случаѣ, обязана, оставивъ у себя подлинный билетъ, выдать вмѣсто онаго другой билетъ на прѣстой бумагѣ, и паблюсти за своевременнымъ возвращеніемъ на мѣсто постоянного его жительства.

Равнымъ образомъ допускается также Мартынову избрать впослѣдствіи для постоянного своего жительства другой городъ или уѣздъ своей губерніи, но также съ разрѣшенія мѣстной градской или земской полиціи, которая означаетъ таковое дозволеніе установленною въ законѣ надписью на семъ же билетѣ.

Но перейти для постоянного жительства въ другія губерніи, исключая сибирскихъ, также Астраханской, Ставропольской, Бессарабской области и великаго княжества Финляндскаго, переходъ въ который временно-отпускнымъ не допускается, онъ, Мартыновъ, можетъ тогда только, когда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ времени прибытія на мѣсто, первоначально имъ для сего избранное, не найдетъ въ ономъ вѣрныхъ способовъ къ своему пропитанію. На таковой переходъ мѣстная полиція даетъ разрѣшеніе не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, т. е. съ разрѣшенія начальника губерніи, въ которой отпускной проживаетъ, и по сдѣланіи надлежащей надписи на билетѣ полиціею, которая о всякомъ переходѣ изъ ея вѣдомства отпускнаго, какъ объ убыли по спискамъ, ведущимся въ полиціи, должна непременно доставить свѣдѣніе, по формѣ, командиру подлежащаго гарнизоннаго или линейнаго баталіона.

Когда Мартыновъ проживать будетъ не въ томъ мѣстѣ, въ которое уволенъ, и на переходъ изъ онаго въ другое мѣсто не будетъ на билетѣ дозволенной надписи градской или земской полиціи, то начальство мѣста, въ которомъ окажется таковой отпускной, виновный въ нарушеніи установленнаго порядка, обязано задержать его, Мартынова, и отправить за карауломъ къ ближайшему начальству внутренней стражи, для поступленія съ нимъ по законамъ.

По смерти унтеръ-офицера Мартынова, родственникамъ его, или мѣстному начальству, доставить сей билетъ, со всѣми знаками отличія и медалями градской или земской полиціи, для отправленія къ командиру гарнизоннаго баталіона той губерніи, въ которой Мартыновъ находится будетъ, и отсылки потомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства.

Обучался, или не обучался дѣйствию при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Знаетъ сапожное или портное мастерство, или не знаетъ.

Артельными деньгами удовлетворенъ сполна.

Претензіи никакой не имѣетъ.

Данъ тамъ-то, такого-то мѣсяца и дня, такого-то года.

(Подпись полковаго командира, за скрѣпою адъютанта, съ приложеніемъ казенной печати.)

Примѣчанія. 1) По сей формѣ выдаются билеты на временной отпускъ по вѣсѣмъ вообще войскамъ.

2) Въ билетахъ, выдаваемыхъ по этой формѣ нижнимъ чинамъ артиллеріи, надлежитъ объяснять: кто изъ нихъ былъ ѣздовымъ и кто какъ аттестовался по части артиллерійской и по части лабораторной.

Б И Л Е Т Ъ (*).

(На временной отпускъ для уроженцевъ царства Польскаго.)

Объявитель сего *унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ксаверій Викентьевъ, сынъ Щербинскій.*

Имѣетъ: знакъ отличія военнаго ордена подъ № 9,740, серебряную медаль за защиту Севастополя и бронзовую свѣтлую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ; также на лѣвомъ рукавѣ нашивку изъ желтой тесьмы въ одинъ рядъ за безпорочную выслугу 10 лѣтъ.

Въ службу вступилъ, какъ видно изъ формулярнаго списка, изъ крестьянъ Радомской губерніи, Стопницкаго уѣзда, села Прихабы, 15 января 1847 года, въ такой-то полкъ (**). Произведенъ въ унтеръ-офицеры 1-го сентября 1856 года.

Жалованья получалъ 16 р. 20 к. с. въ годъ.

Отъ роду ему нынѣ 35 лѣтъ; вѣроисповѣданія *римско-католическаго*; примѣтами: роста 2 арш. 9 вершк., лице чистое, носъ прямой, волосы на головѣ, бровяхъ и усахъ черные.

Въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ.

У него, Щербинскаго, жена Дарья, Федорова дочь, вѣроисповѣданія *римско-католическаго*, и дѣти, прижитыя во время состоянія на службѣ: Андрей 6-ти и Петръ 4-хъ лѣтъ, которыя находятся при немъ.

Дѣти унтеръ-офицера Щербинскаго подчиняются вѣсѣмъ тѣмъ законоположеніямъ и правиламъ, которыя изданы для солдатскихъ дѣтей вообще.

Нынѣ унтеръ-офицеръ Щербинскій, по служенію въ такой-то ротѣ такого-то баталіона и полка, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго тогда-то, уволенъ во временной отпускъ, впредь до востребованія, *туда-то или на родину, въ Радомскую губернію, Стопницкаго уѣзда, въ село Прихабы*, съ тѣмъ, что онъ, Щербинскій, по первому требованію мѣстнаго начальства, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, непремѣнно долженъ явиться куда будетъ приказано, для отправленія на службу по назначенію, подъ опасеніемъ за противное взысканія по законамъ.

При увольненіи онъ снабженъ такими-то мундирными и годовыми вещами.

(*) Билеты по сей формѣ выдаются на желтой бумагѣ.

(**) Если кто участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, то въ билетахъ непремѣнно объяснять, послѣ времени вступленія въ службу: *За участіе въ оборонѣ Севастополя, въ теченіе такого-то времени, прибавлено столько-то лѣтъ и мѣсяцевъ къ общей службѣ.*

Во время отпуска можетъ онъ заниматься земледѣліемъ, мастерствомъ всякаго рода или торговою промышленностію, на существующихъ правилахъ и на общемъ основаніи съ тѣми обывателями, среди которыхъ водворится; также можетъ опредѣляться къ разнымъ должностямъ, вообще, какъ на казенныя, такъ и частныя мѣста, изыскивая тамъ способы къ своему содержанию.

Онъ обязанъ: вести себя честно и добродѣтельно; сохраняя воинскій видъ, при явкѣ начальству соблюдать въ одеждѣ установленную форму; бороду брить, по-міру не ходить, отъ всякихъ законамъ противныхъ поступковъ воздерживаться, мѣстному начальству повиноваться и никому никакихъ оскорбленій не дѣлать, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ наказанія по законамъ и обращенія на дѣйствительную службу.

Равнымъ образомъ и ему, Щербинскому, во уваженіе его безпорочной службы, оказывать, въ случаѣ надобности, всякое содѣйствіе въ справедливыхъ его требованіяхъ. Если же отъ кого либо причинена будетъ ему обида, или притѣсненіе, то долженъ онъ приносить жалобу: въ городѣ — градскому, а въ уѣздѣ — земскому начальству, которое и обязано доставлять справедливую защиту и удовлетвореніе по законамъ.

Унтеръ-офицеръ Щербинскій, по прибытіи въ отпускъ въ избранное мѣсто, или на родину, долженъ тотчасъ объявить сей билетъ: въ городѣ — градской, а въ уѣздѣ — мѣстной земской полиціи, отъ которой дѣлается объ этомъ на билетѣ установленная правилами 1856 года надпись. За этимъ строго наблюдать должны: въ городахъ — полицейскія, а въ мѣстечкахъ, въ посадахъ, селахъ и деревняхъ — мѣстные начальства и немедленно отсылать въ полицію отпускнаго съ билетомъ, если на ономъ не будетъ явочной надписи, свидѣтельствующей, что отпускной дѣйствительно занесенъ въ списки, установленные упомянутыми правилами, дабы чрезъ то полиціи могли вести вѣрно списки отпускнымъ и доставлять объ нихъ свѣдѣнія начальствамъ, завѣдывающимъ отпускными.

По видамъ промышленности и по другимъ уважительнымъ причинамъ дозволяется ему отлучаться на короткое время и въ другія мѣста, но не иначе, какъ съ разрѣшенія на то градской или земской полиціи, по принадлежности, которая въ семъ случаѣ обязана, оставивъ у себя подлинный билетъ, выдать вмѣсто онаго другой билетъ на простой бумагѣ и набюсти за своевременнымъ возвращеніемъ на мѣсто постоянного его жительства.

Равнымъ образомъ дозволяется также Щербинскому избирать впослѣдствіи для постоянного своего жительства другой городъ или уѣздъ своей губерніи, но также съ разрѣшенія мѣстной градской или земской полиціи, которая означаетъ таковое дозволеніе установленною въ законѣ надписью на семъ билетѣ.

Но перейти для постоянного жительства въ другія губерніи, исключая сибирскихъ, также Астраханской, Ставропольской, Бессарабской области и великаго княжества Финляндскаго, переходъ въ которыхъ временно-отпускнымъ не дозволяется, онъ, Щербинскій, можетъ тогда только, когда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ времени прибытія на мѣсто, первоначально имъ для сего избранное, не найдетъ въ ономъ вѣрныхъ способовъ къ своему пропитанію. На таковой переходъ мѣстная полиція даетъ разрѣшенія не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, т. е. съ разрѣшенія начальника губерніи, въ которой отпускной проживаетъ, и по сдѣланіи над-

лежащей надписи на билетѣ полиціею, которая о всякомъ переходѣ изъ ея вѣдомства отпускнаго, какъ объ убыли по спискамъ, ведущимся въ полицію, должна непремѣнно доставить свѣдѣніе по формѣ надлежащему начальству, заведывающему отпускными.

Когда Щербинскій проживать будетъ не въ томъ мѣстѣ, въ которое уволенъ, и на переходъ изъ онаго въ другое мѣсто не будетъ на билетѣ дозволенной надписи градской или земской полиціи, то начальство мѣста, въ которомъ окажется таковой отпускной, виновный въ нарушеніи установленнаго порядка, обязано задержать его, Щербинскаго, и отправить за карауломъ къ ближайшему начальству внутренней стражи, для поступленія съ нимъ по законамъ.

По смерти унтеръ-офицера Щербинскаго, родственникамъ его или мѣстному начальству доставить сей билетъ со всѣми знаками отличія и медалями градской или земской полиціи, для отправленія къ подлежащему начальству, заведывающему отпускными въ той губерніи, въ которой Щербинскій находится будетъ, и отсылки потомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства.

Обучался, или не обучался дѣйствию при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Знаетъ сапожное или портное мастерство, или не знаетъ.

Артельными деньгами удовлетворенъ сполна.

Претензіи никакой не имѣетъ.

Данъ тамъ-то, такого-то мѣсяца и дня такого-то года.

(Подпись полковаго командира, за скрѣпою адъютанта, съ приложеніемъ казенной печати.)

Примѣчанія. 1) По сей формѣ выдаются билеты на временной отпускъ по всѣмъ вообще войскамъ.

2) Въ билетахъ, выдаваемыхъ по этой формѣ нижнимъ чинамъ артиллеріи, надлежитъ объяснять: кто изъ нихъ былъ ѣздовымъ и кто какъ аттестовался по части артиллерійской и по части лабораторной.

27 сентября, № 239.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: всѣмъ чинамъ офицерскаго званія кавказской арміи, коимъ присвоено особаго рода холдное оружіе съ драгунскимъ эфесомъ, шашечнымъ клинкомъ и на португаль Нижгородскаго драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, имѣть вмѣсто его обыкновенныя драгунскія сабли, съ дозволеніемъ донашивать прежняго рода оружіе, но съ тѣмъ, чтобы впредь оно приобрѣталось по сему послѣднему образцу.

25 сентября, № 240.

По недостатку цѣны, опредѣленной по приказу 28 октября 1831 года, за № 33-мъ, на шитье войскамъ ранцевъ, военный совѣтъ положилъ: до окончательнаго рѣшенія комиссіею, Высочайше учрежденною для улучшеній по военной части, вопроса о количествѣ денегъ на сей предметъ, отпускать всѣмъ войскамъ на шитье ранцевъ по 30 к. с. на каждый.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ *Сухозантъ 2-й.*

II.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРИКАЗАМЪ Г. ВОЕННОГО МИНИСТРА.

1. Циркуляры инспекторскаго департамента.

31 августа, № 62.

Въ циркулярѣ Инспекторскаго департамента отъ 10 іюня сего года за № 36-мъ, объявлены по военному вѣдомству, къ руководству, правила стрѣльбы въ цѣль всѣхъ частей, вооруженныхъ наръзнымъ оружіемъ, при чемъ приложена таблица оцѣнки стрѣльбы для частей, вооруженныхъ семи-линейнымъ наръзнымъ оружіемъ.

Такъ какъ для оцѣнки стрѣльбы изъ шести-линейныхъ винтовокъ въ мишени новаго образца правила еще не составлены, по недавнему введенію этого оружія и по неиспытанію новыхъ мишеней, то до составленія такихъ правилъ слѣдуетъ оцѣнивать части, вооруженныя шести-линейнымъ оружіемъ, только сравнительно одну съ другою.

1 сентября, № 63.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: допустить увольненіе въ текущемъ 1859 году, изъ войскъ, нижнихъ чиновъ въ *кратковременные отпуски*, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) По гвардіи и по частямъ, къ оной прикомандированнымъ:

Изъ гвардейской пѣхоты, съ cadaго полка по 24 чел., т. е. по 12 чел. съ баталіона.

По Стрѣлковымъ баталіонамъ, по 15 чел. съ cadaго.

Изъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона 12 чел.

По Гвардейской пѣшей артиллеріи, съ каждой бригады по . . 10 —

Изъ Сводной гвардейской резервной батареи 3 —

— гвардейской кавалеріи, съ cadaго полка съ резервнымъ
эскадрономъ по , 10 —

— лейбъ-гвардіи Конно-піонернаго эскадрона 2 —

— лейбъ-гвардіи Жандармскаго полувэскадрона 2 —

— гвардейской конной артиллеріи, съ каждой батареи по . . 3 —

— Учебнаго сапернаго полубаталіона 6 —

— Учебной батареи 6 —

Изъ образцовыхъ войскъ:

Изъ образцоваго пѣхотнаго полка 12 —

— — кавалерійскаго полка 8 —

Изъ образцовыхъ батарей:

ѣвшей } по усмотрѣнію ближайшаго начальства.
Конной }

- лейбъ-гвардіи гарнизоннаго баталіона 15 чел.
- гвардейской инвалидной бригады 24 —

2. По Отдѣльному гвардейскому корпусу:

По гренадерской пѣхотѣ, съ cadaго полка по 20 чел., т. е. по 10 чел. съ баталіона.

- По стрѣлковымъ баталіонамъ, съ cadaго по 15 —
- Изъ гренадерскаго сапернаго баталіона 12 —
- гренадерской артиллеріи, съ каждой бригады, считая парковую, по 16 —
- Сводной резервной батареейной батареи 3 —
- 7-й легкой кавалерійской дивизіи, съ cadaго полка съ резервными эскадронами, по 15 —
- 7-й конно-артиллерійской бригады 4 —

3. По арміи:

Изъ полковъ: 1, 2 и 3-го армейскихъ корпусовъ, также 14 и 15-й пѣхотныхъ дивизій, по 20 чел. съ баталіона cadaго полка.

По 4 и 6-му армейскимъ корпусамъ, по 15 чел. съ баталіона.

Изъ 13-й пѣхотной дивизіи, полки коей, возвращающіеся съ Кавказа въ кадренномъ составѣ, начинаютъ съ сентября комплектоваться по штату мирнаго времени отпускными, призванными по росписанію подъ № 4-мъ, дозволить увольнять самое ограниченное число людей, по ближайшему усмотрѣнію командира 5-го армейскаго корпуса.

По стрѣлковымъ баталіонамъ 6-ти армейскихъ корпусовъ, съ cadaго баталіона по 15 чел.

- сапернымъ баталіонамъ 6-ти корпусовъ, съ cadaго баталіона по 12 —
- 6-ти понтоннымъ паркамъ, съ cadaго по 4 —

Изъ артиллеріи 6-ти армейскихъ корпусовъ, считая парковья бригады, съ каждой бригады по 16 —

- 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, съ cadaго полка съ резервными эскадронами, по 20 —
- 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й конно-артиллерійскихъ бригадъ, съ каждой по 4 —
- кадровыхъ полковъ Сводной кирасирской дивизіи, съ cadaго по 12 —
- конно-піонернаго дивизіона 4 —
- батарей конно-артиллерійской дивизіи 8 —

По учебнымъ стрѣлковымъ баталіонамъ, съ cadaго по 15 —

4. По резервнымъ войскамъ:

Изъ четвертыхъ резервныхъ баталіоновъ: 1-го, 2-го, 3-го и 5-го армейскихъ корпусовъ, съ баталіона по 20 —

- а 4-го и 6-го корпусовъ, съ баталіона по 15 —
- кавказской резервной линейной полубригады, съ cadaго баталіона по 15 —

Изъ 1-го и 2-го сводныхъ резервныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ cadaго по	12 чел.
— Своднаго резервнаго Кавказскаго стрѣлковаго баталіона	12 —
— резервнаго сапернаго полубаталіона	12 —
— 1-й и 2-й сводныхъ резервныхъ артиллерійскихъ дивизій, съ каждой бригады по	12 —
— Сводно-резервной конно-артиллерійской бригады	6 —
5. По оренбургскимъ, сибирскимъ, финляндскимъ и кронштадтскимъ линейнымъ баталіонамъ, также изъ Финляндскаго сапернаго полубаталіона и финляндскихъ № 1 и 2 батарей:	
Съ баталіона	15 чел.
— полубаталіона	8 —
— батарей	4 —

6. По корпусу Внутренней стражи:

Изъ гарнизонныхъ баталіоновъ съ каждой роты, а изъ инвалидовъ командъ, съ каждой команды по	5 —
---	-----

По 10-му округу корпуса Внутренней стражи:

Съ роты cadaго баталіона и каждой отдѣльной команды по	10 —
--	------

7. По корпусу Жандармовъ:

По Жандармскому полку, съ cadaго эскадрона по	5 —
Съ cadaго жандармскаго дивизіона въ столицахъ по	10 —
Изъ каждой жандармской команды по	2 —

По 3-му округу сего корпуса:

Изъ Варшавскаго дивизіона	10 —
— каждой крѣпостной команды	2 —
Съ каждой изъ губернскихъ жандармскихъ командъ по	2 —
— каждой изъ уѣздныхъ жандармскихъ командъ по	1 —

8. По артиллерійскому вѣдомству:

Изъ крѣпостной и гарнизонной артилеріи, изъ осадныхъ и мѣстныхъ артиллерійскихъ парковъ, изъ мѣстныхъ подвижныхъ и окружныхъ арсеналовъ, изъ пороховыхъ заводовъ, изъ касюльных и ракетнаго заведеній, также изъ оружейниковъ и мастеровыхъ оружейныхъ заводовъ, поступившихъ изъ рекрутъ и вообще изъ частей внутренняго артиллерійскаго вѣдомства, увольнять въ кратковременные отпуска нижнихъ чиновъ въ такомъ числѣ изъ каждой части, какое будетъ признано возможнымъ, по усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера, безъ ослабленія исполненія служебныхъ обязанностей.

9. По инженерному вѣдомству:

Изъ инженерныхъ командъ и другихъ частей внутренняго инженернаго вѣдомства, по усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части.

10. Изъ служительскихъ командъ, состоящихъ при военно-учебныхъ заведеніяхъ, по усмотрѣнію главнаго начальства сихъ заведеній.

11. Кратковременныхъ отпусковъ въ текущемъ году не распространять на тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые призваны въ семъ году изъ временнаго и безсрочнаго отпусковъ.

12. Срокъ для кратковременныхъ отпусковъ назначить, по примѣру 1858 г., вообще по 1 апрѣля 1860 г., съ дозволеніемъ продолжить, по усмотрѣнію главнаго начальства, по 1 мая 1860 г., въ такихъ частяхъ, въ коихъ по роду службы признано будетъ это возможнымъ.

13. Что касается до кавказской арміи, то, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день февраля 1857 г., увольненіе по примѣру прежнихъ лѣтъ произвестъ по ближайшему усмотрѣнію главнокомандующаго этою арміею.

2 сентября, № 64.

Государь Императоръ Высочайше разрѣшить соизвоилъ: поясныя галуныя португепя къ палашу, кавалерійской саблѣ и къ пѣхотной саблѣ съ желѣзными ножнами *пшыкомъ* носить также и *подъ мундиромъ*, какъ это положено было только для коннаго строя.

3 сентября, № 65.

Военный совѣтъ, признавая необходимымъ принять мѣры, коими бы возможно было устранить несвоевременное удовлетвореніе содержаніемъ чиновъ, переводимыхъ изъ однихъ частей войскъ въ другія, журналомъ 29 минувшаго іюля положилъ: подтвердить по войскамъ къ безотговорочному исполненію, чтобы офицерамъ, переводимымъ изъ одной части войскъ въ другую и въ особенности въ войска, расположенныя въ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи, непременно вручаемы были опредѣленные ст. 147 час. IV кн. III Св. Воен. Пост. аттестаты о послѣднемъ удовлетвореніи ихъ содержаніемъ; въ случаѣ же перевода офицеровъ, состоящихъ виѣ своихъ полковъ или командъ, — означенные аттестаты безъ замедленія высылаемы были къ новому тѣхъ офицеровъ начальству по почтѣ, въ запечатанныхъ конвертахъ, согласно ст. 759 час. II кн. I Св. Воен. Постановленій.

6 сентября, № 66.

По полученному въ Инспекторскомъ департаментѣ свѣдѣнію считаются окончательно закрытыми упраздненныя управленія:

Резервной бригады 20-й пѣхотной дивизіи — 15 іюля сего года.

Резервной бригады 21-й пѣхотной дивизіи — 1 іюля сего года.

Резервной бригады кавказской гренадерской дивизіи — 1 августа сего года.

Дѣла упомянутыхъ управленій сданы въ архивъ штаба резервной кавказской дивизіи, въ г. Таганрогъ.

18 сентября, № 67.

Въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 3 іюня 1852 года, за № 72, объявлено, для надежащаго исполненія и руководства, мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное въ 9 день іюня того же года, коимъ постановлено, чтобы всѣмъ служащимъ чиновникамъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, паспорта и билеты для проѣзда въ отпуски выдавать на гербовой бумагѣ въ двѣяносто коп. сер. листъ.

61188B

Между тѣмъ, многіе изъ офицеровъ, прибывшихъ въ С.-Петербургъ, предъявляютъ въ инспекторскій департаментъ выданные имъ отъ полковъ и другихъ командъ билеты, написанные, въ ущербъ государственнымъ доходамъ, не на гербовой, а на простой бумагѣ, безъ оговорки, что деньги взысканы и по принадлежности отправлены.

Вслѣдствіе сего, инспекторскій департаментъ, по приказанію господина военного министра, имѣетъ честь подтвердить всѣмъ начальствующимъ лицамъ къ точному и неупустительному исполненію правило, постановленное приказомъ 3 іюня 1852 года, за № 72, съ тѣмъ, что въ случаѣ неисполненія онаго на будущее время деньги за гербовую бумагу будутъ взыскиваемы съ лицъ, подписавшихъ билеты на простой бумагѣ.

Но если бы и за симъ офицеры, увольняемые въ отпуска, были снабжаемы билетами на простой бумагѣ, безъ надписи о взысканіи гербовыхъ пошлинъ, то вмѣняется въ непремѣнную обязанность комендантамъ, или другимъ мѣстнымъ воинскимъ начальникамъ, къ которымъ по закону обязаны являться офицеры, по прибытіи въ отпуска, чтобы отъ означенныхъ офицеровъ были истребованы гербовыя деньги 90 коп. сер. за листъ и отправлены въ подлежащее уѣздное казначейство, учинивъ на самыхъ билетахъ надпись о сдѣланномъ взысканіи.

18 сентября, № 68.

Главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій сообщило, что начальники отдѣльныхъ воинскихъ командъ, имѣющіе надобность въ отправленіи подвѣдомственныхъ имъ чиновъ по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, обращаются съ требованіями о перевозкѣ въ Главное управленіе путей сообщенія.

Такъ какъ С.-Петербурго-Варшавская желѣзная дорога находится въ непосредственномъ административномъ распоряженіи совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, то инспекторскій департаментъ, по приказанію господина военного министра, имѣетъ честь объявить гг. воинскимъ начальникамъ, коимъ, на основаніи приказа по военному вѣдомству отъ 16 ноября 1856 года, за № 264, предоставлено право входить въ сношеніе о перевозкѣ по желѣзной дорогѣ нижнихъ чиновъ, обозовъ и кладей, — что относительно перевозки по С.-Петербурго Варшавской желѣзной дорогѣ слѣдуетъ обращаться не въ Главное управленіе путей сообщенія, а въ совѣтъ управленія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Подписалъ: Дежурный Генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютантъ *Герштенцеггъ*.

2. Приказы по внутреннему провіантскому управленію.

31-го іюля, № 18.

По нѣкоторымъ изъ магазиновъ вѣреннаго имѣ внутренняго провіантскаго управленія, въ надписяхъ на мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и копіяхъ съ

книгъ не объясняется о томъ, какого качества продукты и матеріалы, вѣрны ли вѣсы, мѣры и гири и въ какомъ состояніи магазинныя зданія, между тѣмъ, какъ это необходимо и для полноты свѣдѣній, и для того, чтобы гг. свидѣтельствующіе магазины и склады казеннаго провіанта обращали должное вниманіе на все, что находится въ магазинахъ.

Кромѣ того я получилъ свѣдѣніе, что, въ нѣкоторыхъ магазинахъ, лица, назначаемыя къ свидѣтельству, вовсе не бывають и подписываютъ завѣренія на вѣдомостяхъ и копіяхъ съ книгъ безъ всякой повѣрки магазина и счетовъ онаго. Отъ этого происходитъ то, что въ иныхъ магазинахъ хранится недоброкачественный или излишній провіантъ, а книги ведутся не въ должномъ порядкѣ.

По сему и имѣя въ виду 288, 289, 294, 295, 296, 297, 298 и 299 ст. II кн. IV ч. Св. Воен. Пост., я строжайше предписываю по внутреннему провіантскому управленію:

Во 1-хъ, чтобы книги и вообще счета магазиновъ ведены были съ надлежащею и своевременною исправностію.

Во 2-хъ, чтобы въ надписяхъ на мѣсячныхъ вѣдомостяхъ, книгахъ и копіяхъ съ сихъ послѣднихъ непремѣнно объясняемо было, между прочимъ, о томъ, какого качества продукты и матеріалы, исправны ли употребляемые въ магазинѣ вѣсы, гири и мѣры и въ какомъ состояніи магазинныя зданія.

И въ 3-хъ, чтобы повѣрка магазиновъ производилась на самомъ дѣлѣ, въ магазинахъ, а въ случаѣ, если которое либо изъ лицъ, назначаемыхъ для ежемѣсячнаго освидѣтельствванія магазина, не явится въ магазинъ къ исполненію этой обязанности, то гг. смотрителя и завѣдывающіе магазинами обязаны представлять о томъ начальству, отъ котораго зависѣло назначеніе лица, не явившагося для свидѣльства магазина, и въ то же время довести провіантскому департаменту и оберъ-провіантмейстеру.

30-го августа, № 20.

Оказавшіеся по нѣкоторымъ провіантскимъ магазинамъ безпорядки обратили мое вниманіе на причины, порождающія ихъ. Не говоря уже о слабости, а иногда недобросовѣстномъ исполненіи нѣкоторыми изъ гг. смотрителей своихъ обязанностей, причины эти слѣдующія:

1) Въ нѣкоторыхъ магазинахъ, вопреки 300 ст. кн. II ч. IV Св. Воен. Пост., смотрители остаются при однихъ и тѣхъ же магазинахъ болѣе двухъ лѣтъ. Такое нарушеніе закона, само по себѣ уже преступное, особенно вредно потому, что главные способы повѣрки смотрителей не выполняются.

2) Рѣдкое посѣщеніе магазиновъ главными провіантскими начальниками въ губерніяхъ, и

3) Неполненіе войсками предписанныхъ правилъ о приѣмѣ изъ магазиновъ провіанта менѣе, нежели мѣсячными пропорціями, вопреки статьѣ 605 кн. III ч. IV Св. Воен. Пост. Это отступленіе отъ закона ведетъ къ другимъ: статьи въ книгахъ магазиновъ и войскъ остаются долгое время неза-свидѣтельствованными, а смотрителя магазиновъ получаютъ возможность скрывать, при ежемѣсячныхъ свидѣльствахъ, дѣйствительные остатки

провіанта, ссылаясь на переборъ или недоборъ онаго войсками по требова- ніямъ.

Вслѣдствіе сего предписываю гг. оберъ-провіантмейстерамъ и начальни- камъ дистанцій внутренняго провіантскаго вѣдомства:

1) Отнюдь не оставлять смотрителей при однихъ и тѣхъ же магазинахъ долѣе законныхъ лѣтъ; если же это будетъ необходимо по особо уважитель- нымъ причинамъ, то входить съ представленіями о томъ въ провіантскій департаментъ.

Примѣняясь къ 2,074 ст. IV кн. 1 ч. Св. Воен. Пост., объ обязанностяхъ управляющихъ бывшими провіантскими комиссіями, обозрѣвать лично или чрезъ подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ магазины и о томъ, что ока- жется, департаменту доносить.

3) Поставить въ извѣстность смотрителей магазиновъ, а также и посто- янно довольствующіяся изъ нихъ войска, что провіантъ долженъ, исключая экстренные случаи, требоваться и отпускаться одинъ разъ въ мѣсяцъ и что за симъ недоборовъ или переборовъ не должно быть въ магазинахъ.

и 4) Извѣстить лица, ежемѣсячно свидѣтельствующія магазины, чтобы они не принимали въ уваженіе никакихъ отговорокъ смотрителя магазина о недоборѣ или переборѣ; всякую расходную въ книгѣ статью безъ росписки пріемщика принимали бы за недействительную.

Подписалъ: генералъ-провіантмейстеръ,
статсъ-секретарь П. Булаковъ.

III.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ЧАСТЯМЪ ВОЕННОГО ВѢДОМСТВА.

1. Приказъ по 1-й арміи.

15 сентября, № 150.

Въ теченіе іюля мѣсяца сего года, число заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ войскъ 1-й арміи было умѣренное, число умершихъ невелико; но бѣжав- шихъ, вообще въ арміи, было много. Значительнѣе другихъ частей побѣги были въ полкахъ: Псковскомъ фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, Галицкомъ, Черниговскомъ фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, Кременчугскомъ, Брянскомъ имени моего пѣхотныхъ, и особенно въ Ново- георгіевскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, въ которомъ много людей бывшихъ въ штрафахъ.

Выписка изъ мѣсячныхъ рапортовъ за іюль о заболѣвшихъ, умершихъ и бѣжавшихъ нижнихъ чинахъ прилагается.

Выписка изъ мѣсячныхъ рапортовъ войскъ 1-й арміи, за іюль мѣсяцъ 1889 года, о числѣ больныхъ, умершихъ и бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ.

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Б о л ѣ з н ы х ъ.							Въ те- чение іюля.		Наличное число.
	Къ 1 іюля состояло всѣхъ.		Въ теченіе іюля отпр. въ госпитали.			Къ 1-му августа осталось.				
	Въ госпита- ляхъ.	Въ полков. лазаретахъ.	Изъ состояв. въ лазаретъ.	Прямо изъ командъ.	Въ полковые лазареты.	Въ госпита- ляхъ.	Въ полков. лазаретахъ.	Умерло при войскахъ.	Бѣжало.	
1-го Армейскаго корпуса:										
1-й легкой кавалер. див. . .	76	61	—	44	116	79	78	8	3	6299
1-й пѣхотной дивизіи . . .	279	80	12	143	161	229	68	16	7	12666
2-й пѣхотной дивизіи . . .	314	—	—	347	21	514	17	11	15	12186
3-й пѣхотной дивизіи . . .	182	126	3	115	206	188	132	16	13	12290
1-й артиллерійской дивизіи	58	21	—	24	68	63	36	5	2	3425
Всего въ 1-мъ Арм. корпу- сѣ съ жанд. командой . .	909	288	15	673	572	1073	331	57	40	46866
2-го Армейскаго корпуса:										
2-й легкой кавалер. див. . .	54	17	41	—	85	65	6	1	—	2266
4-й пѣхотной дивизіи . . .	145	121	11	33	306	127	153	17	12	12941
5-й пѣхотной дивизіи . . .	274	111	7	137	187	279	120	16	12	12189
6-й пѣхотной дивизіи . . .	92	146	—	31	221	52	138	14	8	12563
2-й артиллерійской дивизіи	130	17	—	33	39	102	32	7	3	3413
Всего во 2-мъ Арм. корпу- сѣ съ жанд. командой . .	695	412	59	236	838	625	449	55	35	43406
3-го Армейскаго корпуса:										
3-й легкой кавалер. див. . .	16	73	—	1	229	12	108	3	5	6913
7-й пѣхотной дивизіи . . .	588	—	34	109	169	455	70	15	3	11693
8-й пѣхотной дивизіи . . .	246	29	67	25	205	173	95	3	18	12271
9-й пѣхотной дивизіи . . .	446	50	—	2	362	241	219	11	9	11930
3-й артиллерійской дивизіи	113	21	9	52	66	143	17	4	7	4926
Всего въ 3-мъ Арм. корпу- сѣ съ жанд. командой . .	1409	173	110	189	1031	1024	509	36	42	47767
Въ саперной бригадѣ . . .	91	—	—	57	—	94	—	3	—	3131
Въ донск. козачьихъ полк.	107	—	—	59	—	108	—	3	—	4788
Въ подвижн. арсеналѣ № 2	7	2	4	—	13	7	1	—	—	124
Въ 1/2 лабораторн. № 2 ротѣ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	85
Въ лаборат. № 3-го ротѣ . .	8	—	—	1	—	5	—	2	—	43
Въ 1 эскадр. жандарм. полка	2	—	—	2	—	3	—	—	—	149
Въ подвижной инвалидной № 26 ротѣ	14	—	—	7	—	16	—	1	—	131
Въ Варшавскомъ артилле- рійскомъ дѣлов. дворѣ . .	21	5	10	—	39	22	5	3	—	407
Въ осадномъ артиллерій- скомъ № 1 паркѣ	—	—	—	2	—	2	—	3	2	30
Въ артиллерійск. гарнизон.	123	—	—	64	—	126	—	—	—	2244
Въ инженерн. командахъ.	5	—	—	4	—	6	—	—	—	114
Въ военно-рабочихъ ротахъ.	38	—	—	23	—	42	—	1	5	875
Въ гарнизонныхъ баталіон.	160	—	—	40	—	133	—	4	6	1889
Въ арестантскихъ ротахъ.	5	—	—	2	—	3	—	—	—	130
Всего въ арміи . . .	3597	880	198	1360	2493	3291	1295	168	130	152233

2. ПРИКАЗЫ ПО ВОЙСКАМЪ КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

22 августа, № 280.

Съ радостію спѣшу опять передать вамъ, храбрыя войска Кавказской арміи, августѣйшія слова, въ Собственноручномъ ко мнѣ рескриптѣ Государя Императора, по поводу послѣднихъ успѣховъ, одержанныхъ оружіемъ Его Величества въ Дагестанѣ.

«Скажи вновь отъ Меня кавказскимъ молодцамъ искреннее спасибо и что они Мнѣ опять доказали, что для нихъ невозможнаго нѣтъ.»

22 августа, № 281.

Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы Государю нашему и вы исполнили надежду мою.

Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги.

Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до сердецъ вашихъ.

26 августа, № 288.

Шамиль взятъ — поздравляю кавказскую армію.

Подлинный подписалъ: главнокомандующій, генералъ-адъютантъ
князь Барятинскій.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РАСХОДОВЪ НА ВОЕННЫЯ ПОТРЕБНОСТИ.

(съ 1711 по 1825 годъ).

(Продолженіе.)

V.

Измѣненія въ составѣ и расходахъ на содержаніе войскъ при императорѣ Павлѣ I.

Изъ общаго обозрѣнія состава арміи въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II мы видѣли, что общее число войскъ простиралось до 500,000 человѣкъ; но, вслѣдствіе составленнаго тогда плана военныхъ дѣйствій противъ Французовъ, это число должно было еще значительно увеличиться. Императоръ Павелъ I-й, по вступленіи на престолъ, отмѣнилъ это предположеніе и, вмѣсто увеличенія войскъ, приступилъ къ сокращенію ихъ и къ искорененію тѣхъ злоупотребленій, которыя уменьшали число строевыхъ людей въ арміи. Приведемъ собственныя слова именнаго указа Сенату 18-го декабря 1797 года (*). «Отвративъ рас-

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 18,278. Именной указъ, данный Сенату, декабря 18-го 1797 года. О сбираніи съ дворянскихъ имѣній особыхъ суммъ на содержаніе по губерніямъ судебныхъ мѣстъ; о содержаніи на счетъ городовъ

пространеніе военного пламени, которое, изъ вознамѣреннаго предъ вступленіемъ Нашимъ на престолъ содѣйствія большими силами противъ Французовъ, неминуемымъ было бы слѣдствіемъ, отвратили Мы тѣмъ и тягость для подданныхъ нашихъ, уже готовую отъ умноженія арміи, для котораго и наборъ рекрутъ по одному со ста душъ былъ тогда же предписанъ; отрѣшили Мы также сборъ провіанта и фуража, сопрягавшій съ собою безмѣрное для поселянъ изнуреніе, подвергая ихъ злоупотребленіямъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ едва ли какое бдѣніе предпочесть можетъ; а чтобъ еще болѣе и на будущее время облегчить ихъ въ пунктъ самомъ важнѣйшемъ, гдѣ сіе добрые и полезные члены государства жертвуютъ своею собратіею на оборону отечества, то, вѣдая, что тягость сія умножалася наипаче отъ необузданнаго своевольтва, съ каковымъ предназначенныхъ на военную службу людей растаскивали на домашнія услуги, на поселенія въ собственныхъ деревняхъ и на такія употребленія хотя и при войскахъ, кои не для нужды и помощи оныхъ, но для одной прихоти и суетнаго оказательства служили, сильными и строгими мѣрами пресѣкли Мы зло сіе, такъ, что нынѣ не половину или третью долю людей могутъ выводить въ строй, или на дѣло противу непріятеля; народъ же Нашъ, при меньшей убыли и вятшемъ воинствѣ сбереженіе въ пополненіи числа ихъ великое сбереженіе почувствуютъ...»

Эти факты и самый взглядъ на предметъ весьма замѣчательны: они показываютъ новое направленіе, какое предположено дать военному устройству, болѣе сообразное не съ видами внѣшней политики, а съ благосостояніемъ тѣхъ, на которыхъ лежитъ вся тягость содержанія войскъ. Эти мысли, повидимому, давно занимали императора Павла I, ибо, по вступленіи его на престолъ, не было учреждено, какъ въ началѣ другихъ царствованій, особыхъ воинскихъ комиссій для разсмотрѣнія состоянія войскъ и введенія нужныхъ реформъ. Манифестъ о вступленіи на престолъ вышелъ 6-го ноября 1796 года, а 29-го ноября того

городскихъ полицій; о возвышеніи подушнаго оклада; о прибавкѣ на купеческіе капиталы по $\frac{1}{2}$ %, а на мѣщанъ по 50 коп.; объ оброчной накладкѣ на казенныхъ крестьянъ; о возвышеніи цѣнъ за гербовую бумагу и паспорта; о возстановленіи гербовой для векселей бумаги и особенной бумаги для пересылки документовъ въ чужіе края и о писаніи всѣхъ актовъ, кои въ судное мѣсто представлены быть могутъ на гербовой бумагѣ; о пошлинахъ въ таможенныхъ, по сложеніи недоимокъ по 1797 годъ.

Ред.

же года были изданы и приведены въ дѣйствіе три устава о воинской службѣ: два о конной и одинъ о пѣхотной, вмѣстѣ съ росписью и штатами полевыхъ войскъ по новымъ уставамъ (*). Стало быть, преобразованія были уже давно задуманы и приготовлены (**). Образцомъ новыхъ воинскихъ уставовъ служилъ, какъ кажется, уставъ Петра Великаго 1716 года, а дополненіе и измѣненіе въ немъ почерпнуты изъ примѣровъ и событій Семилѣтней войны.

Вышеупомянутые штаты полковъ 1796 года не были, однакожь, тотчасъ приведены въ дѣйствіе, ибо въ слѣдующемъ году былъ учрежденъ комитетъ для ихъ разсмотрѣнія. По его докладу, въ началѣ 1798 года, были окончательно утверждены другіе штаты, въ которыхъ число людей и расходъ на содержаніе войскъ значительно сокращены—слишкомъ на 5,000,000 руб.

Въ слѣдующей таблицѣ представляемъ сравнительное это сокращеніе (***)

(*) «Полн. Собр. Зак.». Предложеніе, данное Военной Коллегіи отъ президента графа Салтыкова, 29-го ноября 1796 года. О приведеніи въ исполненіе изданныхъ трехъ уставовъ о воинской службѣ: двухъ о конной и одинъ о пѣхотной. № 17,588, ноября 29-го того же года. Воинскій уставъ о полевой пѣхотной службѣ. № 17,589. Правила о кавалерійской службѣ. № 17,590. Воинскій уставъ о полевой кавалерійской службѣ. *Ред.*

(**) Замѣтимъ здѣсь, что въ числѣ преобразованій, послѣдовавшихъ вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла I, было и упраздненіе корпуса офицеровъ Генеральнаго штаба. Выписываемъ здѣсь именной указъ по этому предмету, объявленный 13-го ноября 1799 года. («Полн. Собр. Зак.», № 17,547.) «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: Департаментъ Генеральнаго штаба упразднить, чиновъ онаго распределить въ армію, домъ передать въ вѣдомство корпуса кавалергардовъ; а карты, планы и всѣ вообще дѣла отдать Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту Куселеву. О чемъ государственной Воинской комиссіи предлагая учинить надлежащее опредѣленіе и кому слѣдуетъ предписать».

(***) «Полн. Собр. Зак.», № 18,308, 5-го января 1798 г. Штатъ государственной Воинской коллегіи и ея экспедицій: воинской, счетной, инспекторской и генералъ-аудиторіата, съ означеніемъ, сколько состоящимъ въ нихъ чинамъ на жалованье, также на канцелярскіе расходы и на курьерскія посылки суммы въ годъ полагаются. Таблица № VI. Вѣдомость о числѣ людей и лошадей въ полкахъ кавалеріи, инфантеріи и гарнизонныхъ, и о потребной на содержаніе ихъ суммы по штатамъ, прежде представленнымъ и нынѣ подносимымъ, съ показаніемъ убавки, какая по симъ послѣднимъ учинится противъ первыхъ. *Ред.*

По штатамъ 1796 года.					По штатамъ 1798 года.				
Число полковъ и батальоновъ.	Число людей.	Число лошадей.		Сумма на полное содержание.	Число людей.	Число лошадей.		Сумма на полное содержание.	
		Строев.	Нестроев.			Строев.	Нестроев.		
Кавалерія:									
Полки: кирасирскій	16	18,192	15,056	2,160	2,912,824	14,384	10,928	1,632	1,980,230
— драгунскіе	16	18,992	16,112	2,016	2,846,168	14,528	11,088	1,824	1,852,859
— гусарскіе	8	14,280	11,976	1,136	1,983,755	13,144	10,496	1,376	1,561,645
Итого въ кавалеріи	40	51,464	43,144	5,312	7,742,798	42,056	32,512	4,832	5,394,736
Пѣхота:									
Полки: гренадерскіе	13	33,753	—	3,610	1,862,513	29,764	—	3,486	1,561,228
— мушкетерскіе	62	149,492	—	16,120	8,187,875	131,812	—	15,438	6,864,335
— егерскіе	20	21,020	—	1,880	1,197,947	17,640	—	1,560	955,302
Батальоны гарнизонныя.									
На полевомъ содержаніи	76	85,205	—	—	3,953,285	75,456	—	—	3,291,017
— внутреннею содержаніи	35	28,000	—	—	1,235,712	26,355	—	—	1,072,824
Итого въ пѣхотѣ: полковъ батальонъ.	75 131	317,461	—	21,640	16,440,339	280,727	—	20,484	13,744,809
Всего: полковъ	115	368,925	43,144	26,952	24,183,138	322,783	32,512	25,316	19,139,345
Уменьшено	131	—	—	—	—	46,142	10,682	1,636	5,043,792

Съ перваго взгляда кажется, что исчисленный расходъ несо-размѣрно великъ сравнительно съ приведеннымъ выше исчисле-ніемъ, относящимся къ 1795 году. Въ послѣднемъ, тѣ самыя войска, которыя означены въ этой таблицѣ, составляли 461,343 чел., на содержаніе которыхъ слѣдовало по штатамъ и табелямъ того времени 12,049,862 руб.; напротивъ того, въ 1798 году, при уменьшеніи тѣхъ войскъ на 138,542 чел., расходъ на нихъ увеличился слишкомъ на 7,000,000 руб. Главная тому причина, какъ намъ кажется, заключается въ измѣненіи цѣны серебрянаго рубля, т. е. въ пониженіи его курса противъ рубля ассигнаціоннаго. Въ 1798 году установленъ указомъ лажъ, на вымѣнъ золотой и серебряной монеты на ассигнаціи, по 40 коп. на рубль (*); на столько же, слѣдовательно, возвысились и цѣны на всѣ предметы снабженія войскъ. Потому, для приведенія цифры расхода на нихъ 1798 года въ соотвѣтственность съ прежними его исчисленіями на серебряную монету, слѣдуетъ исключить изъ общаго итога 4⁰%, т. е. около 7,600,000 руб.: тогда дѣйстви-тельный расходъ простирался бы до 11,400,000 руб. сер.

Общая сумма на содержаніе войскъ 19,139,345 руб. распре-дѣлялась по предметамъ снабженія слѣдующимъ образомъ:

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 18,594. Именной указъ, данный государствен-ному казначею, 21-го іюли 1798 г. О возвышеніи лажа на вымѣниваемую въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ золотую и серебряную монету и проч.

Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія о причинахъ увеличенія рас-ходовъ на содержаніе войскъ, тогда какъ численность ихъ была умень-шена, замѣтимъ только, что увеличеніе расходовъ могло произойти вслѣд-ствіе прибавки жалованья, послѣдовавшей въ 1797 году, какъ это видно изъ указа отъ 22-го января («Полн. Собр. Зак.», № 17,753), въ которомъ объяв-лено слѣдующее: «Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: 1) армейскихъ пѣхотныхъ полковъ и егерскихъ баталіоновъ штабъ и оберъ-офицерамъ къ жалованью прибавить столько, дабы они, за вычетомъ на медикаменты и госпиталь, получали въ годъ: полковникъ 900, подполковникъ 600, майоръ 460, капитанъ и штабсъ-капитанъ 340, поручикъ 240, подпоручикъ и прапорщикъ 200, включая въ то число деньщице и ра-ціоны; 2) соразмѣрно сему прибавлено жалованье въ кавалерійскихъ пол-кахъ и въ гарнизонныхъ войскахъ. По штатамъ же 1796 года получали жалованья: полковникъ 789, подполковникъ 483, майоръ 424, капитанъ и штабсъ-капитанъ 294, поручикъ 204, подпоручикъ и прапорщикъ 172 рубля.

Ред.

Расчисление суммъ на содержание войскъ по штатамъ 1798 года.

	Число людей въ одинъ полку и баталіонѣ.	На жалованье.		На амунуицныя и ружейн. вещи.		На провіантъ.		На фуражъ.		И т о г о .	
		Одину полку и батал.	Всѣмъ.	Одину полку и батал.	Всѣмъ.	Одину полку и батал.	Всѣмъ.	Одину полку и батал.	Всѣмъ.	Одину полку и батал.	Всѣмъ.
<i>Кавалерія.</i>											
Кирасирскіе полки . . .	899	26,582	425,321	32,199	515,186	13,042	208,675	51,940	831,047	123,764	1,960,230
Драгунскіе — . . .	908	22,735	363,762	28,387	454,198	13,179	210,869	41,501	824,029	115,803	1,852,859
Гусарскіе — . . .	1,643	35,927	281,420	39,603	316,831	24,149	193,195	95,824	764,198	193,205	1,561,645
<i>Пѣхота.</i>											
Л.-гв. Гренад. полки въ 4 батал.	4,252	74,793	74,793	62,851	62,851	62,895	62,895	22,492	22,492	223,032	223,032
Гренадерскіе полки въ 2 батал.	2,126	37,396	448,763	31,426	377,188	31,447	377,671	11,246	134,953	111,516	1,338,196
Мункиатерск. полки	2,126	36,668	2,273,434	31,353	1,943,891	31,447	1,949,752	11,246	697,257	110,715	6,864,335
Егерскіе баталіоны	882	18,749	374,998	12,648	252,962	12,844	256,883	3,522	70,457	47,765	365,302
<i>Гарнизонныя батал.</i>											
8 московскихъ . . .	837	13,373	106,985	11,361	90,892	12,368	98,944	»	»	37,102	296,882
68 на полев. содер.	1,017	16,061	1,092,150	13,717	932,782	14,252	969,162	»	»	44,030	2,994,095
35 — внутр. — . .	753	9,701	336,544	9,828	343,979	11,123	389,301	»	»	30,652	1,072,824
Итого . . .	»	»	5,787,176	»	5,290,683	»	4,717,051	»	3,344,464	»	19,139,345

Издержки на содержаніе войскъ по новымъ штатамъ значительно увеличены: кормъ лошадямъ прибавленъ въ 1797 г., всѣмъ строевымъ кавалерійскимъ лошадямъ назначено производить по 4 гарнца овса и по 14 фунт. сѣна въ сутки, въ продолженіе всего года, за исключеніемъ 6 недѣль, съ 15-го іюня по 1-е августа: въ это время онѣ должны были продовольствоваться кошеной травой, а не на пастбищахъ (*). Наконецъ, можетъ быть также, что въ исчисленіи 1795 года не весь расходъ выведенъ, по недостатку данныхъ.

Трудно прослѣдить всѣ перемѣны въ войскахъ, послѣдовавшія за общимъ ихъ исчисленіемъ въ 1798 г., потому что многія распоряженія были сдѣланы въ видѣ приказовъ, отданныхъ при паролѣ, въ нѣсколькихъ словахъ. Потому упомянемъ о тѣхъ только, о которыхъ изданы болѣе подробныя постановленія или штаты.

Въ промежуткѣ времени съ 1797 по 1800 годъ, изданы новыя штаты для гвардейскихъ войскъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ, въ которыхъ положено:

	Число чиновъ.	На полное содержаніе.
Кавалерійскіе полки: Кавалергардскій	544	95,390
— — Конный	903	86,497
— — Гусарскій	543	69,232
— — Козачій	344	41,354
Итого кавалеріи.	2,339	292,473
Пѣхота, полки: Преображенскій	4,616	428,666
— — Семеновскій	2,778	257,420
— — Измайловскій	2,778	257,420
Баталіоны: Егерскій	448	43,939
— Гарнизонный	407	39,086
Итого пѣхоты	11,027	1,026,531
Всего кавалеріи и пѣхоты	13,366	1,319,004

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 17,962. Именной указъ мая 12-го 1797 года. Объ отпускѣ фуража для лошадей кавалерійскихъ полковъ. № 17,977, мая 30-го 1797 г. О фуражной порціи на каждую строевую лошадь. Утверждая положеніе, повелѣваю: производить всей кавалеріи, исключая 6 недѣль въ году, на каждую строевую лошадь въ день: по 4 гарнца овса и по 15 фунт. сѣна.» По штатамъ 1798 года, отпускалось, кромѣ того, строевымъ лошадямъ въ сутки: соломы $2\frac{1}{2}$ фунта 16 зол.; подъемнымъ, вьючнымъ овса по $2\frac{1}{2}$ гарнца и сѣна 20 фунт., въ продолженіе 8 мѣсяцевъ въ году. Ред.

Въ это же время устроены по новымъ штатамъ всѣ части высшей военной администраціи, съ подвѣдомственными ей мѣстами и чинами. Въ нихъ назначены чины и суммы на содержаніе по слѣдующему краткому исчисленію (*):

	Число чиновъ.	Ихъ содержаніе.
Военная коллегія	228	57,752
Экспедиціи: военная	11	4,860
— счетная	125	27,479
— инспекторская	67	14,820
— артиллерійская	308	75,916
Генералъ-аудиторіатъ	5	2,624
Департаменты съ подвѣдомственными мѣстами и лицами.		
Коммиссаріатскій	1,700	184,471
Провіантскій	1,700	187,925
Итого.	4,144	555,847

Къ этому исчисленію надобно прибавить медицинскихъ чиновъ, которыхъ въ 1799 г. положено при войскахъ слѣдующее число: лекарей старшихъ: 1-го класса 40, 2-го класса 63, 3-го класса 130; младшихъ: 1-го класса 104, 2-го класса 152; фельдшеровъ старшихъ: 205, младшихъ: 205. Всѣхъ 896 чиновъ, на содержаніе которыхъ назначена сумма въ 154,735 рублей (**).

Были еще сформированы отдѣльными штатами разныя команды конныя и пѣшія, какъ, напримѣръ: Литовскій конно-татарскій полкъ, Тептярскій козацкій полкъ (***), Сенатскій баталіонъ и т. п.; но, какъ частности, мы введемъ ихъ только въ общій счетъ войскъ, въ концѣ помѣщенный.

(*) См. таблицы 1, 2, 3, 4 и 5, приложенныя къ № 18,308 вышепоказанному.

(**) «Полн. Собр. Зак.» Высочайше утвержденный 16 іюля 1799 года докладъ медицинской комиссіи: объ уничтоженіи подлекарей при сухопутныхъ и морскихъ войскахъ и пр. Съ приложеніемъ 2 табелей о числѣ медицинскихъ чиновъ и фельдшеровъ при сухопутныхъ войскахъ, флотахъ и адмиралтейскихъ госпиталяхъ.

(***) «Полн. Собр. Зак.», № 18,701. Указъ изъ военной коллегіи, вслѣдствіе именнаго 11 октября 1798 года. Объ учрежденіи полка изъ Тептярей и бо-
Ред.

	Число людей.		Содержаніе въ годъ.			
			На одинъ баталіонъ.			Всего содержанія на всѣ баталіоны.
	Въ одномъ баталіонѣ командъ.	Во всѣхъ.	Жалованье и провіантъ.	На прочіе предметы.	Итого.	
<i>Лейбъ-гвардіи артиллерійскій батал.</i>						
Въ 5 ротахъ пѣшихъ. . . .	406	1,368				
— 1 ротѣ конной.	314		37,448	45,274	82,722	82,772
— фуригаторской командѣ. .	638					
Артиллерійскій осадный баталіонъ. .	1,348	4,044	31,480	20,522	52,002	156,006
<i>Полевые артиллерійскіе баталіоны:</i>						
1 конный батал. 5 ротъ. .	1,453	1,453	35,050	42,426	75,476	75,476
10 пѣшихъ — 50 — . .	1,775	17,780	34,896	33,016	69,912	699,120
<i>Полевая артиллерійскія команды:</i>						
При Лейбъ-Гренадерскомъ полку. .	146	144	2,393	2,567	»	2,567
— прочихъ пѣхотныхъ полкахъ. .	91	6,880	1,339	1,665	»	267,436
Итого во всей артиллеріи	»	31,631	616,117	»	»	1,295,761

Вмѣстѣ съ другими частями войскъ устроена въ это же время и артиллерія. Изданными о ней въ 1798 г. штатами составъ ея опредѣленъ слѣдующій: три осадныхъ баталіона, одинъ баталіонъ конный и 10 баталіоновъ полевыхъ пѣшихъ; каждая изъ пѣшихъ батарей въ 12 орудій; сверхъ того, артиллерійскія команды при полевыхъ гренадерскихъ и мушкатерскихъ полкахъ. Слѣдующія числа представляютъ въ сокращенномъ видѣ состояніе всей тогдашней артиллеріи въ 1799 году (*).

Изъ этого исчисленія видно, что въ ту пору на артиллерію было обращено особое вниманіе. Она заключала въ себѣ болѣе 1,000 орудій, не считая крѣпостныхъ. Для передвижки этихъ орудій требовалось слишкомъ 14,000 лошадей; но какъ постоянное содержаніе ихъ стоило бы слишкомъ дорого, безъ особенной въ нихъ надобности, то положено содержать въ мирное время только 1,234 лошади, отчего годовой расходъ долженъ былъ сократиться на 460,941 рубль.

Рассчитано, что, въ случаѣ надобности, выгоднѣе заплатить за лошадь вдвое и втрое, нежели содержать ихъ постоянно. Штатная цѣна артиллерійской лошади положена 30 руб., а годовое ея продовольствіе стоило 48 руб. 70 коп.; слѣдовательно, не содержавши ея одинъ только годъ, можно было, покупая, дать по 78 руб. за лошадь безъ убытка казнѣ. Вскорѣ послѣ этого устройства артиллеріи сдѣлано было, въ 1800 году, общее распоряженіе объ отобраніи полковой артиллеріи отъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, при которыхъ она дотошъ состояла (**). Людей полковой артиллеріи употребили на укомплектованіе артиллерійскихъ баталіоновъ, отъ которыхъ уже въ случаѣ надобности командировалась артиллерія къ полкамъ.

По инженерной части опредѣлено число чиновъ и содержаніе ихъ въ инженерномъ корпусѣ: въ трехъ осадныхъ депо и въ крѣпостныхъ инженерныхъ командахъ, во всѣхъ положено 1,813

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 18,430. Высочайше утвержденный докладъ комитета 12 марта 1778 г. О содержаніи артиллеріи, съ приложеніемъ штатовъ и табелей, полагаемыхъ при войскахъ артиллеріи и при полевыхъ гренадерскихъ и мушкатерскихъ полкахъ артиллерійскимъ командамъ. По штатамъ этимъ опредѣлено на годовое содержаніе всей полевой артиллеріи, кромѣ гвардейской, 2,039,049 руб. 58 коп.

(**) «Полн. Собр. Зак.», № 19,312. Именной указъ, объявленный 6 марта 1800 г. Объ отобраніи состоящей при полевыхъ гренадерскихъ и мушкатерскихъ полкахъ артиллеріи и объ отдачѣ оной въ артиллерійское вѣдомство.

человѣкъ, а расходъ исчисленъ въ 198,861 рубль, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ: на жалованье и раціоны 156,219 руб., на медикаменты 1,726, на госпиталь 1,299, на прогоны 5,000, на покупку книгъ и т. п. 3,000, на провіантъ 15,034, на обмундированіе 8,895, на шанцевые и минные инструменты въ 3 депо 7,658 руб. (*).

Изданъ еще штатъ для Піонернаго полка въ составѣ 2 минерныхъ и 10 піонерныхъ ротъ; во всѣхъ 2,354 человекъ, на которыхъ назначено, кромѣ провіанта, 57,375 руб. въ годъ (**).

Для опредѣленія общаго числа войскъ передъ вступленіемъ на престолъ императора Александра, слѣдуетъ, взявъ за основаніе вышеприведенное исчисленіе ихъ въ 1798 г., прибавить къ нему полки и команды, составленные по отдѣльнымъ штатамъ и прежде существовавшіе, но не вошедшіе въ счетъ.

Въ этомъ дополнительномъ расчисленіи, можно руководствоваться изданнымъ въ іюнѣ 1799 года (***) росписаніемъ медицинскихъ чиновъ по всѣмъ существовавшимъ тогда полкамъ и командамъ, показаннымъ тамъ въ слѣдующемъ числѣ:

Гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ	4
— пѣхотныхъ полковъ	3
— баталіоновъ	2
Армейскихъ кавалерійскихъ полковъ:	
— кирасирскихъ	19
— драгунскихъ	18
— гусарскихъ	9
— чегуевскихъ козацкихъ регуляр.	2
— татарскій литовскій	1
— Домбровскій польскій	1

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 18,798. Высочайше утвержденные штаты по инженерному корпусу о чинахъ и о разныхъ мастеровыхъ, опредѣленныхъ въ крѣпостяхъ.

(**) Таблица VI съ означеннымъ штатомъ. Штатъ Піонерному полку, состоящему изъ 2 ротъ минеръ и саперъ и 10 ротъ піонеръ, раздѣленныхъ вообще на 8 депо, а весь полкъ на два баталіона, въ каждомъ по одной ротѣ минеръ съ саперами и по пяти ротъ піонеръ.

(***) «Полн. Собр. Зак.», № 19,036. Высочайше утвержденная 16 іюня 1744 г. табель, какому числу быть медицинскихъ чиновъ, а въ помощь имъ фельдшеровъ при сухопутныхъ войскахъ.

Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ:

—	гренадерскихъ	13
—	мушкатерскихъ	68
—	егерскихъ	20

Артиллерійскихъ баталіоновъ:

—	осадныхъ	3
—	полевыхъ	10
—	піонерныхъ	2

Гарнизонныхъ полковъ на полевомъ содержаніи:

Состоящихъ изъ 8 баталіоновъ	1
— 4 —	4
— 3 —	3
— 2 —	12
— 1 —	23

Итого баталіоновъ. . . 43

Гарнизонныхъ полковъ на внутреннемъ содержаніи:

Состоящихъ изъ 4 баталіоновъ	1
— 3 —	3
— 2 —	2
— 1 —	18

Итого баталіоновъ. . . 24

Сообразивъ эти числа съ штатомъ новымъ и прежде изданнымъ, можно опредѣлить число и содержаніе войскъ, не вошедшихъ въ вышеозначенное исчисленіе 1798 года, слѣдующимъ образомъ:

<i>Армейскіе полки кавалерійскіе:</i>	Число полковъ и командъ.	Число людей.	Полное содержаніе.
Кирасирскихъ	3	2,697	371,292
Драгунскихъ	2	1,816	231,606
Гусарскихъ	1	1,643	195,205
Чугуевскихъ козачьихъ	2	2,614	116,622
Литовскій татарскій	1	1,168	107,046
<i>Пѣхотные:</i>			
Мушкатерскихъ полковъ	6	12,756	664,290
<i>Гарнизоны:</i>			
Гарнизонныхъ баталіоновъ на полевомъ содержаніи	6	6,102	264,180
Баталіонъ сенатскій и инвалидная команда при чертежной межеваго департамента	1	1,657	78,097
Греческій баталіонъ	1	34	16,132

Присоединивъ сюда генералитетъ по прежнему о немъ положенію и высшія военныя управленія, увидимъ, что общій составъ и содержаніе всѣхъ войскъ въ 1799 году были слѣдующіе:

	Число чиновъ.	Содержаніе.
Генералитетъ	164	300,849
Военныя управленія и медицинскіе чины.	5,040	710,582
Гвардія	13,366	1,319,004
Армія: пѣхота	191,974	10,045,155
кавалерія	51,994	6,416,507
артиллерія	31,361	1,726,702
инженерные чины	4,167	256,236
гарнизонныя войска	109,634	4,722,250
Всего	407,700	25,497,285

Слѣдовательно, противъ 1795 г. число войскъ уменьшено на 93,000 челов. (исключивъ чиновъ военныхъ управленій); но расходъ на ихъ содержаніе увеличился на 11,486,000 р.

Полевая войска составили 12 дивизій (*); каждому полку или баталіону назначены были непремѣнныя квартиры. Общій составъ каждой дивизіи можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета принадлежавшихъ къ нимъ полковъ и баталіоновъ:

	Число кавалерійскихъ полковъ:			Число пѣхотн. полк.		Число баталіоновъ:	
	кирасирск.	драгунск.	гусарск.	гренадерск.	мушкетер.	егерск.	гарн. мушк.
1-я дивизія С.-Петербургская	2	»	»	2	4	»	2
2-я — Московская	2	1	2	1	7	»	8
3-я — Лифляндская	5	»	1	2	6	»	9
4-я — Смоленская	»	2	»	2	7	»	2
5-я — Литовская	»	2	1	1	6	5	»
6-я — Финляндская	»	1	»	»	3	3	6
7-я — Украинская	5	»	2	2	8	»	2
8-я — Екатеринославская	2	2 (**)	4	2	7	6	2
9-я — Таврическая	»	1	»	»	4	2	»
10-я — Кавказская	»	4	»	»	4	2	»
11-я — Оренбургская	»	1	»	»	3	»	7
12-я — Сибирская	»	2	»	»	3	2	6

(*) «Полн. Собр. Зак.». № 17,606, 3 декабря 1786 года. Высочайше утвержденное росписаніе арміи на дивизіи, съ назначеніемъ полкамъ непремѣнныхъ квартиръ, шефовъ и инспекторовъ по кавалеріи.

(**) Въ томъ числѣ два регулярныхъ козачьихъ полка.

Въ составъ дивизій не вошли 32 мушкатерскихъ и 35 внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ.

Генералитетъ при полевыхъ войскахъ того времени состоялъ изъ слѣдующаго числа чиновъ:

	Въ кавалеріи.	Въ пѣхотѣ.	Итого.
Полевыхъ генераловъ . . .	3	8	11
Генераль-лейтенантовъ. . .	17	20	37
Генераль-маіоровъ . . .	15	38	53
Бригадировъ	»	»	9
Итого . . .	35	66	110

По снабженію войскъ провіантомъ произошло важное измѣненіе; поставка хлѣба натурою въ прежнемъ порядкѣ была отмѣнена, о чемъ упомянуто въ вышеприведенномъ указѣ 18 декабря 1797 года. Но въ томъ же году была приведена въ исполненіе мѣра относительно продовольствія лошадей, не менѣе отяготительная для жителей, какъ и сборъ въ нихъ хлѣба. Это — раздача обывателямъ для содержанія артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей (*), съ отпускомъ за то опредѣленныхъ штатами ремонтныхъ на лошадей денегъ, именно:

На каждую артиллерійскую . . . 5 р. 75 к.
— подъемную . . . 1 — 50 —

Принявшіе лошадей на содержаніе могли пользоваться ими для своихъ надобностей, но при первомъ требованіи должны были представить въ полки совершенно годныхъ къ службѣ. Какъ слѣдствіе этой мѣры, было другое распоряженіе, чтобы провіантъ въ полки, доставлявшійся прежде на подъемныхъ лошадяхъ, перевозился обывателями, на разстояніи 34 верстъ бесплатно, а далѣе съ платою по плакату (**).

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 17,829. Сенатскій указъ, вслѣдствіе именнаго 23 февраля 1797 года. О раздачѣ полковыхъ подъемныхъ лошадей на содержаніе обывателямъ, съ выдачей имъ положенныхъ по штату ремонтныхъ денегъ.

(**) «Полн. Собр. Зак.», № 17,835. Именной указъ, объявленный 25 февраля 1797 г. «О перевозкѣ провіанта обывателями изъ магазиновъ въ полки.... перевозку провіанта изъ магазиновъ въ полки, не далѣе 34 верстъ, которая по учрежденіямъ прежнимъ на полковыхъ подъемныхъ лошадяхъ производима была, по раздачѣ тѣхъ лошадей обывателямъ, возложить также на обывателей....»

Ред.

Для раздѣла лошадей, губерніи раздѣлены были, по числу жителей, на пятисотенные участки, по которымъ распределены лошади квартировавшихъ въ нихъ войскъ.

Въ томъ же году обѣ эти натуральныя повинности: содержаніе подъемныхъ лошадей и перевозка въ полки провіанта, отиѣнены, и вмѣсто ихъ прибавлено къ подушному окладу, уже увеличенному въ 1794 году, еще по 11 к. на каждую душу (*).

Потребность въ матеріалахъ обмундированія войскъ значительно возвысилась въ эту пору. На 1798 годъ потребовалось сукна до 1,857,507 арш. и каразеи 766,527 арш. (**)

Поставка этого количества прежнимъ порядкомъ была распределена между обязанными фабриками, а недостатокъ пополнялся вольною поставкою съ тѣхъ же и съ частныхъ фабрикъ, по слѣдующему разсчету. По 5 ревизіи за обязанными фабриками числилось 14,385 душъ крестьянъ съ землею и 2,601 безъ земли. Полагая, на основаніи постановленія 1791 г., годовую пропорцію выдѣлки сукна на первыхъ по 52¹/₂ аршинъ, а на послѣднихъ 105 аршинъ, всѣ онѣ должны были поставить 1,028,317¹/₂ аршинъ. Сверхъ этого количества они обязались поставить еще 247,407¹/₂ аршинъ, а частныя фабрики 533,773 аршина. Затѣмъ недоставало противъ потребности 48,009 арш.; но въ то время существовали двѣ казенныя суконныя фабрики—Екатеринославская и Иркутская, издѣлія которыхъ съ избыткомъ пополняли недостатокъ. Подобнымъ же образомъ распределялась и каразея, выдѣлки которой, сверхъ сукна, назначено по 20 аршинъ на каждую душу съ землею и по 40 безъ земли; по этому разсчету, съ обязанныхъ фабрикъ, должно было посту-

(*) «Полн. Собр. Зак.». № 18,278. Мы уже указали на эту статью, а теперь выпишемъ изъ нея что касается до увеличенія подушной подати... 3) Облегчивъ вообще крестьянъ отъ тягости, сопряженной съ содержаніемъ подъемныхъ лошадей, при войскахъ положенныхъ, и съ дачею подводъ, для развоза провіанта, фуража и другихъ надобностей, повелѣваемъ собирать со всѣхъ поселянъ казеннаго вѣдомства и съ помѣщичьихъ крестьянъ, сверхъ установленнаго, по указу 23 іюня 1794 года, подушнаго оклада, еще по 26 коп. съ каждой души мужескаго пола, включая тутъ и тѣ 13 коп., кои указомъ Нашимъ отъ 19 сентября 1797 г. опредѣлены, и, разумѣется, въ томъ же числѣ накладныя изъ 2 коп. на рубль, которыя по расчисленію на сію накладу приходились бы....

(**) «Полн. Собр. Зак.», № 18,298. Высочайше утвержденный указъ, данный Сенату 29 декабря 1797 года. О приведеніи въ исполненіе распоряженія мануфактуръ-коллегіи, къ заготовленію потребной на 1798 г. пропорціи для войскъ сукна, каразеи и проч.

Ред.

пить 391,740 аршинъ. Часть осталнаго количества поставлена вольнымъ обязательствомъ, а часть казенными фабриками. Цѣна на сукно оставлена прежняя: за бѣлое — 72 к., за цвѣтное — 84 к., хотя фабриканты и просили возвысить оную, на первыя до 90 к., на послѣднія до 1 р. за арш. За каразею назначена высшая плата, на одинъ только 1797 годъ, по 30 к. арш.

Въ это время издано было запрещеніе вывоза суконъ за границу (*) (сукна наши по большей части вывозились въ Кяхту) прежде обмундированія всей арміи и сдѣлано другое распоряженіе, чтобы потребное количество для комиссаріата фламскаго полотна и равендука удерживать въ таможенныхъ изъ партій, вывозимыхъ за границу, перваго — десятую, а послѣдняго — двадцатую часть каждой партіи, съ платою купцамъ по штатной цѣнѣ. Къ этой мѣрѣ побудило правительство возвышеніе вольныхъ цѣнъ на эти матеріалы (**).

Д. ЖУРАВСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

(*) «Полн. Собр. Зак.», № 19,305. Именной указъ, объявленный 1 марта, 1800 г. О запрещеніи выпускать за границу сукно и каразею, до обмундированія арміи.

Указомъ этимъ подтверждено распоряженіе, сдѣланное еще 9 сентября 1797 года, о запрещеніи фабрикантамъ и торговцамъ употреблять сукна и каразеи «въ private обороты» и для отправленія за границу, «покуда армія не будетъ удовлетворена обмундированіемъ».

(**) «Полн. Собр. Зак.», № 19,355. Высочайше утвержденный доклад президента коммерцъ-коллегіи. О предписаніи всѣмъ таможеннымъ, чтобы онѣ удерживали у купцовъ отъ каждой партіи фламскаго полотна и равендуку, отпускаемыхъ въ чужіе края, для генералъ-кригсъ-комиссаріата, у фламскаго полотна десятую, а у равендука двадцатую части, и о платежѣ денегъ за оное купцамъ по штатнымъ цѣнамъ.

Ред.

АНГЛІЯ ■ ЕЯ ВОЕННО-СУХОПУТНОЕ УСТРОЙСТВО.

(Статья вторая).

TRAITE ON THE ADMINISTRATION AND ORGANISATION OF THE
BRITISH ARMY, with especial reference to finance and supply, by
Edward Barrington de Fonblanque, assistant commissary-general.
London. 1858.

(Очеркъ администраціи и организаціи британской арміи, преимущественно по отношенію къ финансамъ и содержанію ея, соч. Е. Б. де-Фонбланка, помощника генераль-коммиссара. Лондонъ. 1858. in-8. 450 стр.)

Въ первой статьѣ нашей : «Англія и ея военно-сухопутное устройство», мы остановились на четвертой книгѣ соч. де-Фонбланка. Авторъ разсматриваетъ въ этой книгѣ военные финансы и первую главу ея посвящаетъ ассигнованію, распредѣленію и дополненію военныхъ суммъ.

Считаемъ не лишнимъ припомнить здѣсь читателю систему финансоваго и бюджетнаго механизма въ Англіи.

Распоряженіе государственными доходами и высшій контроль всѣхъ государственныхъ расходовъ принадлежатъ парламенту. Канцлеръ казначейства ежегодно представляетъ парламенту.

. ТХ. Отд. II.

менту подробную смѣту расходовъ во всѣхъ отрасляхъ государственной службы. Смѣта эта называется бюджетомъ и составляетъ основаніе всѣхъ парламентскихъ вотиrowаній и ассигнованій.

Собственно казначейство (Treasury) есть исполнительный департаментъ, отвѣчающій за распредѣленіе суммъ согласно рѣшенію парламента. Каждое отдѣльное государственное управленіе съ своей стороны представляетъ казначейству ежегодную смѣту собственныхъ расходовъ на слѣдующій годъ. Всѣ эти смѣты разсматриваются въ казначействѣ, имѣющемъ право уменьшить въ нихъ тѣ статьи, которыя кажутся ему несоотвѣтственно значительными. Особымъ актомъ, парламентъ даетъ казначейству право измѣнять въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ назначеніе различныхъ суммъ и передавать ихъ изъ одного управленія въ другое.

Палата контроля, подъ вѣдомствомъ казначейства, наблюдаетъ за употребленіемъ суммъ и представляетъ парламенту отчетъ, соотвѣтствующій смѣтѣ и показывающій родъ издержекъ въ различныхъ управленіяхъ. Отчетъ этотъ разсматривается и повѣряется въ парламентѣ, который, такимъ образомъ, производитъ высшій контроль надъ всѣми государственными расходами и всѣмъ правительственнымъ механизмомъ.

Что до военныхъ финансовъ, то они находятся въ распоряженіи государственнаго военнаго секретаря, который ежегодно представляетъ смѣту предположенныхъ расходовъ, раздѣленную на шесть отдѣловъ, вотиrowуемыхъ въ парламентѣ, каждый особо. Прежде же этого различныя управленія военнаго вѣдомства представляютъ государственному военному секретарю свои частныя смѣты, по которымъ и составляется общая, вотиrowуемая въ парламентѣ.

Послѣ ассигнованія въ парламентѣ, генераль-казначей (Paymaster general), кассиръ казначейства, выдаетъ военному министерству опредѣленныя суммы посредствомъ векселей на англійскій государственный банкъ. Главный хранитель военныхъ финансовъ—«генераль счетовъ», и всѣ денежныя передачи и уплаты изъ министерства производятся не иначе, какъ съ его разрѣшенія и подъ его наблюденіемъ.

Суммы, требуемыя на содержаніе полковъ, находящихся въ самой Англіи, остаются въ рукахъ «военныхъ агентовъ», которые составляютъ банкировъ полковыхъ казначеевъ и отдаютъ

отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ военному министерству. Въ Англіи эти суммы находятся въ рукахъ комиссаріатскихъ офицеровъ, которыхъ обязанности въ этомъ случаѣ очень усложняются, потому что они должны слѣдить за денежными мѣстными курсами и соображаться всегда съ ними.

Авторъ подводитъ всѣ денежные оклады подъ слѣдующіе виды: «рекрутская плата», «жалованье», «прибавочныя дачи» и «жадованье на на дѣйствительной службѣ».

Было говорено уже нѣсколько разъ о системѣ наборовъ посредствомъ добровольнаго вступленія въ военную службу. Здѣсь мы повторимъ лишь, что система конскрипцій едва ли можетъ быть введена въ настоящее время въ Англіи при тѣхъ понятіяхъ о личныхъ правахъ, которыя мы видимъ у ея гражданъ. Кромѣ того, система эта можетъ быть введена только тогда, когда офицерское званіе сдѣлается доступнымъ всѣмъ, въ полномъ смыслѣ этого понятія (*), когда аристократическое начало (дѣлающее, между прочимъ, въ Англіи такъ много добра) утратитъ свою силу и когда, поэтому, человѣку, насильно взятому въ службу, будетъ открытъ болѣе или менѣе привлекательный ходъ на службѣ.

Величина суммы, выдаваемой людямъ при завербованіи, то есть рекрутской платы (bounty), зависитъ отъ необходимости правительства въ солдатахъ и отъ спроса рабочихъ рукъ въ странѣ. При необходимости, правительство увеличиваетъ ее и въ то же время ослабляетъ условіе вступленія, какъ-то: ростъ, лѣта и пр., то есть платитъ дороже за дурной товаръ (**).

Срокъ службы въ настоящее время десять лѣтъ въ пѣхотѣ и двѣнадцать въ кавалеріи и артиллеріи, по окончаніи котораго солдатъ можетъ возобновить его. Величина рекрутской платы въ послѣдніе годы сильно мѣнялась: въ 1856 году, передъ миромъ, она достигала до 7 ф. ст., въ слѣдующемъ году упала до 2 ф. ст., а теперь составляетъ 3 ф. ст.

(*) Въ статьѣ «Олдершотскій лагерь» мы приводили нѣсколько поразительныхъ фактовъ отказа унтеръ-офицеровъ отъ офицерскаго званія, которое, по ихъ мнѣнію, соответствовало лишь «благороднымъ».

(**) Кстати скажемъ, что въ 1812 году въ англійскихъ арміи и флотѣ считалось до милліона человѣкъ, то есть почти двадцатая часть всего народонаселенія. Это показываетъ, на что способна страна при нуждѣ.

Издержки по наборамъ (bounty) возвышались въ 1858 году до 108,800 ф. ст.

Авторъ замѣчаетъ при этомъ очень справедливо, что рекрутская плата, выдаваемая тотчасъ же послѣ вступленія, служить лучшею приманкою для вступленія «бѣдныхъ людей», чѣмъ жалованье и другіе предметы, которыхъ они не могутъ получить тутъ же. Но онъ полагаетъ, что если бы военной службѣ придать высокій и почетный смыслъ, то люди среднего достаточнаго класса стали бы добровольно вступать въ нее, и тогда рекрутская плата сдѣлалась бы лишнею; въ наполненіи же арміи порядочными людьми заключается самая трудная задача общаго военно-административнаго дѣла. Онъ замѣчаетъ также, что вновь поступающій солдатъ стоитъ государству не одну только рекрутскую плату, что прежде, чѣмъ онъ вступить въ свою часть, правительство одѣваетъ, вооружаетъ его, и т. д. Это составляетъ до 20 ф. ст. на cadaго. «Такова стоимость солдата въ его первоначальномъ видѣ, какъ сыраго матеріала арміи, говоритъ авторъ. Каждый день его содержанія и обученія увеличиваетъ цѣну его, и когда наконецъ практика и дисциплина сдѣлаютъ изъ рекрута солдата и дадутъ ему возможность приносить пользу военной системѣ, которой онъ составляетъ одинъ атомъ, тогда становится труднымъ опредѣлить его денежную цѣну, потому что никакая сумма не въ состояніи сейчасъ же замѣнить его» (стр. 247).

Третья глава говоритъ о жалованьи. Въ самыя первыя времена всѣ члены общества обязаны были служить, и жалованья тогда не существовало. Но оно является очень скоро. Сначала раздача добычи служила вознагражденіемъ воиновъ; потомъ, когда общества развились, деревни сдѣлались городами, а города государствами, и «многіе», по неизбѣжному закону природы, предоставляли себя руководству нѣсколькихъ, интересы частныхъ лицъ стали все болѣе и болѣе разобщаться съ военнымъ дѣломъ и воины-защитники стали получать опредѣленное содержаніе отъ защищаемыхъ.

Авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ жалованья, котораго мы не приводимъ здѣсь. Скажемъ только, что жалованье римскихъ солдатъ, еще во времена республики, было очень высоко и равнялось 2 oboli (*) въ пѣхотѣ и въ кавалеріи. Ежели вѣрить

(*) Obolus равнялся 1½ англ. пенса, т. е. около 4 к. сер.

Галламу, который говоритъ, что стоимость монеты (внутренняя) того времени была въ двадцать пять разъ болѣе настоящей, то пѣхотный солдатъ получалъ до 2 р. сер. въ день. Цезарь и потомъ Домиціанъ увеличили его еще, и наконецъ впослѣдствіи къ нему прибавилась такъ называемая *donativa*, даваемая при избраніи императорами преторіанцамъ и воинамъ вообще. Кроме того, солдаты получали огромныя суммы послѣ побѣдъ и завоеваній. Помпей, по окончаніи своего азіатскаго похода, далъ каждому простому воину по 1,500 драхмъ (около 320 р. сер.); позже Цезарь далъ своимъ солдатамъ по 5,000 драхмъ каждому.

Въ Англіи мы находимъ опредѣленное постоянное жалованье всѣмъ чинамъ не раньше царствованія королевы Маріи. Оно было тогда довольно значительно. Елизавета и Кромвель повысили ихъ еще; но Карлъ II уменьшилъ опять. Наконецъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, жалованье было окончательно опредѣлено парламентомъ, и почти въ этомъ видѣ оно остается до настоящаго времени.

Въ Англіи, подобно тому, какъ и въ другихъ государствахъ, жалуются на недостаточность офицерскаго жалованья, которое не даетъ вовсе возможности содержать себя. Совсѣмъ тѣмъ, офицерскіе оклады въ Англіи значительно выше, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Въ первой «среднее жалованье» офицеровъ отъ подполковника до прапорщика составляетъ около 220 ф. ст., а во вторыхъ отъ 100 до 110 ф. ст. въ годъ. Но если взять въ соображеніе, что условія жизни въ Англіи дороже, что въ другихъ государствахъ офицеры пользуются многими привилегіями, какъ-то: половинной цѣной при переѣздахъ, уменьшенной платой за входъ въ увеселительныя заведенія и театры (*), средствами воспитывать дѣтей, которыхъ совершенно не существуетъ въ Англіи, то содержаніе иностранныхъ офицеровъ будетъ не менѣе англійскихъ. Что же до солдатскихъ окладовъ, то они здѣсь значительно выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ.

Приводимъ при этомъ двѣ таблицы денежныхъ окладовъ въ англійской арміи. *Первая изъ нихъ* показываетъ денежные дачи офицеровъ въ придворной кавалеріи и ливейной пѣхотѣ только, какъ двухъ крайнихъ предѣловъ ея; между первою и послѣднею

(*) Какъ, напримѣръ, во Франціи.

по величинѣ окладовъ слѣдуютъ : конная артиллерія, линейная кавалерія, гвардейская пѣхота, пѣшая артиллерія и корпусъ инженеровъ. Оклады остъ-индскихъ и колоніальныхъ войскъ сходны съ окладами линейной пѣхоты. *Вторая таблица* показываетъ денежныя дачи солдатъ въ придворной кавалеріи и линейной пѣхотѣ. Оклады солдатъ въ остъ-индскихъ и колоніальныхъ войскахъ выше окладовъ линейной пѣхоты.

Т А Б Л И Ц А I.

ЧИНЫ И ЗВАНІЯ.	Оклады въ день.	
	Придворн. кавалерія. шил. пен.	Линейн. пѣхота. шил. пен.
Подполковникъ.	29 2	17 —
Маіоръ	24 5	16 —
Капитанъ	15 1	11 7
Поручикъ	10 4	6 6
Корнетъ.	8 —	— —
Прапорщикъ	— —	5 3
Адъютантъ (не личный).	13 —	10 —
Казначей	— —	12 6
Врачъ	13 —	13 —
Помощникъ врача.	10 —	10 —
Ветеринаръ.	8 —	— —
Квартирмейстеръ	9 6	6 6

Примѣчаніе. Полковники и генералы получаютъ отъ 1,000 до 2,200 ф. ст. въ годъ, смотря по величинѣ командуемой части.

Т А Б Л И Ц А II.

З В А Н І Я.	Оклады въ день.	
	Придворн. кавалерія. шил. пен.	Линейн. пѣхота. шил. пен.
Старшій фельдфебель.	4 2	3 2
Ротный или эскадронный фельдфебель	3 8	
Унтеръ-офицеры: казначейскій сѣдельникъ, смотритель цейхгаузовъ и лазарета.	2 8 ¹ / ₄	2 —
Трубачъ и тамбуръ-мажоръ.	2 9	2 —
Сержантъ	— —	2 —
Капралъ.	2 6 ¹ / ₄	1 4
Рядовой	1 11 ¹ / ₄	1 —
Человѣкъ моложе пятнадцати лѣтъ	— —	— 10

Жалованье это, и преимущественно офицерское, подвергается различным вычетамъ, такъ что сумма, дѣйствительно получаемая каждыиъ, гораздо менѣе. Если взять въ расчетъ всѣ вычеты, съ офицеровъ и прибавить къ этому хоть пять процентовъ съ того капитала, который они выплачиваютъ за свои чины, то оказывается, что имъ остается въ сущности очень мало отъ ихъ жалованья, а нѣкоторымъ приходится еще добавлять своихъ денегъ за честь служить въ арміи. Вѣроятно, никто изъ читателей не ожидалъ такой новости. Мы докажемъ имъ это слѣдующей таблицей, представляющей положенное закономъ жалованье и пять процентовъ съ капитала за чины съ обыкновенными офицерскими вычетами въ полкахъ линейной пѣхоты (*).

Ч И Н Ы.	Полное денеж- ное содержа- ніе.			Проценты съ ка- питала за чины и другіе вы- четы.			Различіе.			Результатъ.
	ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.	
Подполковникъ. . .	365	—	—	380	12	11	15	12	11	Убыль.
Маіоръ.	292	—	—	249	10	4	42	9	8	Прибыль.
Капитанъ.	211	7	11	142	14	11 ³ / ₄	62	12	11 ¹ / ₄	—
Поручикъ.	118	12	6	53	19	5 ¹ / ₈	64	13	7 ¹ / ₈	—
Прапорщикъ. . . .	95	16	3	27	15	—	68	1	3	—

Изъ этой таблицы ясно, что подполковникъ платитъ за честь служить 15 ф. ст. шилл. и 11 пенс., т. е. около 15 р. сер.; а другимъ офицерамъ остается отъ жалованья очень незначительная сумма.

Вычеты изъ солдатскихъ окладовъ зависятъ отъ обстоятельствъ: за раціоны хлѣба и мяса съ каждаго вычитается (въ соединенныхъ королевствахъ) 4¹/₂ пенса въ день, въ заграничныхъ стоянкахъ 3¹/₂ пенса. При нахожденіи въ госпиталѣ съ каждаго вычитается: въ соединенныхъ королевствахъ 10 пенс., въ заграничныхъ стоянкахъ 9 пенс., въ кампаніи 3¹/₂ пенса.

Раздача жалованья производится слѣдующимъ образомъ. Казначей (paymaster), получивъ необходимыя суммы отъ военнаго агента въ соединенныхъ королевствахъ или отъ комиссаріатскаго чиновника въ заграничныхъ стоянкахъ, раздаетъ ихъ капитанамъ, командирамъ ротъ или другихъ какихъ либо ча-

(*) Цѣну чиновъ см. въ первой статьѣ.

стей. Капитаны, послѣ распредѣленія денегъ, отдають отчетъ въ употребленіи ихъ казначеймъ, которые контролируютъ ежемѣсячно свои части и сами отдають отчетъ каждые три мѣсяца военному министерству. Офицеры получаютъ жалованье (въ соединенныхъ королевствахъ) прямо отъ военныхъ агентовъ, каждое первое число мѣсяца «впередъ», солдаты—отъ разныхъ командировъ каждый день.

Жалованье войскъ (не считая индѣйскихъ) составляетъ въ годъ до 3,724,474, что даетъ на 122,635 человекъ среднимъ числомъ около 29 ф. ст.

Авторъ, съ его строгою законностью никакъ не могъ не замѣтить въ этой главѣ, что не зачѣмъ означать жалованье выше того, которое солдатъ дѣйствительно получаетъ послѣ вычетовъ, и, вмѣсто того, чтобы говорить ему, что онъ будетъ имѣть 1 шилл. въ день съ вычетами, слѣдуетъ объявить, что онъ будетъ получать просто 7½ пенсовъ: это и проще и правдивѣе.

Слѣдующая глава заключаетъ въ себѣ описаніе окладовъ штабныхъ и гарнизонныхъ офицеровъ. Странно, что въ Англіи штабные офицеры получаютъ жалованье отъ двухъ путей: одно за чинъ, другое за исполненіе штабныхъ обязанностей. Авторъ говоритъ, что лучше уже учредить особый корпусъ генеральнаго штаба и назначить какое угодно высокое жалованье, чѣмъ платить офицерамъ за чинъ и, кромѣ того, за исполненіе обязанностей.

Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ этихъ окладовъ, но замѣтимъ, что они гораздо значительнѣе обыкновенныхъ. Что же до гарнизонныхъ окладовъ, то они немного менѣе обыкновенныхъ.

Жалованье 278 штабныхъ офицеровъ составляетъ по счѣтѣ на этотъ годъ 99,049 ф. ст.

Пятая глава говоритъ о прибавочныхъ дачахъ и окладахъ. Складовъ этихъ весьма много, и мы назовемъ изъ нихъ главные.

Къ дачамъ, составляющимъ дополнительное жалованье, принадлежатъ слѣдующія: за командованіе отдѣльными частями въ Англіи до 3 шилл. въ день; за «видъ на чинъ» (*brevet promotion*) — до 2 шилл.; ротамъ на поддержку разныхъ предметов домашняго хозяйства—до 10 шилл. среднимъ числомъ на человека въ годъ; за прослуженіе болѣе 5 лѣтъ поручикамъ, казначеймъ, адъютантамъ, врачамъ, ветеринарамъ и др. — по 1 шилл. и больше въ день; инженернымъ офицерамъ, употребле-

мымъ при штабахъ—отъ 3 и до 13 шилл. въ день; офицерамъ во время кампаній на экипировку—отъ 1 до 50 шилл. въ день; унтеръ-офицерамъ и солдатамъ, по выслуженіи 5 лѣтъ—1 пенсъ и болѣе въ день; на пиво унтеръ-офицерамъ и солдатамъ въ Англіи—по 1 пенсу въ день.

Къ окладамъ, составляющимъ общія дополнительные суммы къ содержанію, принадлежатъ слѣдующіе: на расходы по корреспонденціи — вообще очень незначительныя; на общіе офицерскіе столы—по 25 ф. ст. въ годъ на каждую роту или эскадронъ.

Къ частнымъ прибавочнымъ окладамъ принадлежатъ слѣдующіе: на наемъ прислуги, если офицеръ не имѣетъ казеннаго деньщика, отъ 1 до 1½ шилл. въ день; столовыя деньги генераламъ и полковымъ командирамъ въ нѣкоторыхъ стоянкахъ, для содержанія у себя общаго стола, отъ 500 до 1,500 ф. ст. въ годъ; на экипировку унтеръ-офицерамъ при производствѣ ихъ въ офицеры, и т. п.

Къ случайнымъ прибавочнымъ окладамъ принадлежатъ: походныя дачи — офицерамъ 5 шилл. въ день, а солдатамъ отъ 1 до 4-хъ пенсовъ; за проѣздъ по казенной надобности (прогоны)—смотря по мѣстности; за публичныя работы солдатамъ отъ 9 пенс. до 4 шилл. въ день.

Къ прибавочнымъ окладамъ, замѣняющимъ собою дачи натурою, принадлежатъ: квартирныя деньги съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, выдаваемыя всѣмъ офицерамъ и «солдатамъ». Когда они не помѣщаются въ казенныхъ зданіяхъ или находятся въ кампаніи, отъ 10 ф. ст. (солдату) и до 400 ф. ст. (генералу); за провіантъ и фуражъ, когда они не могутъ быть выдаваемы натурою, по справочнымъ мѣстнымъ цѣнамъ.

Къ исключительнымъ прибавочнымъ окладамъ принадлежатъ: вознагражденіе колоніальнымъ войскамъ за особую дороговизну жизни, за потерю лошадей и вещей отъ непріятеля и пр.

Всѣ прибавочныя дачи и оклады составляютъ въ этомъ году 489,493 ф. ст.

Въ шестой главѣ говорится о недѣйствительной службѣ. «Порядокъ, не менѣе справедливости и гуманности, говоритъ авторъ, требуетъ, чтобы правительство заботилось въ годы старости о тѣхъ, которые посвятили лучшую часть своей жизни го-

сударственной службѣ, и особенно военной». Онъ приводитъ историческій очеркъ пенсіоновъ, который мы здѣсь пропускаемъ.

Въ настоящее время оклады недѣйствительной службы могутъ быть подведены подъ слѣдующіе разряды:

Вознагражденія офицерамъ за безпорочную службу и за крестъ Викторіи, составляющія вмѣстѣ сумму въ 21,000 ф. ст., распределяемую между 120 офицерами отъ 91 до 460 ф. ст. въ годъ на каждого; на унтеръ-офицеровъ, отличившихся чѣмъ нибудь въ бытности на службѣ, вотируется 4,400 ф. ст., которые распределяются теперь между 220 унтеръ-офицерами отъ 10 до 20 ф. ст. въ годъ на каждого.

Оклады генераловъ, не занимающимъ дѣйствительныхъ должностей, но преимѣнію вакансій, 400 ф. ст. въ годъ; если генералъ командуетъ частью, не соответствующею его чину, то онъ получаетъ, кромя того, обыкновенный окладъ, предоставляемый такому командованію.

Оклады отставнымъ офицерамъ раздѣляются на полную плату за чинъ, на половинную плату съ прибавками и на иностранную половину, съ пенсіонами вдовамъ и прибавками. На всѣхъ полагается до 864,536 ф. ст., распределяемыхъ между 3,400 человѣками.

Вдовы всѣхъ офицеровъ, умершихъ на службѣ, получаютъ пенсіи; однако, онѣ не даются не нуждающимся въ средствахъ, точно такъ же, какъ и вышедшимъ вторично замужъ. До 2,560 вдовъ получаютъ пенсіи, составляющія вмѣстѣ на этотъ годъ 151,375 ф. ст.

Дѣти офицеровъ, умершихъ на службѣ, получаютъ ежегодныя вспомошествованія, величина которыхъ зависитъ отъ заслугъ отцовъ и отъ круглаго или некруглаго сиротства дѣтей; вспомошествованія прекращаются—сыновьямъ, съ наступленіемъ 18 года, а дочерямъ—съ 21 годомъ или выходомъ замужъ. Они составляютъ 22,160 ф. ст. въ годъ, распределяемыхъ между 1,618 человѣками.

Всѣ эти пенсіи и вспомошествованія не превышаютъ обыкновенно половиннаго жалованья.

Жены, матери и сестры убитыхъ въ сраженіи или умершихъ отъ ранъ офицеровъ получаютъ прибавочныя пенсіи. 22,170 ф. ст. назначено для этого.

Особенныя пенсіи полагаются еще офицерамъ за раны, полученные въ сраженіи, сдѣлавшія ихъ увѣчными; за маловажныя же раны выдаются офицерамъ единовременныя пособія. 377 офицеровъ получаютъ въ настоящее время пенсіи за раны (отъ 50 до 400 ф. ст.), составляющія вмѣстѣ 51,243 ф. ст.

Такъ называемый чельзейскій солдатскій пенсіонъ бываетъ двухъ родовъ: онъ состоитъ или изъ пищи, одежды и помѣщенія солдата въ самомъ чельзейскомъ госпиталѣ, съ прибавленіемъ небольшихъ дневныхъ карманныхъ денегъ, или же въ денежныхъ окладахъ, выдаваемыхъ отставнымъ солдатамъ, не содержимымъ въ госпиталѣ.

Чельзейскій госпиталь, сходенъ отчасти съ Домомъ Инвалидовъ Парижѣ и имѣетъ то же назначеніе. Онъ помѣщаетъ въ настоящее время до 548 заслуженныхъ солдатъ; содержаніе его стоитъ до 25,300 ф. ст., ассигнуемыхъ парламентомъ помимо военной сѣты.

Королевскій госпиталь въ Кильмингамѣ составляетъ какъ бы отдѣленіе Чельзейскаго; онъ помѣщаетъ до 150 человекъ и стоитъ до 6,000 ф. ст.

Отставные унтеръ-офицеры и солдаты, не помѣщаемые въ госпиталяхъ, получаютъ, смотря по важности ранъ и числу прослуженныхъ лѣтъ, отъ 9 пенс. и до 1 шилл. 3 пенс. въ день; около 63,650 человекъ получаютъ эти пенсіи, составляющія въ этомъ году 1,136,500 ф. ст.

Всѣ оклады недействительной службы простираются до 2,240,000 ф. ст. въ годъ.

Мы приводимъ здѣсь всѣ эти цифры, чтобы дать возможность лицамъ, близко знакомымъ съ военною администраціею, сдѣлать относительное сравненіе съ расходами на этотъ предметъ въ другихъ государствахъ.

Пятая книга заключаетъ въ себѣ предметы военнаго довольствія, а первая ея глава — содержаніе въ гарнизонѣ и полѣ.

«Тѣ, которые принимали участіе въ военныхъ операціяхъ, говоритъ авторъ, не могли не замѣтить, какъ много благосостояніе солдата зависитъ отъ правильности, съ которою удовлетворяются его разнообразныя потребности, какъ тѣсно связаны между собою матеріальный комфортъ и дисциплина войскъ и какъ неизбѣжно, армія дурно содержимая, падаетъ не только физически, но и морально» (стр. 319). Настаивая на необходимости

возможно хорошаго содержанія солдата, онъ прибавляетъ: «что человѣчность и патріотизмъ, точно такъ же, какъ начало порядка экономіи, требуютъ, чтобы не было пренебрежено никакимъ средствомъ, могущимъ служить благосостоянію войскъ. «Отвѣтственность военной администраціи огромна, говоритъ авторъ: «отъ ея дѣйствій зависятъ и успѣхъ военныхъ предпріятій и самая жизнь солдатъ». Для того же, чтобы дѣйствія и усилія ея исполнителей приносили пользу, она должна быть управляема одними общими началами, ведущими къ одной общей цѣли. Недостаточно признать венную администрацію наукой: наука должна быть приведена къ системѣ; безъ системы самые великіе гении теряютъ значеніе, самыя богатые средства оказываются недостаточными.»

Отъ общихъ разсужденій авторъ переходитъ къ порядку воинскаго продовольствія въ Англіи. Въ главѣ его управленія стоитъ государственный военный секретарь, дѣйствующій черезъ чиновниковъ административныхъ департаментовъ.

Система продовольствія въ соединенныхъ королевствахъ и въ колоніяхъ различна; но тамъ и здѣсь она одинакова основана на подрядахъ. Въ первыхъ само министерство заключаетъ подряды и контракты на цѣлые военные округа, и такъ какъ мѣстные мелкіе торговцы не ведутъ обыкновенно дѣлъ внѣ ихъ жительства, то подряды эти монополизируются въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ, которые передаютъ ихъ уже мѣстнымъ лицамъ; комиссаріату принадлежитъ надзоръ за дѣйствіями поставщиковъ. Въ колоніяхъ комиссаріатскіе офицеры заключаютъ подряды съ мѣстными поставщиками, которые уже непосредственно и продовольствуютъ войска.

Объ этой системѣ подрядовъ—монополій можно говорить очень много; здѣсь мы замѣтимъ только, что посредствомъ передачъ и перепередачъ три лица (а иногда и болѣе), вмѣсто одного, должны взять свой процентъ съ продовольствія прежде, чѣмъ оно дойдетъ до солдата, и что эти посредники—поставщики богатеютъ обыкновенно или на счетъ правительства, или на счетъ солдата, или, вѣрнѣе, на счетъ обоихъ.

Между прочимъ, генераль-коммиссаръ G. Maclean, въ запискѣ, представленной имъ въ 1856 году государственному военному секретарю, говоритъ, что въ это время одинъ изъ лондонскихъ подрядчиковъ продовольствовалъ Ирландію, между тѣмъ,

какъ одинъ изъ дублинскихъ поставлялъ свѣжее мясо въ Сѣверную Англію.

Разъ заключенный контрактъ долженъ быть въ точности исполненъ какъ подрядчикомъ, такъ и правительствомъ. Если обстоятельства помѣшаютъ подрядчику поставить предметы вовремя или причинять ему убытки ради казны, то онъ получаетъ отъ правительства вознагражденіе. Замѣтимъ, что изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ крайне строго. Когда время не позволяетъ выполнять всѣхъ формальностей контрактовъ и пріемовъ, тогда покупка необходимо совершается прямо, и при этомъ требуется только удостовѣреніе надежныхъ лицъ въ доброкачественности матеріаловъ.

Затѣмъ авторъ говоритъ о трудности продовольствовать войска въ кампаніяхъ. Пресловутое—«война питаетъ войну» не можетъ имѣть и не имѣетъ мѣста въ настоящее время. Коммиссаріатъ, заботящійся о продовольствіи, долженъ всегда изучать страну, служащую театромъ войны, но никогда не долженъ много надѣяться на нее; онъ долженъ устроить возможно обширные собственные склады и избѣгать дѣлъ съ подрядчиками, особенно чужими. Изложивъ правила, которыхъ долженъ держаться коммиссаріатъ въ непріятельской странѣ, занятой собственными войсками, авторъ дѣлаетъ извлеченіе изъ «Введенія курса военной администраціи» Вошелля, въ которомъ послѣдній говоритъ о дѣйствіяхъ военной администраціи во время войны и котораго идею можно выразить слѣдующими словами, бывшими первымъ правиломъ многихъ великихъ полководцевъ: «всѣ военныя операціи должны подчиняться дѣйствіямъ администраціи».

Во второй главѣ дѣло идетъ о пищѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ государство начинаетъ уже заботиться о снабженіи пищею своей арміи. Римскія войска получали сначала отъ правительства только одинъ хлѣбъ (*); раціоны простаго солдата на 15 дней составляли 4 modii (**), а центуріона — 8 modii.

При Константинѣ Великомъ правительство давало уже солдату хлѣбъ и сухари, мясо и свиное сало, вино и уксусъ. Авторъ, переходя потомъ къ современнымъ арміямъ, замѣчаетъ, что англійскій солдатъ требуетъ больше всѣхъ другихъ ухода за собою, «испанскій солдатъ довольствуется горстью овощей и круж-

(*) Не слѣдуетъ забывать, что ихъ хлѣбъ далеко отличался отъ нашего.

(**) Modium равняется почти 12½ фунтамъ.

кой мучнистой похлебки, русскій — ломтемъ чернаго хлѣба, поддерживающимъ его цѣлыя недѣли (ужь будто бы?), французскій отличается необыкновенною способностью переносить недостатокъ въ пищѣ». На комиссариатѣ лежитъ въ Англіи обязанность заботиться о снабженіи провизіей людей и фуражемъ лошадей. Во Франціи правительство отпускаетъ солдатамъ натурою только хлѣбъ, все же остальное покупается въ ротахъ; въ Англіи хлѣбъ, мясо и другіе предметы провизіи доставляются правительствомъ натурою посредствомъ поставщиковъ, подъ надзоромъ комиссариатскихъ офицеровъ.

Дальше авторъ говоритъ объ условіяхъ, которымъ должна удовлетворять пища въ холодномъ и жаркомъ климатахъ, въ госпиталѣ и въ походѣ и въ другихъ положеніяхъ солдата, о ея питательности и здоровьи.

Для печенія хлѣба войскамъ, правительство содержитъ собственные пекарни лишь на Гибралтарѣ и Мальтѣ, гдѣ на малыхъ пространствахъ сосредоточены многочисленныя войска (также и въ Олдершотскомъ лагерѣ, чего авторъ, вѣроятно, не досмотрѣлъ); обыкновенно же оно заключаетъ контракты на его поставку съ частными лицами (*). Въ большей части европейскихъ армій хлѣбъ составляетъ главный предметъ пищи, и солдатъ получаетъ около 2½ фунт. въ день; англійскій же солдатъ питается болѣе мясомъ и на хлѣбъ смотритъ только какъ на прибавочный предметъ. Онъ получаетъ 1 фунтъ хлѣба или ¾ фунта сухарей въ день; въ полѣ ему прибавляется еще ½ фунта хлѣба и ¼ фунта сухарей (**). Мяса солдатъ получаетъ ¾ фунта въ день въ Англіи и 1 фунтъ внѣ ея; въ полѣ ему прибавляется еще ½ фунта. Предметы эти принимаются отъ поставщиковъ ежедневно, въ присутствіи дежурныхъ офицеровъ, которые должны удостовѣряться въ ихъ качествахъ.

Солдатъ получаетъ, кромѣ того, опредѣленное количество пшеничной и овсяной муки, риса, гороха, картофеля, также чаю,

(*) Въ Крымскую кампанію Англичане устроили на одномъ изъ пароходовъ мельницу, а на другомъ пекарню; первая молола до 24,000 фунт. муки, а вторая пекла отъ 18 до 20,000 хлѣбовъ въ день. Французы имѣли свою пекарню при дивизіи Орана и устроили подобную же въ настоящую Италіанскую кампанію въ Генуѣ.

(**) Припомнимъ читателю, что 100 фунт. хорошей пшеничной муки даютъ, среднимъ числомъ, 135 фунт. хлѣба и 90 фунт. сухарей.

сахара и молока и, кромѣ того, пива, употребленія котораго въ жаркіе дни авторъ не одобряетъ.

Не менѣе солдатской пищи важенъ кормъ лошадей, т. е. фуражъ, который доставляется въ войска также натурой, черезъ поставщиковъ. Лошадь получаетъ въ день:

12	фунтовъ сѣна,
10	— овса,
8	— соломы.

Пропорція эта можетъ измѣняться, соотвѣтственно обстоятельствамъ. Съ каждаго кавалерійскаго офицера вычитается за содержаніе его лошади $8\frac{1}{2}$ пенс. въ день, а съ конно-артиллерійскаго 6 пенс.; штабные и пѣшіе артиллерійскіе офицеры не платятъ ничего за содержаніе лошадей, а иногда вмѣсто фуража натурою имъ выдаются деньги по мѣстнымъ цѣнамъ.

На провіантъ и вообще на провизію солдатъ (не включая индѣйской арміи) ассигновано 1,141,290 ф. ст. Изъ этой суммы вычеты изъ жалованья составляютъ 755,660 ф. ст.

На фуражъ ассигновано 343,230 ф. ст.

За освѣщеніе и отопленіе не дѣлается никакихъ вычетовъ. На нихъ ассигновано 173,885 ф. ст.

Внѣ Англіи каждый офицеръ имѣетъ право получать солдатскіе раціоны; жены и дѣти солдатъ также пользуются этимъ правомъ. Величина раціоновъ для всѣхъ одинакова; количество топлива и освѣщеніе зависятъ отъ чиновъ.

Требованія на всѣ эти предметы подаются каждые три дня. На основаніи ихъ, комиссаріатскіе офицеры предписываютъ поставщикамъ или смотрителямъ складовъ выдавать квартирмейстерамъ частей требуемыя количества; пріемъ и распредѣленіе скрѣпляются актами и отчетами. Порядокъ этотъ имѣетъ большія неудобства въ кампаніяхъ, когда очень часто поставщики и особенно смотрители складовъ не имѣютъ возможности выдавать войскамъ тѣхъ количествъ, которыя утверждены комиссаріатскими офицерами по требованіямъ войскъ. При этомъ представляется еще много способовъ къ злоупотребленіямъ, и авторъ, кончая эту главу, замѣчаетъ, что, вмѣсто того, чтобы увеличивать число различныхъ повѣрочныхъ отчетовъ, слѣдуетъ стараться уменьшить его и набирать честныхъ чиновниковъ. Ар-

жансонъ, военный министръ Людовика XV, говорилъ обыкновенно: «Вся военная администрація основывается на неподкупности ея агентовъ и честности ея чиновниковъ; вмѣсто того, чтобы трудиться наблюдать за ними, лучше станемъ выбирать ихъ лучше.»

Въ шестой книгѣ заключается описаніе обоза, одежды и помѣщенія войскъ. Авторъ объявляетъ тутъ, что онъ не будетъ входить въ подробности по этимъ предметамъ, требующимъ цѣлыхъ томовъ, и представить только небольшіе очерки того, что существуетъ.

Въ первой главѣ дѣло идетъ объ обозѣ. Авторъ, сказавъ о необходимости транспорта и обоза, составляющихъ для арміи то же, что паръ для паровыхъ машинъ, описываетъ кратко различные его части, какъ-то: продовольственный обозъ, госпитальный, артиллерійскій и пр. Онъ упрекаетъ Англію за недостатокъ вниманія къ этой важной части военного устройства. Такъ, послѣ Альмскаго сраженія, напримѣръ, больные и раненые были перевозимы на берегъ въ открытыхъ повозкахъ, назначенныхъ для всевозможнаго употребленія, которыя возвращались потомъ съ берега съ провизіею. Случалось даже, что больныхъ взыали на провизію, и они умирали на ней отъ холеры и другихъ болѣзней. Авторъ признаетъ необходимость полного подчиненія обоза комиссаріату, какъ во Франціи онъ подчиненъ интендантству. Онъ разбираетъ потомъ качества различныхъ животныхъ, употребляемыхъ подъ запряжку, и говоритъ, между прочимъ, что каждое увеличеніе транспорта влечетъ за собою неминуемое увеличеніе другихъ требованій. Когда въ Крымскую кампанію образованъ былъ Англичанами «сухопутный транспортъ», то для перевозки раціоновъ, аммуниціи и госпитальныхъ принадлежностей на 58,000 человекъ и 30,000 лошадей (на 3 дня) нужно было 9,000 чел. и 12,500 лош.

Что до передвиженія войскъ, то оно производится по распоряженіямъ генералъ-квартирмейстера. Въ Англіи онъ самъ вступаетъ въ сношенія съ управленіями желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. д., въ колоніяхъ же дѣйствуетъ чрезъ комиссаріатскихъ чиновниковъ. Для перевозки войскъ чрезъ океанъ, т. е. изъ Англіи въ отдаленныя колоніи, генералъ-квартирмейстеръ входитъ въ сношенія съ адмиралтействомъ; перевозкой ихъ изъ одной колоніи въ другую завѣдуетъ комиссаріатъ же.

Въ послѣднее время перевозка обходилась, среднимъ числомъ, около 137,000 ф. ст. въ годъ (*). Сумма эта вносится для воти-рования въ смѣту адмиралтейства.

Авторъ замѣчаетъ, что, при передвиженіи войскъ моремъ, слѣдуетъ обращать главное вниманіе на состояніе солдатъ и давать имъ возможные удобства. Въ Англіи это еще важнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, потому что значительная часть ея армій находится почти всегда въ морѣ.

Во второй главѣ говорится объ одеждѣ и амуниціи. До 1854 года постройка одежды находилась въ рукахъ командировъ баталіоновъ и другихъ отдѣльныхъ частей, что давало просторъ многимъ злоупотребленіямъ. Въ настоящее время министерство снабжаетъ войска одеждою и получаетъ ее частью отъ подрядчиковъ, которые доставляютъ ее по утвержденнымъ образцамъ готовою. Прежде, чѣмъ одежда отсылается въ полкъ, она разсматривается и повѣряется въ управленіи главнокомандующаго. Казенная мануфактура для постройки одежды устроена въ Лондонѣ, и она съ выгодой замѣняетъ подрядчиковъ. Такъ, 5,250 мундирныхъ пѣхотныхъ паръ платья обходится въ ней въ 7,746 ф. ст., считая въ этой суммѣ и расходы по содержанію мануфактуры; то же самое количество платы по подрядамъ обходится въ 10,789 ф. ст. Хотя эта мануфактура не исключаетъ употребленія поставщиковъ, однако, она очень полезна своею конкуренціею.

Положенія насчетъ ношенія одежды въ Англіи отличаются отъ положеній по этой части во Франціи. Въ послѣдней солдаты заинтересованы въ этомъ дѣлѣ такъ, что если онъ проносить ее бережливо, то можетъ оставить себѣ деньги, положенныя ему правительствомъ на ея поддержку (**). Самое качество одежды во Франціи, Бельгіи и Сардиніи выше англійскаго: въ первыхъ мундирный кафтанъ носится до 3 лѣтъ и больше (***) и

(*) Во Франціи *Service de marche* обходится въ 5,000,000 франк. Изъ этого числа 1,500,000 франк. расходуются на перевозку войскъ изъ Франціи въ Алжирію и обратно.

(**) Онъ получаетъ на починку платья около 10 сант. въ день.

(***) Припомнимъ читателю (см. ст. «Французскій солдатъ»), что во Франціи кафтанъ полагается на 3½ года, куртка на 2 года, плащъ на 3 года, штаны на 1 годъ; строится она при полкахъ подъ заведываніемъ *officiers d'habillement*.

стоитъ 19¹/₂ шилл.; въ послѣдней онъ полагается на годъ, но часто принуждены бываютъ мѣнять его послѣ шести мѣсяцевъ, а стоитъ онъ 18 шилл. 10 пенс., т. е. немногимъ менѣе.

Авторъ говоритъ потомъ объ отношеніи красоты одежды къ ея удобству и утверждаетъ безъ сомнѣнія, что первая должна подчиняться второй и соображаться съ климатомъ, положеніемъ солдата и т. д. Мы разсматривали этотъ вопросъ въ предыдущихъ статьяхъ и не будетъ распространяться здѣсь о немъ (*).

Каждый рекрутъ, при вступленіи, получаетъ полную одежду и амуницію. Одежда состоитъ изъ кафтана, пары штановъ, куртки и сапоговъ, которые мѣняются ежегодно, и плаща, который мѣняется черезъ 3 года, а въ колоніяхъ черезъ 2. Первые предметы остаются послѣ смѣны въ собственность солдата, второй сдается въ склады и продается потомъ съ публичнаго торга. Вся амуниція въ обыкновенное время полагается въ пѣхотѣ на 6 — 12 лѣтъ, въ кавалеріи на 5 — 20 лѣтъ. Бѣлье, кожаная сумка (для различныхъ солдатскихъ вещей) и т. п. выдаются только при поступленіи солдата; послѣ же онъ поддерживаются и возобновляются на счетъ солдата посредствомъ вычетовъ, которые, впрочемъ, не должны превышать въ кавалеріи 2 шилл. 7 пенс., а въ пѣхотѣ 1 шилл. 6 пенс. въ недѣлю.

Стоимость одежды различна въ различныхъ родахъ и частяхъ войскъ. Такъ, въ настоящемъ году среднимъ числомъ полагается: на конно-гвардейскаго солдата 8 ф. ст.; на кавалерійскаго линейнаго 7 ф. ст. 2 шилл.; на гвардейскаго пѣхотнаго 5 ф. ст.; на линейнаго пѣхотнаго 3 ф. ст. 7 шилл.; на конно-артиллерійскаго 4 ф. ст.; на пѣше-артиллерійскаго 3 ф. ст. 18 шилл. въ годъ. Здѣсь не считается стоимости плаща.

Насъ удивляетъ, что авторъ не говоритъ почти ничего объ амуниціи вообще и о вооруженіи въ особенности. Послѣднее заключается въ наръзномъ ружьѣ и тесакѣ (нашемъ инженерномъ) въ пѣхотѣ, въ наръзномъ карабинѣ, палашѣ или саблѣ въ кавалеріи, въ тесакѣ въ пѣшей артиллеріи и въ наръзномъ пистолетѣ и саблѣ въ конной артиллеріи.

Третья и послѣдняя глава говоритъ о квартированіи войскъ. Мы говорили уже въ предыдущихъ статьяхъ, что въ Англіи,

(*) См. ст. «Олдершотскій лагерь».

вслѣдствіе самаго характера и убѣжденій ея народа, войска не располагаются въ частныхъ жилищахъ. Авторъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ этого вопроса показываетъ, что уже издавна народъ выражалъ свое неудовольствіе при всякой попыткѣ располагать солдатъ въ домахъ частныхъ лицъ, такъ что теперь одни лишь общественныя заведенія обязаны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, принимать къ себѣ солдатъ. Войска же помѣщаются преимущественно въ постоянныхъ барачныхъ лагеряхъ и только при необходимости располагаются въ городскихъ баракахъ и казармахъ.

Система сооруженія бараковъ въ Англіи отличается отъ системы сооруженія ихъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ большей части послѣднихъ жители городовъ и мѣстечекъ, подлѣ которыхъ устраивается лагерь, подписываютъ опредѣленную сумму на его постройку, на томъ основаніи, что выгоды, приобретаемыя ими отъ войскъ, очень значительны(*). Въ Англіи всѣ бараки (и каменные казармы) сооружаются на счетъ государственныхъ доходовъ и постройка производится инженерными офицерами, изучающими спеціально строительное дѣло.

Въ здоровыхъ солдатскихъ помѣщеніяхъ количество воздуха на каждого, по требованію врачей, должно быть не менѣе 600 куб. фут. на человѣка. Однако, въ англійскихъ новыхъ баракахъ оно рѣдко выше 500 куб. фут.; въ старыхъ же оно часто не превышало 300 куб. фут. на каждого.

Для женатыхъ солдатъ полагаются особые разгороженные бараки и въ послѣднее время предложено устроить для солдатъ особыя дневныя (рекреаціонныя) залы.

Авторъ упрекаетъ правительство за то, что оно такъ долго не вводило увеселительныхъ гимназическихъ упражненій въ войскахъ, утверждая, что отъ нихъ число преступленій уменьшится гораздо больше, чѣмъ отъ всевозможныхъ предупредительныхъ, оградительныхъ и возмездныхъ наказаній; точно такое же значеніе придаетъ онъ и солдатскимъ библіотекамъ. Читатель знаетъ уже, что то и другое введено или вводится теперь во всѣхъ англійскихъ лагеряхъ.

(*) По меньшей мѣрѣ «мѣстные» расходы линейнаго полка въ 2,000 человѣкъ могутъ быть положены въ 10,000 ф. ст.

Баракы находятся въ завѣдываніи смотрителей, которые заботятся также о поправкѣ и поддержкѣ ихъ. Всѣ принадлежности ихъ приобрѣтаются по подрядамъ, заключаемымъ въ военномъ министерствѣ. Содержаніе солдата въ барачномъ лагерѣ съ его постельнымъ бѣльемъ, соломой, тюфякомъ и т. п. предметами обходилось въ послѣднее время среднимъ числомъ 25 шилл. въ годъ (*).

Авторъ, говоря о необходимости подчинять лагеря помимо стратегическихъ условій и указаніямъ науки о здоровьи, предлагаетъ, чтобы при генераль-квартирмейстерѣ состоялъ особый врачъ съ этою цѣлью и чтобы ни одно мѣсто не было выбираемо безъ совѣщанія съ нимъ. Наконецъ авторъ извлекаетъ изъ рапорта правительству извѣстнаго Французскаго лейбъ-медика барона Ларей о шалонскомъ лагерѣ описаніе тѣхъ главныхъ качествъ, которыя долженъ заключать въ себѣ каждый хорошо устроенный лагерь.

Въ послѣднія пять лѣтъ правительствомъ было издержано на сооруженіе бараконъ и на поддержку ихъ 3,799,962 ф. ст. Замѣтимъ, какъ различна стоимость бараконъ для офицеровъ и для солдатъ, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ ширины помѣщенія первыхъ. Такъ, въ смѣтѣ 1858—59 годовъ находимъ цѣну бараконъ на 500 солдатъ (близъ Дувра) 29,163 ф. ст. и тутъ же цѣну бараконъ на 44 офицера въ 40,600 ф. ст.

Что до фортификаціонныхъ построекъ и другихъ казенныхъ зданій, какъ-то: магазиновъ, складовъ, фабрикъ и т. д., то въ послѣдніе три года они стоили до полутора милліона, именно фортификаціонныя постройки обошлись въ 942,450 ф. ст., а другія воинскія казенныя зданія въ 491,850 ф. ст.

На этомъ кончается разбираемый нами трудъ (**). Прибавимъ въ заключеніе, что, по только что утвержденной парламентомъ смѣтѣ, изъ доходовъ государственныхъ, простирающихся въ этомъ году до 65,669,578 ф. ст., расходы по арміи поглощаютъ

(*) Во Франціи содержаніе солдата въ барачныхъ лагеряхъ не превышаетъ 15 шилл. на человѣка.

(**) Въ концѣ помѣщено нѣсколько приложений, въ которыхъ мы не нашли ничего интереснаго для нашихъ читателей.

до 12,859,297 ф. ст. (*), что составляет болѣе, чѣмъ пятую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Намъ остается сдѣлать теперь заключительный выводъ о сочиненіи Фонбланка, такъ какъ, при самомъ изложеніи его содержанія, мы старались не пропускать ни одного важнаго факта безъ отмѣтки и ни одного недосмотра автора безъ замѣчанія. Также мы провѣряли всѣ цифры, приводимыя авторомъ, и многія изъ нихъ были поправлены нами по дополнительной смѣтѣ, утвержденной парламентомъ 4-го минувшаго іюля (**), и потому смѣемъ думать, что читатель можетъ положиться на нихъ. Подобные ряды цифръ имѣютъ свой языкъ, и тѣ, которые умѣютъ понимать его, которые въ состояніи читать между строками и задумываться надъ смысломъ прочитаннаго, найдутъ здѣсь много для себя. Кромѣ того, читатель, внимательно слѣдившій за изложеніемъ содержанія книги и за нашими замѣчаніями, могъ видѣть, что именно въ англійскомъ военномъ устройствѣ неудовлетворительно и что, напротивъ, заслуживаетъ подражанія и одобренія.

Трудъ Фонбланка, по своему содержанію, манерѣ изложенія и ученому значенію, стоитъ между сочиненіями по военной администраціи Guillot и Vauchelle'я (***), касаясь обоихъ, но отличаясь какъ отъ того, такъ и отъ другаго. Въ немъ, безъ сомнѣнія, много промаховъ, есть и недостатки. Авторъ ничего не упоминаетъ, напримѣръ, о саперахъ англійской арміи, находящихся при баталіонахъ и въ инженерномъ корпусѣ, ничего не говоритъ объ оружіи бѣломъ и огнестрѣльномъ; въ главѣ о транспортѣ вовсе не разбираетъ вопроса о передвиженіи войскъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, не разъясняетъ вполнѣ вопроса о заготовленіи предметовъ посредствомъ подрядчиковъ, и т. д. Мы уже упрекали его за его литературные приемы, которые не довольно прѣстны при его краткости, за неточность нѣкоторыхъ опредѣленій, за его пристрастіе къ французскому воен-

(*) Въ этой суммѣ находятся и расходы на милицію и волонтерные корпуса, на которыхъ ассигновано въ настоящемъ году 648,000 ф. ст.

(**) Смѣту эту можно дѣлать только въ парламентѣ въ палатѣ депутатовъ.

(***) У обоихъ названныхъ писателей кругъ предметовъ шире и обнимаетъ собою политическія установленія государства. Мы убѣждены, что большинство знающихъ читателей знакомо хоть съ однимъ изъ нихъ.

но-административному авторитету, за невниманіе къ нѣмецкой военной литературѣ, которая могла бы принести ему много помощи. Въ сочиненіи Фонбланка вы не найдете какихъ нибудь широкихъ и смѣлыхъ теорій, хотя бы, напр., по части человѣческаго права въ главѣ о военной юрисдиціи или по части воспитанія въ главѣ о военно-учебномъ устройствѣ; но, какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ указываетъ на лучшія и важнѣйшія истины этихъ теорій. Такъ онъ возстаетъ противъ наказаній (*), не подчиняющихся принципу «возвратности» въ случаѣ невинности лица, и требуетъ филантропическаго развитія и юридической подготовки отъ тѣхъ, на которыхъ возлагается въ войскахъ серьезное дѣло суда; онъ говоритъ также о несостоятельности спеціального образованія съ первыхъ лѣтъ и одобряетъ правительство въ томъ, что оно стало допускать въ послѣднее время въ кадетское училище (Cadet-College) учениковъ лишь отъ 16 до 18 лѣтъ. Не менѣе стоитъ онъ за начало полной вѣротерпимости, за отстраненіе въ солдатскихъ и особенно въ дѣтскихъ школахъ исключительнаго вліянія представителей однихъ какихъ либо религіозныхъ убѣжденій. Впрочемъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ развитой и зрѣлой массѣ англійскаго народа, начало это общее всѣмъ.

Съ научно-военной точки зрѣнія, сочиненіе Фонбланка приводитъ ту необыкновенно важную мысль, что дисциплина и хорошія качества войскъ основываются больше всего на исправности ихъ продовольствія и содержанія и что, какъ только разрушается послѣдняя, вслѣдъ за ней «неизбѣжно» падаютъ и первыя. Ей, мысли этой, посвящаетъ онъ всѣ свои усилія и тутъ обнаруживаетъ всю важность военной администраціи, которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значеніе науки. Всю свою начитанность приносить онъ сюда и мастерски группируетъ для этого факты, искусно цитируетъ источники. Александръ и Цезарь, Наполеонъ и «Веллингтонъ» доказываютъ ему своими дѣйствіями, что, когда они подчинялись этой идеѣ, побѣда и успѣхъ сопровождали ихъ и, какъ только нарушали ее, и побѣда и успѣхъ оставляли ихъ. Авторъ обращается за подтвержденіемъ себѣ ко всѣмъ, начиная съ маршала Сакса, сказавшаго, что «avec une armée il faut commencer avec le

(*) Не говоримъ уже о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

ventre», и кончая генераломъ Фоу, сказавшимъ, что «продовольствованіе войскъ на войнѣ часто гораздо труднѣе командованія ими».

О Франціи авторъ говоритъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ и, отдавая полную и громкую справедливость превосходному административному и контрольному механизму французской арміи, заключающемуся въ ея интендантствѣ, онъ требуетъ образованія въ Англіи чего либо сходнаго съ нимъ.

Что касается вопроса о суммахъ, ассигнованныхъ и ассигнуемыхъ парламентомъ на военную часть, то, при разборѣ его, авторъ вовсе не ужасается ихъ значительности и принадлежитъ къ числу людей, которые боятся неумѣстной экономіей «съэкономизировать самыя средства экономіи».

Совсѣмъ тѣмъ, нашему военному писателю мы не указали бы на сочиненіе Фонбланка, какъ на первый и лучшій авторитетъ въ дѣлѣ военно-административной теоріи: Вошелль самостоятельнѣе и выше его. Но мы совѣтовали бы ему познакомиться съ этимъ сочиненіемъ, чтобы принять въ себя побольше началъ той суровой, строгой и неукоснительной законности, которою проникнуто оно съ первой строки и до послѣдней. Нигдѣ не даетъ авторъ (какъ истинный англичанинъ) воли произволу и возстаетъ противъ всего, въ чемъ видитъ или отъ чего ожидаетъ проявленій какой либо безотчетной воли. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 75), онъ говоритъ даже, что если бы существовала возможность формировать или содержать арміи за малыя суммы, то это, пожалуй, дало бы правительству слишкомъ «воинственный духъ», который могъ бы мѣшать счастью самой націи.

Фонбланкъ отстаиваетъ въ своемъ трудѣ войска и допускаетъ войны и жертвы жизни людей, какъ переходное зло и временную необходимость, ведущія за собою миръ на болѣе высокихъ и справедливыхъ, чѣмъ прежнія, основаніяхъ; за то онъ требуетъ всевозможнаго ухода за солдатами и попеченія о больныхъ и раненыхъ. Здѣсь опять обращается онъ къ администраціи и къ ея исполнителямъ и, говоря о трудности ихъ обязанностей, показываетъ въ то же время и ихъ важность. «Нѣтъ ни малѣйшей подробности въ разнообразныхъ обязанностяхъ военной администраціи, говоритъ авторъ (стр. 379), которая не была бы достойна изслѣдованія и изученія для всякаго, который желаетъ способствовать пользѣ, приносимой солдатамъ, и собственному его благосостоянію».

Трудъ Фонбланка, являясь въ наше время, въ странѣ, всего менѣе расположенной къ войнѣ и военнымъ, для необходимаго пополненія пробѣла въ ея военной литературѣ, служить новымъ подтвержденіемъ мыслей, высказанныхъ нами въ началѣ этого разбора.

Еще разъ присоединяемъ мы нашъ слабый голосъ къ сильному голосу Фонбланка и другихъ на защиту военныхъ сословій и ихъ дѣла.

Л. ДЕ-Р.

ОБЪЯСНЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЯ СТАТЬЕЮ Г. АРТИЛЛЕРИСТА,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «ЗАМѢЧАНІЯ ИНЖЕНЕРА О ПРИЧИНАХЪ ВЗЯТІЯ МАЛАХОВА КУРГАНА». (*)

Цѣль, съ которою мы писали статью: «О причинахъ взятія Малахова кургана» (**), была нами ясно изложена. Мы были убѣждены, что, рѣшившись высказать наше мнѣніе о дѣйствіяхъ защитниковъ Малахова кургана въ послѣдній мѣсяцъ севастьяпольской обороны, мы неминуемо вызовемъ нѣсколько отвѣтовъ съ опроверженіями и объясненіями. Но, взявшись за столь важный вопросъ, мы рѣшились не оставлять ни одного возраженія безъ отвѣта, готовы согласиться съ ясными доказательствами неосновательности нашихъ мнѣній и съ такою же готовностью будемъ отвѣчать на доводы, которые, по нашему мнѣнію, неубѣдительны.

Съ такими мыслями принимаемся мы за отвѣтъ г. Артиллеристу на его «Нѣсколько словъ» по поводу нашей статьи: «Замѣчанія инженера о причинахъ взятія Малахова кургана». Крайне сожалѣемъ, что не можемъ съ нимъ почти ни въ чемъ

(*) См. № 7-й «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

(**) «Военный Сборникъ» 1858 г., № 4.

согласиться; однакожь, утѣшаемъ себя надеждою, что въ будущемъ его отвѣтъ (ежели имъ мы будемъ удостоены) опроверженія и доказательства будутъ болѣе убѣдительны.

По мнѣнію автора, мы принадлежимъ къ разряду *угрюмыхъ критиковъ*. Желая избѣгать безполезной полемики, не станемъ распространяться о томъ, на сколько умѣстно такое раздѣленіе пишущихъ статьи спеціальнаго содержанія; скажемъ только, что, писавши статью о причинахъ взятія Малахова кургана, мы имѣли въ виду сохранить не угрюмый или забавный тонъ, а точное изложеніе нашихъ мнѣній касательно предмета весьма серьезнаго содержанія. По нашему мнѣнію, рѣшительно все равно, высказаны ли мысли рѣзкимъ или шутливымъ тономъ, лишь бы въ нихъ заключалась истина. Впрочемъ, предоставляемъ автору право причислять насъ къ какому угодно разряду критиковъ, лишь бы при этомъ г. Артиллеристъ не вваливалъ на насъ напраслины, какъ онъ это сдѣлалъ въ настоящей своей статьѣ.

Не ограничиваясь заключеніемъ объ угрюмости нашего характера, вы приписываете намъ еще «самоувѣренность» и уличаете въ виновности «передъ публикою и исторіею». Пощадите, Бога ради! Осмотритесь: вѣдь у васъ мы безъ вины виноваты. Позвольте васъ убѣдить въ этомъ. Въ статьѣ вашей вы говорите: «Будучи личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ описанныхъ авторомъ событій, я не могъ не удивиться, когда почтенный авторъ статьи, оканчивая замѣтки свои о причинахъ взятія Малахова кургана, сказалъ, что замѣтки его по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи. Самоувѣренность огромная, но и отвѣтственность передъ публикою и исторіею большая» (стр. 189 и 190). Прежде, нежели будемъ отвѣчать на это, позвольте вамъ замѣтить: собираясь писать возраженія на какую либо статью, слѣдуетъ, не увлекаясь, внимательно ее прочесть, иначе вамъ даже слова, буквы покажутся другими. Признаемся, насъ поразили строки ваши, въ которыхъ вы говорите, будто мы сказали, что «замѣтки наши по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи». Какимъ образомъ могли мы сказать что нибудь подобное? По нашему мнѣнію, это болѣе, нежели самоувѣренность: это—хвастовство. Мы подумали, не опечатка ли, или не погрѣшность ли это съ нашей стороны противъ согласованія словъ. Съ живѣйшимъ безпокойствомъ бросились мы къ 4-му № «Военнаго Сборника» за 1858 годъ и.... скажите, г. Артиллеристъ, гдѣ

это вы нашли, что тамъ сказано, что «замѣтки наши по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи»? Вѣдь если вы ставите знаки « » (чужесловъ), то, значитъ, повторяете собственныя мои слова? Не угодно ли вамъ прочесть, какъ сказано въ нашей статьѣ: «Если подвергнуть строгому и безпристрастному суду предложенныя замѣчанія, которыя подкрѣпилъ я фактами, по достовѣрности своей составляющими достояніе исторіи», и т. д., то есть, что *факты, а не замѣчанія*, по достовѣрности своей, составляютъ достояніе исторіи. И теперь вновь повторяемъ то, что мы сказали, оканчивая первую нашу статью, то есть, что факты эти составляютъ достояніе исторіи, потому что они выставлены не наобумъ, а взяты изъ официальныхъ документовъ, а поэтому несомнѣнно достовѣрны. Для большей ясности, мы можемъ отдѣлить сужденія наши отъ фактовъ, составляющихъ достояніе исторіи: такъ, напримѣръ, съ 5-го на 6-е августа 1855 года сдѣланы были такіа-то поврежденія, для исправленія ихъ требовалось столько рабочихъ, а выслано столько-то — это фактъ; а что это число рабочихъ было недостаточно для исправленія всѣхъ поврежденій—это наше замѣчаніе, и проч.

Послѣ всего этого будьте безпристрастны, г. Артиллеристъ, и согласитесь, что достаточно перефразировать ваши слова: «самоувѣренность огромная, но и отвѣтственность передъ публикою и исторіею большая»: такимъ образомъ, неосмотрительность большая, но и отвѣтственность передъ публикою, нами, а въ особенности передъ истиною, еще больше—чтобы слова эти вполне къ вамъ относились.

— Подумаешь, отъ какихъ случайностей зависитъ многое въ жизни нашей и сколько этому примѣровъ можно найти въ событіяхъ, составляющихъ достояніе исторіи. Но зачѣмъ намъ рыться въ исторіи, когда передъ глазами у насъ такой свѣжій примѣръ этому? Ну, не увлекись г. Артиллеристъ и не прочти въ нашей статьѣ того, чего въ ней вовсе не написано, и онъ, быть можетъ, никогда не пускался бы въ печать, потому что онъ ясно говоритъ: «Не принадлежа къ числу литераторовъ, я никогда не писалъ для печати; одна только увѣренность г. А. Орда, что замѣтки его непогрѣшительны и составляютъ достояніе исторіи, вызвала меня заговорить печатно». А увидѣвъ себя въ печати разъ, захочется другой, и изъ долговременной опытности своей, вѣроятно, г. Артиллеристъ можетъ сообщить мно-

гое поучительное. Вотъ и услуга нашей статьи военной литературѣ: она вызываетъ на поприще такихъ людей, которые и не думали вступать на скользкій ея путь. Но не станемъ отвлекаться и будемъ продолжать разборъ перваго шага г. Артиллериста въ военной литературѣ.

Найдя насъ угрюмымъ критикомъ, уличивъ насъ въ самоувѣренности, авторъ продолжаетъ дальнѣйшую аттестацію о насъ такимъ образомъ: любить своихъ собратьевъ, но грѣшить противъ истины (стр. 190). Тутъ позвольте вамъ замѣтить, г. Артиллеристъ, что грѣшить противу истины значитъ говорить неправду, но такъ какъ сами вы говорите, что мы ничего не говоримъ о нашихъ сослуживцахъ (стр. 190), то мы ни правды, ни неправды о нихъ не сказали; значитъ противъ истины мы не грѣшили и, слѣдовательно, вы опять-таки удалились отъ истины. Вы вправѣ сказать, что мы выставляемъ ошибки другихъ и молчимъ про инженеровъ; но зачѣмъ же говорить, что мы въ этомъ случаѣ грѣшимъ противу истины. Вѣдь молчать и говорить неправду — ни въ какомъ языкѣ не синонимъ. Если же вамъ угодно знать, почему въ первой статьѣ нашей мы не говоримъ объ инженерахъ, то, во-первыхъ, потому, что сами принадлежимъ къ нимъ и, опасаясь увлечься хотя и неумышленнымъ къ нимъ пристрастіемъ, предоставляемъ право другимъ судить о насъ, а во-вторыхъ потому, что не хотимъ лжесвидѣтельствовать и говорить то, чего мы сами не видѣли. Такъ, на примѣръ, мы не видѣли того, чтобы инженеры въ Севастополѣ, «распорядившись въ ночи работами, отправлялись обыкновенно въ блиндажи и только утромъ являлись для повѣрки работъ» (стр. 198), и потому не сказали этого. Не утверждаемъ, что этого не было, жалѣемъ только, что г. Артиллеристъ не спросилъ этихъ «нѣкоторыхъ», на словахъ которыхъ онъ основывается, на какомъ бастионѣ случились эти проступки противъ долга? Что же касается до Малахова кургана, то смѣю увѣрить васъ, г. Артиллеристъ, что этого не было; по крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехмѣсячной нашей тамъ службы мы не видали, чтобы инженеры, «распорядившись работами, обыкновенно уходили съ нихъ вплоть до утра».

Никогда и никогда не будемъ увѣрять, чтобы инженеры были безгрѣшны въ продолжительное время обороны Севастополя: громадность инженерныхъ работъ, поспѣшность, съ которою онѣ производились, можетъ быть, что иногда и невнимательность,

безпечность—кто безъ грѣха?—были причиною, быть можетъ, и не одной ошибки инженеровъ. Указывайте намъ эти ошибки, покорнѣйше просимъ: мы будемъ или соглашаться съ вами, или опровергать, смотря по силѣ и основательности вашихъ доводовъ. Вотъ, заговорили о непростительной ошибкѣ инженеровъ, постройкѣ горжи, слишкомъ обширномъ развитіи контр-апрошей — по мѣрѣ силъ отвѣчаемъ. Подымайте новые вопросы—мы охотно будемъ отвѣчать—но основывайтесь также на фактахъ *достоверныхъ и поэтому составляющихъ достояніе исторіи*, не произносите какого либо, а тѣмъ болѣе несправедливаго, приговора о чьихъ нибудь дѣйствіяхъ, не имѣя на это точныхъ, непреложныхъ доказательствъ, а только слова *нѣкоторыхъ*, которые могутъ быть не изъяты отъ пристрастія, и, наконецъ, остерегайтесь отъ голословныхъ обвиненій всего сословія, по двумъ, тремъ личностямъ, которыя, можетъ быть, вамъ удалось видѣть. Въ семьѣ не безъ уroda; однако, согласитесь г. Артиллеристъ, что инженерное вѣдомство занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду защитниковъ Севастополя, а вѣдь вы насъ рѣшительно уничтожаете: вы прямо говорите, что инженеры ничего не дѣлали, встрѣчали вездѣ *только одни препятствія* (стр. 199) и, устраивая какія-то мышеловки или *западни*, сгубили Севастополь.

Но довольно объ инженерахъ; кажется, дальше, вы вызовете насъ еще на объясненіе касательно инженеровъ.

Не станемъ утомлять читателя изложеніемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ, по нашему мнѣнію, горжа въ севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, а въ особенности на Малахова курганѣ, была необходима. Намъ бы пришлось перепечатать какъ часть первой нашей статьи, такъ равно и часть нашей же статьи «Нѣсколько словъ о системѣ обороны Севастополя», помѣщенной въ № 8 «Военнаго Сборника» за текущей годъ, потому что при тѣхъ же убѣжденіяхъ мы и теперь остаемся. При томъ же, хуля горжу, г. артиллеристъ не смотритъ на вопросъ съ военной точки зрѣнія, а основываетъ свои порицанія на ложномъ мнѣніи о духѣ и повѣрьи солдатъ.

Между прочимъ, г. Артиллеристъ говоритъ: «въ послѣднюю эпоху осады худо защищаться въ замкнутомъ укрѣпленіи, потерявши фронтъ онаго; не спасетъ насъ горжа, когда непріятель атакуетъ насъ спереди», и на этой же страницѣ проситъ насъ объяснить: «какую пользу принесли для севастопольскихъ укрѣ-

плений горжи и на какомъ именно бастіонѣ воспользовались устройствомъ ихъ?» Прежде всего позвольте вамъ напомнить, г. Артиллеристъ, что горжа строится не съ цѣлью противодѣйствовать атакѣ укрѣпленія спереди, а съ цѣлью не дозволить ему овладѣть укрѣпленіемъ съ тыла и поэтому заставить его атаковать его съ фронта, почему она и имѣетъ банкеть съ внутренности укрѣпленія, а рвомъ обращена къ сторонѣ крѣпости и, слѣдовательно, естественно не можетъ спасти въ случаѣ атаки спереди. Это—назначеніе ретраншаментъ или редюнта, а не горжи.

Если непріятель атакуетъ сомкнутое укрѣпленіе съ передняго фаса, сильнѣе прочихъ частей укрѣпленія вооруженнаго, то цѣль горжи достигнута. Атаковать укрѣпленіе съ тыла непріятель можетъ тогда рѣшиться, когда увѣренъ, что, добѣжавъ до укрѣпленія подъ фронтальнымъ огнемъ и миновавъ фланговую оборону, встрѣтитъ онъ, въ тылу укрѣпленія, свободный входъ, что и было съ Камчатскимъ люнетомъ. Послѣ этого на вопросъ вашъ, г. Артиллеристъ, на какомъ именно бастіонѣ воспользовались устройствомъ горжъ, смѣло отвѣчаемъ: на всѣхъ, которые только непріятель штурмовалъ 27 августа, потому что 2-й бастіонъ, Малахова курганъ, 3-й бастіонъ, редутъ Шварца, 5-й бастіонъ были атакованы спереди. Но, быть можетъ, вамъ угодно имѣть примѣръ, гдѣ атакующій, своевременно встрѣченный, заплатилъ за штурмъ сомкнутыхъ укрѣпленій съ тыла? Къ несчастью, это случилось съ нашими войсками при штурмѣ кр. Карса 17 сентября 1855 года.

Конечно, по занятіи непріятелемъ сомкнутого укрѣпленія, ввести массу войскъ во внутренность его труднѣе, нежели въ открытое съ горжи укрѣпленіе, но опять-таки повторяемъ, что мы не можемъ согласиться съ г. Бергомъ, «что мы не могли отбить Малахова кургана по причинѣ замкнутой горжи», не можемъ потому, что горжа была занята, или, лучше сказать, оставлена нами, да и далеко не *безъ выстрѣла*, нѣсколько часовъ спустя послѣ начатія штурма. Это историческій фактъ, достояніе исторіи, и скорѣе согласимся мы, что большое число траверзовъ и блиндажей затрудняли отбитіе Малахова кургана, но вѣдь при этомъ г. Артиллеристъ восклицаетъ: «Да кто же спорить съ вами, г. Орда, въ очевидной пользѣ траверзовъ и блиндажей?» (Стр. 193.)

Теперь посмотримъ на духъ и повѣрья русскаго солдата, на которые г. Артиллеристъ такъ сильно опирается.

На стр. 191 авторъ говоритъ, что русскому солдату оборона въ сомкнутомъ укрѣпленіи «не понутру; ему легче отступить предъ превосходнымъ непріателемъ, оправиться и потомъ снова ударить въ штыки: это дѣло знакомое». Но, извините, для насъ совершенно новое, и мы не подозрѣвали этой тактической особенности русскаго солдата. Что легче оставить укрѣпленіе при атакѣ превосходнаго непріателя, нежели удержаться въ немъ, съ этимъ, конечно, никто спорить не станетъ, но вотъ, чтобы, отступивъ изъ укрѣпленія, т. е. дозволивъ превосходному непріателю утвердиться въ немъ, легче было отбить укрѣпленіе обратно, нежели защищаться въ самомъ укрѣпленіи, этого мы рѣшительно не понимаемъ и считаемъ это весьма труднымъ. По нашему мнѣнію, только сомкнутое укрѣпленіе даетъ возможность удерживаться гарнизону съ надеждою на успѣхъ противъ усилій превосходнаго непріателя. Гарнизонъ, будучи обезпеченъ отъ обходной атаки непріателя, весь почти и въ совокупности, можетъ обратить всѣ свои усилія для противодѣйствованія непріательской атакѣ спереди и дожидаться прибытія резервовъ. Если непріатель рѣшится атаковать сомкнутое укрѣпленіе съ горжи, то, не говоря уже про то, что горжа сама по себѣ составитъ ему преграду, которую храбрый гарнизонъ можетъ сдѣлать весьма трудно одолимою, такъ что резервы обороняющаго будутъ имѣть время подойти на подкрѣпленіе, артиллерія сомкнутаго укрѣпленія, дѣйствіемъ своимъ, разстроивая непріательскіе резервы, не дозволитъ имъ подкрѣпить тѣ войска, которыя бросились на тылъ укрѣпленія. Открытое сзади укрѣпленіе не имѣетъ этихъ свойствъ: гарнизонъ его, подвергаясь нападенію со всѣхъ сторонъ, неминуемо будетъ разъединенъ и весьма легко можетъ быть подавленъ превосходствомъ непріательскихъ силъ, до прибытія резервовъ осажденнаго. Словомъ, по нашему мнѣнію, сомкнутое укрѣпленіе даетъ возможность оставить для обороны какого нибудь пункта меньшее число войскъ, нежели то, которое бы нужно было для защиты открытаго укрѣпленія и дѣйствія этихъ войскъ, въ сомкнутомъ укрѣпленіи легче, нежели въ открытомъ.

Мы уже сказали, что ссылаемся на обѣ наши статьи о Севастополѣ относительно болѣе подробныхъ объясненій огоржахъ. Скажемъ только здѣсь, что мы не понимаемъ фортификаціи, на-

значенной особо для русскаго, а особо для французскаго солдата. Фортификація есть наука, выводѣщая свои правила изъ опыта всѣхъ вообще осадъ; это есть общее достояніе всѣхъ. Что изъ этихъ правилъ примѣнимо или нѣтъ, на это должны указывать мѣстность и обстоятельства, а не любовь или антипатія солдатъ, тѣмъ болѣе, когда эта послѣдняя происходитъ отъ *невѣжества*. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. Такимъ образомъ, утвердившаяся, выработанная опытами идея укрѣпленія одинаково идетъ для всѣхъ благоустроенныхъ армій. Можно соображаться съ особыми свойствами дѣйствія различныхъ армій. Можно для этого дѣлать нѣкоторыя примѣненія, но никогда не измѣнять идеи укрѣпленія. Такъ, на примѣръ, осажденные въ крѣпости турки главнѣйшимъ средствомъ обороны до сихъ поръ считали вылазки. Чтобы облегчить этотъ способъ обороны, могутъ инженеры устраивать большее число выходовъ или дѣлать ихъ шире, но не станутъ измѣнять общей системы укрѣпленія, ежели она вызвана мѣстностью. Вѣроятно, и французы, принявъ для обороны Камышевой бухты систему сомкнутыхъ укрѣпленій, согласовались главнымъ образомъ съ требованіями мѣстности, а не съ повѣрьями своихъ солдатъ. Изъ статьи же г. Артиллериста видно, что онъ того мнѣнія, будто должна существовать какая-то особенная наука укрѣпленія, примѣненная къ повѣрьямъ русскаго солдата, и отъ этихъ-то повѣрій долженъ главнымъ образомъ исходить выборъ того или другаго способа укрѣпленія. Трудно основываться на повѣрьяхъ. Вѣдь есть же повѣрье у насъ, что пуля дура, а штыкъ молодецъ: казалось бы, не слѣдовало такъ усиленно стремиться къ усовершенствованію пули-дуры — оставаться бы вѣрными штыку-молодцу. Но нынѣ дѣлается иначе. Заводятся стрѣлковыя школы, стрѣльбища и внушается солдату мысль, что къ побѣдѣ равно ведутъ какъ вѣрная стрѣльба и умѣнье примѣниться къ мѣстности, такъ и натискъ штыковъ.

Мы съ вами, г. Артиллеристъ, рѣшительно расходимся въ понятіяхъ о духѣ русскаго солдата. Мы увѣрены въ непреложности той мысли, что храбрый русскій баталіонъ скорѣе умретъ на пушкахъ, нежели оставить укрѣпленіе. Согласны, что въ духѣ русскаго солдата болѣе полевыя битвы, нежели оборона крѣпости, но все-таки это не помѣшало ему быть героемъ въ Севастополѣ. И вотъ, основываясь на повѣрьяхъ и знаніи духа русскаго солдата, г. Артиллеристъ говоритъ: «Вездѣ горжи были

брошены.... Русский солдатъ не жалуется тыльных укрѣпленій: они не согласны съ его духомъ и повѣрьями. Еще при самой постройкѣ горжѣ, сначала шопотомъ, а потомъ громко, говорили солдаты: зачѣмъ строятъ намъ западни?»

Что вы хотѣли сказать, г. Артиллеристъ, тѣмъ, что горжи вездѣ были брошены? Сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, ни одно изъ севастопольскихъ укрѣпленій не было 27 августа атаковано съ горжи.

Мы пробывали довольно долго съ русскими солдатами въ Севастополѣ, отбыли съ ними нѣсколько бомбардировокъ и два штурма; ежедневно имѣли мы на работахъ довольно значительныя части пѣхоты различныхъ полковъ; наконецъ, живя въ одномъ съ солдатами блиндажѣ и будучи отъ нихъ отдѣлены тонкою перегородкою изъ досокъ, имѣли мы случай слышать ихъ разговоры, толки и сужденія и увѣряемъ васъ, г. Артиллеристъ, что намъ никогда не пришлось слышать, чтобы солдаты называли сомкнутое укрѣпленіе *западнею* (*), и только изъ вашей статьи мы впервые узнали, будто солдаты «сначала шопотомъ, а потомъ громко говорили: зачѣмъ строятъ намъ западни?»

Никогда въ Севастополѣ намъ не удавалось слышать, чтобы кто либо былъ одного съ г. Артиллеристомъ мнѣнія о духѣ русскаго солдата; никогда не слышали мы, чтобы кто либо изъ начальствующихъ лицъ разсчитывалъ, въ случаѣ непріятельскаго штурма, отступить, устроиться и потомъ выбивать непріятеля, т. е. дѣйствовать въ приписываемомъ г. Артиллеристомъ русскому солдату духѣ; а вотъ что мы слышали: «смотри, ребята, какъ только непріятель пойдетъ на штурмъ, живо на банкеты и стрѣляй батальнымъ огнемъ, пока онъ не до бѣжить до рва; какъ только опустился въ ровъ, вскакивай на валъ, полѣзай въ амбразуры, штыкомъ сбрасывай его въ ровъ и дерись до послѣдняго». Это, мы думаешь, будетъ вѣрнѣе, нежели отступить, устраиваться и т. д.

Вѣдь вы, г. Артиллеристъ, взводите страшное обвиненіе на русскаго солдата. Вы не объяснили вашей мысли и даете поводъ

(*) Если солдаты называли Малахова курганъ западнею, то какже они называли Севастополь? Вѣдь тамъ есть еще проходъ, наконецъ можно вскарабкаться на валъ и выскочить изъ западни, а здѣсь горжу замѣняетъ цѣлая бухта, которой не переплывешь.

дѣлать весьма невыгодное о немъ заключеніе. Пусть будетъ это не русскій солдатъ, а какой нибудь другой; скажите, какое заключеніе вы бы сдѣлали о солдатѣ, который, входя для защиты въ сомкнутое укрѣпленіе, сказалъ бы: что, это меня посылаютъ въ западню! нѣтъ, лучше я отступлю изъ этой западни, оправлюсь и потомъ пойду ее отбивать. Не ясно ли, что у этого солдата не преобладаетъ мысль о защитѣ вѣреннаго ему поста до послѣдней капли крови? Нѣтъ, г. Артиллеристъ, вы не поняли духа русскаго солдата; а тотъ, кто его понялъ, тотъ совершенно иначе говорилъ. Потрудитесь вспомнить слова, сказанныя незабвеннымъ Корниловымъ войскамъ: «Царь надѣется, что мы стоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: назади насъ море, впереди непріятель... Помни же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретирату; тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретирату, и, если я самъ прикажу отступать, коли меня.» Вотъ это такъ въ духѣ русскаго солдата, и посмотрѣли бы вы, какое восторженное ура и энтузіазмъ были отвѣтомъ на эти прекрасныя слова. Такія-то мысли слѣдовало внушать русскому солдату, посылая его на защиту укрѣпленій: тогда онъ оставилъ бы приписываемую ему г. Артиллеристомъ мысль, что легче отступить изъ укрѣпленія и потомъ отнять его, нежели защищаться въ немъ.

Но положимъ, что между солдатами, дѣйствительно, были подобные толки и что это дошло до свѣдѣнія баталіонныхъ и полковыхъ командировъ. По мнѣнію нашему, имъ бы слѣдовало стараться искоренить такое вредное повѣрье, и это не такъ трудно: можно было прочесть солдатамъ или повторить слова Корнилова, объяснить имъ, что они до послѣдней капли крови должны держаться и что если они будутъ исполнять долгъ свой, какъ честному и храброму солдату надлежитъ, то имъ рѣшительно должно быть все равно, что у нихъ сзади—горжа или нѣтъ.

Изложивъ духъ и повѣрья солдатъ и существовавшее, будто бы, отвращеніе ихъ къ горжѣ, г. Артиллеристъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «недовѣріемъ солдатъ къ горжѣ пренебрегать не слѣдовало, ибо эта нелюбовь принадлежала большинству, хотя, правда, и исходила отъ невѣжества». Совершенно согласны съ вами, пренебрегать не слѣдовало; все, что исходитъ отъ невѣжества, тьмы, есть вредъ и зло; его слѣдуетъ искоренить, и потому слѣдовало солдатъ разубѣрять въ ихъ ложныхъ и вредныхъ

убѣжденіяхъ. Но отрадно для насъ то, что г. Артиллеристъ ясно говоритъ, что недовѣріе солдатъ къ горжѣ исходило отъ невѣжества; жаль только, что нигдѣ въ своей статьѣ не упоминаетъ онъ о мнѣніи образованнаго класса арміи насчетъ сомкнутыхъ укрѣпленій, независимо отъ духа солдатъ, по которому имъ легче отступать, оправляться и т. д., нежели защищаться въ укрѣпленіи. Изъ вашей же статьи, г. Артиллеристъ, мы можемъ заключить, что вы противникъ горжи.

Но все это еще ничего въ сравненіи съ тѣми погрѣшностями, которыя авторъ сдѣлалъ, коснувшись своего спеціальнаго дѣла—артиллерійской обороны Севастополя, и надо пожалѣть, что г. Артиллеристъ не знакомъ съ фактами, по достовѣрности своей составляющими достояніе исторіи.

Но прежде, нежели станемъ отвѣчать на эту часть «Нѣсколькихъ словъ» г. Артиллериста, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшое поясненіе.

Подъ именемъ *личнаго свидѣтеля всѣхъ событій*, описанныхъ нами въ первой нашей статьѣ, разумѣемъ мы очевидцевъ всего нами сказаннаго; а подъ именемъ *защитники Севастополя* разумѣемъ мы гарнизонъ южной его стороны, въ тѣсномъ же смыслѣ всѣхъ тѣхъ, которые защищали оборонительную его линію. Прочія войска, бывшія въ Крыму, могутъ считаться участниками Крымской войны, но не защитниками Севастополя; по крайней мѣрѣ, таково наше мнѣніе. Такимъ образомъ, изъ артиллеристовъ защитниками Севастополя считаемъ мы вообще всѣхъ гг. офицеровъ, находившихся при оборонительной линіи и полевыхъ батареяхъ, бывшихъ на южной сторонѣ Севастополя и такъ славно участвовавшихъ въ отбитіи всѣхъ непріятельскихъ штурмовъ. Кромѣ того, равносильные защитники Севастополя были и всѣ артиллерійскіе генералы, командовавшіе въ Севастополѣ отрядами, а также и всѣ гг. артиллерійскіе офицеры, состоявшіе по особымъ порученіямъ при начальствующихъ. Естественно, что, читая «Нѣсколько словъ» г. Артиллериста и встрѣтивъ слова: *личный свидѣтель* и *защитникъ Севастополя*, родилось у насъ желаніе узнать, кто бы это былъ нашъ строгій судья, обвиняющій насъ и въ самоувѣренности и въ грѣхахъ противъ истины, публики и исторіи. Принимая въ настоящее время участіе въ составленіи описанія обороны Севастополя, мы имѣемъ

всѣ источники подъ рукою, имѣемъ именныя списки всѣхъ гг. артиллеристовъ, участвовавшихъ въ севастопольской оборонѣ. Разсмотрѣвъ эти списки, при помощи ключа, который намъ далъ самъ авторъ, сказавъ, что онъ *старый служивый*, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Старыхъ артиллеристовъ было въ Севастополѣ весьма мало. Въ живыхъ остались только: генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, начальникъ артиллеріи Севастополя генералъ-маіоръ Шейдеманъ (*) и начальникъ гарнизоновъ Южнаго артиллерійскаго округа генералъ-маіоръ Пихельштейнъ. Всѣ остальные затѣмъ артиллеристы, защитники Севастополя, по времени ихъ службы, могутъ считаться молодыми офицерами. Но ни генералъ-маіоръ Шейдеманъ, ни генералъ-маіоръ Пихельштейнъ не скажутъ того, что говоритъ г. Артиллеристъ о матеріальныхъ средствахъ обороны Севастополя, ибо это противорѣчитъ ихъ донесеніямъ, на которыя мы будемъ опираться, а генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, лучше другихъ знакомый съ обороной Корабельной стороны, вѣроятно, не скажетъ о достаточности рабочихъ средствъ для исправленія огромныхъ поврежденій въ дни послѣдняго усиленнаго бомбардированія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ рапортомъ просилъ объ увеличеніи гарнизона Корабельной стороны, дабы имѣть болѣе средствъ исправить эти поврежденія.

Послѣ всего этого, что же намъ остается заключить? Одно изъ двухъ: или г. Артиллеристъ маскируется словами *старый служивый*, или же, и всего вѣрнѣе (**), онъ не имѣлъ опредѣленной и постоянной должности въ Севастополѣ, а наблюдалъ за ходомъ обороны его съ Инкерманской, Телеграфической или другихъ окрестныхъ съ Севастополемъ высотъ. Въ такомъ случаѣ, едва ли можно сказать: «защитникъ Севастополя и личный свидѣтель всѣхъ описанныхъ авторомъ событій».

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію нашихъ погрѣшностей противъ истины въ дѣлѣ артиллерійской обороны Севастополя и

(*) Просимъ его превосходительство генералъ-маіора Шейдемана извинить насъ, что мы его причислимъ къ старымъ артиллеристамъ: что же дѣлать, когда мы болѣе никого не нашли!

(**) Послѣдующія страницы покажутъ, что насъ заставляетъ употребить слова: всего вѣрнѣе.

разберемъ, на сколько истины въ вашихъ, г. Артиллеристъ, опроверженіяхъ.

На стр. 192-й вы говорите: «велико и могуче слово если бы». Великая истина: вотъ *если бы* вы познакомились съ артиллерійской обороной Севастополя, то вы бы избѣгли половины тѣхъ ошибокъ, на которыя мы будемъ вамъ указывать.

На стр. 194-й г. Артиллеристъ спрашиваетъ насъ, «кто эти господа нѣкоторые», мнѣнія которыхъ о причинахъ слабаго дѣйствія артиллеріи Малахова кургана приведены въ нашей статьѣ, и потомъ восклицаетъ: «И кого разумѣли вы подъ именемъ артиллеріи Малахова кургана? Конечно, почтенныхъ начальниковъ батарей и знаменитую прислугу: офицеровъ и солдатъ, украшенныхъ георгіевскими крестами и славными ранами. Нѣтъ, г. А. Орда, на Малаховомъ курганѣ не было трусовъ и малодушныхъ. Артиллерія Севастополя во всю эпоху осады служила безупречно, благодарное потомство, конечно, будетъ справедливѣе васъ и, благоговѣя передъ памятью храбрыхъ защитниковъ кургана, впишетъ имена и дѣянія ихъ золотыми буквами на страницахъ исторіи.»

Г. Артиллеристъ силится опровергнуть ту нашу мысль, которой мы никогда не могли высказать, ибо это было бы противъ нашихъ убѣжденій. Мы даже не понимаемъ, что дало ему поводъ заключить, будто мы хотѣли упрекнуть артиллерію въ недостаткѣ храбрости. Севастопольская оборона достаточно доказала всѣмъ вообще храбрость нашей артиллеріи, и мы, принадлежа къ числу защитниковъ Севастополя, не могли бы ни въ какомъ случаѣ говорить противное этому. Однако же, несмотря на то, мы остаемся при мнѣніи, что артиллерія Малахова кургана слабо дѣйствовала въ августѣ мѣсяцѣ и просимъ насъ разъяснить причины этого. Мы вамъ сказали, что, по мнѣнію «нѣкоторыхъ», артиллерія Малахова кургана не хотѣла навлекать непріятельскихъ выстрѣловъ. Да, дѣйствительно, намъ это говорили; но мы никакого права не имѣемъ печатать фамиліи лицъ, съ которыми намъ приводилось говорить объ этомъ. Достоверно ли сказано, или нѣтъ, за это мы не ручаемся; но должны предупредить г. Артиллериста, что мы такъ хорошо знакомы съ храбрыми командирами батарей Малахова кургана, что, если бы и дѣйствительно сказали они намъ, что не хотятъ навлекать непріятель-

скихъ выстрѣловъ, то мы бы это приписали ничему другому, какъ только желанію сохранить свои орудія для штурма.

Замѣтимъ, однако, что могутъ быть случаи, когда, дѣйствительно, нѣтъ расчета поддерживать артиллерійскую пальбу. Такъ, напримѣръ, въ дни обыкновенной канонады въ Севастополѣ, по ночамъ, дѣйствовали преимущественно навѣснымъ огнемъ, при чемъ силу своего огня старались уравновѣрить съ силою непріятельскаго огня. По мѣрѣ того, какъ пальба непріятеля становилась слабѣе, и наша постепенно стихала. Болѣе усиленное наше дѣйствіе вызывало и сильнѣйшій непріятельскій огонь. Если же случалось, что около той изъ нашихъ батарей, которая дѣйствовала, шла спѣшная, усиленная работа, то, чтобы дать возможность двигаться этой работѣ безостановочно, старались не вызывать болѣе частыхъ выстрѣловъ непріятеля, а для этого, на время работъ, не только своихъ выстрѣловъ не усиливали, но, напротивъ, ослабляли и иногда совершенно прекращали пальбу. Примѣры этому встрѣчались на Камчатскомъ и Волынскомъ редутахъ. Во время усиленныхъ работъ въ этихъ редутахъ, случалось не разъ, что какъ только мортирная батарея, расположенная у редутовъ, начнетъ усиливать свой огонь по непріятельскимъ траншеямъ или батареямъ, то непріятель, имѣвшій на этихъ пунктахъ значительный перевѣсъ въ навѣсномъ огнѣ, обращая мало вниманія на выстрѣлы этихъ батарей, посылаетъ сразу какихъ нибудь 20 бомбъ во внутренность редута, гдѣ у насъ находится значительное число рабочихъ, и наноситъ намъ большой вредъ въ людяхъ и сильно замедляетъ нашу работу. Мы имѣли возможность отвѣтить на подобный залпъ лишь нѣсколькими только бомбами, которыя сейчасъ же влекли за собою огромное число отвѣтныхъ непріятельскихъ бомбъ, большая часть которыхъ летѣла въ редутъ, не открывавшій вовсе огня. Въ такихъ-то случаяхъ предпочитали дѣйствовать болѣе слабымъ огнемъ и даже совсѣмъ прекращать его, именно съ тою цѣлью, чтобы не навлекать выстрѣловъ непріятельскихъ батарей на рабочихъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что командиры нашихъ батарей не были храбры.

Но, повторяемъ, все это было въ дни обыкновенной канонады. Примѣнимо ли это къ днямъ усиленной канонады и бомбардированій, когда, по нашему мнѣнію, батареи обороняющаго должны, не обращая вниманія ни на что, дѣйствовать сколь возможно

усиленіе, дабы хотя нѣсколько ослабить осадныя батареи и тѣмъ, хотя отчасти, устранить быстрое разрушеніе крѣпостныхъ верковъ и ихъ вооруженія—предоставляемъ рѣшить гг. артиллеристамъ. Скажемъ только, что въ послѣдніе дни обороны Севастополя превосходство непріятельскаго огня на Малаховѣ курганѣ было столь огромное, что, по нашему убѣжденію, съ 24-го августа на курганѣ всякая идея артиллерійской обороны была потеряна. Непріятель, послѣ каждого нашего выстрѣла, удваивалъ силу своего огня, и тогда, можетъ быть, и не оставалось ничего другаго, какъ ослаблять свой огонь, дабы этимъ, хоть сколько нибудь, сохранить свои орудія и артиллерійскую прислугу до послѣдней минуты штурма и хотя отчасти избѣгнуть страшныхъ потерь въ гарнизонѣ.

Причинъ такого страшнаго перевѣса непріятеля въ силѣ огня нужно доискиваться въ событіяхъ, предшествовавшихъ 24-му августа, когда дѣйствія артиллеріи Малахова кургана, по нашему убѣжденію, не были всегда безупречны.

Прочтите приказъ по севастопольскому гарнизону отъ 6-го августа, за № 279: графъ Остенъ-Сакенъ, благодаря артиллерію всѣхъ отдѣленій за дѣйствіе ея въ бомбардировку, бывшую 5-го августа, тѣмъ не менѣе, оканчиваетъ этотъ приказъ слѣдующими словами: «не могу не замѣтить, что при началѣ канонады правый фасъ Малахова кургана упустилъ немедленное открытіе огня для содѣйствія батареямъ 3-го отдѣленія». Согласитесь, что если дѣло дошло до приказа, то, ужь вѣрно, Малаховъ курганъ не безупреченъ; а если вы были сами очевидцемъ, то вспомните эти дни и, конечно, вмѣстѣ съ нами, скажете, что Малаховъ курганъ бывалъ неоднократно въ долгу у 3-го бастиона, который ему такъ усердно помогалъ. Но можно ли изъ этого приказа сдѣлать выводъ, что командиры батарей праваго фаса Малахова кургана не храбры? Нисколько. Они довольно имѣли случаевъ доказать свою храбрость.

Странно, зачѣмъ г. Артиллеристъ старается убѣдить насъ, что «артиллерія Севастополя во всю эпоху осады служила безупречно». Да не мы ли сами говоримъ въ нашей статьѣ: что Малаховъ курганъ до августа мѣсяца дѣйствовалъ весьма успѣшно, что 3-й и 2-й бастионы дѣйствовали такъ, какъ только можно требовать, въ особенности 2-й бастионъ, который былъ подверженъ чрезвычайно сильному огню непріятеля, часто уничтожаемъ

былъ непріятельскими снарядами. Этотъ-то 2-й бастионъ дѣйствовалъ отлично и не упускалъ ни малѣйшей возможности для открытія огня. Скажите же, какая намъ причина упрекать Малаховъ курганъ, а превозносить 2-й и 3-й бастионы?

Голословно выражаться въ статьяхъ спеціальнаго содержанія и неумѣстно и непозволительно, и мы бы не рѣшились сказать, что артиллерія Малахова кургана дѣйствовала слабѣе прочихъ бастионовъ, если бы не имѣли на это основанія. А что это дѣйствительно такъ было, такъ вотъ факты, составляющіе достояніе исторіи.

На вооруженіи 4-го отдѣленія (Малаховъ курганъ, Жерве и Никифорова и друг. батареи) оборонительной линіи состояло 113 орудій; изъ нихъ назначены были для дѣйствованія по непріятельскимъ батареямъ и подступамъ 92. На 5-мъ отдѣленіи (2-й бастионъ, Генриха, Парижская, Лабораторныя и друг. батареи) было всего 80 (*) орудій; изъ нихъ назначались для дѣйствованія по непріятельскимъ подступамъ и батареямъ—60. Теперь выпишемъ сравнительную таблицу ежедневнаго расхода снарядовъ:

(*) Въ вѣдомости, представленной генералъ-маіоромъ Шейдеманомъ, о числѣ орудій, находившихся на батареяхъ севастопольской оборонительной линіи къ 27 августа, показано:

	На 4-мъ отдѣл.	На 5-мъ отдѣл.
Пушекъ 68 фунтовыхъ	10	3
— 36 —	22	12
— 24 —	7	5
— 18 —	—	2
— карронадъ 36 фунтовыхъ	2	2
— — 24 —	37	19
Карронадъ 24 фунтовыхъ	1	1
— 18 —	2	8
— 12 —	4	1
— 8 —	—	1
Фальконетовъ 3 фунтовыхъ	2	—
Единороговъ 1 пудовыхъ	4	4
— $\frac{1}{2}$ —	—	11
Мортиръ 5 пудовыхъ	6	3
— 2 —	3	4
— $\frac{1}{2}$ —	13	4
Итого	113	80
Изъ нихъ дѣйствуютъ по непріятелю	92	60

		На 4-мъ отдѣл.	На 5-мъ отдѣл.
Съ пяти часовъ утра 1-го по пять часовъ			
2-го августа		557	662
3-го —		574	537
4-го —		645	362
5-го —		533	280
6-го —		1,752	662
7-го —		340	208
8-го —		860	680
9-го —		529	841
10-го —		724	1,061
11-го —		477	1,325
12-го —		647	919
13-го —		722	928
14-го —		531	837
15-го —		624	569
16-го —		539	1,037
17-го —		439	653
18-го —		468	966
19-го —		754	805
20-го —		481	1,066
21-го —		591	1,239
22-го —		489	987
23-го —		468	1,000
24-го —		481	938
25-го —		580	1,236
26-го —		600	932
27-го —		Не имѣется свѣдѣнія.	
Итого . . .		15,405	21,274

Слѣдовательно, на орудіе среднее число вы-
стрѣловъ выходитъ 167 354

Между тѣмъ, какъ 4-е отдѣленіе играло важнѣйшую роль въ оборонѣ.

Не забудьте, что 5-е отдѣленіе, а особенно 2-й бастионъ и прилежащія къ нему батареи выдерживали чрезвычайно сильный непріятельскій огонь: бывали дни, какъ, напр., съ 20-го на 21-е августа, когда *всѣ* амбразуры 2-го бастиона были засыпаемы, но едва сдѣлано было исправленіе, какъ бастионъ этотъ открывалъ огонь.

Приведемъ теперь нѣсколько донесеній завѣдывавшихъ инженерными работами, какъ съ 5-го, такъ и съ 4-го отдѣленія, и посмотримъ, что въ нихъ сказано о замедленіи въ ходѣ непріятельскихъ работъ, вслѣдствіе дѣйствія нашей артиллеріи.

Съ 5-го отдѣленія.

Въ донесеніи съ 9-го на 10-е августа 3-го сапернаго баталіона капитанъ (нынѣ полковникъ) Лебедевъ доносилъ: «Непріятель сдѣлалъ въ 50 саж. отъ 2-го бастиона новую овальную траншею. Сегодня эту траншею до половины мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ разрушили съ батареи Парижской, и еще производится пальба ядрами, чтобы еще болѣе траншею разрушить. Батарея у лабораторіи также помогаетъ бастиону въ разрушеніи непріятельской овальной траншеи.»

Въ донесеніи отъ 12-го августа сказано: «Работы непріятеля подвинулись впередъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшія сутки, что нужно приписать какъ разрушенію огнемъ артиллеріи со 2-го бастиона части сапы, такъ и удачному бросанію гранатъ изъ мортиръ 2-го же бастиона.»

Въ донесеніи отъ 17-го августа сказано: «Работы непріятельскія противу 2-го бастиона почти не подвинулись впередъ; въ передней траншеѣ онъ даже не успѣлъ исправить нанесенныхъ ему поврежденій, причиною чему — сосредоточенный огонь артиллеріи на непріятельскую сапу.»

Въ донесеніи отъ 19-го августа говорится: «Непріятельскія работы не подвинулись впередъ; только прежде сбитые мѣшки приведены въ порядокъ.»

Въ донесеніи отъ 21-го августа за этотъ день и вмѣстѣ за 20-е августа сказано: «Изъ середины передней траншеи передъ 2-мъ бастиономъ непріятель вчера еще въ ночь вывелъ двойную сапу, которою прошелъ только $1\frac{1}{2}$ сажени; вчерашняго же дня она была совершенно разбита, такъ что въ эту ночь онъ едва успѣлъ исправить и подался впередъ на два тура, теперь же цѣла только правая сторона сапы, лѣвая совершенно разбита.»

Въ донесеніи отъ 22-го августа сказано: «Непріятельскія работы противу 2-го бастиона, отъ успѣшнаго дѣйствія нашей артиллеріи, нисколько впередъ не подвинулись. Непріятель едва успѣлъ сдѣлать поправки въ поврежденіяхъ, сдѣланныхъ вчерашняго дня; сапа, идущая къ Малахову кургану, даже не исправлена.»

Въ донесеніи отъ 24-го августа сказано : «Работы непріятельскія противъ 2-го бастіона впередъ не подвинулись, чему причиною успѣшное дѣйствіе нашей артиллеріи.»

То же самое повторяется и въ донесеніяхъ начальника 5-го отдѣленія, капитанъ-лейтенанта Ильинскаго. Изъ этого видно, что 5-е отдѣленіе, выдерживая страшный огонь, не только боролось съ непріятельскими батареями, но и сильно вредило успѣху непріятельскихъ траншейныхъ работъ.

Ничего подобнаго не видимъ въ донесеніяхъ съ Малахова кургана. Въ инженерномъ донесеніи съ 9-го на 10-е августа, 4-го сапернаго баталіона капитанъ (нынѣ подполковникъ) Матвѣевъ доносилъ: «Непріятель продолжалъ обсыпать землю туры своей новой траншей.»

Въ донесеніи отъ 12-го августа говорится : «Непріятель изъ ложементъ своего передъ соединеніемъ Корнилова бастіона съ лѣвою оборонительною линіею вывелъ тихую двойную сапу, длиною въ пять сажень, и изъ передней траншеи противъ Никифорова батареи (у рогатки) вышелъ сапою и дугообразно заворотомъ отъ себя вправо заложилъ ложементъ.»

Въ донесеніи отъ 17-го августа говорится : «Впродолженіе ночи непріятель изъ траншеи ниже 10-пушечной батареи вывелъ новую траншею и сапами двѣ вѣтви.»

Въ донесеніи отъ 19-го августа сказано : «Непріятель вывелъ довольно толстую и высокую насыпь, длиною около пятнадцати сажень, и соединилъ ее съ задними траншеями», и т. д.

Но г. Артиллеристъ могъ бы сдѣлать возраженіе, что инженеры на Малаховомъ курганѣ были пристрастны къ артиллеристамъ и нарочно ничего не упоминали въ своихъ донесеніяхъ о вредѣ, нанесенномъ непріятельскимъ работамъ дѣйствіемъ артиллеріи Малахова кургана; поэтому заглянемъ въ донесенія начальниковъ 4-го отдѣленія.

Капитанъ 1-го ранга Кернъ доносилъ отъ 20-го августа: «Траншея, ведущая къ бастіону № 2, продолжена сажень на 10. Сапа лѣвѣе башни продолжена впередъ сажень на 7. Ближайшая параллель впереди башни продолжена тоже на 10 сажень.»

Отъ 21-го августа доносилъ: «Передовая параллель продолжена отъ сапы въ обѣ стороны сажень на 8 и на концѣ поставлены ложементы. Какъ передовая, такъ и вторая параллель значительно утолщена и возвышена. Сапа продолжена впередъ сажень на 7.»

Отъ 22-го августа доносилъ: «На углу, гдѣ соединяется вторая параллель съ сапой передъ башней, сдѣланъ ложементъ изъ мѣшковъ. Сапа лѣвѣ башни и траншея, идущая отъ нея къ Доковому оврагу и къ бастиону № 2, нѣсколько увеличены и значительно утолщены.»

Отъ 24-го августа доносилъ: «Сапа лѣвѣ башни продолжена сажень на 5, туры засыпаны и сверху покрыты мѣшками. Траншея, идущая къ бастиону № 2, значительно увеличена и утолщена. Правѣ 10-пушечной батареи открыли 4 новыя амбразуры. Вообще всѣ траншеи утолщены.»

Ни у кого, нигдѣ ни полслова о томъ, что артиллерія 4-го отдѣленія замедляла производство непріятельскихъ работъ; ни полслова о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ непріятельскихъ насыпяхъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи; наконецъ, ни полслова о томъ, что непріятель исправлялъ поврежденія въ своихъ траншеяхъ.... словомъ, ничего подобнаго тому, что видимъ въ донесеніяхъ съ 5-го отдѣленія. Согласитесь, г. Артиллеристъ, что если бы въ августѣ мѣсяцѣ артиллерія Малахова кургана замедляла работы непріятеля такъ, какъ это было на 5 отдѣленіи, то, ужъ вѣрно, начальники 4-го отдѣленія не преминули бы упомянуть объ этомъ въ своемъ донесеніи, а то, какъ на бѣду, ни въ одномъ изъ ихъ донесеній нѣтъ этого. Неужели и они были пристрастны къ артиллеріи?

Все, что мы говорили про 5-е отдѣленіе, можемъ мы сказать и про 3-е.

Послѣ всего этого рѣшите, г. Артиллеристъ, не были ли мы вправѣ утверждать, что артиллерія Малахова кургана дѣйствовала слабѣ прочихъ бастионовъ оборонительной линіи?

На стр. 194 и 195 г. Артиллеристъ говоритъ: «Кому неизвѣстно, что непріятели наши, владѣя моремъ и имѣя въ распоряженіи своемъ огромныя морскія силы, имѣли и огромныя средства доставлять порохъ и снаряды на мѣсто осады, такъ что они имѣли возможность бросать въ Севастополь *ежедневно отъ 50 до 75,000 разныхъ снарядовъ*; мы же, Русскіе, получали порохъ и снаряды сухимъ путемъ изъ крѣпостей Дунайскаго, Южнаго и Кіевскаго округовъ, или отъ второлінейныхъ парковъ, но, несмотря на такую даль и затруднительный подвозъ запасовъ по крымскимъ дорогамъ, *недостатка въ порохъ и снарядяхъ никогда не было*», и затѣмъ выражаетъ мысль, что отно-

сительно снабженія Севастополя боевыми запасами оборона никогда не доходила до крайняго положенія.

Въ первой половинѣ этой выписки г. Артиллеристъ выразился неясно и неточно: какъ понять слова, что союзники могли ежедневно бросать отъ 50 до 75,000 снарядовъ? Если бы мы хотѣли придирааться къ словамъ, то поняли бы это выраженіе такъ, что союзники могли бросать отъ 50 до 75,000 снарядовъ если не все время осады, то, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе 327 дней, считая съ открытія нами огня, или же въ продолженіе августа мѣсяца, и тогда вывели бы заключеніе, что, принимая среднее число выстрѣловъ въ день 62,500 и полагая зарядъ круглымъ счетомъ въ восемь фунтовъ, въ первомъ случаѣ союзники могли бы сжечь пороха 4,087,500 пудовъ, то есть количество пороха, которое на всемъ земномъ шарѣ навѣрное не имѣется въ наличности, а во второмъ случаѣ, что они сожгли пороху 25,000 пудовъ болѣе, нежели количество дѣйствительно ими сожженного пороха во всю осаду, показаннаго на 444 страницѣ сочиненія Ниеля (Siège de Sebastopol), около 250,000 пудовъ. Но мы не хотимъ возставать противъ неточности изложенія г. Артиллериста и поэтому полагаемъ, что подъ словомъ ежедневно онъ, вѣроятно, разумѣлъ послѣдніе три дня обороны Севастополя, то есть 24, 25 и 26 августа, когда, дѣйствительно, союзники бросили въ Севастополь и на оборонительную его линію отъ 50 до 75,000 разныхъ снарядовъ.

Обратимся теперь ко второй половинѣ сдѣланной нами выписки. Въ ней авторъ положительно утверждаетъ, что въ Севастополѣ «недостатка въ порохѣ и снарядахъ никогда не было» и что въ этомъ отношеніи оборона его «никогда не доходила до крайняго положенія». Заглянемъ въ официальные документы.

7-го и 8-го апрѣля 1855 года, полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ Шейдеманъ), въ ежедневныхъ вѣдомостяхъ о состояніи матеріальной части вооруженія, въ графѣ о количествѣ пороха въ запасѣ, въ складахъ, доноситъ отъ 7-го апрѣля: «Пороха въ запасѣ не имѣется и расходъ 6-го апрѣля пополнить не имѣется возможности»; а отъ 8-го апрѣля: «Пороха въ запасѣ не имѣется и расходъ за 6-е и 7-е апрѣля изъ запасовъ не пополняется.»

Конечно, и этого достаточно; но мы вамъ, г. Артиллеристъ, представимъ болѣе разительное доказательство: во второе бомбардированіе, крайность принудила разряжать ружейные патроны и дѣлать изъ нихъ заряды — это также фактъ, достояніе

исторіи, и живъ еще офицеръ, который производилъ эту операцію: это капитанъ (нынѣ подполковникъ) морской артиллеріи Пестичъ.

Можно ли послѣ этого утверждать, что «недостатка въ порохѣ никогда не было» и что Севастополь *никогда* не былъ въ крайнемъ положеніи относительно снабженія боевыми припасами?

Показанія г. Артиллериста о запасѣ пороха въ Севастополѣ къ 24-му августа также не согласуются съ донесеніемъ генералъ-маіора Пихельштейна. Г. Артиллеристъ, на 195 страницъ, говоритъ, что къ 24-му августа находилось *запаснаго* пороху: «въ Михайловскомъ укрѣпленіи до 7,000 пудовъ, въ Павловскомъ фортѣ отъ 2 — 3,000 пудовъ; столько же въ Николаевскомъ; въ подвижныхъ запасныхъ артиллерійскихъ паркахъ свыше 4,000 пудовъ и въ складахъ симферопольскихъ до 25,000 пудовъ.» Изъ этого слѣдуетъ, что въ самомъ Севастополѣ находилось въ запасѣ пороха отъ 11 до 13,000 пудовъ. Посмотримъ теперь, что доноситъ объ этомъ генералъ-маіоръ Пихельштейнъ. Въ вѣдомости, представленной имъ въ штабъ начальника артиллеріи 25-го августа, значится: что въ Севастопольскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ къ 24-му августа состояло пороху:

Пушечнаго	5,186 пуд.	13	ф.
Мушкетнаго крупнаго.	1,406 —	28	—
— мелкаго	1,652 —	6 $\frac{1}{2}$	—
Винтовочнаго	1,521 —	33	—
Всего		9,767 пуд.	1 $\frac{1}{2}$ ф.

Въ расходѣ:

Отпущено въ инженерное вѣдомство: пушечнаго	12 пуд.
Въ морское вѣдомство: мушкетнаго крупнаго	1,000 —
На оборонительную линію: мушкетнаго крупнаго	3 —
Въ лабораторію: мушкетнаго крупнаго	200 —
И того	<u>1,215 пуд.</u>

Затѣмъ къ 25-му августа состоитъ:

Пушечнаго	5,174 пуд.	13	ф.
Мушкетнаго крупнаго	203 —	28	—
— мелкаго	1,652 —	6 $\frac{1}{2}$	—
Винтовочнаго	1,521 —	33	—
Всего		8,552 пуд.	1 $\frac{1}{2}$ ф.

Ожидается въ доставленіи:

Пороху изъ Шостенскаго пороховаго завода по мѣрѣ выдѣлки.

Итакъ, за исключеніемъ мушкетнаго мелкаго и винтовочнаго, собственно на заряды для орудій, вечеромъ 24-го августа оставалось: 5,378 пудовъ и 1 фунтъ, или на 26,890 зарядовъ. Было еще въ морскомъ вѣдомствѣ 4,100 пудовъ; но этотъ порохъ въ эти же сутки былъ израсходованъ на заряды. Что же касается до запаса 4,000 пудовъ пороху подвижныхъ запасныхъ парковъ, то мы полагаемъ, что на него разсчитывать нельзя было осажденному, потому что подвижные парки пополняютъ расходъ полевыхъ батарей, а мы должны были всегда ожидать, что непріятель начнетъ наступательныя дѣйствія въ полѣ, и что мы принуждены будемъ дать не одну жаркую битву, чтобы не дозволить окружить Севастополь. Относительно 25,000 пудовъ пороха симферопольскихъ складовъ, мы замѣтимъ только, что если принять цифру эту за справедливую, то является вопросъ, почему генералъ-маіоръ Пихельштейнъ въ вѣдомостяхъ своихъ говоритъ: «ожидается въ доставленіи пороху изъ Шостенскаго пороховаго завода по мѣрѣ выдѣлки», тогда какъ проще было бы пополнять расходъ изъ Симферополя.

Вообще г. Артиллеристъ указываетъ на избытокъ пороха; судя же по донесеніямъ генералъ-маіора Пихельштейна, избытка не было, и мы не могли отвѣчать непріятелю такимъ же, что и онъ, числомъ выстрѣловъ. Въ послѣдніе три дня бомбардированія, непріятель, дѣйствительно, бросалъ отъ 50 до 75,000 снарядовъ, у насъ же всего въ запасѣ было къ 24-му августа (если взять въ разсчетъ весь мушкетный и винтовочный порохъ) 9,767 пуд. и $\frac{1}{2}$ ф., то есть, полагая зарядъ въ 8 фунтовъ, на 48,835 выстрѣловъ. Расходовать же положенные на орудіе 140 зарядовъ (*) можно было не иначе, какъ надѣясь пополнить ихъ на другой день. Предоставляемъ рѣшить г. Артиллеристу, могли ли мы разсчитывать на подвозъ пороху по 10,000 пудовъ ежедневно, хотя бы въ продолженіе недѣли.

(*) На оборонительной линіи имѣлось при каждомъ орудіи по 140 зарядовъ; изъ нихъ 50 полагались исключительно для штурма. Чтобы отвѣтить непріятелю 50,000 выстрѣловъ, положимъ, изъ 500 только орудій, потребно въ продолженіе двухъ дней по 200 зарядовъ на орудіе, а въ дѣйствительности было по 90 при орудіяхъ оборонительной линіи (кромѣ 50 для штурма) и по 97 въ запасѣ.

Перейдемъ теперь къ снарядамъ. Здѣсь насъ немало удивляетъ, какимъ это образомъ г. Артиллеристъ, «личный свидѣтель всѣхъ описанныхъ нами событій, защитникъ Севастополя», могъ сказать, что «недостатка въ снарядахъ нѣкогда не было», тогда какъ едва ли найдется другой артиллеристъ-Севастополецъ, который бы не сознавалъ этого недостатка? Да объ этомъ только и говорили въ августѣ мѣсяцѣ, а высшее артиллерійское начальство крымской арміи изощряло всѣ свои способности и энергію, чтобы хотя сколько нибудь умалить зло, проистекавшее отъ этого недостатка. Для лучшаго убѣжденія г. Артиллериста, мы приводимъ слѣдующія выписки изъ официальныхъ бумагъ.

Въ докладной запискѣ генералъ-маіора Шейдемана, начальнику штаба артиллеріи генералъ-маіору Крыжановскому, отъ 5-го августа, между прочимъ, сказано: «Веденіе ближайшихъ непріятельскихъ подступовъ частью остановлено и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замедлено единственно дѣйствительностью стрѣльбы нашей пустотѣлыми снарядами, которыхъ, при усиленномъ дѣйствіи, въ настоящее время расходовалось ежедневно отъ 2 до 3,000. Нынѣ потребность въ этихъ снарядахъ та же; но, сравнительно съ расходомъ, запасъ ихъ ничтоженъ, и если на дняхъ не прибудетъ транспортъ пустотѣлыхъ снарядовъ, то дѣйствіе ими должно прекратиться. Производившаяся съ большимъ успѣхомъ пальба $\frac{1}{4}$ пудовыми единорогами сегодня совершенно прекратилась, по неимѣнію снарядовъ этого калибра. Кромѣ того, въ гарнизонѣ большой недостатокъ бомбовыхъ и гранатныхъ трубокъ. При гарнизонѣ ежедневно готовится отъ 500 до 600 трубокъ, по расчету доставлялось изъ полевыхъ батарей по 200 въ сутки, итого до 800, а потребно для ежедневнаго расхода отъ 2,000 до 3,000; доставленные же изъ разныхъ мѣстъ трубки нынѣ уже израсходованы.»

Изъ приложенной къ этой докладной запискѣ вѣдомости о запасѣ пустотѣлыхъ снарядовъ оказывается: что 5 пудовыхъ бомбъ имѣлось только 1,086, 3-пудовыхъ только 1,659, $\frac{1}{4}$ -пудовыхъ гранатъ только 200, а 2-пудовыхъ бомбъ и 6-фунтовыхъ гранатъ ни въ сухопутномъ, ни въ морскомъ вѣдомствѣ не имѣлось вовсе.

Въ отзывѣ графа Остенъ-Сакена къ генералъ-лейтенанту Сергпутовскому отъ 7-го августа, за № 1,457, между прочимъ, говорится: «.... Въ Севастополѣ имѣется ничтожный запасъ пу-

стотѣльныхъ снарядовъ, и если въ скоромъ времени не придутъ новые транспорты, то стрѣльба бомбами и гранатами должна прекратиться, что будетъ имѣть непосредственное вліяніе на огромное увеличеніе потери людей и успѣхъ обороны Севастополя».

Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ, генералъ-лейтенантъ Сергпутовскій, отъ 11-го августа, за № 6.072, донося начальнику севастопольскаго гарнизона, что имъ употребляются всѣ мѣры къ скорѣйшему и безостановочному снабженію Севастополя снарядами и что таковыя ожидаются изъ Дубовки, Ростова, Брянска, Луганя и Кіева» (*), далѣе говоритъ слѣдующее: «Хотя этими ожиданіями все еще Севастополь не будетъ обезпеченъ, но въ моемъ распоряженіи другихъ источниковъ и средствъ не состоятъ, ибо Луганскій литейный заводъ и безъ того уже чрезмерно обремененъ заказами, а изъ всѣхъ крѣпостей Дунайскаго и Южнаго округовъ, а частью и изъ Кіева, уже вывезены всѣ снаряды, какіе можно было вывезти, не лишивъ ихъ вовсе средствъ къ оборонѣ при возможности нападенія.» Затѣмъ генералъ-лейтенантъ Сергпутовскій, донося, что онъ просилъ Артиллерійскій департаментъ о поспѣшнѣйшей доставкѣ въ Севастополь снарядовъ изъ какихъ либо дальнѣйшихъ складовъ или крѣпостей, внутри имперіи находящихся, присовокупляя, что средства, состоявшія въ его распоряженіи, нынѣ уже совершенно истощены и что расходъ нѣкоторыхъ снарядовъ такъ великъ (напримѣръ, $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ до 2,400 въ сутки, то есть 72,000 въ мѣсяцъ), что «средства всей Европы были бы недостаточны ни для приготовленія, ни для доставки такого количества снарядовъ».

Изъ докладной записки генералъ-маіора Шейдемана генералъ-маіору Крыжановскому, отъ 13-го августа, оказывается: что, для уничтоженія двойной сапы противъ 2-го бастіона, главнокомандующій, князь Горчаковъ, желалъ выпустить 13-го августа по 100 гранатъ изъ 24-полупудовыхъ мортиръ; но жела-

(*) Изъ вѣдомости о транспортахъ снарядовъ, ожидавшихся изъ различныхъ мѣстъ, приложенной къ этому рапорту, оказывается: что 3-пуд. бомбы числомъ 6,600 ожидалась не позже, какъ чрезъ 30 дней, 2-пуд. бомбы числомъ 8,094 (изъ которыхъ 3,000 приказано было отправить на срочныхъ подводахъ) должны были прибыть не позже, какъ чрезъ 20 дней, 6-ф. гранаты не позже, какъ чрезъ 15 дней, время же прибытія $\frac{1}{4}$ -пуд. гранатъ не было извѣстно, но 1,000 $\frac{1}{4}$ -пуд. гранатъ должны были прибыть на дняхъ.

ніе его сіятельства не можетъ быть приведено въ исполненіе, ибо для сего потребуется 2,400 снаряженныхъ гранатъ, чего артиллерійскій гарнизонъ не въ состояніи приготовить къ вечеру, а потому будетъ произведено лишь по 30 выстрѣловъ изъ означенныхъ мортиръ.» При семъ генераль-маіоръ Шейдеманъ присовокуплялъ: «что, для приготовленія 2,400 полупудовыхъ гранатъ въ сутки, должно приостановить всѣ прочія работы, и за симиъ расходомъ остается въ запасѣ полупудовыхъ гранатъ только 3,400.»

Изъ докладной записки генераль-маіора Шейдемана генераль-маіору Крыжановскому, отъ 21-го августа, оказывается, что начальникъ гарнизона, имѣя въ виду недостатокъ пустотѣлыхъ снарядовъ, а главное—невозможность вытачивать въ потребномъ числѣ трубокъ, назначилъ слѣдующее число снарядовъ для ежедневнаго расхода, которое, по словамъ генераль-маіора Шейдемана, «далеко не отвѣчало потребности»: на 1-е отдѣленіе $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ и 3-пудовыхъ бомбъ ни одной; 5-пудовыхъ — 20, а 1-пудовыхъ—60. На 2-е и 3-е отдѣленія: 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ ни одной, а только по 100 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ. На 4-е отдѣленіе: 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ по 30, а $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ—200. Наконецъ, на 5-е отдѣленіе: 5-пудовыхъ бомбъ—20, 1-пудовыхъ — 50, и гранатъ $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ—400.

Пусть скажетъ г. Артиллеристъ, чувствовало ли 1-е отдѣленіе недостатокъ въ снарядахъ, когда ему не давали ни одной $\frac{1}{2}$ -пудовой гранаты для дѣйствованія изъ мортиръ; а, между тѣмъ, тамъ находилось 12 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ мортиръ и предлагали брать для нихъ гранаты отъ 24-фунтовыхъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣлять за то одними только ядрами? и чувствовали ли 4-й и 3-й бастіоны недостатокъ въ снарядахъ, когда каждыя сутки союзники забрасывали ихъ бомбами большого калибра, а имъ не отпускалось ни одной? Наконецъ, достаточно ли было для 4-го отдѣленія, важнѣйшаго изъ всѣхъ въ Севастополѣ, главнаго пункта непріятельской атаки, 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ по 30, то есть всего 60?

21-го же августа, за № 1,701, генераль-маіоръ Шейдеманъ доносилъ генераль-лейтенанту Сергпутовскому, что потребно было въ сутки для оборонительной линіи 2,750 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ, а отпущено только 950, слѣдовательно недостаетъ 1,800, и что, «послѣ выдачи сего числа $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ

для ежедневнаго расхода, осталось ихъ всего 500, и если завтрашняго числа утромъ не будутъ доставлены $\frac{1}{2}$ -пудовыя гранаты, то пальба этими снарядами 23-го августа прекратится».

Многое бы можно было сообщить г. Артиллеристу относительно недостатка въ боевомъ снабженіи Севастополя въ послѣднее время обороны. Можно бы было ему рассказать о томъ, что еще 29-го іюля генераль-лейтенантъ Сержпутовскій писалъ, что лѣса, потребнаго на изготовленіе поддоновъ для мортирной 5-пудовой гранатной картечи, а равно и поддоновъ вовсе не состояло при севастопольскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ, что 25-го августа въ томъ же гарнизонѣ осталось лѣсу, способнаго для выточки бомбовыхъ и гранатныхъ трубокъ, только на два дня, и что вслѣдствіе этого сейчасъ же былъ командированъ артиллерійскій офицеръ для покупки въ окрестностяхъ Симферополя, *но какой бы то ни было цѣны*, сколь можно большаго количества березоваго, кленоваго, ясеневаго или же липоваго лѣса и немедленной доставки хотя бы части его въ Севастополь къ 27-му августа, и прочее.

Но довольно....

Можно ли послѣ всего этого утверждать, что въ Севастополѣ недостатка въ боевомъ снабженіи никогда не было и что въ этомъ отношеніи оборона его никогда не доходила до крайняго положенія?

На стр. 196 г. Артиллеристъ говоритъ: «Къ 24-му августа у насъ, дѣйствительно, не было въ изобиліи ядеръ 36-ти и 24-хъ-фунтовыхъ и бомбъ пяти и двухъ-пудовыхъ; но все таки—было слишкомъ достаточно, чтобы заставить непріятеля уважать себя.» Совершенно наоборотъ: 36-ти-фунтовыхъ ядеръ было достаточно, а 24-хъ-фунтовыхъ имѣлось въ изобиліи; 27-го августа оставлено было непріятелю, на одной только оборонительной линіи южной стороны, 36-ти-фунтовыхъ ядеръ 34,321, а 24-хъ-фунтовыхъ 73,777 ядеръ. Что же касается пяти и двухъ-пудовыхъ бомбъ, то вышеприведенныя выписки изъ официальныхъ документовъ доказываютъ всю несправедливость словъ г. Артиллериста, что ихъ «было слишкомъ достаточно, чтобы заставить непріятеля уважать себя». Нельзя понять, почему авторъ, излагая, какого снаряда не имѣлось въ изобиліи, ни слова не упоминаетъ о самомъ дѣйствительномъ снарядѣ противъ осадныхъ подступовъ въ послѣдній періодъ обороны и въ которомъ, дѣйствительно, чувствовался огромный недостатокъ, именно—полу-

пудовыхъ гранатъ. Ежели г. Артиллеристъ, умалчивая про этотъ снарядъ, этимъ самымъ хотѣлъ сказать, что его имѣлось въ изобиліи, то неосновательность такого мнѣнія доказывается вышеприведенными нами выписками (*).

На стр. 196, авторъ рассказываетъ слѣдующее: «Иногда, вмѣсто бомбъ, мы очень удачно стрѣляли изъ мортиръ разрывными 20-ти и 10-ти-фунтовыми гранатами (?). Ихъ укладывали по нѣскольку въ боченокъ (?), ставили въ мортиру, бросали въ непріятельскія траншеи и наносили страшное поражение войскамъ его, густо сосредоточеннымъ въ передовыхъ линіяхъ траншей.» Нѣтъ, г. Артиллеристъ, гранатную картечь употребляли не вмѣсто бомбъ, бомба сама по себѣ, а гранатная картечь сама по себѣ; это все равно, если бы мы сказали, что изъ 36-ти-фунтовой пушки стрѣляютъ иногда вмѣсто ядра картечью. Гранатную картечь не могли никакъ употреблять вмѣсто бомбы, потому что дальнѣйшее разстояніе, на которомъ она дѣйствовала, было 120 сажень. Удивительно, какъ это г. Артиллеристъ, «личный свидѣтель, защитникъ Севастополя», дѣлаетъ такія ошибки по своей специальной части. Если бы онъ внимательно прочелъ 3-й номеръ своего «Артиллерійскаго Журнала» за 1856 годъ, въ которомъ описаны и цѣль и способъ дѣйствія гранатною картечью, то въ трехъ строкахъ послѣдней выписки не сдѣлалъ бы нѣсколькихъ ошибокъ. Лучшій и болѣе всего употреблявшійся способъ приготовленія гранатной картечи былъ способъ штабсъ-капитана (нынѣ подполковника) Пестича. Въ картечь эту не входили ни полупудовыя, ни *разрывныя 20-ти и 10-ти-фунтовыя гранаты*, а шести и трехъ-фунтовыя гранаты. Укладывали ихъ не въ боченокъ, а въ особенный жестяной корпусъ и приготовляли въ лабораторіи. Какъ исключеніе, и весьма рѣдко, приготовляли эту картечь на батареяхъ, описаннымъ въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» способомъ, т. е. брали жестяной корпусъ съ полушарнымъ деревяннымъ дномъ (*а не боченокъ*) и клали туда гранаты; но весьма сомнительно, чтобы и для этой цѣли употребляли полупудовыя гранаты, по той причинѣ, что въ этомъ снарядѣ чувствовался недостатокъ,

(*) О полу-пудовой гранатѣ упомянуто въ одномъ мѣстѣ, но только весьма нестати, а именно: въ разсказѣ о гранатной картечи, и не подъ собственнымъ именемъ, а подъ именемъ какой-то *разрывной 20-ти-фунтовой гранаты*.

даже для дѣйствія изъ полупудовой мортиры, которое было болѣе вѣроятное, болѣе непрерывное и болѣе полезное.

Г. Артиллеристъ, говоря о гранатной картечи, вѣроятно, смѣшалъ гранатную картечь нашу съ тою, которая употреблялась Французами. Они, дѣйствительно, брали полубоченокъ (половину порохового боченка въ 25 килограмовъ) и клали въ него гранаты 15 сантиметровъ, что подходитъ къ нашимъ полупудовымъ гранатамъ. Но, повторяемъ, это дѣлали подъ Севастополемъ Французы, а не мы.

Затѣмъ г. Артиллеристъ говорить: «что считаетъ обязанностью открыть настоящую причину слабаго дѣйствія артиллеріи Малахова кургана». Вотъ онѣ, эти настоящія причины: это происходило: 1) «Отъ негодности и неспособности къ дѣйствію самыхъ орудій, лафетовъ и станковъ артиллеріи Малахова кургана. Одни изъ нихъ были подбиты а большая часть были буквально засыпаны землею.... Слѣдствіемъ всеобщаго разрушенія было, что слой земли, падавшей постепенно на артиллерію, дошелъ до такого объема, что лафеты и станки погребены были въ землю и орудіямъ невозможно было дать никакого направленія.» (Стр. 197.)

Во все время продолжительной осады Севастополя, чувствовался недостатокъ мортиръ; что же касается прочихъ родовъ орудій, то въ нихъ было изобиліе, въ полномъ смыслѣ слова. То же самое можемъ сказать о станкахъ и лафетахъ, въ которыхъ никогда не чувствовалось недостатка, вслѣдствіе матеріальныхъ средствъ морскаго вѣдомства и энергической, неутомимой дѣятельности мастерскихъ этого же вѣдомства. Извѣстны также распорядительность морскаго начальства и особенная сноровка матросовъ при перемѣнѣ станковъ; слѣдовательно, остается заключить, что невозможно было замѣнить подбитыя орудія и станки потому, что они были погребены въ землю. Мы пробывли весь августъ мѣсяцъ на 4-мъ отдѣленіи и никогда не видѣли, чтобы орудіе было погребено землею. Да это рѣшительно невозможно: по склону крутостей, земля заваливаетъ амбразуры, обсыпается въ ровъ, и лишь самая незначительная часть ея падаетъ во внутрь укрѣпленія. Но положимъ, что какимъ нибудь чудомъ дѣлается обвалъ не въ наружу, а во внутрь укрѣпленія, то и тогда достаточно орудійной прислуги, чтобы не дѣзволить погребсти орудія; притомъ, не думаемъ, чтобы кто либо изъ батареинныхъ командировъ допустилъ до этого. Если бы г. Артил-

леристъ сказалъ, что орудіямъ нельзя было дать никакого направленія, потому что амбразуры были засыпаны, дѣло другое, а рассказывать про какое-то погребеніе орудій — болѣе, чѣмъ странно.

2) «Отъ необъяснимой медленности инженеровъ, при исправленіи и починкѣ рва, вала, амбразуръ и вообще земляныхъ обваловъ на Малаховомъ курганѣ.» Авторъ нападаетъ на насъ за то, что мы будто бы, въ первой нашей статьѣ, «вездѣ оправдываемъ инженеровъ недостаткомъ рабочихъ людей»; относительно невозможности исправленія замѣчаетъ, что «труда было много, но невозможнаго ничего нѣтъ.... Все зависѣло отъ усердія и самоотверженія распорядителей работъ, и можно ли въ столь критическую минуту обороны говорить о невозможности?» Далѣе г. Артиллеристъ положительно утверждаетъ, что рабочихъ средствъ было чуть ли не изобиліе, что въ ночь съ 5-го на 6-е августа, высланными рабочими, «легко и возможно было исправлять всѣ поврежденія а рабочими 7-го и 19-го возможно было исправить окончательно валъ, амбразуры и проч.», доказательствъ же этой возможности не приводитъ никакихъ, а только говоритъ, что въ этотъ «критическій моментъ обороны 20 человѣкъ должны работать за 100 рукъ», но что инженеры всего этого не сдѣлали, оттого, что, распорядившись въ ночи работами, отправлялись обыкновенно въ блиндажи и только утромъ являлись для повѣрки работъ и донесенія объ успѣхѣ ихъ и при этомъ не упускали случая жаловаться на недостатокъ людей; между тѣмъ, какъ эти люди, не видя при себѣ распорядителя работъ, послѣ двухъ-трехъ часовъ труда, также ложились на отдыхъ до утра»; что мы, на 396 страницѣ первой нашей статьи, неправильно «указываемъ на другія спѣшныя работы, какъ будто бы онѣ были важнѣе кургана» (*); что, при такомъ важномъ значеніи, какое имѣлъ Малаховъ курганъ въ оборонѣ Севастополя, «казалось бы, что все вниманіе инженеровъ должно было быть обращено на содержаніе въ исправности его

(*) Уже одни эти слова доказываютъ, что едва ли г. Артиллеристъ былъ на Малаховомъ курганѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г., потому что спѣшныя работы, о которыхъ мы упомянули въ первой нашей статьѣ, именно и производились на самомъ курганѣ: ретраншаментъ, барбетъ лѣваго фаса, ямы для 2 новыхъ блиндажей (которыя предполагалось перенести отъ башни, чтобы очистить площадку впереди ретраншамента), батарея лѣвой горжи, во второй линіи,—все это было на курганѣ и дѣлалось для того, чтобы усилить его оборону.

верковъ, но что инженеры встрѣчали одни только препятствія», и прочее въ томъ же родѣ.

Боже мой! въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ сколько несправедливости, сколько напраслины, сколько пристрастія, какое незнаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣднее время обороны Севастополя, сколько доказательствъ тому, что г. Артиллеристъ не былъ близко и непосредственно знакомъ съ защитою Севастополя, по крайней мѣрѣ въ послѣдній мѣсяцъ осады! Вы возстали противъ насъ за мнѣнія нѣкоторыхъ о причинахъ слабого дѣйствія артиллеріи Малахова кургана и за то, что мы упрекали эту артиллерию въ слабостъ ея дѣйствіи. Но въ нашихъ словахъ не было и тѣни нападка на все артиллерійское сословіе, мы сами отдавали справедливость дѣйствию той же самой артиллеріи Кургана за время до августа мѣсяца, восхищались дѣйствиемъ артиллеріи 2-го и 3-го бастіоновъ, а мнѣнія наши подтверждали фактами. А вы какъ поступаете въ подобныхъ случаяхъ? Вы высказываете не мнѣніе нѣкоторыхъ, а свое собственное, что дѣйствія инженеровъ были необъяснимо медленны, что они встрѣчали вездѣ одни только препятствія и пр.

Правѣ ли вы такъ выражаться, г. Артиллеристъ? Вѣдь изъ насъ, инженерныхъ офицеровъ, 13 удостоились Георгіевскаго креста; вѣдь подобные отзывы не объ одной, двухъ личностяхъ, а обо всемъ сословіи слѣдуетъ подкрѣплять вѣрными, непреложными фактами, а не бездоказательными фразами, наподобіе той, «что невозможнаго ничего нѣтъ».

Подобные нападки не заслуживали бы по настоящему и отвѣта; тѣмъ не менѣе, для того, чтобы г. Артиллеристъ убѣдился, до какой степени можно заблуждаться, если судить о чемъ нибудь не по собственному наблюденію и если отвергать справедливость поговорки: «не всякому слуху вѣръ», мы рѣшились изложить вкратцѣ нѣкоторыя обстоятельства и привести нѣкоторые факты, которые, можетъ быть, дадутъ вамъ болѣе вѣрный взглядъ на дѣйствія инженеровъ въ послѣдній мѣсяцъ обороны Севастополя.

Итакъ, вы отвергаете недостатокъ рабочихъ людей въ августѣ мѣсяцѣ на Малаховомъ курганѣ и полагаете, что ими легко и возможно было произвести всѣ исправленія. Посмотримъ, справедливо ли это. Возьмемъ 5-е, 7-е и 19-е августа, именно дни, на которые вы указываете.

Съ 5-го на 6-е августа, на Малаховомъ курганѣ произведены были слѣдующія поврежденія: совершенно было разрушено: 60 амбразуръ, 8 мерлоновъ и 15 платформъ; почти всѣ траверсы и насыпи трехъ пороховыхъ погребовъ и блиндажей изрыты бомбами, а ровъ въ нѣкоторыхъ частяхъ сильно засыпанъ. Кромѣ того, нужно было продолжать вновь начатыя спѣшныя работы, а именно: ретраншаментъ, отрываніе ямъ для двухъ блиндажей и барбету лѣваго фаса. Для всѣхъ этихъ работъ прислано было 2,150 человекъ рабочихъ. Но, чтобы вывести дѣйствительное число людей, которые принимали участіе въ работѣ, слѣдуетъ, изъ числа 2,150 челов., выключить: унтеръ-офицеровъ и людей съ носилками для раненыхъ. Будемъ брать самую ограниченную пропорцію выключаемыхъ людей. Роты, въ послѣднее время обороны Севастополя, были силою отъ 100 до 150 челов., не больше; возьмемъ среднее число 120 челов. Положимъ, что съ каждымъ 120 челов. выходило на работу всего только 4 унтеръ-офицера, поэтому унтеръ-офицеровъ на 2,150 челов. выходитъ приблизительно 70 челов. Въ каждой ротѣ непремѣнно были хотя однѣ носилки (*), слѣдовательно на каждыхъ 120 челов. по 4 носильщика, или на 2,150 челов. 70 носильщиковъ. Итакъ, выключая изъ 2,150 челов. 70 унтеръ-офицеровъ и 70 носильщиковъ, т. е. 140 человекъ, получимъ цифру 2,010, означающую число людей, дѣйствительно работавшихъ.

Рабочіе приходили обыкновенно въ началѣ 9-го часа вечера. Расчетъ ихъ производился обыкновенно въ болѣе безопасномъ мѣстѣ кургана, именно на площадкѣ у горжи. Выстроить какихъ нибудь 1,500 или 2,000 челов. и рассчитать ихъ по работамъ, подѣ непріятельскими бомбами, было нелегко, и иной разъ, при всемъ желаніи сдѣлать это какъ можно скорѣе, дабы этимъ избѣгнуть напрасныхъ потерь, проходило, по крайней мѣрѣ, полчаса, пока не кончится этотъ расчетъ. Въ то время, когда эти команды расходились по работамъ, извѣстное число людей, назначенныхъ отъ каждой изъ нихъ, отправлялись къ мѣсту, гдѣ обыкновенно складывался инструментъ, получали его для своей команды и затѣмъ, вернувшись къ ней, раздавали ей инструментъ. Все это производилось въ темнотѣ, подѣ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ: внутренность кургана представляла

(*) Въ ротѣ было по двое носилокъ; но мы принимаемъ, что заняты были только однѣ носилки, т. е. каждой роты по 4 человекъ.

сушій лабиринтъ, гдѣ люди, приходящіе на работу и весьма часто мало или совсѣмъ незнакомые съ мѣстностью, могли весьма легко потеряться; поэтому всегда необходимо было самому дистанціонному офицеру отвести каждую команду на работу, растолковать каждому почти рабочему, что и какъ онъ долженъ дѣлать, въ малѣйшихъ подробностяхъ, внушить армейскимъ унтеръ-офицерамъ, что они должны не отходить отъ своихъ людей, приставить за тѣмъ надсмотрщиковъ саперъ (а ихъ подъ конецъ было весьма недостаточное число, такъ что большею частію на 4 или 5 амбразуръ приходилось по одному саперу). Все это не могло не занять болѣе или менѣе продолжительнаго времени и длилось, навѣрное, до десятаго часа.

Казалось бы, что, съ приходомъ рабочихъ командъ на работу и съ раздачею инструмента, работа должна сейчасъ же производиться: нѣтъ, имъ еще нужно поджидать нѣкоторое время, иногда и цѣлый часъ, туровъ и фашинъ, которые привозились не на самый курганъ, а въ Корабельную слободу, и складывались въ домъ Тулубѣвой подъ курганомъ (*) и за которыми во время развода людей отдѣлялась извѣстная команда рабочихъ. Такимъ образомъ, положительно можно сказать, что работы на всѣхъ пунктахъ были въ полномъ ходу не ранѣе десяти или одиннадцати часовъ ночи (**).

Ночныя работы приказано было кончать съ разсвѣтомъ — обыкновенно въ три или въ началѣ четвертаго часа утра; такимъ образомъ, работы эти производились не болѣе четырехъ—пяти часовъ (***).

(*) Туры, фашины и вообще сапные матеріалы привозились ежедневно съ сѣверной стороны, на пароходахъ или на лошадяхъ, сгружались или въ Аподоновой балкѣ или близъ доковъ у крана, а оттуда доставлялись въ домъ Тулубѣвой, гдѣ было учреждено инженерное депо. Складывать туры и фашины на самомъ курганѣ нельзя было потому, что они бы заняли весьма много мѣста, легко могли быть разбиты, а главное потому, что весьма легко могли бы загорѣться во время бомбардировокъ, что было бы для насъ весьма опасно, ибо потушить подобный пожаръ едва ли была бы возможность.

(**) Все, что здѣсь сказано, относится къ 4-му отдѣленію; на другихъ пунктахъ оборонительной линіи дѣлалось, можетъ быть, иначе, — этого не знаемъ.

(***) Мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ ложныхъ тревогъ, столь часто, почти еженочно случавшихся, которыя останавливали работу до крайности, потому что рабочіе становились въ ружье, и проходило не менѣе часа, пока снова принимались за работу.

Инструментъ, которымъ приходилось работать, будучи большею частію заготовленъ во время осады наскоро, былъ крайне ненадеженъ (*); мотыги и кирки сваливались съ черенковъ, самые черенки постоянно ломались, а новыхъ взять было не откуда; лопаты отъ долгаго употребленія были попорчены, ломовъ имѣлось ничтожное количество. Между тѣмъ, грунтъ былъ весьма трудный для работы, большею частію каменистый, иной разъ и сплошная скала, такъ что безъ кирки, мотыги и лома нельзя было ступить и шагу, а во многихъ мѣстахъ приходилось рвать камень порохомъ. Тонкій пласть земли, покрывавшій камень и скалу на курганѣ, вслѣдствіе продолжительности работъ, былъ совершенно снятъ; поэтому землю приходилось брать не на мѣстѣ же работы, а подносить ее съ довольно дальняго разстоянія, иногда шаговъ за 100 и 150 (**); да и эта земля, отъ бывшей засухи, разсыпалась какъ прахъ и превращалась въ одну пыль; землею же, которая отъ бомбардировки обсыпалась въ ровъ, и тою, которая происходила отъ минъ, можно было пользоваться весьма мало, по причинѣ разбросанности работъ и затруднительнаго сообщенія внутренности бастіона съ дномъ рва. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить поврежденіе немнѣшнѣе сильный непріятельскій огонь, при которомъ работы никакъ не могли двигаться впередъ безостановочно, и крайній недостатокъ туровъ и фашинъ, заставлявшій иной разъ выбирать изъ старыхъ туровъ менѣе поврежденные и эти употреблять въ дѣло (**).

Самыми важными работами на курганѣ считались: починка амбразуръ, мерлоновъ и платформъ, предохраненіе погребовъ отъ взрыва, очистка рва и производство начатыхъ работъ на ретраншаментѣ, батареи во второй линіи и проч.

При всѣхъ вышензложенныхъ обстоятельствахъ, до крайности затруднявшихъ работы, и желая, чтобы разрушенныя

(*) Во время перемирія, предшествовавшего миру, и послѣ мира, Французы, видя нашъ шанцевый инструментъ, выражали всегда свое удивленіе и не разъ говорили, что не могутъ понять, какимъ образомъ со столь плохимъ инструментомъ можно было воздвигнуть севастопольскія укрѣпленія.

(**) На батареѣ Жерве грунтъ былъ голая скала, такъ что одно время назначено было нѣсколько полу-фурковъ для подвозки земли. Ее брали около второй линіи, т. е. за 80 или 100 саженъ отъ мѣста работъ.

(***) Подъ конецъ обороны, недостатокъ фашинъ дошелъ до того, что принуждены были вязать ихъ изъ стараго хвороста, происходившаго отъ разбитыхъ непріятельскими снарядами туровъ и фашинъ. Для этого назначались постоянные рабочіе, которые работали въ домѣ Тулубѣвой.

амбразуры были къ разсвѣту какъ слѣдуетъ исправлены, нельзя было назначать на каждую изъ нихъ менѣе 20-ти человѣкъ (*); поэтому въ ночь съ 5-го на 6-е августа нужно было:

(*) Тѣмъ, кто бы вздумалъ судить объ успѣхѣ севастопольскихъ работъ по успѣху работъ практическихъ, производимыхъ въ мирное время, покажется, быть можетъ, что назначенное для амбразуры число рабочихъ 20 человѣкъ слишкомъ велико. Но принимать успѣхъ мирныхъ работъ за мѣрило успѣха севастопольскихъ работъ значило бы впасть въ весьма большую ошибку. Необходимо принять въ расчетъ тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ производились севастопольскія работы и которыя до крайности затрудняли успѣшный ходъ ихъ. Туры, которыми обыкновенно одѣвались щеки амбразуръ, прибивались всегда колыями, часто анкеровались и затѣмъ засыпались землею, а такъ какъ орудія на морскихъ станкахъ весьма низкихъ, то амбразуры были весьма глубоки, т. е. имѣли ступъ не болѣе 2 ф. высоты. Поэтому при бывшей высотѣ бруствера отъ 7 до 10 ф., одѣвая щеку амбразуры, приходилось ставить туры въ 2 яруса, каждый изъ нихъ укрѣпляя колыями, вбиваемыми въ насыпь бруствера. Амбразурамъ давался довольно значительный обстрѣлъ, такъ что, при бывшей толщинѣ бруствера отъ 2 1/2 до 3 саж., на каждую щеку амбразуры приходилось ставить въ нижній ярусъ отъ 8 до 10 туровъ; въ верхнемъ ярусѣ число туровъ было менѣе на какіе нибудь одинъ или два тура. Подобную сплошную стѣну туровъ увѣнчивали обыкновенно фашинами или мѣшками съ землею, которыми и подводили туровую одежду щекъ подъ одну высоту со скатомъ самаго бруствера. Несмотря на то, что всегда соблюдали, какъ непремѣнное правило, прибывать накрѣпко коломъ каждый туръ отдѣльно къ насыпи бруствера, что каждый мѣшокъ и фашина прибивались нѣсколькими колышками къ землѣ, наполнявшей туры, всѣ вообще насыпи, вслѣдствіе безпрестанныхъ исправленій и бывшей въ июлѣ и августѣ мѣсяцахъ засухи, сдѣлались до того рыхлыми, что достаточно было нѣсколькихъ гранатъ или одной, двухъ бомбъ, чтобы совершенно уничтожить амбразуру. При этомъ, туровая одежда щекъ, фашины, земляные мѣшки,—все это естественно падало во внутрь амбразуры и вмѣстѣ съ высыпавшеюся изъ туровъ землею, а равно и тою, которая обваливалась отъ мерлоновъ, совершенно ее засыпали. Непріятель, съ своей стороны, продолжая стрѣльбу, все больше и больше обваливалъ землю съ мерлоновъ въ амбразуры. Случая, когда изъ щеки амбразуры вываливались 1 или 2 тура, которые сейчасъ же было можно сбросить ядромъ въ ровъ или, зацѣпивъ канатомъ или багромъ, втащить во внутрь укрѣпленія,—словомъ, случая, когда требовалось только расчистить амбразуру, что производилось и днемъ, выпадали весьма рѣдко въ августѣ мѣсяцѣ; болѣею частью разрушеніе, производимое непріателемъ, было окончательное, при которомъ исправлять амбразуру было труднѣе, нежели рѣзать ее вновь. Необходимо было очистить сперва подошву амбразуры отъ разбитыхъ туровъ и фашинъ, а равно и земли, и потомъ вновь одѣвать щеки ея. Конечно, при этомъ всѣ 20 человѣкъ не работали въ самой амбразурѣ: въ ней свободно могли работать 4 или 5 человѣкъ; изъ остальныхъ же часть рубили гдѣ нибудь, по возможности ближе къ работѣ, землю и наполняли ею мѣшки, а остальная часть подносила эти послѣдніе къ мѣсту работы, гдѣ люди, стоящіе въ амбразурѣ и укрѣплявшіе туры, принимали эти мѣшки и высыпали изъ нихъ землю въ самые туры и за

Для починки однѣхъ только амбразуръ . . .	1,000	челов.
Для починки совершенно разбитыхъ пятнадцати платформъ, для которыхъ нужно было еще принести лѣсъ изъ-подъ кургана, не менѣе . .	150	—
Для починки восьми разрушенныхъ мерлоновъ не менѣе	200	—
Для очистки рва (*) обыкновенно назначалось . . .	150	—
Для исправленія насыпей трехъ пороховыхъ погребовъ не менѣе 30 человекъ на каждый, т. е. всего	90	—

нихъ. Но, повторяемъ, все это дѣлалось подъ сильнымъ непріятельскимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, въ трудномъ, болѣею частью каменистомъ грунтѣ, съ плохимъ инструментомъ, людьми, уставшими и изнуренными; поэтому, говоримъ по собственному опыту, 20 человекъ едва успѣвали исправить разрушенную амбразуру къ концу ночныхъ работъ, даже и при обстоятельствахъ менѣе затруднительныхъ, напримѣръ даже когда огонь непріятеля не былъ чрезмѣрно силенъ. Чего же ожидать можно было отъ меньшаго еще числа рабочихъ, въ тѣхъ случаяхъ (а они бывали весьма часто), когда огонь непріятеля доходилъ до чрезвычайной силы, когда два, три раза въ продолженіе одной и той же ночи попадаютъ сразу по нѣскольку бомбъ или гранатъ въ одну и ту же амбразуру и каждое изъ этихъ паденій сопровождается новымъ разрушеніемъ и новою убылью рабочихъ?

(*) Ровъ засыпался не только землею, падавшею съ бруствера, вслѣдствіе дѣйствія по немъ непріятельской артиллеріи но и съ контръ-эскарпа, который, вслѣдствіе ли сотрясенія отъ выстрѣловъ, или же вслѣдствіе какихъ либо причинъ, постепенно обваливался цѣлыми глыбами. Очистка рва была крайне затруднительна, потому что во рву лежало множество камней, отбиваемыхъ отъ каменной одежды эскарпа передняго фаса, а главнымъ образомъ по трудности относки земли изъ рва, происходившей отъ затруднительности сообщенія дна рва съ внутренностію бастіона. Сообщение это производилось двумя потернями: одна изъ нихъ, бывшая подъ серединою передняго фаса, имѣла 14 саж. длины, не болѣе 5 ф. ширины и выходила около остатковъ башни въ колодезь, которымъ и сообщалась съ внутренностію укрѣпленія. Другая, меньшей длины, шла подъ правую часть передняго фаса и выходила наверхъ колодеземъ у пяти-орудійной батареи, бывшей правѣе закругленія передняго фаса. Во рву работали и минеры, повтому минные рабочіе, подноски различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для минъ, — все это затрудняло и безъ того неудобное сообщеніе по потернѣ. Можно было сообщаться съ внутренностію бастіона, спустивъ трапъ съ какой нибудь амбразуры на дно рва; но и это сообщеніе въ лунныя ночи, при близости непріятельскихъ траншей и постоянномъ оттуда ружейномъ огнѣ, было весьма неудобно для относки земли изъ рва. О томъ, до какой степени засыпался ровъ, можно судить по тому, что тѣла нѣсколькихъ Французовъ, бросившихся 26 мая, послѣ взятія Камчатскаго редута, на курганъ и убитыхъ тогда во рву, были открыты при очисткѣ рва только въ первыхъ дняхъ іюня, хотя съ 26 мая ежедневно о чищали ровъ.

На ретраншаментъ (*) выходило всегда отъ	
150 до 200 челов., возьмемъ	170 челов.
Для барбетовъ лѣваго фаса (**)	50 —
Для рытья ямъ для двухъ новыхъ блиндажей (***), по 50 человекъ на каждую, всего	
	100 —
Всего	
	1,910 челов.

(*) Для образованія ретраншаментъ, за который бы могли отступать, въ случаѣ необходимости, войска, защищавшія передній фасъ и площадку около башни и изъ-за котораго можно бы было обстрѣливать всю передовую часть бастиона, воспользовались построенными еще до того траверсами и блиндажами, находившимися между батареею Панфилова (на уступѣ лѣваго фаса) и 9-ти-орудійною батареею праваго фаса. Для этого нужно было возвысить эти траверсы и насыпи блиндажей, одѣть наружную отлогость послѣднихъ турами, сдѣлать на верху ихъ внутреннюю крутость и присыпать банкеты; кромѣ того, полагалось вооружить ретраншаментъ тремя карронадами малаго калибра, для которыхъ нужно было устроить барбетъ. Впереди насыпи ретраншаментъ вырывался ровъ, а для сообщенія площадки, находившейся впереди ретраншаментъ, съ тою, которая была сзади его, въ ретраншаментѣ оставлены были два прохода, каждый въ 15 шаговъ широты, а противъ нихъ сстроены черезъ ровъ ретраншаментъ легкіе мосты, которые предполагалось снимать въ случаѣ непріятельскаго штурма, когда войска наши будутъ отгѣснены отъ башни за ретраншаментъ. А чтобы ретраншаментъ могъ доставлять непрерывную линію огня и чтобы хоть сколько нибудь увеличить число закрытыхъ, отъ непріятельскихъ снарядовъ, помѣщений, проходы эти предполагалось блиндировать, насыпи ихъ вывести подъ одну высоту съ насыпью всего ретраншаментъ и устроить въ нихъ банкеты, которые бы сообщались съ бинкетами остальныхъ частей ретраншаментъ. Но блиндажи надъ проходами не было возможности устроить. Неоднократно столбы были поставлены, накатникъ положенъ; но непріятельскія бомбы всякій разъ ихъ разбивали, прежде, нежели успѣли сдѣлать на этихъ блиндажахъ достаточной толщины земляную насыпь. По этой-то причинѣ, а равно и при оказывавшемся подъ конецъ недостаткѣ лѣса, блиндажи надъ проходами ретраншаментъ, къ 27 августа, не были готовы. Ретраншаментъ имѣлъ длины 30 саж., высота его бруствера была не менѣе 12 фут., толщина всей насыпи не менѣе 5 саж. Входы въ блиндажи были устроены подъ банкетомъ ретраншаментъ и въ его проходахъ. Къ 27 августа онъ былъ оконченъ: примѣненъ къ ружейной оборонѣ, имѣлъ 2 барбета для 3 карронадъ (но онѣ не были еще поставлены), и впереди его былъ вырытъ ровъ, ширины въ 1½ сажени, но глубиною не болѣе 4 или 5 фут. Словомъ, ровъ не былъ конченъ, по недостатку времени, рабочихъ и по трудности грунта.

(**) Барбетовъ этихъ было 2, каждый для двухъ полевыхъ орудій или небольшихъ карронадъ. Сдѣланы они были съ цѣлью усилить картечный огонь по пространству между лѣвыми: переднею и заднею линіями.

(***) Площадка впереди ретраншаментъ занята была пороховымъ погребомъ, блиндажемъ, гдѣ помѣщалась часть орудійной прислуги передняго фаса, и наконецъ башнею. Отъ этой послѣдней уцѣлѣлъ одинъ только нижній этажъ, и то благодаря лишь тому, что на верху башни устроена была земляная насыпь, а своды изнутри поддержаны крѣпкими кружала-

Слѣдовательно, изъ числа 2,010 человѣкъ, остается 100 человѣкъ для остальныхъ работъ, какъ-то: исправленія всѣхъ почти траверзовъ и блиндажей. Положимъ, что изъ значительнаго числа блиндажей и еще большаго числа траверзовъ повреждено было только три блиндажа и семь траверзовъ, что весьма мало сравнительно съ бывшимъ 5 августа непріятельскимъ огнемъ, особенно навѣснымъ, спрашивается: какимъ образомъ справиться съ этими работами, имѣя всего 100 человѣкъ рабочихъ? Желая произвести и эти исправленія, придется уменьшить число рабочихъ на другихъ, болѣе важныхъ работахъ: оттого и случилось, что въ послѣднее время на Малахова курганѣ, при значительности поврежденій и необходимости хотя отчасти все исправить, имѣлась возможность назначить на каждую амбразуру никакъ не болѣе 10 или 12 человѣкъ, иногда и меньше, тогда какъ, для хорошаго исправленія ея къ назначенному времени, необходимо было имѣть не менѣе 20 человѣкъ; по этой же самой причинѣ, иногда рѣшительно не было возможности исправить все, что предполагалось, и на нѣкоторыхъ пунктахъ не было вовсе работы.

Перейдемъ теперь къ 7 и 19 августа. 7 августа для работъ прислано было 1,770 человѣкъ. Выключивъ изъ этого числа унтеръ-офицеровъ и носильщиковъ (по 4 человѣка унтеръ-офицеровъ и по 4 носильщика на каждые 120 человѣкъ), получимъ: 1,650 человѣкъ рабочихъ.

	Человѣкъ.
Для исправленія 30 амбразуръ нужно было не менѣе .	600
17 платформъ	170
Совершенно снесенныхъ 4 мерлоновъ не менѣе . . .	100
Исправленія погребовъ	90
Очистки рва	150
Для ретраншаментъ	170
Для барбетовъ и ямъ для новыхъ блиндажей. . . .	150
Итого.	1,430

ми. Всѣ эти постройки могли доставить непріятелю прикрытіе отъ огня съ ретраншаментъ; поэтому, для устраниенія этой невыгоды, предполагено было перенести ихъ на другое мѣсто. Для этого отрывали ямы для двухъ блиндажей на площадкѣ сзади ретраншаментъ: въ одномъ изъ нихъ полагалось устроить погребъ, а въ другомъ — помѣщеніе для людей, жившихъ въ башнѣ и въ блиндажѣ впереди ретраншаментъ. Устроивъ эти блиндажи, передовые, а равно и башню, полагалось сломать. Но этого нельзя было исполнить, потому что хотя ямы для новыхъ блиндажей были достаточно вырыты, но, по причинѣ недостатка въ годномъ лѣсѣ, новые блиндажи не были устроены, а потому и старые, а равно и башня, не были сломаны и площадка впереди ретраншаментъ къ 27 августа не очищена.

Слѣдовательно, едва остается 220 человѣкъ для исправленія поврежденій въ траверзахъ и въ блиндажахъ (а этихъ поврежденій было не менѣе, чѣмъ 5 августа); кромѣ того, поврежденій въ банкетгахъ и внутренней крутости бруствера, которые сильно нуждались въ исправленіяхъ, но для которыхъ рабочихъ взять было не откудова.

19 августа прислано было рабочихъ 1,450 человѣкъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ 96 унтеръ-офицеровъ и носильщиковъ (принимая ту же, что и прежде, пропорцію), остается 1,354 человѣкъ.

	Человѣкъ.
Для исправленія разрушенныхъ 24 амбразуръ нужно было не менѣе	400
5 платформъ	50
Для очистки рва (потому что въ эту ночь очищали и ровъ батареи Жерве)	200
Для утолщенія насыпей блиндажей и погребовъ на 3 фута не менѣе	200
Для исправленія наружной отлогости брустверовъ не менѣе	100
Для исправленія траверзовъ, банкетовъ, внутренней крутости, положимъ, назначено было только. . .	200
На батарее у горжи (*) во второй линіи (которую рабо-	

(*) Батарея у горжи была на 11 орудій и входила въ составъ лѣвой задней оборонительной линіи. Прострѣйка ея вызвана была крайнею необходимостью усилить фронтальный огонь кургана, а главное—сосредоточить большее число орудій противъ Нижне-Камчатской батареи и батареи въ горжѣ этого редута, отъ которыхъ весьма сильно страдали лѣвая половина бастіона и батарея Никифорова у рогатки (въ 1-й линіи между курганомъ и 2-мъ бастіономъ). На мѣстѣ этой батареи устроена была еще прежде толкая и невысокая стѣнка изъ камней, сложенныхъ насухо и примѣненная въ ружейной оборонѣ. Стѣнкой этой воспользовались и, присыпавъ къ ней снаружи толстую земляную насыпь, одѣвъ внутреннюю крутость ея турнами и значительно ее возвысивъ, устроили брустверъ, въ которомъ прорѣзано было 11 амбразуръ. Три изъ нихъ косыя, у горжи Малахова кургана, назначены были для обстрѣливанія ближайшихъ непріятельскихъ подступовъ впереди 2-го бастіона, а остальные 8, прямыхъ, для дѣйствованія по Нижне-Камчатской батарее и батареи въ горжѣ этого редута. Такъ какъ описываемая батарея шла по крутому склону кургана, то брустверъ ея устроенъ былъ уступами, а у амбразуръ присыпаны были еще 11 барбетовъ. Между амбразурами сдѣланъ былъ банкетъ. Для устройства вдоль этой батареи дороги, удобной для провоза орудій и проѣзда троекъ, необходимо было сломать домики, находившіеся у этой батареи на заднемъ склонѣ кургана, и углубить самую дорогу, чтобы доставить сообщеніе, за-

тали въ эту почъ), обыкновенно назначалось (иногда и болѣе)	Челов. 300
На ретраншamentъ	170
Наконецъ, на ямы для новыхъ блиндажей	100
Итого.	1,700
А рабочихъ, какъ мы видѣли, было всего	1,354

Слѣдовательно, оставались нѣкоторыя работы, какъ-то: ретраншamentъ, банкеты, траверзы, и вообще внутреннихъ работъ не производить вовсе, что и было на самомъ дѣлѣ, или назначить гораздо меньше, и поэтому недостаточное, число людей на инныя работы, какъ-то: амбразуры, мерлоны, погреба и др. Не забудьте, г. Артиллеристъ, что мы нигдѣ не принимали въ расчетъ потери въ рабочихъ людяхъ; слѣдовательно, мы принимали большее, нежели было на самомъ дѣлѣ, число рабочихъ людей. Потери эти бывали постоянно весьма значительны, съ 24 августа чрезвычайны и всегда оказывали огромное вліяніе на успѣхъ работы. Не принимая во вниманіе, какъ часто случалось въ августѣ мѣсяцѣ во время бомбардировокъ, что, пока исправлять одну амбразуру, выбудетъ вся смѣна рабочихъ, что бывали примѣры, когда, при исправленіи одной только амбразуры, выбываетъ какихъ нибудь 30 человѣкъ рабочихъ или что во вре-

крытое отъ непріятельскихъ выстрѣловъ изъ траншей, спускавшихся съ Камчатскаго редута къ Киленбалкѣ и ко 2-му бастиону. Лѣвѣ этой батареи устроенъ былъ брустверъ вплоть до полевыхъ орудій, находившихся на правомъ флангѣ Геннериха батареи (позади 2-го бастиона), примѣненный къ одной только ружейной оборонѣ. Между этимъ брустверомъ и 11-ти-орудійной батареей оставленъ былъ проходъ въ 5 саж. ширины, для сообщенія съ 1-ю линіею, т. е. куртиною между курганомъ и 2-мъ бастиономъ; а саженихъ въ 4-хъ позади этого прохода насыпанъ былъ траверсъ съ барбетами для 2-хъ полевыхъ орудій. Длина батареи у горы была 186 шаговъ, толщина ея бруствера $3\frac{1}{2}$ саж., высота 11 ф., разстояніе между директрисами амбразуръ отъ 4 до 8 саж. Длина бруствера лѣвѣ ея до полевыхъ орудій у Геннериха батареи 128 шаговъ, толщина 2 саж., высота 7 фут. Къ ночи съ 26 на 27 августа батарея эта была совершенно окончена, имѣла 11 амбразуръ со столькими же барбетами и платформами, орудія большого калибра были уже поставлены, сзади нея домики были сломаны и устроена удобная дорога въ 4 саж. ширины, на длину 70 саж. Рва впереди не было; порохового погреба и блиндажа для артиллерійской прислуги также не имѣлось. Для нихъ открыты были только ямы; но гѣсу еще не было доставлено. Зарядовъ и снарядовъ для орудій еще не было и прислуга къ нимъ не была еще назначена. Брустверъ лѣвѣ этой батареи не былъ еще достаточно возвышенъ и утолщенъ, но имѣлъ на всю длину 128 шаговъ готовые банкеты.

ия не болѣе 2-часовой работы уносить съ нея до 60 человѣкъ, мы примемъ для потери возможно меньшую, сравнительно съ силою непріятельскаго огня, пропорцію, а именно возьмемъ $\frac{1}{20}$ долю всего числа рабочихъ, то и въ такомъ случаѣ окажется, что, при бывшей въ это время нуждѣ рукъ, потеря эта была весьма ощутительна, потому что не только лишала насъ совершенно нѣкоторой части рабочихъ, но иногда и увеличивала число носильщиковъ, необходимыхъ для уноски раненыхъ. И какого успѣха въ работахъ можно было ожидать отъ такого малаго числа людей, и еще какихъ людей: уставшихъ, измученныхъ, не только вслѣдствіе не прекращавшагося физическаго труда, но и вслѣдствіе постоянного напряженія моральныхъ силъ, работающихъ подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ, направляемымъ преимущественно въ мѣста работъ, несущихъ тяжкія потери и иной разъ принимающихся два, три раза въ ночь за исправленіе одной и той же амбразуры! И что тутъ удивительнаго, что эти люди, будь они всѣ до послѣдняго необыкновенные храбрецы, видя, что непріятелю стоитъ только бросить нѣсколько гранатъ или бомбъ, чтобы вновь разорить то, исправленіе чего достигнуто было только необыкновенными усилиями и цѣною кровавыхъ потерь, не видя конца постояннымъ этимъ исправленіямъ, работали апатически? И при такихъ условіяхъ требовать, чтобы 20 рукъ работали за 100! На это можно рассчитывать лишь во время непродолжительной работы, при укрѣпленіи, напримѣръ, позиціи, когда работа производится съ живыми людьми и со смѣнами рабочихъ, продолжается всего какихъ нибудь 16 — 20 часовъ, и хотя въ виду непріятеля, но не подъ огнемъ его. Въ продолжительной же и тяжелой оборонѣ Севастополя, гдѣ всѣ должны были быть постоянно насторожѣ, въ ожиданіи непріятельскаго штурма, гдѣ работы производились дено и ночно, гдѣ люди не знали отдыха и не могли не быть до крайности изнурены непрерывными тяжелыми трудами, тревогами и всякаго рода лишеніями подъ непрекращавшимся ни на минуту непріятельскимъ огнемъ, наконецъ, при чисто пассивной оборонѣ, которую мы вели въ послѣдніе три мѣсяца, вслѣдствіе которой солдатъ невидѣлъ другаго исходнаго пути, какъ смерть или рана, требовать такого одушевленія и такой энергіи, чтобы 20 рукъ работали за 100, это значитъ требовать рѣшительно невозможнаго, и подобное требованіе можетъ только явиться у того, кто совершенно незнакомъ съ севастопольскою обороною.

Послѣ всего этого, весьма бы любопытно было знать, на чемъ основано мнѣніе г. Артиллериста, что рабочими 5 августа «легко и возможно было исправить всѣ поврежденія, а рабочими 7 и 19 августа — окончательно произвести всѣ исправленія».

Дистанціи инженерныхъ офицеровъ имѣли большею частью весьма значительное протяженіе, иногда сажень на 200 или 250. Работы производились не въ одной части этой дистанціи, а бывали разбросаны почти по всему ея протяженію; притомъ, нѣкоторыя работы имѣли, сравнительно съ другими, особенную важность, поэтому требовали особеннаго, исключительнаго вниманія распорядителей работъ. При такихъ данныхъ, этотъ послѣдній долженъ былъ или постоянно ходить по всему пространству, на которомъ разбросаны были его работы, или же присматривать особенно за нѣкоторыми изъ нихъ, именно за имѣвшими первостепенную важность. Находиться въ одно и то же время на всѣхъ работахъ онъ естественно не могъ, и поэтому-то весьма легко могло показаться нѣкоторымъ, что офицеръ, завѣдующій работами, совершенно покинулъ работу въ какой нибудь части его дистанціи.

Инженерныя работы производились днемъ и ночью, при чемъ инженерные офицеры не смѣнялись. Не споримъ, чтобы при этомъ не могло случиться, что иногда инженерный офицеръ, распорядившись въ началѣ ночи работами, т. е. разставивъ людей, указавъ каждому его работу, когда возможно, то задавъ людямъ урокъ, и, наконецъ, видя, что работа идетъ вездѣ своимъ порядкомъ, не довѣривъ на нѣкоторое время саперному унтеръ-офицеру и не ушелъ, на какой нибудь часъ, въ блиндажъ; но чтобы разъ, уйдя съ работы, онъ больше не возвращался къ ней, это мы положительно отвергаемъ, потому что если намъ случилось видѣть, что инженерный офицеръ уходилъ съ работы въ блиндажъ, то мы, вѣсть съ тѣмъ, всегда видѣли, что онъ къ ней возвращался, не только утромъ, а, по крайней мѣрѣ, пять, шесть разъ въ ночь и подробно осматривалъ всѣ работы своей дистанціи.

Дѣйствительно ли одни только инженеры находили недостаточнымъ назначаемое число рабочихъ? Посмотримъ, какого мнѣнія на этотъ счетъ были вообще начальствовавшіе въ Севастополѣ лица. Думали ли они, что «невозможнаго ничего нѣтъ» и что возможно въ «столь критическую минуту обороны говорить о невозможности»?

Начальникъ 3, 4 и 5 отдѣленій, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, рапортомъ отъ 25 августа, просилъ генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена объ усиленіи гарнизона лѣвой половины оборонительной линіи тремя дружинами, дабы пополнить значительную убыль, которую понесли полки отъ непріятельскаго огня въ послѣдніе три дня, т. е. 23, 24 и 25 августа (*).

«Три дружины—писалъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ—хотя не совсѣмъ пополняютъ трехдневную убыль, по крайней мѣрѣ дадутъ средства, по возможности, исправлять сильныя поврежденія, производимыя на бастіонахъ непріателемъ, и докончить вторую оборонительную линію.

«Если испрашиваемыя три дружины завтра къ вечеру не придутъ, то, принимая въ расчетъ завтрашнюю убыль, поврежденія будутъ запущены и впослѣдствіи прійдется вывести большое число людей для исправленія, отчего и произойдетъ еще большая потеря и запущенныя поврежденія труднѣе исправлять.

«Начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона, свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Васильчиковъ, въ рапортѣ отъ 26 августа, доносилъ начальнику главнаго штаба генералъ-адъютанту Коцебу, что:

«Ежедневныя тяжкія потери, понесенныя гарнизономъ въ послѣднее время, значительно уменьшили численность полковъ. Усиленное до сего дня небывалое бомбардированіе, производимое непріателемъ по всей оборонительной линіи, приводитъ каждый день верхи наши въ разрушеніе, для починки которыхъ требуется большое число рабочихъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, потому что люди, никогда на подобной работѣ не бывалые, терпятъ отъ огня непріятеля, не подвигая дѣла къ желаемому успѣху. Между тѣмъ, вновь возводимыя укрѣпленія и батареи тоже требуютъ немало рукъ для окончанія ихъ въ скорѣйшее время. Послѣ тяжкихъ трудовъ продолжительной осады, войска гарнизона слишкомъ изнурены, чтобы успѣть исполнять всѣ лежащія на нихъ требованія; многіе изъ нашихъ верховъ остаются безъ исправленія, а разрушеніе это каждый день возрастаетъ. Это обстоятельство заставляетъ меня просить ваше превосходительство объ усиленіи гарнизона на время нынѣшняго бомбардиро-

(*) Убыль эта была огромна: въ рапортѣ генерала Хрулева сказано, что, *кромя убитыхъ*, вышло изъ строя: 23 августа 668 чел., 24 августа 842 чел. и 25 августа 871 чел., всего въ 3 дня 2,381 чел.

ванія, безъ чего я не предвижу возможности содержать нашихъ укрѣпленій въ должномъ видѣ, для сохраненія артиллерійскаго огня, составляющаго главное средство къ оборонѣ въ минуту штурма, тѣмъ болѣе, что истощенные ночными работами резервы, при малочисленности своей, не будутъ въ состояніи противоставить наступающему врагу дѣйствительной препоны.

«Начальникъ инженерныхъ работъ требуетъ усиленія наряда рабочихъ и прибавки сапныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ, не видя въ предстоящемъ бомбардированіи другой цѣли, кромѣ ослабленія нашего огня и приступа, времени котораго опредѣлить невозможно, трудно рѣшиться на уменьшеніе числа войскъ, постоянно на банкетахъ находящихся, на случай атаки непріятеля.»

Послѣ всего этого возможно ли утверждать, что рабочихъ средствъ было достаточно? Не есть ли это «грѣхъ» противу святой правды и истины, которая должна освящать исторію?

Въ доказательство же того, «что вниманіе инженеровъ было обращено на содержаніе въ исправности верковъ Малахова кургана, что они заботились о томъ, чтобы поврежденія были исправляемы», то есть въ доказательство того, что хотя, по словамъ г. Артиллериста, «они одни встрѣчали только препятствія», тѣмъ не менѣе, при столь скудныхъ рабочихъ средствахъ, какія были въ ихъ распоряженіи, они дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы не только поправить, на сколько это было возможно, поврежденія, но и вести новыя работы,—словомъ, чтобы исполнить свою обязанность. Мы приводимъ слѣдующія выписки объ успѣхѣ работъ на 4 отдѣленіи, какъ изъ донесеній начальника гарнизона о ходѣ обороны Севастополя, представлявшихъ ежедневно главнокомандующему, такъ и изъ ежедневныхъ донесеній начальниковъ 4 отдѣленія оборонительной линіи.

Въ донесеніяхъ графа Остенъ-Сакена мы находимъ слѣдующее:

Съ 5 часовъ утра 5-го по 5 часовъ утра 6-го августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по мѣрѣ возможности исправлялись. Непріятельскій огонь не допускалъ привести ихъ въ желаемый видъ, потому что вновь исправляемыя поврежденія были неоднократно разрушаемы разрывами непріятельскихъ бомбъ и гранатъ.»

Съ 7 на 8 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи, по воз-

возможности, исправлены. Но вслѣдствіе усиленнаго огня съ непріятельской стороны, съ разсвѣтомъ, преимущественно бомбами и гранатами, мерлоны и амбразуры снова повреждены.»

Съ 9 на 10 августа: «На бастіонѣ Корнилова, батареѣ Жерве и по линіи отъ Малахова кургана до бастіона № 2, ночью, исправляли амбразуры, мерлоны и траверзы, насыпали землю на пороховые погреба и блиндажи.»

Съ 10 на 11 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскимъ огнемъ поврежденія на бастіонѣ Корнилова и батарее Жерве въ продолженіе ночи были исправлены», и т. д.

Возьмемъ теперь донесенія начальниковъ 4 отдѣленія капитана 1 ранга Керна и капитанъ-лейтенанта Карпова:

Отъ 21 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи были исправлены по возможности; *кромя того*, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ и насыпали барбеты.»

Отъ 22 августа: «Поврежденія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ въ продолженіи ночи по возможности были исправлены; *кромя того*, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны».

Отъ 23 августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по возможности были исправлены; *кромя того*, очищали рвы во второй оборонительной линіи, возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны.»

Отъ 24 августа: «Поврежденія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ ночью исправлены по возможности; *кромя того*, очищали рвы, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты, на батарее лѣваго фаса утолщали мерлоны и очищали рвы въ обѣ стороны.»

Отъ 25 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи были исправлены по возможности; *кромя того*, очищали рвы въ обѣ стороны, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны.»

Наконецъ, отъ 26 августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по возможности были исправлены, *кромя того*: во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ и насыпали барбеты.»

Вотъ вамъ, г. Артиллеристъ, краснорѣчивые факты о службѣ инженеровъ въ Севастополѣ; теперь дѣлайте ваши заключенія о томъ, находили ли инженеры одни затрудненія или по возможности добросовѣстно исполняли свою обязанность. Ежели вы безпристрастны, то, конечно, согласитесь, что отзывъ вашъ о дѣйствіяхъ инженеровъ весьма далекъ отъ истины.

Кажется, мы на все отвѣтили, и въ назиданіе г. Артиллеристу можемъ сказать: нельзя ратовать на поприщѣ военной литературы, не вооружившись сперва истинною и знаніемъ дѣла.

Оканчиваемъ статью нашу вопросомъ: къ какому разряду (не по характеру, лѣтамъ или способу изложенія, а по содержанию статьи своей) принадлежитъ г. Артиллеристъ? Какъ патриотъ, онъ пристрастенъ; превозноситъ однихъ и старается бросить тѣнь на другихъ; говоритъ, что потомство запишетъ артиллерію золотыми буквами на страницы исторіи, а голословно, бездоказательно обвиняетъ цѣлое сословіе инженеровъ. Какъ защитникъ и участникъ обороны Севастополя, онъ обнаруживаетъ такъ мало свѣдѣній объ истинномъ ходѣ обороны, что заставляетъ сильно сомнѣваться, точно ли онъ непосредственный участникъ севастопольской обороны. Какъ артиллеристъ.... Нѣтъ, пусть ужъ гг. артиллеристы сами произнесутъ приговоръ о своемъ собратѣ, по указаннымъ нами ошибкамъ.... да, полно, г. Артиллеристъ, ужъ не маскируетесь ли вы и здѣсь, принявъ псевдонимъ «Артиллеристъ». Желательно, чтобы вы насъ въ этомъ разувѣрили, выставивъ, въ ожидаемомъ нами отвѣтѣ, настоящую вашу фамилію. Можетъ быть, отвѣтъ этотъ заставитъ насъ измѣнить наше мнѣніе, что вы принадлежите къ разряду неосновательныхъ критиковъ.

А. ОРДА.

ДЖОНЪ РАРЕЙ.

(JOHN RAREY)

УКРОТИТЕЛЬ ЛОШАДЕЙ.

«Le cheval est le plus timide et le
plus ombrageux des quadrupèdes
après le lièvre.»

BORY DE SAINT-VINCENT.

Въ прошломъ году разнесся слухъ о г. Рарей изъ Америки, который обладает *секрето*мъ укрощенія лошадей. Основываясь на журнальныхъ извѣстіяхъ, въ публикѣ много говорили о томъ, что въ Англіи опыты г. Рарей уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ, какъ равно и въ Парижѣ, гдѣ онъ показалъ замѣчательный образецъ своего искусства, укротивъ, что-то въ два часа, знаменитаго своею злостью жеребца «Страффорда». Какъ бы ни были успѣшны опыты г. Рарей, какого бы уваженія и поощренія ни заслуживало его искусство, но удивленіе, проявившееся въ такихъ преувеличенныхъ, судя по журнальнымъ толкамъ, разсѣрахъ, показалось намъ неумѣстнымъ, и какъ ни обдумывали мы этотъ предметъ, все приходило къ заключенію, что источникомъ такого удивленія только и можетъ быть то младенческое состояніе, въ которомъ находится, въ Европѣ вообще, познаніе природы лошади.

Въ какой степени справедливо это заключеніе, специалисты могутъ судить изъ слѣдующей нашей замѣтки о г. Рарей и о его способѣ укрощать лошадей.

Имѣя постоянное обыкновеніе, послѣ работы въ манежѣ, безотлагательно записывать свои наблюденія и впечатлѣнія, я отыскалъ въ своихъ замѣткахъ отзывъ, сдѣланный мною при первой вѣсти о г. Рарей и, въ послѣдствіи, объ успѣхѣ укрощенія имъ «Страффорда».

Теперь, когда г. Рарей уже былъ въ Петербургѣ, а сужденія въ публикѣ о немъ и о его способѣ остаются по прежнему неопредѣленными, я считаю небезполезнымъ сообщить любителямъ лошадей какъ замѣчанія, сдѣланныя мною еще по однимъ слухамъ, такъ и окончательное заключеніе по этому предмету.

«Укротитель лошадей!» Какая странная специальность! И гдѣ же эти лошади, требующія укрощенія? Въ степяхъ есть табуны одичалыхъ лошадей, которымъ необходимъ не укротитель, а искусный ловецъ и благоразумный образователь.

Не въ этомъ ли и состоитъ специальность г. Рарей, и заманчивое названіе *укротителя* не придали ли ему только люди, все непосвященные въ познаніе лошади? Сравнительно съ другими видами четвероногихъ лошадей, уже по наружности своей, не имѣя устрашающихъ орудій, вселяетъ наибольшее довѣріе и наводитъ на мысль, что она создана для мирной жизни съ человекомъ и для помощи въ трудахъ его. Такъ въ чемъ же выражается звѣрство лошади? Неужели копыта, составляющія ея ступню, и ея травоядные зубы можно назвать оружіемъ для нападенія? При опасности она ищетъ спасенія въ быстротѣ своихъ ногъ, и только въ крайнихъ случаяхъ употребляетъ ноги и зубы для того, чтобы отбиться отъ врага. Если же мы видимъ иногда лошадь, прямо нападающую на человека, то это показываетъ развитое *лишь въ данномъ субъектѣ* недоовѣріе къ извѣстнымъ лицамъ, предметамъ и обстановкѣ, или усиленную предупредительность въ защитѣ отъ ожидаемыхъ нападеній. Устраните или разсѣйте это недоовѣріе въ лошади, ознакомьте ее съ окружающими предметами, — и она не будетъ имѣть побудительной причины къ нападенію.

Такимъ-то образомъ лошадь, повидимому злая, окажется кроткою. Понятно, однакожъ, до очевидности, что настроеніе животнаго, укоренявшееся годами, нельзя радикально измѣнить въ одинъ, два часа.

Но вотъ человѣкъ рѣшается въ это короткое время поработить себѣ лошадь.

Кого можетъ видѣть она въ этомъ человѣкѣ? Конечно, врага, потому что онъ хочетъ насиліемъ обуздать ее.

Теперь, не естественно ли, что, охраняя свою свободу, лошадь будетъ наготовѣ предупреждать нападенія? Вѣдь человѣкъ вызываетъ ее на бой.

Вотъ они встрѣтились—начинается борьба, длится болѣе или менѣе и, наконецъ, укротитель торжествуетъ. Но когда? Тогда, и только тогда, когда лошадь утомится въ-конецъ.

Слѣдовательно, самымъ простымъ путемъ вопросъ сводится къ тому, какимъ механическимъ способомъ укротитель доводитъ лошадь до этого изнеможенія.

«Такъ вотъ въ чемъ заключается пресловутый секретъ г-на Рарей», скажутъ тѣ, въ которыхъ слухи о немъ успѣли возбудить такое удивленіе, и наивное любопытство которыхъ вызвало уже, съ одной стороны, нелѣпыя предположенія, а съ другой — упреки г. Рарей въ томъ, что онъ свое общепольное открытіе сдѣлалъ предметомъ продажнаго секрета, чѣмъ и заставилъ многихъ заподозрить его состоятельность въ дѣлѣ и даже добросовѣстность.

Не присвоиваю себѣ права защищать г. Рарей отъ такихъ неловкихъ, конечно незаслуженныхъ и вовсякомъ случаѣ преждевременныхъ обвиненій; вполне соглашаюсь, что *секреты* весьма нерѣдко имѣютъ источникомъ обманъ, опорою — легковѣріе публики и исключительною цѣлью — обогащеніе шарлатана; тѣмъ не менѣе долженъ сказать утвердительно, что причины, побудившія г. Рарей облечь свое открытіе нѣкоторою таинственностью, стоятъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Дѣйствительно, секретъ самъ по себѣ уже возбуждаетъ въ публикѣ любопытство, и Рарей, горячо преданный своему дѣлу, желая непременно подѣлиться съ другими результатами своихъ трудовъ, поступилъ весьма обдуманно, придавъ своимъ опытамъ характеръ тайны. Обстоятельство это было главною причиною того, что слухъ о его методѣ распространился успѣшнѣе всякой публикаціи, и дало ему средства къ производству дальнѣйшихъ опытовъ. Онъ, такъ сказать, задѣлалъ въ своемъ манежѣ всѣ окна и залѣпилъ всѣ отверстія собственно для того, чтобы сильно-настроенное любопытство публики заставило ее, разломавъ стѣны манежа, взглянуть, что въ немъ дѣлается. Это вѣрнѣйшій

способъ возбудить интересъ къ предмету, и Рарей, вѣроятно, не ошибся въ расчетѣ.

Но, конечно, дѣло не въ способѣ сообщенія какого либо открытія, и мы, прося читателей извинить намъ это отступленіе, приступаемъ къ разбору самаго дѣла.

Какъ бы то ни было, секретъ г. Рарей возбудилъ всеобщее вниманіе и любопытство. Въ чемъ же заключается сущность его? Для людей образованныхъ не могутъ имѣть мѣста предположенія, что Рарей употребляетъ какія либо мази, порошки, плюли, прижиманія нервовъ, уколы, операціи и проч.; современное состояніе естественныхъ наукъ не допускаетъ подобныхъ догадокъ. Имѣя это въ виду и припоминая сказанное нами въ началѣ замѣтки, спросимъ: можетъ ли открытіе секрета *миновеннаго* укрощенія лошади интересовать насъ, какъ потребителей лошадей? Положительно нѣтъ, потому что, во всякомъ случаѣ, подобный процессъ долженъ отнимать у лошади впечатлительность нервовъ, сталъ бытъ, приводить ее на время въ ненормальное, болѣзненное состояніе, и нѣтъ причины сомнѣваться, что, какъ только мы освободимъ лошадь отъ вліянія употребленнаго нами средства, она будетъ точно такою же, какъ была до опыта.

Но, быть можетъ, открыто средство, оставляющее неизгладимое впечатлѣніе навсегда. Это было бы бесполезно уже потому, что искажаетъ природу лошади. Пожалуй, есть средство разомъ прекратить всякую дѣятельность натуры: одного укола булавки можетъ быть достаточно, чтобы умертвить животное.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ г. Рарей въ Парижѣ, императоръ Французовъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія его способа укрощенія лошадей. Въ отзывѣ комиссіи, между прочимъ, было замѣчено, что способъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего необъяснимаго и что онъ прямо гипическій. Изъ этого тогда же можно и должно было вывести, что весь секретъ укрощенія и вліянія г. Рарей на лошадь основанъ на приобрѣтеніи власти надъ нею; надо было только оцѣнить удобопримѣняемость предлагаемыхъ имъ приѣмовъ. Что же касается до укрощенія злыхъ лошадей въ часъ или два, то этого положительно невозможно допустить, если принять слово «укрощеніе» въ его точномъ смыслѣ: *содѣланія кроткою навсегда*.

Впослѣдствіи, въ Парижѣ, была открыта подписка на покупку отъ г. Рарей его секрета. Спора нѣтъ, что мѣра эта, какъ

всякое поощреніе полезныхъ спеціальныхъ занятій, вполне заслуживаетъ похвалы; но въ то же время она наводитъ на мысль, что, несмотря на безчисленные доказательства способностей лошади, знакомство съ нею человѣка крайне ограничено и изученіе ея нисколько не подвигается впередъ. Еще яснѣе выразилась эта мысль по выходѣ брошюры, открывавшей секретъ г. Рарей. Толкамъ и сужденіямъ не было конца; одни говорили, что его способъ не представляетъ ничего новаго или оригинальнаго, другіе утверждали, что это обманъ и что настоящий секретъ тутъ не высказанъ, и т. п. Но особенно неприятно поражали оскорбительные отзывы тѣхъ любителей, которые заплатили г. Рарей за открытіе секрета по секрету. Какже было не понять, что секрета тутъ и быть не могло?

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ изъ пріобрѣвшихъ секретъ, и хотя онъ во всей точности передалъ намъ употребляемые г. Рарей приемы дѣйствія на лошадь, но результаты его опытовъ оказались ниже всякой критики. Тѣмъ не менѣе, основная мысль г. Рарей представилась мнѣ точно такою, какъ я объяснялъ себѣ ранѣе: онъ овладѣваетъ лошадью, вынуждая ее къ признанію превосходства силы человѣка и къ убѣжденію, что борьба съ этой силой для нея бесполезна. Короче, Рарей заставляетъ лошадь положить оружіе.

Впослѣдствіи, прочитавъ брошюру г. Рарей, я убѣдился, что заключеніе мое о немъ было безошибочно; этотъ человѣкъ тщательно, настойчиво и успѣшно изучалъ природу лошади, и результатами своего труда пользуется совершенно добросовѣстно. Далѣе брошюра эта напомнила мнѣ первое время вступленія моего на настоящее поприще, когда я, ознакомившись уже съ лошадью, не успѣлъ еще высвободиться изъ-подъ груди тяготящихся надо мною методъ и способовъ, и придавалъ имъ большое значеніе.

Упомянутая брошюра, какъ утверждаютъ, написана давно, и, надо полагать, въ то именно время, когда авторъ ея находился подъ вліяніемъ радостной мысли, что ему удалось наконецъ выйти на прямую дорогу, выработать себѣ здравое воззрѣніе на лошадь и убѣжденіе, что, вслѣдствіе того, работа его съ нею пошла успѣшно.

Съ тѣхъ поръ Рарей много ушелъ впередъ, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что избранный имъ путь просторенъ; хотя пристрастіе къ тѣмъ или другимъ средствамъ, вооб-

ще говоря, замѣтно высказывается въ брошюрѣ, но авторъ ея не даетъ особенной важности тому способу, значеніе котораго такъ усиливался доказать намъ одинъ изъ его слушателей.

Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, самъ Рарей пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ, что онъ, сперва для нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а потомъ и публично, будетъ производить опыты укрощенія лошадей; слѣдовательно, изъ городскихъ жителей всѣмъ желающимъ была предоставлена возможность наглядно ознакомиться съ его способомъ. Для тѣхъ же, кому не удалось присутствовать при частныхъ опытахъ, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что субъектъ, предложенный г. Рарей для частныхъ опытовъ, былъ незначителенъ; но, къ сожалѣнію, подъ рукой не случилось лошади болѣе интересной. Это была лошадь до того испорченная дурнымъ съ нею обращеніемъ, что только съ большими усиліями можно было поднять ей заднюю ногу; ковать ее было очень затруднительно, и, сверхъ того, къ подхвостнику ее приучали безъ всякаго умѣнья, чѣмъ и развили въ ней новое сопротивленіе, усилившееся до того, что она уже не допускала обыкновеннымъ способомъ закладывать себѣ пахви. Въ остальномъ же лошадь эта была смирна, спокойно ходила подъ сѣдломъ и даже нѣсколько разъ выигрывала скаковые призы.

Я не допускалъ сомнѣнія въ томъ, что и съ болѣе трудною лошадью Рарей достигнетъ успѣха, т. е. будетъ подымать ей ноги, закладывать пахви и ѣздить съ ними; но, положительно не довѣряя тому, чтобы въ одинъ урокъ можно было окончательно смягчить и исправить характеръ *незнакомой* лошади, я былъ убѣжденъ, что въ ней, по освобожденіи ея отъ вліянія учителя, легко возобновятся сопротивленія, которыя, какъ и прежде, будутъ уступать только особому искусству и ловкости или извѣстной сноровкѣ.

Я прибавилъ: «незнакомой», имѣя неопровержимыя доказательства того, что если лошадь состоитъ въ школѣ свѣдущаго человѣка, то они хорошо узнаютъ другъ друга. Впослѣдствіи, вліяніе человѣка на лошадь такъ усиливается, что, замѣтивъ въ ней какое бы ни было сопротивленіе и твердо рѣшившись сразу устранить его, онъ успѣваетъ въ дѣлѣ, хотя, конечно, не безъ усиленнаго труда.

При работѣ же съ лошадью вовсе незнакомой, никакія средства не помогутъ человѣку съ разу возбудить и упрочить въ жи-

вотношъ безусловную къ себѣ довѣренность. Ко всему этому надо прибавить, что лошадь, съ которой предстояло работать г. Рарей, была еще испорчена и ожесточена.

Вслѣдствіе вышесказаннаго, гораздо ближе къ истинѣ будетъ такое предположеніе: Рарей имѣлъ въ виду только вынудить лошадь, чтобы она допустила человѣка сдѣлать надъ собою то или другое, чего онъ желаетъ, а не исправить или образовать ее. Поэтому, отвѣчать за лошадь, которая прошла чрезъ его урокъ, онъ, по совѣсти, не можетъ, очень хорошо понимая, какъ недостаточно одного такого вынужденія для полной увѣренности въ томъ, что лошадь навсегда покорилась человѣку, т. е. будетъ покорна ему и тогда, когда исчезнетъ въ ней впечатлѣніе процесса работы; чтобы имѣть такую увѣренность, надо подмѣтить въ лошади убѣжденіе въ необходимости покориться и полное сознаніе покорности.

Какъ только Рарей подошелъ къ лошади и взялся за нее, нельзя было не признать въ немъ отличнаго знатока лошади вообще. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ въ видѣ краткаго вступленія къ работѣ, вполне подтвердили справедливость этого заключенія. Такъ, между прочимъ, онъ говорилъ, что, при обращеніи съ лошадью, человѣку необходимо вселить въ нее наибольшее къ себѣ довѣріе, стараться расположить къ себѣ лошадь, всѣми мѣрами давая ей понять, что онъ не нанесетъ ей никакого вреда, не причинитъ ни малѣйшей непріятности.

Говоря это, Рарей гладилъ и ласкалъ лошадь, вкрадывался, такъ сказать, въ ея расположеніе, и она видимо довѣрялась ему и ласкалась. Затѣмъ онъ, приготовляясь подвязать лошади одну изъ переднихъ ногъ, вынулъ ремень, расправляя который, продолжалъ поглаживать ея плечо и назначенную для подвязки ногу, при чемъ въ глазахъ животнаго ясно выражалось удовольствіе и спокойное расположеніе духа. Не подозрѣвая опасности, лошадь легко дала подвязать себѣ переднюю ногу, и, когда онъ повелъ ее по манежу, она спокойно прыгала на трехъ ногахъ, отдаваясь во власть человѣка и какъ бы полагая тѣмъ исполнить его желаніе. Когда же, подвязавъ и другую ногу, Рарей неожиданно лишилъ лошадь употребленія обѣихъ переднихъ ногъ, то она, не понимая причины такого стѣсненія, конечно, усиливалась расправить ихъ; но, скоро убѣдясь въ бесполезности своихъ усилій, остановилась на колѣняхъ, понемногу стала склоняться и наконецъ легла, ища въ этомъ положеніи отдыха.

Такииъ образомъ Рарей употребилъ во зло довѣренность животнаго и, не давъ понять лошади, за что именно и для чего онъ подвергъ ее насилію, возбудилъ въ ней недоумѣніе, которое, не будь лошадь такъ миролюбива, непременно бы перешло въ сознаніе, что она терпитъ за свою довѣрчивость къ человеку.

Въ лежачемъ положеніи лошадь мало затруднялась подвязками и потому, мирясь съ необходимостью, была покойна; но только что Рарей, освободивъ лошади одну ногу, подалъ ей надежду на возможность привести тѣло въ нормальное положеніе и даже допустилъ ее подняться, она вскочила, и видя, что еще не все кончено, что другая связанная нога угрожаетъ ей повтореніемъ операции, теперь уже и на трехъ ногахъ начала биться изъ всѣхъ силъ, чтобы высвободить четвертую. Неудача ожесточала ее, раздраженіе вызывало послѣднія силы,—все напрасно, и лошадь, вторично сознавъ невозможность одолѣть препятствіе, измученная и изнеможенная борьбой, опять ложилась или, вѣрнѣе, падала. Распростертая пластомъ, вся въ поту, испуская стоны и вздохи, она такъ была озабочена своимъ безпомощнымъ положеніемъ, такъ подавлена этимъ упорнымъ гнетомъ, что всѣ впечатлѣнія, менѣе беспокоившія ее, конечно, пропускала безъ вниманія.

Далѣе Рарей снова побуждалъ ее подняться; она вскакивала, билась и, обезсиленная, опять таки падала. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ встать, лошадь, окончательно утративъ надежду освободиться отъ угнетенія, въ совершенномъ отчаяніи припала головой къ землѣ, легла и уже вполне отдалась произволу человека, потерявъ всякую энергію для сопротивленія.

Теперь ей было все равно, что бы съ нею ни дѣлали. Что значили ей, измученной тѣломъ и убитой духомъ, какой нибудь барабанный бой, звукъ выстрѣла, ковка, пахви, сѣдло, сѣдокъ!... Впечатлительность ея довели до совершеннаго почти притупленія, какое мы постоянно видимъ въ несчастной чернорабочей лошади: что бы ни происходило вокругъ нея, даже на ней, она какъ бы ничего не видитъ, не слышитъ, не примѣчаетъ, да, пожалуй, и дѣйствиительно не примѣчаетъ; она сознала уже безвыходность своего положенія и, не заботясь ни о чемъ, равнодушна безразлично и къ горю, и къ радости.

Замѣтивъ, что лошадь окончательно сдалась, Рарей развязалъ ей и другую ногу, и затѣмъ обращался съ нею почти какъ съ

предметомъ неодушевленнымъ; тѣмъ не менѣе, я видѣлъ, что такъ какъ лошадь была сильная, то продолжительная борьба, значительно утомивъ ее, не привела еще къ полной покорности.

Поэтому, полагаю, Рарей, не желая долѣе задерживать посѣтителей, сталъ оканчивать урокъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ и не имѣлъ въ виду овладѣть лошадью въ одинъ приѣмъ, и въ этотъ разъ, оканчивая опытъ, долженъ былъ еще брать предосторожности, когда дотрогивался до заднихъ ногъ, позволяя себѣ дѣлать это тогда только, когда лошадь лежала. Въ этомъ же положеніи онъ закладывалъ ей пахви и постукивалъ одной ногой о другую, ударяя копытами.

Такъ какъ мнѣ казалось, что нервное раздраженіе въ лошади еще не успокоилось, то я считалъ эти пробы преждевременными, въ особенности—испытаніе лошади касательно ея главныхъ сопротивленій. Я бы еще нѣсколько разъ повалилъ лошадь, чтобы окончательно размягчить ее.

Полагаю, что, будучи и самъ того же мнѣнія, Рарей только на этотъ разъ спѣшилъ окончить работу, и такъ какъ, приступая къ дѣлу, онъ предупредилъ, что для полученія надежныхъ результатовъ необходимо нѣсколько дней заниматься съ лошадью, то, надо думать, успѣхъ этого перваго урока соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ.

Когда Рарей поднялъ лошадь и сѣлъ на нее, справедливость моего предположенія подтвердилась: хотя лошадь и не была задомъ отъ подхвостника, однако замѣтно имъ раздражалась, вздрагивала при всякомъ движеніи сѣдока; когда онъ дѣлалъ повороты, то она горбилась и несла тѣло въ такомъ положеніи, что вотъ-вотъ ударить задомъ; если же онъ трогалъ ее прямо предъ собою, она лягала и, вскинувъ раза два, продолжала поддерживать крупомъ.

Этимъ Рарей заключилъ свой первый урокъ, обѣщая показать намъ окончательный результатъ работы съ этой лошадью чрезъ нѣсколько дней.

Но такое удовлетвореніе работой безъ окончательнаго результата, этотъ перерывъ занятій съ сильно-испорченной лошадью, эту остановку на полдорогѣ я считалъ бы новой прибавкой къ трудностямъ работы, если бы имѣлъ въ виду достигъ дѣйствительнаго исправленія лошади, т. е. радикальнаго уничтоженія ея пороковъ.

По моему мнѣнію, ужъ если я рѣшился подвергнуть лошадь этимъ новымъ для нея и столь рѣзкимъ впечатлѣніямъ, то надо, не оставляя ея въ недоумѣніи, до конца воспользоваться ихъ послѣдствіями: подобными мѣрами нравственная сторона лошади потрясена въ такой степени, что она съ разу уважить наше серьезное и сильное на нее вліяніе, и неминуемо подчинится ему.

Окончательнаго результата мнѣ не было надобности дожидаться: путемъ логики и внимательнаго изученія природы лошади вообще можно было составить себѣ ясное о немъ понятіе. Я не сомнѣвался, что лошадь допустить своего учителя, и даже посторонняго, дѣлать надъ нею все, что ему угодно, т. е., что отъ физическаго и нравственнаго истомленія она потеряетъ всякую охоту въ данную минуту сопротивляться чему бы то ни было. Но нравъ лошади не измѣнится, склонность къ прежнимъ сопротивленіямъ останется въ ней, даже можетъ усилиться; только склонность эта, какъ и враждебное настроеніе лошади, будутъ временно заключены въ оковы.

Я былъ твердо увѣренъ, что когда Рарей будетъ показывать окончательный результатъ, каждый, кто понимаетъ лошадь, прочтетъ выраженіе вышесказаннаго въ наружности лошади и преимущественно въ глазахъ ея. Легко можно будетъ замѣтить, что лошадь вынуждена, а не убѣждена къ покорности, и что, дайте ей только свободу, впечатлѣніе уроковъ скоро не оставитъ въ ней и слѣда, и при случаѣ она не преминетъ воспользоваться своею безнаказанностью.

Вскорѣ, дня черезъ два, Рарей показалъ намъ этотъ результатъ, при чемъ я имѣлъ новый случай убѣдиться въ вѣрности моихъ заключеній: все происходило совершенно такъ, какъ я ожидалъ. Обстоятельство это нисколько не поразило меня; я признавалъ, что для подобныхъ предсказаній не требовалось особой проницательности: такъ просты и естественны казались мнѣ мои выводы.

Не знаю, продолжалъ ли Рарей заниматься съ этой лошадей; но должно сознаться, что тогдашнее положеніе ея далеко нельзя назвать удовлетворительнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мѣрѣ продолженія работы, Рарей достигалъ бы болѣе полныхъ результатовъ; но въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать именно къ его способу, главное преимущество котораго изобрѣтатель полагаетъ въ быстротѣ исправленія или укрощенія лошади. Надежныѣ и осторожныѣ будетъ приступить къ неторопли-

вому, менѣе крутому, но болѣе вѣрному, раціональному способу исправленія лошади, слѣдствіемъ котораго, хотя, быть можетъ, и отдаленнымъ, будетъ приведеніе лошади къ полному убѣжденію въ томъ, что ей не зачѣмъ, да и самой невыгодно упорствовать въ томъ или другомъ порокѣ. Безъ этого же убѣжденія она будетъ осторожна изъ боязни наказанія, ухody за ней потребуетъ извѣстныхъ пріемовъ и особыхъ уловокъ, при чемъ малѣйшей оплошности сѣдока или конюха лошадь не пропуститъ даромъ.

Кромѣ описанныхъ мною частныхъ лекцій, Рарей производилъ въ Петербургѣ публичные опыты своего искусства, болѣе для ознакомленія присутствующихъ съ пріемами обращенія съ лошадью и усмирения ея. При этомъ, какъ процессъ работы, такъ и результаты ея, въ общихъ чертахъ, были сходны съ предыдущими; а потому, не останавливаясь на разборѣ этихъ публичныхъ уроковъ г. Рарей, перейдемъ къ выводу, какой, по крайнему нашему разумѣнію, можно сдѣлать объ его способѣ овладѣвать лошадью и къ опредѣленію того значенія, какое онъ долженъ имѣть въ берейторскомъ искусствѣ вообще.

Первою мыслью моею, когда, еще до пріѣзда г. Рарей, сущность системы его передавалъ намъ одинъ изъ его учениковъ, было то, что пріемы эти представляютъ новый и удобный способъ наказанія лошади, который легко примѣнять къ дѣлу безъ посторонней помощи и безъ вреда какъ себѣ, такъ и лошади. Сверхъ того способъ этотъ имѣетъ то преимущество предъ другими, что представляетъ возможность наказывать лошадь не горячася.

Еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, для смягченія и безусловнаго подчиненія себѣ злой лошади, я заставлялъ ее по нѣскольку минутъ стоять на трехъ ногахъ, не употребляя, впрочемъ, подвязочныхъ ремней, а слегка выражая ей мое требованіе указаніемъ хлыста. Внимательно наблюдая за исполненіемъ и заставляя перемѣнять въ одинъ урокъ всѣ четыре ноги, я достигъ того, что лошадь дѣлалась послушною и стояла уже одна, посреди манежа, съ поджатою или заложеною одною за другую ногой. Это средство я употреблялъ, между прочимъ, съ лошадью (*), которая постоянно, въ продолженіе пяти лѣтъ, была задомъ, и

(*) Въ 1850 году, к. Бедуинъ, 7-го (запаснаго) эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Его Величества) полка.

била такъ сильно, что при этомъ движеніи, несмотря на помощь цуковъ трехъ кордъ разомъ, сбивала съ себя очень ловкаго и крѣпкаго сѣдока. При одномъ видѣ сѣдла она начинала бить, не говорю уже какихъ усилій стоило осѣдлать ее и сѣсть на нее. Дней черезъ десять работы съ этой лошадыю я уже спокойно обращаюсь съ нею и закладываю ей ногу за ногу, когда она на свободѣ стояла среди манежа. Но само собою разумѣется, что не поднятію или сгибанію ногъ исключительно приписываю я мои успѣхи въ этомъ случаѣ: какъ и всегда, прочнымъ основаніемъ ихъ было простое, нѣтъ тщательно обдуманное, терпѣливое и взыскательное обращеніе съ лошадыю и смягченіе ея права помощью размягченія членовъ.

Вотъ если бы при этомъ, напримѣръ, случаѣ, послѣ того, какъ лошадь могла уже вѣрно отличать мое ласковое съ нею обращеніе отъ прежняго, она выпудила бы меня неровностью и упорствомъ своего характера прибѣгнуть къ серьезному и строгому наказанію, то способъ г. Рарей могъ бы быть приложенъ тутъ съ особеннымъ успѣхомъ и несомнѣнною пользою.

Употребленный съ нѣкоторыми измѣненіями, способъ этотъ можетъ еще оказать существенную помощь въ работѣ съ лошадыю не только порченою, но и ожесточенною.

Положимъ, что вредныя наклонности такой лошади проявляются самымъ невыгоднымъ образомъ: она рѣшительно не допускаетъ человѣка приблизиться къ себѣ, даже съ изъявленіемъ вполнѣ мирныхъ, дружелюбныхъ намѣреній. Истоощивъ всѣ способы приблизить ее къ себѣ путемъ какихъ нибудь уловокъ, я считаю себя въ правѣ прибѣгнуть къ насилію, которое покажетъ лошади мою возможность побѣдить ея сопротивленіе, и тѣмъ самымъ уже какъ бы наказываю ее за то, что она не оцѣнила моего кроткаго съ нею обращенія, не уступила моимъ ласкамъ. Арканъ, который мгновенно накидываю на лошадь, быстро повергаетъ ее на землю и наноситъ чувствительный ударъ ея самоувѣренности, вынуждая лежать до тѣхъ поръ, пока она, въ сознаніи своего безсилія, не перестанетъ порываться встать.

Такимъ образомъ, озлобленная и упорно сопротивлявшаяся лошадь теперь у меня на привязи, что даетъ мнѣ возможность управлять ея движеніями и побужденіями; слѣдовательно, тутъ начинается уже самая работа. Считаю неумѣстнымъ входить здѣсь въ подробности описанія употребляемыхъ мною приѣмовъ; скажу только, что при работѣ я постоянно одобряю лошадь,

безъ устали расточаю ей ласки и поощренія, — словомъ, всѣми мѣрами даю ей понять, что я поймалъ ее отнюдь не для того, чтобы чѣмъ нибудь вредить ей.

Въ продолженіе первыхъ уроковъ лошадей, озадаченная новымъ для нея положеніемъ, не сильно упорствуетъ въ своихъ сопротивленіяхъ, потомъ еще болѣе сдается, даже вполне уступаетъ человѣку. Но, придя въ себя и осмотрѣвшись, можетъ смекнуть, что и на привязи она не вовсе лишена средствъ отдѣлаться отъ моего вліянія, и даже угрожать мнѣ вредомъ. Замѣтивъ, что на мое терпѣніе и ласки лошади отвѣчаетъ враждебными намѣреніями, и убѣдившись въ томъ, что безъ предупрежденія она неминуемо выполнитъ ихъ, я безотлагательно связываю ей одну, другую ногу, по способу г. Рарей, и валю ее. Для вразумленія лошади, что этимъ дѣйствіемъ наказывается только ея упрямство или коварство, я не постепенно вывожу ее изъ такого стѣсненія, а какъ только подмѣчу, что лошадь мнѣ повиновалась, мигомъ срываю съ нея всѣ связки. быстро поднимаю на ноги и ободряю ее всѣми мѣрами.

Такъ лошадь пойметъ значеніе внезапнаго насилія, которому ее подвергли, и оцѣнитъ выгоды послушанія.

Употреблять же способъ г. Рарей такъ, какъ онъ самъ его употребляетъ, по моему мнѣнію, значитъ давать лошади понятіе лишь о ремняхъ, которыми ее связали и привели въ такое мучительное положеніе, слѣдовательно подрывать въ ней довѣріе къ собственнымъ силамъ, а не вселять уваженіе къ силѣ и власти человѣка.

Конечно, самъ г. Рарей имѣетъ въ виду достигнуть послѣдняго; но едва ли это ему удастся: онъ овладѣваетъ лошадей, во первыхъ, потому именно, что во время опыта усилія лошади теряютъ для нея самой всякое значеніе; во вторыхъ, тогда только, когда она вполне въ этомъ убѣдится, и, въ третьихъ, на столько, на сколько онъ успѣлъ лишить ее довѣрія къ себѣ самой. Поэтому-то, когда довѣріе это снова пробудится въ лошади, вмѣстѣ съ нимъ проявится въ ней и прежняя склонность къ сопротивленіямъ.

Все сказанное до сихъ поръ относилось къ исправленію порченныхъ лошадей; приложеніе же способа г. Рарей къ начальной выработкѣ молодыхъ лошадей я считаю положительно вреднымъ и напоминающимъ старинный обычай нашихъ домо-

рощенных педагоговъ ни за что, ни про что съчь дѣтей по субботамъ, такъ только, на всякій случай.

Вообще говоря, начинать работу съ того, что показать лошади все превосходство надъ ней силы человѣка, далеко не согласно съ здравымъ взглядомъ на природу этого животнаго. Для успѣшнаго образованія лошади, человѣку необходимо сблизиться съ нею.

Такое сближеніе возможно только при полномъ довѣріи лошади къ своему учителю; если же онъ поселить и упрочить въ лошади сознаніе о своемъ надъ нею превосходствѣ, то она, никогда не довѣряя ему, будетъ постоянно только остерегаться проявленія этого превосходства.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что способъ г. Рарей имъ самимъ примѣняется не тамъ, гдѣ бы онъ могъ быть дѣйствительно полезнымъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ, а не въ несовершенствѣ самаго способа, полагаемъ мы главную причину того, что онъ еще не принятъ, да едва ли и будетъ въ такомъ видѣ принятъ во всеобщее употребленіе.

И такъ, исключительное употребленіе разбираемаго нами способа для радикальнаго исправленія порченныхъ лошадей, какъ равно и для серьезной выѣздки молодой, свѣжей лошади, не можетъ привести къ желаемымъ результатамъ.

Но иногда можетъ встрѣтиться надобность въ самое короткое время усмирить лошадь, озлобленную въ такой степени, что обращеніе съ нею крайне-затруднительно и одно приближеніе къ ней угрожаетъ человѣку большою опасностью; тутъ некогда исправлять ее исподволь, нѣтъ времени постепенно добиваться окончательнаго смягченія ея нрава. Въ подобныхъ случаяхъ способъ г. Рарей могъ бы показаться весьма пригоднымъ; но для приложенія его къ дѣлу недостаточно одной ловкости и обыкновеннаго искусства берейтора, а необходима опытность человѣка, упражнявшагося именно въ такого рода пріемахъ.

Простаго же потребителя примѣненіе способа г. Рарей поставитъ еще въ опаснѣйшее, чѣмъ прежде, положеніе: онъ вызываетъ лошадь на бой, при которомъ не съумѣетъ даже держать себя такъ, чтобы она не могла ему повредить, а тѣмъ болѣе воспользоваться своимъ положеніемъ для усмиренія ожесточенной лошади. Если же берейторъ, изучившій методу г. Рарей, найдетъ возможность подойти къ строптивой лошади и подвязать ей ногу, то, конечно, онъ долженъ уметь обойтись и безъ

этого и привести лошадь въ порядокъ инымъ путемъ. Съ другой стороны, изученіе одного только способа г. Рарей еще не обезпечить успѣха работы въ помянутомъ случаѣ: тутъ, какъ я сказалъ, человѣкъ вступаетъ съ лошадыю въ борьбу, для выдержанія которой ему необходимо быть бывалымъ вообще.

Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что англійское правительство сдѣлало г. Рарей предложеніе пріѣхать въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы заняться тамъ специальнымъ ознакомленіемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей съ его методомъ и пріучить ихъ къ правильному и ловкому употребленію его способа укрощенія злыхъ лошадей.

Отдавая полную справедливость той просвѣщенной заботливости, съ которою Англичане, въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, спѣшатъ прежде всѣхъ воспользоваться общепользымымъ изобрѣтеніемъ, позволимъ себѣ замѣтить, что исключительное изученіе способа г. Рарей и навыкъ въ его примѣненіи еще не дадутъ Англіи хорошихъ кавалеристовъ, берейторовъ или конюховъ. Чтобы по этой части постоянно имѣть надежныхъ людей, которые, своимъ искусствомъ и полнымъ знаніемъ предмета, приносили бы дѣлу существенную пользу и способствовали дальнѣйшему его развитію, необходимо положить въ странѣ прочное основаніе всестороннему изученію природы лошади и распространенію здравыхъ понятій о средствахъ ея образованія и о пользахъ, какія можетъ оно принести.

Вотъ для этой-то цѣли мы считаемъ г. Рарей въ избыткѣ способнымъ человѣкомъ. Искренно и глубоко убѣжденные въ этомъ, мы вполне увѣрены, что на такомъ широкомъ поприщѣ богатыхъ познаній г. Рарей, его основательная опытность и тонкая наблюдательность получаютъ настоящее и обильное добрыми послѣдствіями примѣненіе.

Пусть Англичане поручать этому отличному знатоку лошади образованіе у себя какъ можно болѣе людей, такъ называемыхъ *gens de cheval*.

Пусть г. Рарей, не гоняясь за быстротою успѣховъ, обстоятельно сообщитъ своимъ ученикамъ раціональное познаніе природы лошади вообще, укажетъ имъ вѣрный путь дѣльнаго образованія ея и пособитъ разработать нравственную природу лошади въ той же степени, на которой стоитъ въ Англіи познаніе механической стороны животнаго.

По окончаніи такого курса, каждый ученикъ г. Рарей пойметъ, что сила секрета его учителя состояла именно въ убѣжденіи, что никакого секрета тутъ и быть не можетъ; каждый ученикъ его сдѣлается полезнымъ и надежнымъ дѣятелемъ, и тогда, если хотите, для него достаточно одного только урока, чтобы съ успѣхомъ примѣнять разобранный нами способъ укрощенія злыхъ лошадей. Впрочемъ, мы бы сочли справедливымъ коротко знакомить съ этимъ способомъ только избранныхъ учениковъ, и то между прочимъ, въ видахъ случайнаго примѣненія.

Сдѣлавшись же предметомъ исключительнаго изученія и употребленія, полезное предложеніе г. Рарей не только не подвинетъ впередъ, но еще затруднитъ развитіе берейторскаго искусства, не принесетъ даже и односторонней пользы и напугаетъ (да хорошо еще, если напугаетъ только) тѣхъ, которые безъ достаточнаго приготовленія вздумали бы примѣнять его. Наконецъ, что всего прискорбнѣе, оно можетъ вообще поселить недовѣріе къ самому г. Рарей. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ нимъ главное—то достояніе его, пожалуй, умретъ безслѣдно, а малая часть его, и та не понятая и неоцѣненная по достоинству, подвергнетъ нмя его незаслуженному нареканію.

Намъ было бы особенно пріятно, еслибъ статья этой удалось предостеречь нашихъ читателей отъ поверхностныхъ и неосторожныхъ отзывовъ о человѣкѣ, замѣчательныя способности котораго и вполне добросовѣстные труды даютъ ему неотъемлемое право на уваженіе и признательность всѣхъ потребителей лошадей.

Но если бы изложенные нами взгляды навели самого г. Рарей на вѣрную оцѣнку его способа, а желающихъ воспользоваться его богатствомъ — на прямой къ тому путь, если бы, наконецъ, посильному труду нашему посчастливилось хотя сколько нибудь облегчить тяжкую работу нашихъ товарищей—тружениковъ и улучшить участь лошадей на пользу самого человѣка, — цѣль одного изъ задушевныхъ желаній нашихъ была бы достигнута вполне.

АРКАДІЙ ПАНАЕВЪ.

Іюнь 1859 г.

ПѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

КУРСЪ О РУЧНОМЪ ОГНЕСТРѢЛЬНОМЪ ОРУЖІИ (*).

«.....Пускаемая въ ходъ истины должны быть излагаемы такъ осязательно вѣрно, чтобы, при всемъ упорствѣ со стороны слушателей, разсудокъ ихъ бралъ перевѣсъ надъ всѣми остальными побужденіями ихъ твердой невоспримчивой натуры..... Лучше полъ-часъ уступить, въ половину отказаться отъ своего справедливаго мнѣнія (!), только бы противорѣчіемъ не разрушить общей гармоніи всего плана.

Н. Островерховъ (**).

Говорятъ, есть русская пословица: «умъ хорошо, а два лучше». Но справедлива ли она? посмотримъ. Передъ нами лежитъ № 5 «Военнаго Сборника», въ которомъ прежде всего обра-

(*) «Курсъ», составленный по лекціямъ, читаннымъ въ Стрѣлковой офицерской школѣ въ 1858 и 1859 годахъ, капитаномъ Островерховымъ и поручикомъ Ларионовымъ, въ настоящее время изданъ отдѣльно и продается по 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. серебромъ.

(**) «Военный Сборникъ» 1858 года, № 6. См. статью: «О подковныхъ и баталіонныхъ инструкторахъ», стр. 405 и 406.

тила на себя наше вниманіе статья: «Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи» и проч. Привыкнувъ встрѣчать въ «Военномъ Сборникѣ» статьи, заслуживающія полное вниманіе со стороны читающей публики, мы на этотъ разъ встрѣтили съ особеннымъ вниманіемъ и «Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи». Недостатокъ хорошаго курса о ручномъ оружіи на русскомъ языкѣ, ощущаемая въ немъ потребность и наконецъ курсъ, составленный трудами двухъ лицъ,—все это располагало въ хорошую сторону. Мы думали встрѣтить въ этомъ курсѣ если не безукоризненное, то, по крайней мѣрѣ, систематическое изложеніе предмета, логически правильное относительно русскаго языка. Написать курсъ, думали мы, и до сихъ поръ, впрочемъ, думаемъ, не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ скажутъ: «Вы ошибаетесь, милостивый государь: составить курсъ очень легко. Стоитъ только пробывать два года въ Стрѣлковой офицерской школѣ, приобрести себѣ нѣкоторую извѣстность въ публикѣ своими статьями въ родѣ «Описанія смотровъ офицерской Стрѣлковой школы», а тамъ и ваяй что нибудь; приправь это «что нибудь» французскими именами, и выйдетъ статья, которую можно назвать *курсомъ*, а, пожалуй, для большаго успѣха, и *руководствомъ*. Оно такъ, да и не такъ. Можно составить безграмотныя записки для учениковъ, налитографировать ихъ, если хотите: отъ этого авторитетъ вашъ нисколько не пострадаетъ. Записки ваши никѣмъ не разсматриваются, кромѣ васъ самихъ; а уже о критикѣ и говорить нечего. Критиковать ихъ нельзя по очень простой причинѣ: онѣ не считаются официальными; да и притомъ ихъ никто не видитъ, кромѣ учениковъ, которымъ можно за каждый критическій взглядъ поставить по нулю и срѣзать на экзаменѣ. Очень понятно, что распространять такимъ образомъ научныя свѣдѣнія гораздо легче, чѣмъ написать курсъ и отдать его на судъ публики, которой поставить нуль нѣтъ никакой возможности. Вотъ причина, почему мы не имѣемъ хорошихъ печатныхъ курсовъ на русскомъ языкѣ. Если же иногда и попадаются намъ статьи, составленныя изъ иностранныхъ мнѣній на русскій ладъ, то онѣ не заслуживаютъ по большей части вниманія со стороны читающей публики, не представляя ничего новаго противъ иностранныхъ курсовъ, вышедшихъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Не имѣя никакого права отдавать двумъ авторамъ разную степень въ занятіяхъ, одному большую, а другому меньшую, при составленіи курса, мы будемъ вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность, называть ихъ просто словомъ *авторъ*, разумѣя подъ этимъ именемъ какъ капитана Островерхова, такъ и поручика Ларіонова.

Въ заглавіи мы читаемъ: «Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ Стрѣлковой офицерской школѣ», и т. д.

Жаль, что авторъ, составляя курсъ по лекціямъ профессоръ, не обратился къ нимъ съ просьбою просмотрѣть и исправить его. Этимъ онъ компрометируетъ профессоровъ, заставляя читателей составлять о нихъ невыгодное мнѣніе. Впрочемъ, намъ кажется, что и самъ авторъ не перечиталъ со вниманіемъ своего труда: иначе, онъ не былъ бы наполненъ такими ошибками и промахами.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору этого курса, мы долгомъ считаемъ предупредить читателей «Военнаго Сборника» въ томъ, чтобы они не ждали отъ насъ подробнаго разбора. Дѣлать подробный разборъ этому произведенію человѣческаго ума значило бы исписать бумаги гораздо болѣе, чѣмъ занимаетъ ее самый курсъ; да и притомъ гораздо легче, по нашему мнѣнію, составить новый курсъ, при всей трудности и обширности этой работы, чѣмъ написать на этотъ критику. Мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями, которыя послужатъ каждому изъ читателей намекомъ на полное вниманіе и разборъ фактовъ при чтеніи «Курса о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи». Итакъ, начинаемъ.

Первая статья раздѣляется, какъ извѣстно читателямъ «Военнаго Сборника», на два отдѣла.

Отдѣлъ I. «Краткій очеркъ исторіи ручнаго огнестрѣльнаго оружія». Описывая арбалетъ, авторъ говоритъ:

..... «Тетиву арбалета натягивали руками или помощію различныхъ приспособленій, отъ которыхъ арбалеты и получали свои названія: такъ, напримѣръ, *арбалеты съ воротомъ, дожкара-томъ или зубчатою полосою*», и т. д. (стр. 169) (*).

При этомъ описаніи приложенъ чертежъ, на которомъ нѣтъ ни одной буквы, и вы не знаете, что это за арбалетъ—съ дом-

(*) Нумера страницъ означены по «Военному Сборнику», а не по «Курсу», вышедшему отдѣльно.

кратомъ ли, съ воротомъ ли, или съ зубчатою полосою. Прежде всего надобно знать, для кого пишется курсъ и съ какой точки смотреть авторъ на читающаго. (*)

Если вы смотрите на читателя какъ на человѣка, знакомаго съ этимъ дѣломъ, тогда такой чертежъ, какъ вы его привели, совершенно лишній; въ противномъ случаѣ, каждый чертежъ долженъ быть пособіемъ для текста, а не украшеніемъ послѣдняго. Такъ, вамъ слѣдовало бы объяснить назначеніе зубчатой полосы и самое употребленіе арбалета. Помѣщать же нѣмые чертежи, и въ особенности, какъ говорится, «ни къ селу, ни къ городу», нѣтъ никакой надобности: они не придадутъ вашей статьѣ ученаго вида, если она сама по себѣ не учена.

«Вѣрность и скорость стрѣльбы изъ лука превосходила вѣрность и скорость стрѣльбы изъ арбалета» (стр. 170).

Позвольте усомниться въ этомъ. Если бы это было дѣйствительно по вашему, то какимъ бы образомъ произошелъ арбалетъ?

La partie antérieure, говоритъ Пиобертъ, de l'arbalète, creusée en gouttière, servait à diriger le trait (**). Арбалетъ, по словамъ Гильйона, «est un arc adapté sur un fut creusée en canal pour diriger le trait» (***). Если бы авторъ сказалъ, что вѣрность и скорость стрѣльбы лучниковъ превосходили вѣрность стрѣльбы арбалетчиковъ, то мы бы согласились съ нимъ вполне въ томъ предположеніи, что, при хорошемъ оружіи, дурной стрѣлокъ можетъ стрѣлять дурно, и, наоборотъ, хорошій стрѣлокъ, примѣнившись къ ружью, можетъ стрѣлять весьма порядочно. Сказать же, что стрѣльба изъ дурнаго ружья лучше стрѣльбы хорошаго, не принимая въ расчетъ самого стрѣлка, мы не имѣемъ никакого права.

Какъ вамъ нравится это описаніе испанскаго замка или замка Микле:

(*) Вообще трудно опредѣлить тотъ взглядъ, которымъ смотритъ авторъ на читателя. У него въ одномъ мѣстѣ вы встрѣчаете такіа объясненія, что, читая ихъ, становится страннымъ, неужели, дѣйствительно, читатели такъ слабы по понятіямъ, что имъ надо объяснять подобныя вещи. Въ другомъ мѣстѣ авторъ смотритъ на читателей своихъ, какъ на специалистовъ, не требующихъ никакого объясненія. Прочитавъ статью, вы убѣдитесь въ справедливости сказаннаго.

(**) *Traité d'Artil. théorique et pratique par. Piobert, p. 19.*

(***) *Cours élémentaire sur les armes portatives par Gillion, p. 4.*

«Этотъ замокъ устройствомъ своимъ уже весьма близко подходить къ новѣйшему кремневому; различіе заключается только въ механизмѣ (1), служащемъ для приведенія курка въ дѣйствіе, который въ испанскомъ замкѣ расположенъ снаружи замочной доски....» (Стр. 177.)

Спрашивается: для чего существуютъ всѣ части и пружины замка? Я думаю, что все находящееся въ замкѣ имѣетъ единственнымъ назначеніемъ *приведеніе курка въ дѣйствіе*, и если авторъ находитъ въ этомъ разницу между замкомъ новѣйшимъ и испанскимъ, то въ чемъ же заключается ихъ сходство? ужь не въ томъ ли, что у каждаго изъ нихъ есть замочная доска и курокъ? Намъ кажется, что испанскій замокъ такъ же близко подходить къ новѣйшему кремневому, какъ и замокъ со змѣйкою или замокъ съ колесомъ.

А что значатъ слова: «который (то есть курокъ) въ испанскомъ замкѣ расположенъ снаружи замочной доски»? Въ какой же системѣ изъ описываемыхъ вами, вы нашли курокъ съ внутренней стороны замочной доски? Укажите, пожалуйста: мы этого до сихъ поръ не видимъ. Вообще, авторъ своими объясненіями и описаніями механизмовъ ставитъ читателей въ положеніе Петрушки Гоголя, разсуждавшаго: «что вотъ, дескать, изъ буквъ составляется слово, которое иной разъ и Богъ знаетъ что значить».

«Въ началѣ ручное оружіе имѣло исключительнымъ назначеніемъ огнестрѣльное дѣйствіе.... Это неудобство устранено было изобрѣтеніемъ штыка....» (Стр. 178.)

По вашему, огнестрѣльное дѣйствіе ружья неудобство! Поздравляю. Неужели авторъ смотритъ въ настоящее время на ручное огнестрѣльное оружіе съ другой точки зрѣнія? Кажется, что не только прежде, но и теперь и всегда будетъ исключительнымъ назначеніемъ ружья—огнестрѣльное дѣйствіе; штыкъ же не исключительное, а только вспомогательное дѣйствіе. Право, намъ странно и неловко высказывать сожалѣніе о томъ, что авторъ, пишущій курсъ, сбивается или вообще нетвердъ въ понятіяхъ о назначеніи оружія.

Перейдемъ теперь къ исторіи ручнаго огнестрѣльнаго оружія въ Россіи. Прежде всего мы узнаемъ, что первымъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ Россіи были такъ называемыя *пищали*.

«Пищали эти въ общемъ очертаіи имѣли видъ нынѣшняго «ружья, отличающагося отъ него лишь большими размѣрами, значитѣльнѣе всѣмъ и весьма грубою работою» (стр. 179).

Итакъ, значитъ, въ дѣлѣ усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія мы шли гораздо быстрѣе нашихъ сосѣдей Западной Европы. Намъ стоило только уменьшить размѣры ружья, его вѣсъ и уничтожить грубую отдачку, замѣнивъ ее болѣе легкою, и вотъ вамъ нынѣшнее ружье. Такъ или нѣтъ? Нѣтъ, не такъ. Переверните страницу, и вы увидите, что :

«Впослѣдствіи пищали были усовершенствованы. Такъ, для сообщенія огня заряду, къ нимъ приспособили *фитильный замокъ* (!); для сбереженія пороха на полкѣ стали придѣлывать «къ ней покрывку, которую, передъ выстрѣломъ, отворачивали «въ сторону, а для защиты лица стрѣляющаго отъ вспышки, на «полкѣ приспособили заслонку» (стр. 180).

Что съ вами? Вы, я вижу, очень удивлены. Не удивляйтесь. То ли еще будетъ. Вотъ, напримѣръ, вамъ, я думаю, покажется страннымъ, какъ это въ «Курсѣ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи» говорятъ о націи людей, составлявшихъ полкъ.

«Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, передъ войной съ «Польшей, сформированы были нѣмецкіе полки: *пѣшіе, рейтарскіе и драгунскіе*. Полки эти были составлены изъ *Нѣмцевъ, Голландцевъ, Французовъ, Англичанъ, Шотландцевъ* и пр. (стр. 181) (*)».

Согласитесь сами, вѣдь интересно знать, что русскій полкъ состоитъ изъ Нѣмцевъ, Англичанъ и пр. Эти извѣстія дополняютъ ваши свѣдѣнія въ исторіи россійскихъ войскъ, а главное—значительно объясняютъ введеніе различныхъ системъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія въ Россіи. Читая «Курсъ огнестрѣльнаго оружія», вы видите, что авторъ не занимался исключительно этимъ предметомъ; напротивъ, онъ какъ будто высказывалъ глубокія истины такъ, отъ нечего дѣлать, какъ говорится, *pour passer le temps*. Посмотрите, напримѣръ, на это описаніе:

«Замокъ Фузен (употребляемый при Петрѣ Великомъ) имѣетъ «курокъ (!), огниво (!) и полку (!); части его *скрѣплялись и дѣйствовали помощію пружинокъ, винтовъ и другихъ частей, по-*

(*) Куревъ въ подлинникѣ.

«лучавшихъ, по мѣрѣ усовершенствованія оружія, каждая свое «назначеніе» (!) (стр. 182).

Не правда ли, удивительно глубокое знаніе предмета, а главное—рѣдкость, что съ такимъ знаніемъ соединяется способность очертить нѣсколькими словами вещь, на описаніе которой у другаго потребовалось бы много матеріаловъ, справокъ и времени. Мы имѣли случай замѣтить, что авторъ иногда смотритъ на читателей какъ на лица, не только что незнакомыя съ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но даже какъ на лица, никогда его не видавшія. Постараемся подтвердить наше мнѣніе фактами. Надобно ли говорить кому нибудь, что:

«Огнестрѣльное оружіе, приспособленное для дѣйствія од-
«ного человѣка, называется ручнымъ» (стр. 184)?

Мы не думаемъ, чтобы изъ читателей «Военнаго Сборника» нашелся такой, который бы принялъ единорогъ за ручное оружіе. Авторъ же, напротивъ, не только предполагаетъ, но даже знаетъ навѣрное, что такіе найдутся: иначе, онъ не силился бы такъ убѣдительно описывать составныя части ружья и не пришелъ бы въ такой восторгъ, въ которомъ началъ раздѣлять ручное оружіе на роды, виды, системы и образцы... На образцахъ онъ остановился: не было больше такого разряда, на который онъ еще бы могъ раздѣлить ружье. Но что же дѣлать! чувствуя особенное вліяніе къ дѣленію, онъ началъ дѣлить *взгляды* на первый и второй, на внимательный и невнимательный.

«Пѣхотное ружье, говоритъ онъ, при *первомъ* на него взгля-
«дѣ, состоитъ изъ двухъ частей: изъ длинной металлической
«трубки, въ которой помѣщается зарядъ («и которая называется
«стволомъ», надо было прибавить, потому что если вамъ совѣст-
но было высказывать это всѣмъ извѣстное слово, то зачѣмъ же
вы повели рѣчь о какой-то трубкѣ и, не договоривъ, бросили ее),
«и деревянной ложки, облегчающей употребленіе *его*» (стр. 185).

Кого это *его*? Изъ вашихъ словъ очевидно слѣдуетъ, что ло-
жа облегчаетъ употребленіе «металлической трубки, въ которой
помѣщается зарядъ»; стало быть, надо было сказать, говоря по
русски: и деревянной ложки, облегчающей употребленіе *ея*, а
не *его*.

«При болѣе же подробномъ разборѣ, ружье можно подраз-
«дѣлить на пять главныхъ частей: стволъ, ложу съ приборомъ,
з«амокъ, штыкъ и шомполъ» (стр. 186).

На это мы замѣтимъ, что нужно быть слишкомъ близорукимъ и даже совсѣмъ слѣпымъ, чтобы не отличить всѣхъ этихъ частей сразу.

Говоря о размѣрахъ ружья, авторъ объясняетъ, что:

«При опредѣленномъ калибрѣ и вѣсѣ, длина всего ружья ограничивается слѣдующими обстоятельствами:

«1) Она должна быть такова, чтобы кавалеристъ не могъ достать саблею до руки пѣхотинца, и 2) въ сплошномъ строю пѣхоты оконечности тыковыхъ третьей шеренги должны нѣсколько выходить за линію передней шеренги» (стр. 186).

Такъ ли это? было ли это единственною и, притомъ, главною причиною принятія извѣстной длины ружья? Самъ авторъ говорить, на стр. 188:

«Чѣмъ длиннѣе стволъ, тѣмъ, при опредѣленномъ зарядѣ, «дальность и мѣткость выстрѣловъ будутъ увеличиваться, до извѣстнаго, впрочемъ, предѣла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Франціи, при производствѣ сравнительныхъ опытовъ надъ силою хлопчато-бумажнаго и обыкновеннаго пороха, стрѣляли изъ пѣхотныхъ ружей, укорачивая постепенно ихъ стволы и опредѣляя каждый разъ, помощію ружейнаго и балистическаго маятника, начальную скорость пули. При этомъ было замѣчено, что начальная скорость, при зарядѣ въ 8 грамъ, оставалась постоянною для длины ствола отъ 49 до 60 калибровъ (*). Удлиняя же и укорачивая стволъ далѣе этихъ предѣловъ, замѣтили, что начальная скорость въ обоихъ случаяхъ чувствительно уменьшилась. Въ первомъ случаѣ это объясняется тѣмъ, что пуля, проходя по длинному стволу, теряетъ часть пріобрѣтенной ею скорости отъ тренія о стѣнки его; въ последнемъ же не все количество пороховыхъ газовъ успѣвало образоваться и оказать полное свое дѣйствіе на пулю въ моментъ ея вылета изъ дула» (стр. 188).

Все то, что сказано на страницѣ 188, слѣдовало привести прежде, и тогда не было бы подобныхъ недоразумѣній.

«Для опредѣленія положенія затравки, въ казнѣ сваривается «стальной цилиндръ, выходящій верхнимъ округленнымъ концомъ своимъ внаружу, изъ-за поверхности ствола, и называемый подстержникомъ» (стр. 190).

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Слѣдуетъ читать: въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть затравка, въ казнѣ вваривается стальной цилиндръ, и проч.

«Чѣмъ шире затравка, тѣмъ больше пороховыхъ газовъ можетъ теряться черезъ нее. *По этой причинѣ* (то есть, чтобы терялось больше пороховыхъ газовъ?), «у новыхъ ружей она имѣетъ 0,5, а у кремневыхъ 0,8 лин. ширины» (стр. 191).

Гдѣ же правильность выраженій? гдѣ русскій языкъ? — во второмъ изданіи.

«Сверхъ того, взаимное расположеніе замочныхъ частей между собою должно быть совершенно правильно, точно *и изъято отъ тренія*» (стр. 192).

Далѣе:

.... А отъ тренія однѣ замочныя части *станутъ портиться на счетъ другихъ*» (стр. 192).

Слишкомъ высоко и непонятно.

Перейдемъ теперь къ іюньской книжкѣ «Военнаго Сборника».

«Понятно (совсѣмъ непонятно), что при углѣ возвышенія, равномъ нулю, линія выстрѣла сольется съ горизонтомъ земли «и дальность полета будетъ нуль» (стр. 491).

Можно ли писать подобную нескладицу? Уже ли это слова профессоровъ Стрѣлковой офицерской школы? — сомнѣваемся. Если воображеніе автора находится на низкой степени развитія, если его *слишкомъ невоспріимчивая натура* не въ состояніи себя представить этой несообразности, то пусть бы онъ убѣдился на опытъ. Пусть бы одинъ изъ авторовъ сталъ передъ горизонтально положеннымъ ружьемъ, а другой спустилъ бы курокъ, тогда бы мы посмотрѣли, какъ эта дальность пули была бы равна нулю.

«.... Чаше же бываетъ, что цѣль расположена выше или ниже стрѣлка. Въ первомъ случаѣ дальность выстрѣла, на всѣхъ «разстояніяхъ, увеличивается, а во второмъ уменьшается, соответственно разности между горизонтомъ стрѣлка и цѣли» (стр. 498).

Такъ ли вамъ читали на лекціи? Вамъ, вѣроятно, говорили, что: для полученія одинаковой дальности выстрѣла, при невылированной мѣстности и возвышенной къ цѣли, надо для последней бѣльшій уголъ возвышенія, или, при одномъ и томъ же углѣ возвышенія, дальность будетъ болѣе на горизонтальной мѣстности, чѣмъ на мѣстности, возвышающейся къ цѣли.

Очень нехорошо записывать лекціи, не уразумѣвъ ихъ. Итакъ, кажется, что приведенный нами эпиграфъ изъ словъ г. Островеерхова надо отнести не къ слушателямъ, а къ автору «Курса о ручномъ огнестрѣльномъ оружии». Мы только удивляемся тому, какъ профессора позволили издать свои лекціи, не прочитавъ ихъ сами и не поправивъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ ошибокъ. Ужели они не нашли въ нихъ ничего такого, что нужно было бы исправить или совсѣмъ вычеркнуть. Какъ хотите, а это непонятно.

«Погрѣшность (отъ неправильной прикладки) эта «ведетъ за собою отклоненіе выстрѣла въ ту сторону, куда свалили ружье, и уменьшаетъ дальность полета пули. И, въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что AB есть ось канала. Если, прицѣливаясь, склонимъ ружье вправо, то, стало быть, «и прицѣлъ и мушка склонятся въ ту же сторону; «но такъ какъ *разность между радіусами круга, образуемаго казенною частію ружья, и круга, соответствующаго дулу, незначительна, то можно «допустить, что мушка осталась неподвижною; на- «противъ же прицѣльная линія составитъ съ осью «канала уголъ.»* (Стр. 516.)

Не вѣрьте, пожалуйста, автору. Дѣло вотъ, видите ли, въ чемъ. Пусть AB будетъ ось канала ружья. Если, прицѣливаясь склонить ружье въ сторону, положимъ, хотя (какъ говоритъ авторъ) въ правую, тогда какъ мушка, такъ и прицѣлъ отклонятся также вправо, описать при этомъ нѣкоторую дугу изъ центра, находящагося на оси канала, но какъ радіусы ихъ (радіусами въ этомъ случаѣ будутъ разстоянія верхнихъ точекъ прицѣла и мушки до оси канала) различны, то, слѣдовательно, прицѣлъ отклонится болѣе, чѣмъ мушка, и составитъ съ прицѣльною линіею (которая не измѣнила своего положенія) нѣкоторый уголъ.

Вообще мы думаемъ, что гораздо бы лучше было, если бы авторъ, вмѣсто того, чтобы писать курсъ, послушалъ его самъ года два на скамьѣ Офицерской Стрѣлковой школы: авось тогда бы онъ не сталъ печатать столь слабаго труда, да еще и

отдѣльнымъ оттискомъ. Право, нужно имѣть много самонадѣянности, чтобы подняться на подобную вещь.

«Между тѣмъ, стволъ, противясь давленію пули (отъ газовъ, «прошедшихъ черезъ зазоръ») на нижнюю часть свою, заставляетъ ее какъ бы отпрыгнуть и удариться о верхнюю стѣну «канала, и снарядъ будетъ, такимъ образомъ, вращаться снизу «вверхъ.» (Стр. 520.)

Нѣтъ, снарядъ будетъ только отпрыгивать отъ одной стѣны до другой.

Читая третью статью курса (№ 7 «Военнаго Сборника»), мы заподозрѣваемъ автора въ томъ, что онъ добавлялъ эту статью другими курсами или собственными замѣчаніями. Сомнѣваемся также въ томъ, что это лекціи Стрѣлковой офицерской школы, а полагаемъ, что это записки одного изъ нашихъ профессоровъ Михайловской артиллерійской академіи. Не имѣя официальныхъ документовъ, мы не смѣемъ упрекать автора въ недобросовѣстности. Что касается до историческаго развитія нарѣзнаго оружія, то мы полагаемъ, что въ составленіи этой статьи авторъ совершенно безгрѣшенъ, потому что, судя по слогу, порядку и самой системѣ изложенія, отдѣлъ этотъ стоитъ далеко выше прочихъ отдѣловъ. Языкъ же его намъ кажется весьма близко подходящимъ къ языку записокъ, которыя намъ приходилось читать довольно часто. Не попали ли онѣ какъ нибудь къ автору или къ кому нибудь изъ близкихъ ему лицъ?

Въ отдѣлѣ V, говоря о дѣйствительности огня пѣхоты, авторъ замѣчаетъ:

«Полезное дѣйствіе зависитъ отъ мѣткости, дальности оружія и степени проникаемости пуль; но на столько же, если еще «не больше, оно опредѣляется и скоростію стрѣлбы, что доказать весьма нетрудно.

«Предположимъ, что мы имѣемъ два рода оружія различной «мѣткости. Понятно, что, при стрѣлбѣ съ одной и той же дистанціи и въ одну и ту же цѣль, оружіе, болѣе мѣткое, оставитъ въ мишени большее число выстрѣловъ; но, если бы случилось, какъ мы выше уже объ этомъ говорили, что оружіе это «медленно заряжается, а слѣдовательно и стрѣлба изъ него не «такъ успѣшна, какъ изъ оружія менѣе точнаго, но скоро заряжающагося, тогда *можетъ выйти*, что оружіе, менѣе точное,

«сдѣлавъ большее число выстрѣловъ, поровняется и даже превзойдетъ числомъ попавшихъ пуль точное оружіе. Итакъ, разсматривая эти два рода оружія, независимо отъ числа израсходованныхъ патроновъ, окажется, что худшее, повидимому, оружіе даетъ лучшіе результаты.» (Стр. 183.)

Нужно ли для этого доказательство и, притомъ, такъ натянутое, что авторъ доказывалъ, доказывалъ да потомъ и самъ усомнился въ доказываемомъ, что и выразилось его словами: «тогда можетъ выйти». Можно ли считать за доказательство то, что приправляется словомъ *можетъ быть*. Тамъ, гдѣ употребляется слово *можетъ быть*, является сомнѣніе; а гдѣ сомнѣніе, тамъ нѣтъ доказательства. Вы говорите «это такъ», а я говорю «нѣтъ не такъ;» вы говорите «можетъ быть, да», а я вамъ отвѣчаю «а можетъ быть и нѣтъ», и въ последнемъ случаѣ мы оба сомнѣваемся въ справедливости доказываемаго другъ другу. Стало быть, чѣмъ «переливать изъ пустаго въ порожнее», лучше молчать и не доказывать вовсе.

«Для опредѣленія скорости (огня) наблюдается обыкновенно, по самымъ вѣрнымъ часамъ, продолжительность производства огня. Если стрѣльба производилась залпами, то время считается между словами командира «кладъ» и «жай»; при батальномъ огнѣ—отъ команды «начинай» до отбоя. Потомъ, со всевозможною точностію, опредѣляется число выпущенныхъ, во время наблюденія, патроновъ, и, зная при этомъ число стрѣлковъ и продолжительность стрѣльбы, составляютъ пропорціи, изъ которыхъ опредѣлится число пуль, выпущенныхъ однимъ человѣкомъ въ одну минуту, или скорость огня.

«Предположимъ, что число стрѣлковъ у насъ было H . Обозначимъ черезъ C —число выпущенныхъ пуль, и черезъ T —время стрѣльбы; отсюда получимъ, что:

$$\begin{aligned} H : 1 &= C : X', \text{ и} \\ T' : 1 &= X' : X. \end{aligned}$$

Перемножая эти двѣ пропорціи, будемъ имѣть, что:

$$\begin{aligned} HT' : 1 &= C : X, \\ \text{Отсюда } X &= \frac{C}{HT'}. \end{aligned}$$

«Величина эта можетъ служить для сравненія скорости стрѣльбы изъ одного и того же оружія или извѣстнаго рода огня съ другимъ.» (Стр. 185.)

Откуда у васъ явились всѣ буквы со знаками? Что каждая изъ нихъ означаетъ? Можно ли такъ писать курсъ? Вотъ вопросы, которые явятся въ головѣ каждаго мало знакомаго съ математическими выкладками. Авторъ долженъ, при составленіи своего курса, взять въ расчетъ всѣ невыгодныя стороны читающаго. Незначительныя свѣдѣнія по математикѣ, небystрое соображеніе и неумѣнье ясно и опредѣленно представить себѣ фигуру описываемаго предмета безъ чертежа—вотъ данныя, обуславливающія составителя курса. Только при такихъ условіяхъ курсъ можетъ быть ясенъ и каждому доступенъ.

«Продолжаемъ далѣе: «но если желаютъ опредѣлить полезное дѣйствіе огня, тогда нужно ввести сюда и число выстрѣловъ, попавшихъ въ предметъ. Положимъ, что оно обозначится черезъ V : тогда снова составятся слѣдующія пропорціи:

$$H : 1 = V : X \text{ и} \\ T' 1' = X : X'.$$

Перемножая эти двѣ пропорціи, получимъ:

$$HT' : 1' = V : X' \\ \text{Отсюда } X = \frac{V}{HT'},$$

то есть, если во время T' , H человѣкъ попадутъ въ предметъ V пуль, то одинъ человѣкъ попадетъ ихъ $\frac{V}{H}$; слѣдовательно, полезное дѣйствіе будетъ $\frac{V}{HT'}$. (Стр. 185.)

Что, это полезное дѣйствіе одного человѣка или всѣхъ H человѣкъ? Просимъ автора объяснить свою логику. Опять тѣ же недостатки! опять тѣ же ошибки! Видно, что авторъ списывалъ съ чего-то эти выводы, да плохо понималъ ихъ.

Переходя къ статьѣ о порохѣ (*), мы удивляемся, для чего авторъ разбираетъ свойство и приготовленіе составныхъ частей пороха.

Какое дѣло автору «Курса о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи», до того, какъ литруется и очищается селитра, въ какихъ печахъ выжигается уголь, сколько отдушину въ этихъ печахъ, и проч. Кажется, единственнымъ побужденіемъ автора было желаніе распространить свой курсъ на большемъ, по возможности, числѣ листовъ «Военнаго Сборника». Напрасно онъ въ такомъ случаѣ не повелъ рѣчи о приготовленіи пороха во Франціи или Пруссіи: это еще бы распространило его статью, тѣмъ болѣе, что при этомъ можно было бы изложить свои мысли объ удобствахъ и недостаткахъ приготовленія пороха за границею. Но что «написано перомъ, того не вырубишь топоромъ», говоритъ русская пословица. Что сдѣлано, то поправить трудно.

Авторъ оказалъ бы большую услугу читателямъ, еслибъ просто сказалъ имъ: «вотъ, милостивые государи, статью о порохѣ прочитайте въ «Руководствѣ для артиллерійской службы», съ котораго я началъ было списывать, да потомъ посовѣстился печатать».

Чтобы не затруднять читателей, мы сличимъ текстъ «Курса» съ текстомъ «Руководства для артиллерійской службы», но сначала попросимъ автора объяснить намъ, что значить эта фраза:

«Разымычныя гнѣзда состоятъ изъ 9 металлическихъ ситъ, одною частью волосянаго и сплошнаго поддона, для собиранія пыли». (Стр. 368.)

Что значить состоятъ одною частью волосянаго и сплошнаго поддона? Видите, какъ нехорошо передѣлывать на свой ладъ то, чего не понимаешь. Авторъ, желая отклонить отъ себя подозрѣніе въ томъ, что статья о порохѣ списана цѣликомъ съ «Руководства для артиллерійской службы», началъ передѣлывать ее, переставлять слова и фразы и потерялъ, при этой перестановкѣ, смыслъ и точность выраженій.

Для доказательства добросовѣстной переписки автора, приведемъ нѣкоторые мѣста:

(*) Помѣщенной въ № 8 «Военнаго Сборника».

«КУРСЪ О РУЧНОМЪ ОГНЕСТРѢЛЬНОМЪ ОРУЖИИ».

Сушка пороха. Порохъ сушится или на вольномъ воздухѣ въ теплую, сухую погоду, или въ каменныхъ или деревянныхъ сушильняхъ, нагрѣваемыхъ печами, расположенными за кирпичными тамбурами; нагрѣтый воздухъ проходитъ черезъ отдушины тамбуры. Отъ 8 до 12 фунт. пороха насыпаютъ на лотки и ставятъ на рѣшетчатые нары въ 16 ярусовъ, при 27° или 32° Р. Порохъ высушивается въ 4 дня, при перекладкѣ его постепенно съ низшихъ на высія нары. (Стр. 367.)

Разымка пороха. Для раздѣленія пороха на сорта употребляются металлическія сита, вставляемыя одно въ другое; восемь системъ ситъ разымочныхъ гнѣздъ за одинъ разъ вставляются въ деревянную висячую четырехугольную раму, которая приводится въ движеніе взадъ и впередъ людьми, ударяясь о туго натянутый канатъ, до 150 разъ въ каждую сторону.

Разымочныя гнѣзда состоятъ изъ 9 (?) металлическихъ ситъ, одною частью волосяного и сплошнаго поддона, для собиранія пыли; въ верхнемъ же остаются шишки или зерна, крупнѣе пушечнаго пороха. (Стр. 368.)

Полировка пороха. На основаніи опытовъ, произведенныхъ артиллерійскимъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета, признали необходимымъ полировать у насъ весь порохъ, и, въ настоящее время, мысль эта приводится уже въ исполненіе составленіемъ смѣты на устройство лоцильныхъ приборовъ для полированія всего пороха. Теперь же въ Охтенскомъ пороховомъ заводѣ полируется только часть приготовляемаго пороха (изъ 3,500 пудовъ только 4,000). (Стр. 369.)

«РУКОВОДСТВО ДЛЯ АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ СЛУЖБЫ».

Сушка пороха. Порохъ высушивается или на вольномъ воздухѣ въ теплую и сухую погоду или въ сушильняхъ. Онѣ составляютъ у насъ обыкновенныя строенія, каменные и даже деревянные, нагрѣваемые теплымъ воздухомъ, выходящимъ изъ особеннаго пространства, находящагося между печью, помѣщенною на одной изъ продольныхъ сторонъ сушильни, и особеннымъ тамбуромъ, построеннымъ изъ кирпича и отдѣляющимъ печь съ трехъ сторонъ отъ сушильнаго покоя. Черезъ стѣны этого тамбура нагрѣтый воздухъ выпускается посредствомъ двухъ душниковъ, тщательно запираемыхъ во время топки печи. Порохъ насыпаютъ на деревянные лотки отъ 8 до 12 фунт. на каждый; а лотки ставятъ на рѣшетчатые нары въ 16 ярусовъ, при температурѣ отъ 27° до 32° Реом. Порохъ совершенно высушивается въ 4 дня. (Стр. 230.)

Разымка пороха. Для разнати пороха на сорта употребляются металлические сита, вставляемыя одно въ другое и образующія систему ситъ съ отверстиями, соответствующими величинѣ зеренъ. Восемь подобныхъ системъ, называемыхъ разымочными гнѣздами, вставляются въ висячую четырехугольную раму, которая приводится въ движеніе взадъ и впередъ людьми, ударяясь о туго натянутый канатъ.

Разымочныя гнѣзда состоятъ изъ четырехъ металлическихъ ситъ (взгляните налѣво), одного частаго волосяного сита и сплошнаго поддона, служащаго для собиранія пыли. (Стр. 230.)

Полировка пороха. На основаніи опытовъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета, признано полезнымъ полировать весь выдѣливаемый на нашихъ заводахъ порохъ; но въ настоящее время только въ Охтенскомъ заводѣ полируется нѣкоторая часть пороха; на устройство же лоцильныхъ приборовъ для полированія всего пороха и на всѣхъ нашихъ заводахъ еще составляются смѣты. (Стр. 231.)

Для пробной mortarки выбирается ровное, гладкое и не каменистое мѣсто, длиною отъ 60 до 70 сажень. На одномъ концѣ выстилаютъ изъ 4-дюймовыхъ досокъ платформу на каменномъ фундаментѣ, совершенно горизонтально. (Стр. 370.)

Поставивъ ось mortarки въ вертикальное положеніе, вытираютъ котелъ и камору сухою тряпкою и сквозь воронку насыпаютъ зарядъ въ 9 золотниковъ, уравнивая его рукою, и закрываютъ бумажнымъ кружкомъ. Вставивъ въ запалъ скорострѣльную трубку, плавно опускаютъ mortarу на платформу и зажигаютъ трубку фитилемъ. (Стр. 370.)

Перевозка пороха. При перевозкѣ пороха сухимъ путемъ, бочки слѣдуетъ укладывать на возахъ такъ, чтобы онѣ не могли толкаться или тереться одна объ другую. Каждую бочку должно тщательно обернуть сухими цыновками, крѣпко обвязать веревками и подостлать, а также и накрыть цыновками. (Стр. 375.)

Для этого (пробы пороха) выбирается мѣсто ровное, горизонтальное и гладкое, не каменистое, длиною отъ 60 до 70 сажень и шириною отъ 3 до 4 сажень; на одномъ концѣ избраннаго мѣста настилаютъ деревянную, совершенно горизонтальную платформу изъ досокъ, около 4 дюймовъ толщиною, на каменномъ фундаментѣ. (Стр. 232.)

Для заряжанія mortarки вытираютъ сперва котелъ ея и камору сухою тряпкою, потомъ поднимаютъ на крючкахъ переднюю часть mortarки такъ, чтобы ось ея была почти вертикальна; насыпаютъ черезъ жестяную воронку зарядъ въ камору; уравниваютъ слегка рукою его поверхность; закрываютъ отверстие каморы бумажнымъ кружкомъ. Въ то же время вставляютъ въ запалъ mortarки скорострѣльную трубку, послѣ чего плавно опускаютъ mortarку и зажигаютъ трубку фитилемъ. (Стр. 233.)

Перевозка пороха. (См. В. Пост. часть IV кн. II гл. IV дополн.). При перевозкѣ пороха укладывать бочки на возы такъ, чтобы онѣ не могли толкаться или тереться одна о другую. Каждую бочку должно тщательно обернуть сухими рогожами, обвязать веревками или мочальными концами; подъ бочки настлать цыновки и покрыть ихъ также цыновками. (Стр. 240.)

Кажется, этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателей въ томъ, что помѣщенная въ «Курсѣ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи» статья о порохѣ есть самая вѣрная копія, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ «Руководства для артиллерійской службы». Теперь позвольте васъ спросить, читатель, можно ли повѣрить словамъ автора, что его курсъ составленъ по лекціямъ профессоровъ? Конечно, нѣтъ. Мы еще сомнѣваемся въ томъ, читали ли профессора съ такою подробностью свойства селитры, сѣры и угля въ «Курсѣ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи». Но всѣ сомнѣнія въ сторону; обратимся лучше къ послѣдней статьѣ «Курса», помѣщенной въ № 9 «Военнаго Сборника».

Слава Богу! вотъ мы уже и въ концѣ нашего повѣствованія... Но, милостивые государи, не имѣя чести знать вашего чина,

имени, отчества и фамиліи, смѣю просить объ одолженіи за-
пасться терпѣніемъ и пробѣжать эти строки вмѣстѣ со мной.

Здѣсь я вамъ наговорю много любопытнаго, забросаю васъ
техническими словами, за объясненіемъ которыхъ прошу обра-
титься къ автору, который, вѣроятно, самъ догадается и пояс-
нить ихъ при второмъ изданіи своего «Курса съ добавленіями и
примѣчаніями». Покуда терпѣніе. Скажите, пожалуйста, г. ав-
торъ, съ какой точки вы смотрите на читателей: смѣтаете ли вы
надъ ними, или предполагаете, что они, прочитавъ четыре ва-
ши статьи, далеко ушли впередъ въ образованіи, такъ что
вамъ остается только бросать техническія названія направо и на-
лѣво, въ полной увѣренности, что все брошенное вами будетъ
собрано и уложено въ голову.

Мнѣ кажется, что быстрое развитіе способностей читателя,
по прочтеніи четырехъ статей «Курса о ручномъ огнестрѣльномъ
оружіи», и есть именно та точка, съ которой смотритъ авторъ
на читателей. Этимъ только объясняется, почему авторъ такъ
хлопоталъ о раздѣленіи ручнаго оружія и взглядовъ, *приводя*
ни къ чему не нужные чертежи, и этимъ только объясняется,
почему онъ въ послѣдней части «Курса» закидываетъ читателя
техническими словами и *и не приводитъ* ни одного чертежа.

«Если изъ чугуна выдѣлать какимъ бы то ни было образомъ
«углеродъ», то онъ превращается въ желѣзо» (стр. 66).

Стало быть, въ желѣзѣ нѣтъ углерода? спросите вы, читатель.
Право, не знаю, какъ вамъ отвѣчать, потому что:

«Достоинство желѣза опредѣляется количествомъ содержа-
щагося въ немъ углерода» (стр. 66, нѣсколько ниже).

Видите ли теперь, въ какомъ затруднительномъ положеніи я
нахожусь.

«Для отдѣленія отъ чугуна углерода, употребляются два
«способа: *кричный и пуддлинговый* (*)».

«Первый способъ въ главныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдую-
щемъ: чугунъ нагрѣваютъ (*въ чемъ?*) до тѣхъ поръ, пока онъ
«расплавится (стр. 66).

«Для приготовленія желѣза въ большомъ количествѣ упот-
«ребляются такъ называемыя пуддлинговыя или отражательныя
«печи, въ которыхъ для плавки чугуна можно употреблять не
«только дрова, но и каменный уголь и даже торфъ, на томъ осно-

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

«*ваннѣ, что, по самому устройству этихъ печей, горючій матеріалъ не находится въ прикосновеніи съ желѣзомъ*» (стр. 66).

Какъ ясно и опредѣленно описана puddлинговая печь! Авторъ не забылъ даже сказать, чѣмъ ее можно топить.

Вотъ все, что вы найдете о puddлинговой печи въ «Курсѣ». Впрочемъ, виноватъ: есть еще важное извѣстіе.

«Puddлинговые печи получили свое названіе отъ англійскаго слова *ruddle*—мѣшать, по той причинѣ, что, во время работы, заключающуюся въ этихъ печахъ массу нужно безпрестанно «поворачивать» (стр. 66).

«Положивъ накалившую до красна пластинку на наковальню, «вгоняють ее, ударами молота по срединѣ, въ глубину гнѣзда (какого?) «и, отступивъ на $\frac{1}{3}$ отъ казны (чего $\frac{1}{3}$? договаривайте—мы не знаемъ вашей мѣры), начинаютъ загибку» (стр. 69).

«Сверло (собственно инструментъ) состоитъ изъ длиннаго «стальнаго четырехугольнаго прута, къ оконечности слегка цира-«мидалнаго и съ острыми ребрами» (стр. 70).

Что значить «сверло» (собственно инструментъ)? Какую еще штуку вы подразумеваете подъ именемъ сверла. Что значить «слегка пирамидальный»? Бываютъ развѣ тѣла трудно пирамидальны или еще какія нибудь другія?

«Глухимъ сверломъ называется длинный стальной прутъ, «одинъ конецъ котораго имѣетъ четырехгранную форму...

«...въ сверлахъ же, употребляемыхъ для внутренней поли-«ровки ствола, грани совершенно гладкія» (стр. 71).

Прочитавъ эти строки, потрудитесь сказать мнѣ разницу между глухимъ и гладкимъ сверломъ.

Говоря о повѣркѣ ствола, авторъ оканчиваетъ слѣдующими словами:

«Въ случаѣ неравностѣности ствола она возстановляется *поджимкомъ*» (стр. 72).

Что такое поджимокъ и какъ имъ возстановляется неравностѣнность ствола, авторъ объяснить намъ это тогда, когда мы заплатимъ по другому рублю за его курсъ. Тогда же онъ намъ объяснить и слѣдующее дѣйствіе надъ стволомъ:

«Обрѣзавъ казну на станкѣ (зачѣмъ тутъ слово станокъ, если вы его не описываете? не все ли равно читателю, какъ онъ обрѣзывается—руками ли, на станкѣ, или подъ станкомъ, когда онъ не знаетъ устройства послѣдняго), «вышерашиваютъ шарошкой

(это что-то въ родѣ того, что лавировался корабль да не выловировался) «уступъ для казенника» (стр. 72).

«Строганіе граней на казенной части ствола производится на «особенномъ станкѣ, помощію стального рѣзца. Стволъ вставляется въ станокъ, и рѣзецъ, посредствомъ механизма, приводится, взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока не обозначится грань; «потомъ стволъ поворачивается и остругивается другая грань и т. д. Остругавъ грани, окончательно отдѣлываютъ обрѣзъ казны «жерновкой, выравнивая ее по лекалу» (стр. 73).

Какое ясное понятіе даетъ авторъ объ устройствѣ стругального станка и о движеніи рѣзца! какъ хорошо объясняетъ онъ устройство и употребленіе жерновки! Недурно было бы, если бы авторъ прочиталъ по этому предмету что нибудь новенькое... ну, хотя, напримѣръ, записки специальныхъ классовъ: онѣ бы принесли ему немаловажную пользу. Гдѣ почерпнулъ авторъ такую методу изложенія? Какой курсъ попался ему подъ руку, въ которомъ, при описаніи техническаго производства, не была бы описана ни одна машина и не приложено ни одного чертежа?

«Приготовивъ желѣзный брусокъ, врубаютъ изъ него мушкету, которую, помощію зубила, врубаютъ по лекалу въ стволъ «на глазъ» (стр. 73).

Что значить «помощію зубила врубаютъ по лекалу въ стволъ «на глазъ»? — не понимаемъ.

«тычкой назначаютъ въ гнѣздѣ подстержника мѣсто для затравки» (стр. 73).

Часъ отъ часу не легче. Что это еще за тычка такая? И какъ ею назначаютъ мѣсто для затравки?

Не угодно ли будетъ вамъ, прочитавъ нарѣзку дорожекъ въ стволѣ, объяснить мнѣ, какъ она дѣлается? Конечно, я предполагаю при этомъ, что вы никогда не видали этой машины. Предположенія мои я считаю возможными на томъ основаніи, что я ставлю себя въ положеніе автора. Тотъ, кто пишетъ курсъ, долженъ знать, или, лучше сказать, долженъ имѣть въ виду, что онъ пишетъ вовсе не для тѣхъ лицъ, которыя знакомы съ предметомъ, но для тѣхъ, которыя его не знаютъ и желаютъ изучить ручное огнестрѣльное оружіе по его курсу. Обратимся, однако, къ нарѣзкѣ стволовъ.

«Нарѣзные стволы готовятъ точно такъ же, какъ и гладкіе, за исключеніемъ одной нарѣзки дорожекъ, которая произ-

«водится на особомъ станкѣ. Для этого, на деревянной скамьѣ, «утверждаютъ стволъ и направляющій цилиндръ съ винтовыми «нарѣзами. Къ концу цилиндра придѣланъ кругъ съ отверстіями, «отстоящими въ разныхъ разстояніяхъ одно отъ другаго. По «окружности круга, чрезъ цилиндръ, проходитъ желѣзный стер- «жень, покрытый свинцовой накладкой, на поверхности которой «сдѣланы выступы, соотвѣтственно нарѣзамъ направляющаго «цилиндра. На томъ же самомъ стержнѣ укрѣпленъ еще другой «цилиндръ, діаметромъ равный калибру ружья, и на немъ ут- «вержденъ рѣзецъ. Вставивъ конецъ этого цилиндра въ стволъ, «приводятъ стержень въ движеніе назадъ и впередъ, помощію ру- «коятки, при чемъ онъ вращается, соотвѣтственно нарѣзамъ на- «правляющаго цилиндра, и рѣзецъ нарѣзываетъ въ стволѣ вин- «товую линію. Для другой дорожки направляющій цилиндръ «поворачиваетъ на четверть оборота и укрѣпляется болтомъ, про- «ходящимъ чрезъ одно изъ отверстій круга и чрезъ скобу, при- «дѣланную къ станку» (стр. 77).

Ну, сдѣлайте милость, можно ли такъ писать!

«Приготовленіе затравочнаго стержня. Для приготовленія за- «травочныхъ стержней, на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ «устроена въ 1845 году Фалисомъ особенная мастерская, изъ «которой снабжаются стержнями какъ всѣ три наши оружейные «завода, такъ равно полки, арсеналы и проч. Вся разработка «стержня производится на нѣсколькихъ машинныхъ станкахъ, «приводимыхъ въ движеніе вододѣйствующимъ колесомъ, чѣмъ «облегчается трудъ при отдѣлкѣ такой мелкой вещи, какъ стер- «жень. Приготовленіе его значительно ускоряется и достигаетъ «совершеннаго единообразія во всѣхъ размѣрахъ. Стержень, «переходя отъ одного станка на другой, отдѣливается такимъ «образомъ: круглый прутъ англійской литой или заводской стали «накалываютъ до-бѣла и пропускаютъ сквозь прокатные вал- «ки (?), давая имъ тѣмъ надлежащую толщину; послѣ этого «конецъ одного прута накаливается добѣла и кладется подъ «штампъ».

«Полученные изъ-подъ штампа стержни обжигаютъ и обта- «чиваютъ цилиндрическую часть ихъ, винтуя ее отъ руки винто- «вальною доскою; на токарномъ станкѣ вытачиваютъ рѣзцомъ «вѣнчикъ; обрѣзаютъ съ обоихъ концовъ стержень по лекалу, «обтачиваютъ квадратъ и верхнюю часть рѣзцомъ; назначаютъ «въ нижней части центръ, дѣлаютъ кругомъ его углубленіе,

«сверлятъ нижнюю часть до квадрата маленькимъ сверломъ, а «съ верхней проходятъ большимъ сверломъ весь стержень на-«сквозь; расшарашиваютъ его въ верхней части около затравоч-«наго отверстія, зачищаютъ ручными пилами квадратъ, повѣ-«ряютъ отдѣланный стержень во всѣхъ частяхъ по лекаламъ и «осматриваютъ по наружности, нѣтъ ли въ немъ какихъ либо «пороковъ; потомъ закаливаютъ стержень до квадрата — для «этого нижнюю частію, на которой сдѣланы нарѣзы, привин-«чиваютъ его къ длинному пруту—и, такимъ образомъ, кладутъ «въ огонь; потомъ опускаютъ въ воду, зачищаютъ наждакомъ «верхнюю часть, засиниваютъ весь стержень на раскаленной «плиткѣ, что дѣлается съ цѣлью отпустить его нѣсколько, чтобы «онъ не былъ хрупокъ, и готовый осматриваютъ, не оказалось ли «послѣ закали трещинъ, и наконецъ пробуютъ стержни на «особомъ ружьѣ, боевая пружина котораго имѣетъ силу отъ «7 до 8 фунт.» (Стр. 77.)

Что это, маршрутъ завода или списокъ находящихся въ немъ инструментовъ и машинъ?

Я бы познакомилъ васъ еще кое съ чѣмъ; но, право, не стаѣтъ больше силъ выписывать, точно такъ же, какъ у васъ, вѣроятно, нехватаѣтъ терпѣнія прочитать до конца эту статью.

Итакъ, я, кажется, исполнилъ мое обѣщаніе, познакомивъ васъ съ жерновками, тычками, поджимками и пр.; теперь скажу вообще нѣсколько словъ о «Курсѣ». Изъ всего сказаннаго нами о «Курсѣ ручнаго огнестрѣльнаго оружія» можно составить о послѣднемъ такое мнѣніе: не имѣя никакихъ достоинствъ, курсъ наполненъ множествомъ недостатковъ, ошибокъ и проч. Тамъ, гдѣ надо чертежи, ихъ нѣтъ ни одного; гдѣ же ихъ вовсе не надо, тамъ они приведены и, притомъ, неясные. Вообще «Курсъ» составленъ весьма небрежно. Хотя авторъ и говоритъ въ началѣ «Курса», что онъ, кромѣ лекцій профессоровъ, пользовался иностранными источниками, но отсутствіе ссылокъ на эти сочиненія лишаѣтъ насъ возможности опредѣлить, въ какой степени справедливы его слова; видно только, что главнымъ его источникомъ было «Руководство къ артиллерійской службѣ» и еще кое-что. Видно также, что у автора развитъ историческій взглядъ, даже до того, что, приводя совершенно не къ мѣсту статью о порохѣ, онъ и тутъ не преминулъ рассказать исторію пороха, хотя послѣдняя похожа больше на сборникъ именъ, чѣмъ на исторію. Не знаю, какъ вы, читатель, но я, навѣрное,

не заплачу ни копейки за подобный «Курсъ», если бы онъ даже вышелъ съ двадцатыми «исправленіями и дополненіями». Мы бы очень желали встрѣтить полный и подробный разборъ этого «Курса», — желали бы потому, что, при болѣе подробномъ разборѣ, автору, можетъ быть, приписали бы болѣе достоинствъ въ составленіи курса; а главное, хотѣли бы посмотрѣть на терпѣніе разбиравшаго, — терпѣніе, котораго, къ сожалѣнію, у насъ нехватило. Въ заключеніе намъ остается сказать только одно: «прости имъ, Господи, не ведятъ бо, что творятъ», и подписать для большаго авторитета полный свой титулъ, какъ подписывалъ его авторъ.

Лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи прапорщикъ ДУБРОВИНЪ.

Сентября 18
1859.

З А М Ъ Т К И

НА СТАТЬЮ:

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ПѢХОТЫ.

Въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» за текущій годъ напечатана статья г. А. Р. Д—на: «Нѣсколько мыслей объ организаціи пѣхоты», — статья, въ которой авторъ исключительно говоритъ о стрѣлковыхъ ротахъ и стрѣлковыхъ баталіонахъ и предлагаетъ новые штаты для баталіоновъ въ полкахъ.

Не касаясь предложеній автора, замѣтимъ, что, по нашему убѣжденію, г. Д—нъ не всегда справедливъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ведетъ рѣчь о стрѣлковыхъ ротахъ и говоритъ о ихъ преимуществахъ передъ стрѣлковыми баталіонами.

Для большей ясности, дозволимъ себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ разбираемой нами статьи.

«Несмотря на то, говоритъ г. Д—нъ, что стрѣлковыя роты занимаютъ какъ бы второстепенное мѣсто, онѣ имѣютъ на своей

сторонѣ много преимуществъ, которыя еще недостаточно выяснились; теперь уже, несмотря на то, что роты эти были вооружены менѣе совершеннымъ оружіемъ, онѣ соперничаютъ со стрѣлковыми баталіонами, а многія и превзошли ихъ. Когда же имъ дадутъ шестилинейную винтовку, то превосходство ихъ сдѣлается еще очевиднѣе. Такой результатъ не будетъ послѣдствіемъ болѣе разумнаго обученія, потому что, по всей вѣроятности, оно ведется въ стрѣлковыхъ баталіонахъ съ большимъ знаніемъ дѣла, но единственно вслѣдствіе особенностей организации стрѣлковыхъ ротъ.»

Что же это за особенная организація?

А вотъ, изволите видѣть, какимъ образомъ самъ авторъ «Нѣсколькихъ мыслей» рѣшаетъ предложенный вопросъ:

«Убыль нижнихъ чиновъ въ стрѣлковыхъ баталіонахъ пополняется способными людьми изъ полковъ дивизіи, по выбору начальника оной. Кромѣ того, командиры стрѣлковыхъ баталіоновъ имѣютъ право представлять къ переводу въ полки людей, не соотвѣствующихъ роду службы въ стрѣлкахъ. Такой порядокъ не вполне достигаетъ цѣли, для которой онъ поставленъ. Во первыхъ, ни одинъ солдатъ (за исключеніемъ какого нибудь негодяя), по чувству привязанности къ полку, — чувству, которое нельзя достаточно оцѣнить, не желаетъ быть переведеннымъ въ другую часть; во вторыхъ, полковому командиру непріятно разставаться съ хорошимъ солдатомъ, и онъ употребитъ съ своей стороны всѣ законныя, а иногда и не совсѣмъ законныя средства, чтобы не лишиться лучшихъ людей. Такимъ образомъ, на укомплектованіе стрѣлковыхъ баталіоновъ поступаютъ люди, далеко не болѣе другихъ соотвѣтствующіе цѣли.»

Итакъ, по мнѣнію г. Д—на, стрѣлковые баталіоны комплектуются людьми малоспособными. А стрѣлковые роты? Совсѣмъ иначе. Здѣсь, по словамъ автора:

«Полковой командиръ и начальникъ стрѣлковъ, который наблюдаетъ за стрѣлкою въ цѣломъ полку, имѣютъ всю возможность выбрать людей болѣе способныхъ, и ошибка въ этомъ случаѣ исправляется тотчасъ же.»

Изъ всего этого мы заключаемъ, что г. Д—нъ недостаточно хорошо знакомъ съ бытомъ стрѣлковыхъ ротъ. Иначе, онъ до-

казывалъ бы, что превосходство ихъ передъ стрѣлковыми баталіонами происходитъ никакъ не вслѣдствіе особенностей ихъ организациі или какихъ-то «недостаточно хорошо выяснившихся преимуществъ», потому что, какъ намъ извѣстно, стрѣлковые роты передъ стрѣлковыми баталіонами не имѣютъ никакихъ преимуществъ, да еслибъ таковыя и были, то они вполнѣ уравнивались бы многими и многими неудобствами, устраненіе которыхъ возможно лишь при значительныхъ денежныхъ издержкахъ.

Начнемъ по порядку:

Стрѣлковые роты (*) круглый годъ, за исключеніемъ лагерей, находятся въ загородномъ расположеніи. При размѣщеніи по квартирамъ, отдѣленіямъ приходится стоять верстахъ въ 5, 7, а иногда и 12 отъ ротнаго двора, на который они черезъ день (случается, что и каждодневно) должны являться или для стрѣлбы, или для гимнастическихъ упражненій.

Спрашивается: охотно ли будетъ заниматься стрѣлкою или гимнастикою человѣкъ, который пройдетъ 12 верстъ и знаетъ, что долженъ пройти еще столько же, возвращаясь домой? Къ тому же, находясь на хозяйскомъ продовольствіи, солдатъ, по возвращеніи съ пальбы, вѣроятно, не откажется пособить своему хозяину въ случившейся домашней работѣ (а ея въ деревняхъ, разумѣется немало: снопы молотить, нарубить и принести дровъ, дать корму лошадямъ, и проч. и проч.). Вотъ цѣлый день физическихъ трудовъ для солдата стрѣлковой роты.

Не это ли г. Д—нъ называетъ «недостаточно выяснившими-ся преимуществами»? Нѣтъ, авторъ «Нѣсколькихъ мыслей» говорить о преимуществахъ стрѣлковыхъ ротъ въ отношеніи ихъ комплектованія. Но и это преимущество—мнѣ!

«Люди, пишетъ г. Д—нъ, охотно идутъ въ стрѣлковые роты и даже стараются попасть въ нихъ, видя преимущества, которыми эти роты пользуются.»

(*) Въ нашей статьѣ мы исключительно говоримъ о стрѣлковыхъ ротахъ гвардейскаго корпуса, полагая, впрочемъ, что все о нихъ здѣсь сказанное вполнѣ примѣнимо и къ стрѣловымъ ротамъ армейскихъ полковъ.

А вотъ и перечень преимуществъ:

«Стрѣлковыя роты избавляются, по возможности, отъ гарнизонной службы, за стрѣлбу получаютъ призы, денежные награды и поощренія въ большемъ противу прочихъ ротъ размѣрѣ.»

Послѣ сказаннаго нами легко понять, почему стрѣлковыя роты зимою *освобождаются* отъ гарнизонной службы. Остается лагерное время; но и здѣсь онѣ по цѣлымъ днямъ занимаются стрѣлкою (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда бываютъ на ученьяхъ), а въ свободное время дѣлаютъ патроны, слѣдовательно о караулахъ и думать некогда. Впрочемъ, для солдата гарнизонная служба особенной тягости не составляетъ; каждому изъ нихъ гораздо важнѣе износить въ годъ одною парю сапоговъ менѣе, а на такую-то экономію стрѣлковыя роты, при ихъ частыхъ передвиженіяхъ, рассчитывать не могутъ.

Что же можетъ породить въ солдатѣ охоту идти въ стрѣлковую роту? Денежныя награды? Да для того, чтобы заслужить ихъ, надо быть отличнымъ стрѣлкомъ; а это дается не съ разу. Къ тому же, эти награды раздаются и въ ротахъ полка. Притомъ, коли рѣчь пошла о наградахъ, то, по нашему убѣжденію, солдатъ скорѣе долженъ желать перевода въ стрѣлковый баталіонъ, а не въ стрѣлковую роту: тамъ эти награды значительны. Но г. Д.—нъ поясняетъ, что: «ни одинъ солдатъ (за исключеніемъ какого нибудь негодяя), по чувству привязанности къ полку, — чувству, которое нельзя достаточно оцѣнить, не желаетъ быть переведеннымъ въ другую часть». Все это, быть можетъ, было бы совершенно справедливо въ отношеніи стараго солдата, но вспомнимъ, что въ стрѣлковые баталіоны преимущественно назначаютъ людей молодыхъ, у которыхъ, слѣдовательно, и чувство привязанности къ полку еще не могло достаточно развиться.

Наконецъ, всякій мало-мальски знакомый съ бытомъ стрѣлковыхъ ротъ согласится, что солдатъ, назначаемый и въ эти роты, какъ бы отчуждается отъ полка, живетъ онъ вдалекѣ отъ бывшихъ своихъ товарищей, приходитъ съ ними въ соприкосновеніе весьма рѣдко и даже въ разговорѣ не называетъ ихъ иначе, какъ «бѣлая амуниція». Это послѣднее, характеристиче-

ское названіе ясно показываетъ какъ бы на установившуюся раздѣльность (*): солдатъ сознаетъ, что онъ ужь больше «не въ полку»; онъ видитъ себя оторваннымъ отъ своего стараго пепелища—и съ него довольно!

Правда, что иногда, при комплектованіи стрѣлковыхъ баталіоновъ, бывають случаи, говорящіе въ пользу «Мыслей» г. Д—на. Такъ, напримѣръ, однажды довелось мнѣ разговаривать съ однимъ поручикомъ N N стрѣлковаго баталіона (бывшимъ моимъ товарищемъ, но уже опередившимъ меня въ чинахъ). Когда рѣчь зашла о службѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Представь себѣ, недавно зачисленъ въ нашу роту прибывшій изъ отпуска барабанщикъ N N полка! Ну, скажи на милость, зачѣмъ намъ барабанщикъ?» Отвѣчать на это было нечего, я улыбнулся.

Да развѣ подобный фактъ можно принимать какъ неоспоримое доказательство того, что въ стрѣлковые баталіоны поступаютъ лишь одни малоспособные люди? Это не болѣе, какъ промахъ, случай исключительный.

И почему же г. Д — нъ не допускаетъ подобныхъ случаевъ и при комплектованіи стрѣлковыхъ ротъ? Авторъ «Нѣсколькихъ мыслей» обвиняетъ полковыхъ командировъ въ неблагонамѣренности и говоритъ, что они «употребляютъ съ своей стороны всѣ законныя, а иногда и не совсѣмъ законныя средства, чтобы не лишиться лучшихъ людей».

Мы никакъ не смѣемъ принять на себя роли защитника полковыхъ командировъ и предоставляемъ имъ самимъ возражать г. Д—ну, но, по долгу справедливости, замѣтимъ, что изъ «Нѣсколькихъ мыслей» эта послѣдняя намъ кажется ложною.

Воззрѣніе наше мы основываемъ на томъ фактѣ, что и при комплектованіи стрѣлковыхъ ротъ въ нихъ иногда поступаютъ люди далеко неспособные къ стрѣлковому дѣлу, почему таковыя, по удостовѣреніи въ ихъ малоспособности, отсылаются обратно въ линейныя роты, которыя, въ замѣнъ ихъ, присылаютъ

(*) Понятно, что на полѣ сраженія и тѣни такой раздѣльности существовать не можетъ. Тогда не только что роты одного полка, но и люди различныхъ полковъ признаютъ себя не иначе, какъ братьями. Маневры могутъ служить живымъ тому примѣромъ.

другихъ людей. Неужели, по мнѣнію г. Д — на, и эти случаи происходятъ отъ неблагонамѣренности полковыхъ или ротныхъ командировъ? Нѣтъ, дѣло въ томъ, что опредѣлить способности человѣка по его наружности слишкомъ трудно; а потому, хотя мы и допускаемъ, что въ стрѣлковые баталіоны, дѣйствительно, иногда и поступаютъ «люди, далеко не болѣе другихъ соотвѣтствующие цѣли», но никакъ не хотимъ предполагать, чтобы такіе факты являлись вслѣдствіе непріязни полковыхъ командировъ къ стрѣлковымъ баталіонамъ.

Наконецъ, да позволено намъ будетъ упрекнуть г. Д — на въ непослѣдовательности его заключеній.

Не самъ ли онъ говоритъ, что «стрѣлковые баталіоны комплектуются способными людьми изъ полковъ дивизіи, по выбору начальника оной»? Слѣдовательно, онъ прямо выставляетъ безпристрастнаго посредника, которому, разумѣется, нѣтъ надобности склоняться на сторону полковыхъ командировъ и дѣйствовать въ ущербъ стрѣлковымъ баталіонамъ.

Не самъ ли г. Д — нъ говоритъ, что, «кромѣ того, командиры стрѣлковыхъ баталіоновъ имѣютъ право представлять къ переводу въ полки людей, не соотвѣтствующихъ роду службы въ стрѣлкахъ»? И что жъ! вслѣдъ затѣмъ онъ обвиняетъ полковыхъ командировъ въ употребленіи незаконныхъ средствъ для удержанія лучшихъ людей.

Намъ кажется, что, напротивъ того, полковой командиръ, при назначеніи людей въ стрѣлковый баталіонъ, играетъ страдательную роль, коль скоро такое назначеніе совершается по системѣ, изложенной г. Д — номъ.

Въ самомъ дѣлѣ, начальникъ дивизіи отбираетъ людей въ полкахъ и распредѣляетъ ихъ по стрѣлковымъ баталіонамъ. Часть назначенныхъ такимъ образомъ людей можетъ оказаться неспособною къ стрѣлковому дѣлу, и тогда командиры стрѣлковыхъ баталіоновъ немедленно представляютъ ихъ къ переводу въ полки; начальникъ дивизіи отбираетъ другихъ людей, и т. д. и т. д.

Разсужденія эти завлекли бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотѣли, главнымъ образомъ, разобрать положеніе стрѣлковыхъ баталіоновъ и стрѣлковыхъ ротъ и доказать, что первые имѣютъ всѣ данныя для образованія отлично хорошихъ стрѣл-

ковъ, а что послѣднимъ, для той же цѣли, досталось много неудобствъ.

Стрѣлковые баталіоны имѣютъ отличное оружіе, прекрасные манежи, стрѣльбища, изъ которыхъ и въ зимнее время могутъ стрѣлять на большія дистанціи; а главное — они помѣщаются въ казармахъ, отъ которыхъ весьма недалеко до этихъ манежей и стрѣльбищъ.

У стрѣлковыхъ ротъ ничего подобнаго нѣтъ. Мы уже отчасти коснулись неудобствъ размѣщенія людей по просторнымъ квартирамъ. Замѣтимъ еще, что такое размѣщеніе имѣетъ влияние и на продовольствіе людей.

Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ деревушкахъ или бѣдныхъ дворахъ богатыхъ деревень, солдаты получаютъ весьма скудную пищу. Такъ, напримѣръ, чухны продовольствуютъ своихъ постояльцевъ картофелемъ, варенымъ въ кислomъ молокѣ. Быть можетъ, что такая похлебка, совершенно удовлетворяетъ неприхотливому вкусу маймиста, но сомнѣвается, чтобы русскій или малороссійскій желудокъ могъ скоро свыкнуться съ такимъ оригинальнымъ блюдомъ. А г. Д—нъ еще говоритъ, что солдаты охотно идутъ въ стрѣлковыя роты.

О качествахъ нашихъ наръзныхъ ружей мы ничего не скажемъ; только, чтобы ихъ скорѣе замѣнили шестилинейными винтовками.

Что же касается до манежей и стрѣльбищъ, то таковыя, въ стрѣлковыхъ ротахъ, большею частію замѣняются крестьянскими сараями, весьма неудобными для выполненія цѣли ихъ назначенія.

Въ самомъ дѣлѣ, для гимнастики они неудобны по малой высотѣ и незначительному внутреннему пространству, а для стрѣлбы — потому, что впереди лежащая мѣстность часто принуждаетъ ограничиться стрѣлкою лишь на 200 и 300 шаговъ. Кромѣ того, они такъ холодны, что, несмотря на устраиваемыя въ нихъ желѣзныя печи, у солдатъ коченѣютъ руки, почему и нельзя строго требовать хорошихъ выстрѣловъ (*).

(*) Въ настоящее время, къ нашему удовольствію, нѣкоторые полки уже устроили для своихъ стрѣлковыхъ ротъ стрѣльбища и манежи. Надѣмся, что скоро и во всѣхъ полкахъ появятся подобныя постройки, необходимость которыхъ столь очевидна.

Посмотримъ теперь, какія преимущества имѣютъ стрѣлковыя роты передъ стрѣлковыми баталіонами въ отношеніи обученія людей грамотѣ.

Что солдату грамотность не излишня, объ этомъ мы и распространяться не будемъ. Вопросъ этотъ давно рѣшенъ, и въ настоящее время вездѣ уже стараются приводить его въ исполненіе. Скажемъ только, что для стрѣлка грамотность совершенно необходима. Лишь при извѣстной степени умственного развитія ему будутъ доступны нѣкоторые данныя, касающіяся теоріи выстрѣла, — данныя, вслѣдствіе которыхъ онъ будетъ стрѣлять разумно, съ сознаніемъ своего дѣла, почему и самая стрѣльба получитъ для него новый, доселѣ невѣдомый ему интересъ.

Опять-таки и въ этомъ случаѣ помѣщеніе играетъ первую роль.

Стрѣлковые баталіоны свободно могутъ учиться въ продолженіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Ротнымъ командирамъ и офицерамъ, завѣдующимъ такимъ обученіемъ, легко слѣдить за успѣхами каждаго человѣка; словомъ, тамъ это не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Между тѣмъ, разбросанное положеніе стрѣлковыхъ ротъ отнимаетъ всякую возможность собирать людей для таковыхъ занятій. Дѣйствительно, собирать ихъ въ школу послѣ стрѣльбы нельзя, потому что стрѣльба кончается иногда довольно поздно, да, наконецъ, человѣкъ уже и утомленъ, а приказывать приходиться по вечерамъ невозможно: слишкомъ далеко.

Нѣкоторые, быть можетъ, скажутъ, что отдѣленія, далеко стоящія отъ ротнаго двора, могутъ заниматься въ мѣстахъ своего расположенія, подъ руководствомъ отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ и грамотныхъ людей ихъ отдѣленія?

Совершенно справедливо; но, по нашему мнѣнію, отъ такихъ распоряженій едва ли можно ожидать большой пользы, потому что въ настоящее время въ ротахъ еще слишкомъ мало людей, толково знающихъ грамоту. Правда, что многіе умѣютъ читать, но, къ несчастію, не понимаютъ прочитаннаго; а такіе люди едва ли могутъ быть учителями (*).

(*) Конечно, ротный командиръ или офицеръ, завѣдующій обученіемъ грамотѣ, могли бы въ извѣстные часы ѣздить въ мѣста расположеній отдѣленій и, такимъ образомъ, наблюдать за успѣхами людей. Но подобные разъѣзды потребовали бы значительныхъ денежныхъ издержекъ. *Аст.*

Къ тому же, для стрѣлка еще недостаточно умѣть читать и писать: ему необходимо знать устройство ружья, его сборку, разборку, правильное съ нимъ обращеніе; ему не помѣшаютъ краткія свѣдѣнія о составныхъ частяхъ пороха и кое-что изъ теоріи стрѣльбы принесетъ ему несомнѣнную пользу.

Все это солдатъ можетъ усвоивать подъ руководствомъ офицера, и, повторяю, стрѣлковые баталіоны имѣютъ къ тому возможность, а стрѣлковые роты — нѣтъ.

Здѣсь кстати было бы сказать нѣсколько словъ касательно недостатка нашихъ періодическихъ изданій, назначаешихъ преимущественно для солдатъ. Но о нихъ уже было писано весьма много, и, къ тому же, эти недостатки, какъ общіе для стрѣлковыхъ баталіоновъ и стрѣлковыхъ ротъ, не могутъ быть предметомъ нашей статьи (*).

Изъ всего сказаннаго видно, что стрѣлковые роты передъ стрѣлковыми баталіонами не имѣютъ никакихъ преимуществъ.

Честь и слава же имъ, если онѣ, при этихъ неблестящихъ обстоятельствахъ, могутъ, по словамъ г. Д—на, «соперничать» съ стрѣлковыми баталіонами!

Но дѣло еще не въ соперничествѣ. Здѣсь мы искали бъ одного соревнованія. А откровенно говоримъ, что хотѣли бы соперничать съ нашими заморскими собратами по оружію и, когда доведется, показать имъ, что ихъ уроки не пропали для насъ даромъ.

По нашему же мнѣнію, устраненіе высказанныхъ нами неудобствъ много бы способствовало быстрѣйшему развитію стрѣлковаго дѣла.

Конечно, и существующій порядокъ удовлетворителенъ: «*A force de forger, on devient forgeron*». Пройдутъ многіе годы, и мы будемъ стрѣлять отлично хорошо. Но война — дѣло случая — представляется иногда совершенно неожиданно: тогда уже поздно учиться!

Правда, была у насъ отличная пословица, на основаніи которой и медленность въ каждомъ дѣлѣ была извинительна. От-

(*) Желающимъ ближе ознакомиться съ упомянутыми недостатками мы, на первый случай, рекомендуемъ статью г. подпоручика Дубровина: «Проекты изданія журнала для артиллерійскихъ солдатъ», помѣщенную въ июльской кн. «Артилл. Журнала», за текущій годъ. Лет.

кладывая какое нибудь дѣло «на завтра», мы говорили: «тише ѣдешь, дальше будешь». Но въ настоящее время редакціи «Военнаго Сборника» (*) заблагоразсудилось (и Богъ знаетъ, для чего!) сказать намъ конецъ этой пословицы, — и что же мы узнаемъ: что «тише ѣдешь—дальше будешь, отъ того иѣста, къ которому ѣдешь»!

ЗАГОРОДНЫЙ СТРЕЛОКЪ.

(*) № 5 за 1859 годъ, стр. 94.

БИВУАКЪ ПРИ АУЛѢ ХУРУНХАБЛЬ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА КАВКАЗЦА 25 ЯНВАРЯ 1852 ГОДА.

(Посвящено *Г. В. Ступину.*)

Смерклося, когда отрядъ подходилъ къ аулу Хурунхабль. Вынавшій снѣгъ затруднялъ движеніе отряда, а большой переходъ, сдѣланный въ этотъ день, утомилъ не только пѣшихъ, но и конныхъ.

Аулъ Хурунхабль лежитъ въ плодородной равнинѣ, живописно пересѣченной небольшими оврагами, лѣсомъ и кустарникомъ; рѣка омывала его съ трехъ сторонъ. Постройка показывала, что это одинъ изъ лучшихъ и богатыхъ ауловъ; еще издали виднѣлись огромные запасы немолоченнаго хлѣба, скирды сѣна и соломы. Горцы, успѣшно покинувшіе аулы, заботились только о спасеніи своихъ семействъ и дорогихъ вещей; остальное имущество было брошено ими на произволъ. Непріятель не защищалъ аула; отрядъ вошелъ безъ выстрѣла и началъ располагаться на ночлегъ. Въ цѣпяхъ продолжалась еще горячая перестрѣлка.

Солдаты, наскоро составивъ ружья, разбрелись по аулу, шарили по саклямъ, въ надеждѣ какой либо добычи. Суматоха была общая. Размѣщали обозъ. Нестройная команда деньщиковъ шумѣла и бранилась; въ иныхъ мѣстахъ не обошлось дѣло и безъ драки... Разводится огонь, и вся домашняя горская утварь,

даже цѣлыя арбы (телѣги) взваливаются на костры. Вѣстовые и деньщики бѣгаютъ съ самоварами. Взадъ и впередъ длинными вереницами смуютъ солдаты, козакъ и люди неопредѣленнаго званія, навьюченные разными разностями. На крышахъ сакель появились солдаты и растаскиваютъ камышъ или солому, въ надеждѣ найти въ ней какую либо поживу. Но вотъ горитъ сакля: ее охватываетъ пламя; слышится радостный хохотъ при видѣ испуганныхъ солдатъ, находящихся на крышѣ. Тамъ, вдали, у какой-то подозрительной кучи, человѣкъ двадцать усердно роются, внимательно разсматривая каждую бездѣлушку, предполагая найти въ ней золото. Печально мычитъ захваченный у горцевъ скотъ, заживо раздираемый на части; кудахтанье перепуганныхъ птицъ раздается повсюду. Толпа въ тридцать и болѣе человѣкъ гонится за одной курицей, курица на крышѣ.... на деревѣ.... выстрѣлъ, упала.... споръ за курицу, а на деревѣ кричитъ испуганный солдатъ и крикомъ возбуждаетъ смѣхъ. Костры болѣе и болѣе увеличиваются. Составились кружки и громко раздается русская разгульная пѣсня. У маркитантской телѣги давка.

Наступила ночь. Зарево отъ пылающихъ жилищъ и костровъ охватило горизонтъ неба; то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, на крышахъ, среди пламени, на нѣсколько секундъ появлялась фигура человѣка и какъ видѣніе исчезала въ дыму. На широкой площадкѣ, громадные костры бивачныхъ огней бросали какой-то особенный свѣтъ и придавали оригинальность всему окружающему. Неясный, но шумный и веселый говоръ, стукъ топоровъ, ржаніе лошадей, оклики часовыхъ, споры у маркитантскихъ телѣгъ, гдѣ, какъ блуждающіе огоньки, мерцаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ фонарей и указываютъ путь всякому православному, желающему вкусить живительной влаги, пѣсни, раздающіяся со всѣхъ концовъ, перешиваясь съ ружейной пальбой въ цѣпи и рѣзкими, отдаленными гиками горцевъ, барабанами, кларнетами и т. д., увеличиваютъ эту оригинальность. При настоящемъ волшебномъ освѣщеніи, все это кажется хорошо, чудно и страшно.

Вдали отъ огней, въ полутуманномъ освѣщеніи, все кажется иначе. Что-то неясное, темное рисуется въ умѣ наблюдателя. Блуждающіе солдаты представляются тѣнями, окутанными въ черныя мантии. Когда же попристальнѣе взглядишься въ это неясное, темное, завидишь мохнатыя шапки, скрещенныя пики,

ряды ярко-блестящей стали штыковъ, между которыми еще грознѣе и мрачнѣе кажутся тѣни орудій, обращенныхъ страшными жерлами въ непріятельскую сторону и ежеминутно готовыхъ извергать смерть и разрушеніе,—тогда этотъ нестройно-разнообразно расположенный бивуакомъ отрядъ, въ составъ котораго входятъ регулярныя войска, представляетъ въ странномъ видѣ лагерь стройнаго войска.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ длиннаго ряда солдатскихъ огней, вокругъ небольшого костра, сидѣли офицеры на разостланныхъ буркахъ, разставлены были походныя принадлежности, во главѣ которыхъ была фляга 105° спирта. Фляга со спиртомъ горделиво красовалась на *погребчикѣ*, занимая почетное мѣсто среди незатѣйливой закуски. Водка, неизбѣжная принадлежность въ походѣ, на Кавказѣ, пользуется особымъ почетомъ, вѣроятно потому, что при всѣхъ торжествахъ и на пирахъ она открываетъ шествіе остальнаго поѣзда. Нѣсколько сухариковъ подобострастно окружаютъ флягу; вся же прочая закуска, не болѣе, какъ необходимая обстановка, разбрасывается въ беспорядкѣ.

Возвратился деньщикъ, бѣгавшій къ маркитанту *за осялкой осячиной*. Замѣтивъ, что чайникъ кипитъ, деньщикъ упалъ на колѣни и поползъ по буркѣ между офицерами къ погребчику доставать чайницу и чайный приборъ. Насыпавъ, *на глазъ*, на руку чаю, онъ вбросилъ его въ большой мѣдный чайникъ и снова поставилъ на огонь. Почти каждый изъ деньщиковъ убѣжденъ, что когда чай закипитъ вторично, то бываетъ вкуснѣе, тѣмъ болѣе, если онъ приготовленъ на водѣ, которою весь отрядъ пьетъ лошадей и быковъ.

Въ эту минуту близъ меня раздался голосъ :

— Гляди, гляди, вѣдь это нашей роты раненаго несутъ...

Подойдя къ носилкамъ, я узналъ въ раненомъ стрѣлка нашей роты.

— А гдѣ штабъ-лекаръ? спросилъ одинъ изъ рядовыхъ.

— Да Богъ его вѣдаетъ!

— Несите туда, къ ставкѣ отряднаго, сказалъ другой:— тамъ онъ давеча ходилъ. Авось найдете....

— Куда тебя угораздило? спросилъ у раненаго одинъ изъ товарищей.

— Въ правую ногу, повыше колѣна.... простоналъ раненый.

— Экъ, проклятая! замѣтили нѣсколько подошедшихъ солдатъ.

— Въ такую темень, а и то ранило. Видно, близко было? спросилъ одинъ изъ товарищей раненаго.

— Близко, очинно близко, слабымъ голосомъ отвѣчалъ больной.

Подняли носилки. Потревоженный раненый еще разъ простоналъ, и его понесли по отряду разыскивать медика.

«Грустно», подумалъ я: «долго придется носить бѣднягу», и отошелъ въ сторону.

Вдругъ раздался выстрѣлъ: граната полетѣла, и десятки разъ эхо повторило гулъ выстрѣла, унося его по оврагамъ все дальше и дальше. Одновременно съ выстрѣломъ взвилась ракета и, высоко поднявшись, описавъ огненную полосу въ пространствѣ, лопнула и разсыпалась звѣздочками. Загремѣли барабаны, заиграли трубы, и шумъ и крикъ людей, мычаніе скота, вой и лай собакъ,—все это слилось въ одно нескладное.... Но вдругъ все стихло. Весь отрядъ замеръ, окаменѣлъ, весь на ногахъ, но безъ словъ, со снятыми панахами, читаетъ вечернюю молитву... Торжественная минута!... Забыто все.... и нѣсколько тысячъ человѣкъ своею мыслию слились воедино, и мысль эта была—мольба къ престолу Предвѣчнаго.

Пробита зоря, окончена молитва, и опять пѣсни, говоръ и шумъ.

— Водку пить! закричалъ фельдфебель.

И смолкла пѣсня, прерываются начатые рассказы и бѣгутъ солдаты къ каптенармусу. Какая поднялась толкотня! Каждый спѣшитъ выпить скорѣе чару *жизнительной*, хотя и разведенной мутной, сырой водой, и разведенной не всегда добросовѣстно какъ каптенармусомъ, такъ и заступающимъ его мѣсто артельщикомъ.

Выпита водка. Въ разсыпную бѣгутъ солдаты на кухню. Въ походные котелки набираютъ кашицы и снова возвращаются къ своимъ кострамъ и козламъ, вытаскиваютъ торбочки; вынувъ сухари и соль, съ большимъ аппетитомъ принимаютъ за ужинъ.

Каша съѣдена.

— Становись къ расчету! раздается опять голосъ фельдфебеля.

Разбираются ружья, рота дѣлится на три сѣны: въ цѣпь, секретъ и резервъ,—и пошли солдаты на указанные мѣста.

Возвратилась дневная цѣпь въ колонну; люди пьютъ водку, ѣдятъ кашу,—и думается: вотъ лягутъ спать и наконецъ—то хотѣ.

нежного отдохнуть послѣ усиленнаго перехода. Ничуть не бывало: солдаты не знаютъ усталости; тутъ идутъ рассказы, прерываемые смѣхомъ и остротами; тамъ пѣсни, и, среди пѣсенниковъ, съ погремушками въ рукахъ, выплясываетъ удалой запывало. Удивительно! право, удивительно!...

Офицеры, съ трубками и папиросами, усѣвшись вокругъ огня, разсуждаютъ о приключеніяхъ прошедшаго дня; а ближе ко мнѣ, тоже у костра, человѣкъ десять играютъ въ штосъ. У нихъ на одномъ барабанѣ лежатъ карты, бумага, карандашъ и нѣсколько рублей серебромъ, а на другомъ—спиртъ и закуска, принадлежность, безъ которой трудно рѣшиться играть въ штосъ. Офицеръ, довольно плотный и краснощекій, мечетъ банкъ. Изрѣдка мертвая тишина прерывается громкими возгласами: «тузъ по десяти очко, на смарку, четыре съ боку», и т. д. Проходятъ офицеры, засматриваютъ, рассчитываютъ, ставятъ карты, выигрываютъ и проигрываютъ; иные уходятъ и опять возвращаются. Молодой офицеръ проситъ позволенія отыгаться—банкометъ отказалъ. Блѣдный офицеръ, съ подвязанною рукою, попросилъ позволенія играть до жалованья—позволено.... Играетъ—проигралъ, выбранилъ банкмета, отошелъ прочь, повалился на бурку; но, навѣрное, сонъ былъ далеко отъ него.

Молодые офицеры поютъ: «Ты не пой, соловей, подъ мои окна». Полковой адъютантъ подпѣваетъ вполголоса, но по временамъ, приходя въ восторгъ, водить головой и руками, усиливаясь попасть въ тактъ пѣсни.

Удовлетворивъ первымъ потребностямъ голода и усталости, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погулять по бивуаку отряда: поглядѣть на него и прислушаться къ интересному говору въ различныхъ кружкахъ.

Что ни шагъ впередъ, все болѣе и болѣе разнообразятся картины.

Подошелъ я къ бивуаку черноморскихъ козаковъ. Живописная группа усадыхъ потомковъ Запорожья привлекла мое исключительное вниманіе. Я подошелъ поближе, чтобы глубже всмотрѣться въ лица удалцовъ, на которыхъ отчетливо запечатлѣна привычка къ перенесенію боевыхъ трудовъ и всякаго рода тревогъ. И какъ хороша была эта неискусственно сгруппированная картина! Около пятнадцати черноморцевъ, въ различнаго рода, совершенно свободныхъ позахъ, сидѣли или лежали въ кругъ громаднаго костра; большая часть козаковъ

сидѣли на короточкахъ и курили изъ коротенькихъ трубочекъ, другіе помѣшивали что-то въ котелкахъ, поставленныхъ на жаръ. Черноморцы съ напряженнымъ вниманіемъ слушали разсказъ молодого козака-пластуна (*):

...«— Возвратившись вечеромъ съ работы, говорилъ пластунъ: — на дворѣ были сумерки — мы цѣлою семьей сѣли ужинать. Поѣли борщу. Постучался кто-то въ избу. Отворили. Вошелъ десятицкій и объявилъ, что велѣно отъ начальства собираться на кордонную линію. Кубань стала, и Черкесы, которыми ничто не мѣшало, начали нападать на хутора, на станицы, скотъ и имущество забирали, хватали даже людей....

«Отецъ мой былъ сильно боленъ. Отъ словъ десятицкаго у меня порядкомъ защемило у сердца. Мнѣ приходилось оставлять больного отца, старуху-мать, двухъ сестеръ и жену, съ которой не жилъ и году. Но дѣлать нечего: надо-тъ, такъ надо—скрѣпя сердце, я, обернувшись къ десятицкому, спросилъ:

— «А когда же, дядюшка, идти намъ надо?

— «Завтра безпремѣнно, отвѣчалъ онъ:—крѣпко наказывалъ атаманъ, чтобы, говорить, завтра утромъ уже козаки нашей станицы всѣ собрались въ правленіе, а я, говорить, скажу, куда имъ направляться.

— Ладно. Когда приказано завтра, такъ завтра утромъ Петро будетъ въ правленіи, отвѣчалъ мой батько.

«Десяцкій ушелъ; а мнѣ становилось не подъ силу, что такъ скоро придется покинуть семью родную. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, думалъ я, какъ отпустили меня послѣ двухъ лѣтъ на льготу, а уже опять требуютъ. Долго нажился—хороша льгота! Вотъ отчего и хозяйство все такъ скоро пропадаетъ. Бѣда, ей-Богу, бѣда съ такой жизнью. И понурилъ я голову.

— «Чого жъ такъ засумовавъ, Петро? Молись Богу да лягай спать. Чи сежъ впервые, ще не разъ и не такъ прійдеться.

«Помолились, уложились спать; да что за спанье, когда у тебя думки голову ворочаютъ, когда знаешь, что завтра выйдешь изъ дому и Богъ знаетъ когда возвратишься... да и возвратишься ли?

«Жена тихо плакала, чтобы не тревожить больного отца, который разболѣлся такъ, что стоналъ на всю хату. Не до сна было. Плакать и мнѣ хотѣлось, однако выдержалъ, закрылъ

(*) Имена и фамилии дѣйствующихъ лицъ сохранены настоящія, такъ какъ лица эти не выдуманы; нѣкоторые живутъ и до сихъ поръ.

глаза и лежу. Жена припала ко мнѣ и плачетъ—еще больше и жалче стало разставаться съ домомъ....

«Нѣтъ, думалъ я, козаку уже совсѣмъ не приходится жениться. Что за житье, когда нельзя и пожить какъ слѣдуетъ! Ужъ, право, лучше бы и бабъ не было, какъ у дѣдовъ нашихъ: тогда бы и зналъ, что вольная птаха, и не горѣвалъ бы....

«Утромъ встали. Я пошелъ въ станицу; а мы съ версту отъ нея на хуторѣ жили. Пришелъ въ станичное правленіе, а тамъ уже человѣкъ двадцать братьевъ (козаковъ) сошлись и сумуютъ (горюють) о походѣ на кордонную линію.

«Вошелъ станичный атаманъ.

— Ну, брати, сказалъ онъ: — получивъ я повѣстку, щобъ собрать васъ и отправить до Екатеринодару и щобъ якъ можно поспѣшали, а то, кажутъ, тамъ на линіи ни якого спокою не дае проклята Черкесня. Такъ рушайте, брати, щобъ до вечера ви були въ Екатеринодари.

— Слушаемъ, батьку: поїдемъ, сказали козаки.

«— Ну, прощайте, счастливой дороги, помогай Бігъ!

«Разошлись мы. Вернулся я домой и сталъ собираться, да какъ погляжу, погляжу кругомъ, такъ-такъ морозъ по кожѣ и подереть.

«Собрался. Батько перекрестилъ, мати заплакала, кинулась на шею, а съ другой стороны жинка повисла: такъ мнѣ жалко было, словно на смерть шелъ.

«Попрощались. Взваливъ торбочку на плечи, насунувъ папаху на очи, пошелъ я не оглядаючи къ пріятелю Роману: мы съ нимъ сговорились идти вмѣстѣ. Прошелъ съ полверсты—не выдержалъ: оглянулся назадъ; а мати и жинка стоятъ и смотрятъ за мною въ слѣдъ. Эхъ, жалко стало!...

«Пришелъ къ Роману, да и говорю: Готовься. Поїдемъ скорѣе.

— Ходимъ, брате Петре! Я вже совсѣмъ злагодився.

«Пошли. Ну, дорогою нагнали другихъ козаковъ; да все скучно. Ну, и другіе — тоже: кто, какъ и я, пооставляли батька, и матюрь, и жинку, такъ не слишкѣмъ-то весело будетъ; а у иншаго чи мала семья на рукахъ, на его худоби держится; маленьки дитки; а теперь, теперь Богъ его зна, що буде. Можетъ быть, ту же ночь набѣгутъ Черкесы и вырѣжутъ или заберутъ въ плѣнъ всѣхъ. Розно думалось; да нечѣмъ пособить было, Уже, видно, такъ козаку на роду написано....

«Сумовали, сумовали, а все таки до Екатеринодара поздно вечеромъ пришли; явились къ начальству. Съ разсвѣтомъ разослали насъ по постаиъ.

«Правда, опаски много было, такъ что каждый часъ ожидали: вотъ, думали, пропрется проклятая Черкесня.

«На кордонѣ, съ первой же ночи, мнѣ пришлось порядкомъ понабродиться и начухаться.

«Дней черезъ десять пришелъ лазутчикъ въ кордонъ. Балакали (*), что Черкесы на кордонъ нападать будутъ. Эсаулъ, начальникъ кордона, приказаніе отдалъ, какъ можно строже смотрѣть въ ночное время; да оно и напрасно было: и такъ всегда досмотръ за проклятыми идетъ самый хозяйственный.

«Ожидали, что ночью нападать будутъ; а оно вышло совсѣмъ не такъ. Передъ обѣдомъ прискакалъ козакъ и отдалъ пакетъ эсаулу. Позвали урядника; приказано готовиться къ набѣгу. Изъ нашего кордона приходилось двадцать человѣкъ, да пластуновъ тоже человѣкъ десять, и чтобы къ вечеру уже намъ быть у Александровскаго кордона.

«Наскоро пообѣдавши, мы отправились. Пришли къ кордону, когда совсѣмъ уже стемнѣло. Козаковъ собралось у кордона *чи мало* и четыре пушки стояло. Не было мѣста въ казармахъ: намъ пришлось на дворѣ ожидать. Холодно было, крѣпко холодно, и народу въ казармахъ такъ набилось, что и погрѣться бы хотѣлъ; да мѣста нѣтъ и иголкой кольнуть некуда. Огня разводить не приказано, чтобы Черкесы не узнали, что начальство наше поведетъ насъ въ горы; такъ до выступленія мы таки порядкомъ намерзлись.

«Въ полночь, по приказанію, собрались побаталіонно и повели насъ. Перешли Кубань и повернули влѣво, не дорогою, а такъ, черезъ *плавни* (**). Что уже хлопотъ-то набрались мы! просто бѣда: *копьяки* (***) такіе, что и днемъ ногу выломаешь, не только въ такую *темять*, какъ мы пробирались. Намъ, пластунамъ, все еще ничего, не привыкать стать; хотя я и молодой еще, а все-таки разъ двадцать въ такія же ночи приходилось ходить. Ну, а конница и артиллерія наплакались.

«Идемъ да идемъ... какъ можно, тише приказано. Ну, нашъ братъ шуму не надѣлаетъ; а уже пушка не вбережется, щобъ не

(*) Говорили, рассказывали.

(**) Болото, покрытое камышомъ, и на немъ топа.

(***) Кочки, остающіяся послѣ того какъ вода, по разлитіи, высохнетъ.

грохнуть, або коняка щобъ не споткнуться, не фыркнуть, а инша и зарже: звістно, скотина не разуміе, що треба тихо.

— Въ пластуновъ бы повчилася, замѣтилъ одинъ изъ слушающихъ.

«Подошли мы къ аулу, продолжалъ рассказчикъ. Отрядъ остановился версты за три, а насъ четырехъ командировали впередъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли черкесскихъ бекетовъ и можно ли пройти подъ самой аулъ всему отряду.

«Пошли мы и не болѣе, какъ версты полторы прошли, замѣтили, что среди густыхъ кустарниковъ что-то блещитъ.

— «Это, братъ, огонекъ, сказалъ урядникъ Строкачъ:—вы всѣ знаете его: это тотъ, что на кабанивъ ходитъ, а Черкесия ловить.

— Знаемъ, знаемъ! закричало нѣсколько голосовъ, а одинъ старикъ сказалъ:

— Когда Петро кончить, такъ и я расскажу про его гисторію.

— Добре, добре, диду! подхватили всѣ хоромъ.

— «Ну, продолжалъ Петро:—какъ только, знаете, сказалъ нашъ урядникъ, что это огонекъ, то мы сейчасъ и начали совѣтоваться, какъ бы намъ лучше подойти, чтобы на случай Черкесия разложилась съ богатствомъ (съ огнемъ), такъ щобъ не выпустить изъ рукъ.

«— Слушайте, лишень хлопцы, шопотомъ говорилъ урядникъ: — отцей бекетъ безпримінно намъ треба вничтожить; а то не намъ, не отряду нельзя пройти безъ опаски. Отъ ище трохи треба подойти, а потимъ якъ полизимъ, то я дамъ повістку по *шекалчеху* (*), тогда съ разу кинемся и подавимъ ихъ.

— «Добре, такъ и зробимъ, сказали мы.

— «Ну, такъ рушаймо жъ, хлопцы; а то вже не рано.

«Лѣсъ былъ очень густой и копяковъ пропасть такая, что непривычный челоуѣкъ непремѣнно бы голову разбилъ. Маленькій вѣтерокъ дулъ, и потому не такъ было слышно нашу походку. Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ тише и тише становилась нога на сучья и копяки; а уже шаговъ за двѣсти отъ огня мы поползли. Когда оставалось шаговъ семьдесятъ до черкесскаго бекета, урядникъ *тискнулъ*. Мы остановились, а онъ поползъ дальше.

«Мы могли разсмотрѣть, что дѣлалось у черкесскаго огня.

(*) Пластуны подаютъ другъ другу сигналы, подражая птицамъ и звѣрямъ, чѣмъ легко обманываютъ горцевъ.

«Костеръ догоралъ. Подлѣ него сидѣли четыре Черкеса, пятый ходилъ на часахъ. Два, должно быть, что-то варили, а трое рассказывали, и къ намъ долетали ихъ голоса.

«И четверти часа не прошло, какъ урядникъ полѣзъ осматривать мѣстность, а погода совсѣмъ переѣнилась: поднялся сильный вѣтеръ, нагнало тучи,—гримъ якъ гримне да блискавку якъ выпустить, такъ вона изъ темной ночи день робила. Вѣтеръ такой разыгрался—такъ, казалось, и вырветъ съ корнями лѣсъ и унесетъ его Богъ знаетъ куда. Мы положили, что полетѣть же дожище препорядочный, чего намъ только и надо было.

«Черкесскій огонекъ отъ вѣтру разгорался сильнѣе, а самые Черкесы, закутавшись въ бурки и набросивши башлыками папани, громко кричали: «Алла, Алла!»

«— Долго что-то нѣтъ урядника, сказалъ Хома Безвредный.

«— А что, боишься, чтобъ безъ него тебя не забрали?

«— Да нѣтъ, а я думаю уже далеко за полночь, а вѣдь еще до свѣта надо успѣть отрядъ провести.

«— Смотри да поглядывай хорошенько, когда Черкесы лягутъ спать, такъ онъ вернется и скажетъ, что дѣлать.

«Немного погодя, слышимъ, что-то тихо треснуло и приостановилось.

«— Псѣ... пискнулъ тихо я.

«Урядникъ отозвался (это былъ онъ) и подползъ къ намъ.

«Онъ началъ отдавать приказанія, но только такъ тихо, что и шелестъ засохшихъ листьевъ и его приказанія совсѣмъ не разнились.

«— Ты, Петро, шепталъ онъ:—пожвавѣе, такъ кинешься на часового, да и положи его отъ разу, а потомъ намъ помогай; ты, Хома, на того, что подлѣ огня лежитъ; а мы съ тобою, Герасимъ, должны управиться съ остальными, покуда хлопцы будутъ возиться съ тѣми. Глядите же, чтобы даромъ времени не терять и никакого шума не дѣлать. Съ Богомъ!...

«Вытянулъ я изъ ноженъ кинжалъ... полѣзли... Вотъ лѣзу и уже близко. Голова такъ и трещитъ, сердце, кажется, выпрыгнетъ, сильно билось и морозъ по коже пробѣгаетъ; шаговъ на пять подползъ, смотрю на часового, а онъ такой здоровенный, что хотя бъ и огня не было, такъ и въ темной хатѣ видно бъ было.

«Онъ тоже сталъ смотрѣть въ нашу сторону, а и не замѣчаетъ того, что сзади его на сонныхъ товарищей крадутся пластуны.

Я, сидя за дубомъ, глядѣлъ на огонекъ и вижу, лѣзутъ братья уже очень близко.

«Я тогда еще перебрался ближе на одно дерево да разомъ какъ кинусь на часового, такъ онъ, не спамятовавшись, и гвинтовку изъ рукъ выпустилъ; а я, обхвативши его по пріятельски лѣвой рукой, въ ту же минуту правой всадилъ кинжалъ прямо въ сердце по самую рукоятку... И не пискнулъ бѣдняга. Чтобы не надѣлать шуму, я осторожно опустилъ его на землю, а для вѣрности, чтобъ не обманулъ, еще наскоро ткнулъ ему кинжаломъ въ бокъ. Но, видно, хорошо пришлось и отъ первого раза: *ни дригнулъ*.

«Покончивъ дѣло съ часовымъ, я мигомъ подскочилъ къ одному изъ спящихъ и всадилъ ему кинжалъ между плечъ: заревѣлъ проклятый такъ, что аулъ и лѣсъ дрогнули. Урядникъ, дядько Герасимъ и Хома Безвредный возились съ схватившимися Черкесами. Только что я, вынувши кинжалъ, хотѣлъ ударить имъ еще разъ, какъ Черкесь съ силою поворотился подо мною, и я, не ожидая такой штуки, полетѣлъ назадъ и очутился подъ гаспедскимъ Черкесиномъ, который надавилъ меня съ такою силою, что мнѣ небо съ овчинку показалось, и я думалъ, вотъ когда пришелъ конецъ мой. Кровь изъ Черкеса лилась мнѣ въ лицо, руки мои какъ-то запутались подъ буркой, и, несмотря на всѣ усилія, я не могъ свалить его съ себя. Вдругъ рука Черкеса поднялась, и передъ глазами моими сверкнулъ кинжалъ. Сердце замерло... Встрепенулся я, и Черкесь въ одинъ мигъ лежалъ подо мною; колѣномъ нажавъ на руку съ кинжаломъ, я старался только продержатъ немного, чтобы получить помощь со стороны моихъ товарищей, а то видѣлъ я, что здоровъ, проклятый: не управляюсь.

«Ни съ того, ни съ еего кинжалъ выпалъ у него изъ руки, и вскрикнулъ мой Черкесь, потянулся да и глаза закрылъ, и не борется. Видно, рана не легка была. Замѣтивши, что не дышетъ онъ, я осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что дядѣ Герасиму не повезло, какъ и прочимъ товарищамъ: все возлиось.

«Опрометью кинулся я, но не успѣлъ: кинжалъ проклятаго нечестивца два раза погрузился въ тѣло дядьки. Еще разъ хотѣлъ Черкесь ударить дядьку; такъ нѣтъ, не довелось: я такъ дернулъ его, что онъ вскрикнулъ, кинжалъ выпустилъ и ужъ больше не вставалъ. Только что хотѣлъ я подать помощь другимъ, какъ уже дѣло кончено было. Герасимъ лежалъ. Мы къ

нему, а ужь онъ и не дышетъ, бѣдняга: Богу душу отдалъ. Плакать некогда было; а заплакалъ бы—крѣпко жалко: славный былъ пластунъ. А тоже, и живка была, и дѣтки сиротами остались...

«Обобрали мы убитыхъ Черкесовъ, а одного такъ урядникъ умудрился и живаго забрать. А чтобъ, въ случаѣ прійдетъ смѣна, свой слѣдъ не открыть, мы тѣла затащили въ кустарникъ, огонь подложили и кровь затоптали, какъ будто бекетъ черкесскій въ обходъ пошелъ. Дядьку Герасима тоже въ примѣтномъ кустѣ схоронили, а подлѣ него положили связаннаго живаго Черкеса; ему и ротъ завязали.

«Пошли дальше въ аулъ, разузнали, куда и какъ дорога лежитъ; назадъ возвращаясь, зашли, забрали тѣло покойнаго дядьки Герасима и живаго Черкеса повели въ отрядъ.

«Провели отрядъ мы въ аулъ такъ, что и собака не одна не залаяла; обложили кругомъ и до разсвѣта пролежали подъ плетнями.

«Какъ только разсвѣло, бросились въ середину. Черкесы, совсѣмъ перепуганные, выскочили. Кто изъ нихъ успѣлъ захватить оружіе, тотъ дрался до смерти; живыхъ мало довелось взять намъ, даже бабы—и тѣ на штыки налѣзали. Однакожь, воловъ, лошадей и другой скотины взяли довольно и человѣкъ съ десять плѣнныхъ понабралось.

«У насъ тоже раненыхъ человѣкъ съ двадцать было. Подожгли аулъ со всѣми запасами и пошли въ обратную.

— «Лучше бы и не вспоминать... бѣда какъ горько становится на сердцѣ, когда вспомняешь объ этомъ времени!

«И пластунъ заплакалъ.

— «Чого жъ не плачешь, якъ мала дитина, отозвался сѣдовласый пластунъ, съ выраженіемъ самаго сердечнаго участія:— що вже було, то все по воли Божои: такъ чого жъ раздумсявся? Може ще й не то буде. Сказано: всі мы люде, подъ Богомъ живемъ.

— «Добре, диду, вамъ разсказувать, а мени якъ було... Не знаю, что же можетъ быть страшнѣе—видѣть почти всю семью свою перерѣзанную. Я вотъ разскажу:

«Только что возвратились изъ отряда, такъ на третій или на четвертый день стала такая оттепель, что Кубань начала ломаться, а чрезъ недѣлю уже совсѣмъ ледъ потрошило.

«Такъ какъ опаски никакой не было, то насъ и распустили по домамъ.

«Я не шелъ, а бѣжалъ домой, съ пріятелемъ моимъ Романомъ,

да не въ пору: добѣжали бы немного раньше, совсѣмъ бы не то было.

«Передъ разсвѣтомъ доходилъ я съ Романомъ къ своему хутору и все подгонялъ его идти скорѣе, какъ будто бы мнѣ сердце вѣсть подавало, что дома плохо. А когда въ знакомомъ окнѣ блеснулъ огонекъ, забилося у меня сердце; удвоилъ я шаги, а за мной и Романъ побѣжалъ. Побѣжалъ я къ избѣ, слышу крикъ, потомъ выстрѣлъ, и тихо все стало. Сердце перестало биться, вдругъ охватило меня всего жаромъ и сколько силы достало, побѣжалъ... вскочилъ въ избу... Только въ дверь... Не дай Богъ что увидѣлъ я! въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась, чуть не упалъ. Но вмигъ все прошло, когда осмотрѣлся и завидѣлъ четырехъ Черкесъ, съ кинжалами въ рукахъ, заставлявшихъ несчастную мою мать указать, гдѣ лежатъ деньги. Отецъ!... отецъ мой плавалъ въ крови!.. Связанная жена лежала тоже на полу.

«Курокъ шелкнулъ, и одинъ проклятый упалъ на землю. Романъ убилъ другаго; а оставалось еще двое перепуганныхъ. Ударомъ приклада я вмигъ повалилъ на землю одного, а Романъ и замахнуться не успѣлъ, какъ Черкесъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и Романъ упалъ.

«Какъ сумасшедшій, бросился я на Черкеса и, сваливъ съ ногъ, началъ давить его; захрипѣлъ, потянулся и здохъ.

«Я схватился съ него, хотѣлъ батькови помощь подать, но вдругъ вижу: очнулся еще тотъ, котораго я прикладомъ ударилъ впервые, и встаетъ. Прости Господи согрѣшеніе: я ножъ выхватилъ и разъ пять всадилъ его по рукоятку въ глотку Черкеса—кровою облился.

«Романъ застоналъ; но забылъ я о немъ: тутъ же лежали мой отецъ, мать и жена молодая.

«Бросился я къ отцу: онъ зарѣзанъ, не дышетъ. Закричалъ я сколько силы было. Отъ него бѣгу къ матери: она стонетъ, несчастная, въ безпамятствѣ, и течетъ кровь съ нея. Чтò тутъ дѣлать, не знаю, совсѣмъ растерялся. Я къ женѣ, ножомъ разрѣзаю веревки; а она тоже со страха обомлѣла. Бѣда... стояло ведро съ водою: я схватилъ и давай лить съ него, то на мать, на отца, на жену, на Романа. Побѣжалъ въ сѣни, почерпнулъ еще воды и не вспомню, сколько я лилъ ея; да, благодареніе Богу, помогла. Жена открыла глаза, а потомъ вдругъ схватилась, взглянула кругомъ и бросилась на шею ко мнѣ.

— «Пётре, Пётре!... милый Пётре, спасай батька... ненью... убили...

— «Ганно! мила моя, бери маму, положимъ ей скоріше на кровать, да давай тряпокъ: надо раны перевязать, а то кровью сойдетъ.

«Перенесли мы маму и торопились перевязать рану въ лѣвомъ боку.

«Слышимъ, стонетъ Романъ и Черкесы стонать начали. Прости Господи, согрѣшилъ предъ Тобой; но, не помня себя отъ злости, я, услышавши стонъ Черкесъ, бросился и давай ножомъ колоть во что ни попало.

«Не могли они защищаться; но мнѣ отраднo было смотрѣть на кровь вражью, весело было слышать предсмертные стоны разбойниковъ.

«Оглянулся назадъ: съ земли подымается Романъ, весь въ крови и шатается.

«Бросилъ я Черкесъ и на помощь къ нему: воды далъ, на лавку усадилъ, смотрю, куда раненъ—въ голову, да не крѣпко: слава Богу, пуля вскользь прошла по виску. Обмотавъ ему голову, я подошелъ къ отцу и сталъ плакать; жена тоже вой подняла. Мать открыла глаза и плачетъ и стонетъ.

«Разсвѣло. Роману полегчало. Я сейчасъ побѣжалъ по сосѣдямъ. Собрались. Отца моего хоронили; а черезъ два дня и мать повезли на кладбище.

«Романъ выздоровѣлъ скоро.

«Недѣли черезъ три Богъ далъ мнѣ сына; да худенькій, тощенькій такой вышелъ, что и не выдержалъ: умеръ дней черезъ пять. Жена и теперь все болѣетъ, а ночью только глаза зажметъ, такъ сна нѣтъ, кричитъ и плачетъ... Все ей кажется, кличутъ ее, называетъ по имени отца и мать, и къ сыну просится...»

Козакъ кончилъ, грустно опустилъ голову, задумался; задумались и всѣ окружающіе. Каждый понималъ скорбь молодого рассказчика; всякій изъ нихъ былъ отецъ, братъ, мужъ. Слѣдовательно, въ каждомъ чувствѣ Петра были чувства, знакомыя всѣмъ.

— Гарна штука, сумно робится, не хай ему, сказалъ сѣдовласый пластунъ: — все плачь да плачь.... Хоть бы трохи повеселить васъ дити, мои.... Отъ постоите лишень, я расскажу, про козака *Строкача*, винъ и теперь поживаете, слава Богу.

— Слухаемъ, диду, що вы намъ расскажете веселаго, мабуть не богацько найдеться.

— Побачишь.... слухай....

— «Вся Черноморія знаетъ *Строкача*, началъ такъ старичокъ: — да не только Черноморія, всѣ Черкесы знаютъ его: онъ имъ не мало школы надѣлалъ. А такъ шкодливый пластунъ, нехай ему легенько згалается.

«Первая забава у него—это ходить на кабановъ на охоту; да, видите ли, ему мало кабановъ по этой сторонѣ: такъ онъ въ черкесскіе камыши ходитъ.... подумаешь справди, на кабановъ; а онъ такъ-таки просто на Черкесовъ. Бывало спрашиваешь его: куда собираешься?

— «Да, говорить, совсѣмъ обпоснлся, такъ пойду да кабана убью, такъ хошь постолы будутъ, а то ходить скоро не въ чемъ будетъ.

— «Брешешь, говорю, не та у тебя думка.

«А оно и вѣрно, что такъ. Бывало выйдетъ съ вечера да дня три и прошляется, Богъ его знаетъ, гдѣ ходитъ, а прійдешь къ нему, у него видишь проявилась и гвинтовочка въ серебрѣ, и шашка, и кинжалъ, да и бешметы и черкески хорошіе развѣшены въ хатѣ.

«Признайся», говоришь ему; такъ нѣтъ, и сякой, и такой, и не мазаный, и Богъ знаетъ какой, что и не видѣлъ и не слыхалъ. Ужъ такая натура у него!

«Одинъ разъ встрѣчаю его—съ ружьемъ идетъ.

— «Куда? спрашиваю.

— «Да иду, говорить, на охоту.

— «А на какого звѣря?

— «На кабановъ... на кого же больше.

— «Смотри братъ, говорю:—доходишься, что и тебѣ туго будетъ.

— «И до самисенькой смерти ни чого не буде.

«Прощю дня три. Я сижу на призывѣ (*). Гляжу, бредетъ *Строкачъ*, и что-то невеселый.

— «Что, братъ съ пустыми руками? видно, охота не посчастливилась?

— «Какое тутъ посчастливилось. Чуть братъ меня не забрали Черкесы.

— «Да оно такъ когда нибудь и будетъ. А что такое случилось?

(*) Около стѣнъ крестьянскихъ избъ дѣлаются земляныя насыпи, оплетенныя лозою, въ видѣ скамеекъ. Это—любимое мѣсто предающагося кейфу труженика-воина черноморскаго козака, какъ и у родича его малороссіянина.

— «Да что тутъ рассказывать. Вотъ одѣнься, возьми ружье. Кабанъ мой на той сторонѣ остался: такъ пойдемъ заберемъ.

— «А что же ты самъ не взялъ?

— «Слушай, вотъ какъ дѣло было: хотѣлъ я походить тутъ по плавнямъ, чтобъ кабана или козу убить, самъ не замѣтилъ, какъ я сбился съ дороги и попалъ за Кубань, въ черкесскіе плавни.

— «Рассказывай, только не морочь. Ты съ плавнѣмъ сбился? Что это ты, на дурнаго попалъ? Есть ли кустикъ и на черкесской землѣ, чтобы ты его не зналъ!

— «Такъ и самъ не знаю какъ.... одурѣлъ, право слово, одурѣлъ... Ну, да все равно. Вотъ слушай дальше. Забрался я въ черкесскіе плавни и вижу, что нетуда попалъ, куда хотѣлось; но, думаю, нечего дѣлать, надо уже было тамъ остаться и поохотиться. Только хотѣлъ свернуть съ битой дорожки въ камышъ, глядь, Черкесь бѣжитъ. Думаю себѣ, что дѣлать? Онъ меня не видитъ: давай запрячусь и просижу въ камышахъ. Пусть его пройдетъ. Богъ съ нимъ! что намъ съ нимъ драться! Отбѣжалъ отъ дороги въ сторону шаговъ на пять и схоронился въ густомъ камышѣ. Сажу да и самъ не знаю, какъ ко мнѣ думка пришла о томъ: что бѣ, напримѣръ, сдѣлалъ Черкесь, если бы на моемъ мѣстѣ былъ. Пропустилъ бы онъ меня такъ, какъ я его хочу пропустить, или убилъ бы?...

«Убилъ бы, думаю, и черкеску бы съ меня снялъ, и ружье забралъ, да и надъ тѣломъ моимъ поглумился. Или, думаю, когда бы онъ пришелъ на нашу землю, сбившись съ дороги, такъ билъ ли бы только козъ и кабановъ? Нѣтъ, они кабановъ не ѣдятъ, а за козами не охотятся; а искалъ бы онъ, нельзя ли гдѣ скотину козацку захватить или лошадку, а то и самого козака, а что и всего хуже, козакову жену, дѣтей, мать или отца. Такъ меня эта думка разсердила и досадно стало, что я даю ему опрѣхать и не пугаю его. Тутъ-то я и не выдержалъ: взвелъ курокъ да какъ стрѣльну. Такъ только напугать хотѣлъ.... право; а онъ и въ самомъ дѣлѣ—незначай что ли пуля его задѣла—и хлопнулся съ коня и коняки не удержалъ: побѣжала она въ обратную. Хотѣлъ было перенять ее, чтобы отдать ему—а то вѣдь пѣшкомъ ему приходится идти: такъ нѣтъ—такая шустрая, что ничего не сдѣлаешь—ушла. Она-то мнѣ, видно, и напакостила. Жалко, думаю, коня, а еще жальше черкесина, что если онъ, падая, забился нехорошо! Я подбѣжалъ къ нему, хотѣлъ руку

подать, чтобъ легче встать было; а онъ и не встаетъ. Почерпнулъ воды, даю напиться: думалъ полегчаетъ, нагнулся, братъ ты мой, къ нему, а онъ и не дохветъ. Бѣда, думаю. Что тутъ дѣлать? Началъ скорѣе распоясывать ремень у него—а то вѣдь, знаешь, какъ они перетягиваются — думаю, авось пособить: снялъ верхній ремень, а на немъ шашка привязана. Положить некуда: на землю — запачкается, вѣшаю на себя, разстегиваю другой — нѣтъ, не лучше, а кажется ужъ совсѣмъ свободно.... не дышетъ, хоть ты что хошь.... Я и спохватился. Да ему тяжело оттого, что оружія много. Давай скорѣе снимать винтовку и пистолы, кинжалъ и пороховницу; потомъ снялъ бурку, черкеску. Да все, братъ ты мой, долженъ былъ надѣвать на себя; а то просто некуда. Совсѣмъ, кажется, легко стало ему и морозъ порядочный, а не ворухится. Чтобъ въ биду не попастьъ, давай лучше затащу его въ камышъ: пусть тамъ лежитъ; можетъ быть, прійдетъ въ себя, такъ спасибо скажетъ, что съ дороги стащилъ, что по немъ конякою не переѣхали. Положивъ его хорошенько въ огромнѣйшій терновый кустъ, пошелъ самъ дальше, и такъ мнѣ его жалко стало оставлять одного, что я рѣшился, во что бы то ни стало, пріискать ему пару; а то что же, въ самомъ дѣлѣ, одному лежать, можетъ быть онъ привыкъ жить семействомъ.

«Иду все дальше и посматриваю направо и налево. Недалеко прошелъ.... только чтобы не соврать, съ четверть версты. Я и не зналъ, что тутъ близко аулъ.

— Бреешь, сказалъ я ему.

— Ну, ну!...

«Вижу, человѣкъ не меньше какъ десять Черкесъ ѣдутъ, братъ ты мой, рысью. Э це, подумалъ я, не переливки, видно, уже смерть моя приходитъ. Куда мнѣ подѣться несчастному: на такомъ открытомъ мѣстѣ захватили, что ни камышу, ни кустовъ нѣтъ. Какъ приструнилъ я, приструнилъ, какъ побѣждалъ я, побѣждалъ, такъ я тебѣ скажу, что и лисица бы меня не догнала. У меня только сердце тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ, и душа, братъ, ниже пять забралась. Бѣда какъ бѣжалъ я! Куда, думаю, удариться лучше? Да куды! на островъ: островъ весь въ кустахъ, а кругомъ вода и хмеречею (*) чисто весь поросъ. Тамъ думаю: какъ добѣжу, такъ ще потягаюсь съ проклятыми невірами. А островокъ тотъ такой славный: кругомъ трясина и топь такая, что конному

(*) Густой кустарникъ или камышъ, или куща.

ни зимой, ни лѣтомъ проѣхать нельзя, а кустарникъ такой густой, что хоть и листу нѣтъ осенью, такъ за бурьяномъ ничего не видно.

«Бѣгу къ острову, а душа такъ и замираетъ... не отъ страху, ей Богу, а отъ жалости, что одинъ — скучно. Черкесы какъ припустятъ, братъ ты мой, какъ припустятъ, у меня ажъ въ глазахъ помутилось; а я все бѣжу, думаю соби, якъ не втечу, поймають, то пропаду я ни за цапову душу.... Ажъ шлепъ, влизъ по поясъ въ трясины. Ну, слава тебѣ Господи: карабкаюсь, вскочивъ въ болото по шію — выскочивъ на островокъ, да только что успѣлъ вскочить въ первый кустъ, а уже и Черкесы вскочили въ плавни.

«Я схватилъ черкеску, что съ убитаго у меня невзначай осталась, и давай ее развѣшивать въ кустѣ, а самъ скорѣе перескочилъ въ другой кустъ, и думалъ, теперь-то и удеру изъ куста въ кустъ, думаю, какъ разъ вскочу въ камышъ; да нетуть-то было. Я таки вдоволь страху набрался, приструнили анафемы.

«Подбѣжали къ кусту, завидѣли черкеску. Одинъ дурный и выстрѣлилъ, да такъ славно нацѣлилъ, что меня въ третьемъ кустѣ, вправо отъ того, гдѣ развѣшена черкеска, чуть-чуть не убилъ. Удружилъ бы, пропадай его голова! Бросились всѣ въ первый кустъ и стали пробираться въ средину его, глядя на черкеску и думая, что это я убитый. Я сейчасъ поставилъ бурку и надѣлъ на нее папаху, хотѣлъ уже пробраться въ слѣдующій кустъ, да свиняча у меня натура: чѣмъ бы убираться скорѣе подобру-поздорову, я ще играшки съ ними вздумалъ вести: они какъ бросились въ кустъ, такъ сбились совсѣмъ въ кучку. Я думаю, славно бы и выстрѣлить теперь: какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ. Какъ тарарахну въ кучку, такъ только, что называется, перья посыпались. Что крику да стону было, такъ просто смѣхъ! Переранило ихъ таки порядкомъ, я думаю, не меньше, какъ человѣкъ двухъ или одного.

«Озлобились они, кинулись къ кусту, гдѣ былъ я; да не тутъ-то было: я, оставивши бурку накрытою папахою, только что выстрѣлилъ, самъ живо перебѣжалъ въ задній кустъ. Тутъ уже мнѣ, по всѣмъ примѣтамъ, надо было пропадать: трудно было добраться, потому что шаговъ двѣсти оставалось до камыша чистой гладкой поляны, такъ что и былинки не было, за что бы сирятаться. Думалъ, когда займутся тѣмъ кустомъ, я рискну и успѣю пробѣжать эту чистоту, и не видать имъ меня,

какъ смаленаго зайца, но не тутъ-то было. Нѣсколько изъ нихъ бросились къ тому кусту, а одинъ съ гвинтовкою въ рукахъ шелъ прямо на меня. У меня оставался еще заряженный штуцеръ, потому что я выстрѣлилъ только изъ гвинтовки, я могъ бы стрѣлять; но то былъ послѣдній выстрѣлъ, а онъ держится на такой случай, когда именно съ жизнію разставаться приходится. Я удержался, взвелъ курокъ и смотрю на бѣгущаго прямо къ кусту Черкеса. Храбрый, однако, и Черкесь былъ: такъ-таки и набѣжалъ на кустъ, остановился и началъ разсматривать, держа, однако, передъ собою винтовку, да только дуломъ не впередъ, а кверху, и такимъ порядкомъ спокойно влѣзаетъ въ кустъ.

«Видно, бестія думалъ, что я въ томъ кустѣ, гдѣ былъ выстрѣлъ, потому что лѣзетъ въ кустъ рѣшительно безъ всякаго страха, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, за зайцемъ гоняется или птичье гнѣздо деретъ. Досада меня взяла. Эхъ, думаю, убить не убью, а уже знаю — якъ провчу, що на всю жизнь. Еще сдѣлалъ онъ шагъ и почти наткнулся на меня. А густота была такая, что надо было морду съ мордой сложить, чтобы увидѣть другъ друга.

— «А тю.... дурный! крикнулъ я, сколько было у меня силы.

«Какъ выскочить отъ меня Черкесь да какъ побѣжить, такъ какъ чортъ отъ ладану, и гвинтовку свою выпустилъ; а я сейчасъ прибралъ къ себѣ. У меня теперь было опять два заряженныхъ ружья. Значитъ, когда они кинутся на меня, такъ я уже дѣйствовать могу сподручнѣе. У меня такое заведеніе было, что заряжу ружье пулею, а потомъ, для вѣрности, штукъ съ восемь или десять картечинъ впущу, такъ воно и надежнѣе, да уже и вирнѣ бьетъ: если не попадешь двоихъ, то вже одного навѣрняка подсадишь. Самъ себя веселю, думаю, что у меня и ружья заряжены и пистолы два заряженныхъ; а Черкесовъ только четверо осталось противъ меня, потому что ранилъ одного да *перелякавъ* до смерти другаго: такъ чого жъ тутъ бояться?

«Какъ завидѣли Черкесы, что товарища ихняго такъ перепугалъ, что со страху онъ и гвинтовку бросилъ, такъ начали смѣяться, що ажъ минн весело стало. Они прятались тоже въ кустахъ, такъ, что только голоса ихъ слышны были. Отъ и кричать мнѣ:

— «Эй, Иванъ, шалтай болтай шепъ — гайда сарай!... Чортовы дурни, думали, якъ скажуть: Иванъ, да ще нагородять бісь знае чого, такъ воно чисто по руськи буде.

— «Якъ разъ, чорта съ два, менѣ живого возьмете, отозвался я по черкесски:—ще такъ зо мною на сухую не кончите, ще кого нибудь убью, а менѣ не подстрѣлите, чортовы дити! А все-таки, правду треба сказать, я крѣпко праздновалъ труса.

«Черкесы позапрятавались въ кустахъ и кричать, чтобы я сдавался. Обѣщали мнѣ ничего дурнаго не дѣлать и даже отпустить домой. Э! думаю себѣ, щобъ вы пластуна, поймавши въ свои руки, да такъ слегка выпустили. Ни цѣго не буде. Потривайте трохи, у мене самого не гола пята, якъ у приказнаго, а черморскій усь ростѣ, такъ не проведете обидьянками (*).

«Они отъ меня были такъ, чтобы не совратъ, шаговъ на двѣсти, а до комышивъ оставалось тоже не меньше, такъ я подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ: выскочить съ куста да и дать драла, просто напрямикъ на удалую; а то ничего больше выдумать нельзя было. Черкесовъ же могло собраться больше, и тогда еще бы хуже пришлось. Теперь они не стрѣляли, потому что надѣялись живымъ забрать меня; а этого только они и добиваются, когда бываетъ ихъ нѣсколько, а нашъ братъ одинъ; такъ обычай такой завели, чтобы безпримѣнно живаго взять и похвастаться тѣмъ между своими, что вотъ они настоящіе джигиты (**); да рѣдко приходится, слава Богу всемогущему!

(*) Поговорка, употребляемая черноморскими козаками, когда они смѣются надъ чиновниками гражданскаго вѣдомства. Ома въ переводѣ значить: Нѣтъ, этого не будетъ, можно немного обождать, у меня самого не голая губа, а обросла усами, какъ то слѣдуетъ для черноморскаго козака, а потому не проведете пустыми обѣщаніями.

(**) Каждый изъ Черкесъ, когда бываетъ среди своихъ товарищей, до того самолюбивъ, что скорѣе готовъ умереть, чѣмъ показать малѣйшую трусость и тѣмъ навлечь на себя пренебреженіе всего вольнаго общества джигитовъ; никто изъ нихъ, въ присутствіи своихъ собратій, не позволить себѣ выйти изъ условныхъ правилъ, усвоенныхъ джигитами при нападеніи на врага. При большинствѣ нападающихъ, допускаются всѣ возможныя хитрости; но когда на нѣсколько отчаянныхъ джигитовъ (хаджерствъ—разбойникъ, удалецъ) случится одинъ глуръ (невѣрный, собака), то непременно должно стараться взять его живаго, или, иначе, воинская рыцарская доблесть рушится, и онъ потеряетъ всякое уваженіе со стороны своихъ товарищей. Вотъ почему Черкесы, забравшись въ кусты, уговаривали пластуна выйти и сдаться. Еслибъ, наконецъ, забывъ свои обычаи, они рѣшились броситься на кустъ, чтобы забрать пластуна, то навѣрное могли рассчитывать, что подобное нападеніе хотя бы и увѣчалось успѣхомъ, но окупилось бы дорогою цѣною, ибо каждый изъ нихъ навѣрное могъ рассчитывать быть убитымъ. Слѣдовательно, въ нерѣшимости Черкесъ страхъ игралъ не малую роль.

Знають Черкесы, что взять пластуна можно живьемъ только врасплохъ и обезоруженнаго; но когда пластунъ видитъ врага, когда онъ нашелъ возможность найти закрытіе, тогда онъ борется со врагомъ, хотя онъ былъ бы въ десять разъ его сильнѣе. Пластунъ пробуетъ всѣ средства, всѣ хитро-

«Такъ, пораздумавъ, что чѣмъ дольше сидѣть, тѣмъ хуже, я рискнулъ выбѣжать.

«Выскочилъ изъ куста, да и полетѣлъ, такъ-таки полетѣлъ къ камышу. Черкесы стрѣляютъ по мнѣ, да ничего: руки дрожатъ при скорости. Догонять меня кинулись — такъ не такъ Богъ ноги давъ, щобъ споймали! Вскочивъ въ камышъ, кинулся вправо, влѣво и шаговъ за тридцать упалъ между копыковъ и притихъ. Слышу, шолохтятъ анафемы; прилягу, послушаю — близко.

«А камышъ, слава Богу, у насъ высокій, якъ тополя, такъ що есть чимъ похвастаться.

— «Козакъ верхомъ и съ пикой сховается, замѣтилъ одинъ изъ слушающихъ.

сти, чтобъ спасти себя отъ смерти, и, когда уже видитъ прямую невозможность къ защитѣ, умираетъ подъ ударами враговъ, но не сдается. Иногда, впрочемъ, попадаютъ въ плѣнъ сильно раненые, т. е. все-таки тѣ, которые не въ состояніи владѣть оружіемъ.

Подобное самопожертвованіе со стороны Черноморца и пластуна происходитъ отъ различныхъ причинъ: изъ любви и привязанности къ своей землѣ, къ своему отечеству, гдѣ остается у него всѣми чувствами любимая семья; вторая причина важнѣе первой: это — святое исполненіе заповѣднѣхъ обычаевъ своихъ славныхъ предковъ, въ жилахъ которыхъ лилась кровь «лыцарей». Потомки удалыхъ Запорожцевъ не разъ кровью своею запечатлѣвали преданность къ отечеству, за что и получили отъ матушки-царицы сперва названіе «вѣрныхъ козаковъ», а потомъ великая императрица, видя постоянныя отличія и достославныя дѣла Запорожцевъ, своихъ «вѣрныхъ козаковъ», по донесеніи князя Таврическаго, за взятіе у Турокъ 7 ноября 1788 года неприступнаго острова Березани, подарила имъ въ память для потомства наименованіе «вѣрные черноморскіе козаки», такъ какъ событія эти совершены ими на Черномъ морѣ.

Названіе «черноморскаго и вѣрнаго» такъ дорого для потомка Запорожцевъ, что оно служить ему какъ бы знаменемъ для вѣрности и храбрости; его гордость, слава, — все въ этомъ имени. Каждый изъ Черноморцевъ помнитъ, что дѣды, а у нѣкоторыхъ и отцы, кровью заслужили это славное имя подъ стѣнами Очакова и Измаила.

Какъ дорого это названіе для нихъ, я приведу случай, которому самъ былъ свидѣтелемъ.

Въ 1857 году, я былъ въ Черноморіи. Какой-то прїѣзжій изъ столицы, вѣроятно, ради краснаго словца, распустилъ слухъ, что черноморскіе козаки соединяются въ одно цѣлое съ Кавказцами подъ общимъ именемъ «Кубанское казачье войско». Слухъ этотъ, несмотря на всю неосновательность, съ быстротою разнесся по всему краю, и, гдѣ я ни проѣзжалъ, первый вопросъ, который встрѣчалъ меня на порогѣ каждаго дома, — это: «правда ли, что отъ нихъ желаютъ отнять дорогое имя и дать имъ другое? Не вѣ же жъ на те козаки всевали и кровь свою проливали, щобъ пропала козачья слава, порошиною здула». У стариковъ навертывались слезы, а молодые люди просто неистовствовали и увѣряли, что этого никогда не можетъ быть, что ихъ не захотятъ обидѣть. Авторъ.

— Колибъ стилько Богъ лису давъ, сказалъ съ иронической усмѣшкой другой: — щобъ такъ густо порось.

— Той пропавъ бы къ бисову батькови, сказалъ разсказывающій старикъ: — де жъ таки и пучкою не проткнешь! Такъ постойте, не перебивайте: заразъ конецъ буде.

«Отъ, каже, доброе, и давай ползти въ ихъ слѣдъ, такъ, чтобы не розниться отъ ихъ шаговъ, и такимъ способомъ версты съ полторы лѣзъ и все подавался въ сторону. Уморился я такъ лѣзучи, что надо было отдохнуть, остановился, лежу, снялъ папаху, перекрестился и легъ отдохнуть. Вдругъ чую, что-то шлохнуло. Давай прислушиваться: должно быть, кабанъ камышъ рѣзнуло. Прислушался въ другую сторону—Черкесовъ неслышно. Такъ я подпустилъ шаговъ на десять да на шестъ и ударилъ въ камышъ, въ то мѣсто, гдѣ ворушилось. Упало что-то. Побѣждалъ—лежитъ здоровенный кабанъ. Я и заволился подлѣ его, чтобъ шкуру снять; такъ не тутъ-то было: на выстрѣлъ набѣжали слѣднвшіе за мною Черкесы; человекъ, какъ по крику думаю, не меньше десяти, а то и пятнадцати собралось. Бросилъ я кабана да и давай лазить по плавнямъ, да такъ, куда не подлизу, ляжу, притихну; слышу, что есть недалеко люди, давай опять лѣзть въ другую сторону—опять та же штука.

«Такъ вотъ двое сутокъ выморили, чуть было не поймали; да вѣтъ, вывернулся, только проголодався здорово. На кардони боршу поѣлъ, такъ легче стало.»

— «Я тебѣ пророчу, что попадешься, сказалъ я ему, когда онъ кончилъ.

— «Попадусь, такъ попадусь, а теперъ все-таки цѣлъ остался. Ну, такъ что жъ, пойдешь за кабаномъ? пополамъ и раздѣлимъ.

— «Хорошо, нечего, дѣлать пойдешь.

«Пошли. Кабана нашли, а потомъ прощли дальше, да и гвинтовку отыскали, только пистоль пропалъ.»

Разсказъ оконченъ. Нѣкоторые козаки расхохотались, а другіе призадумались и усомъ не шевельнуть. Одинъ же пожилыхъ лѣтъ пластунъ, обращаясь къ старику, спросилъ:

— А шо, диду, чи довго буде оця война? Вона вже совсѣмъ опротивила: не намъ, не Черкесамъ не ма ни якого спокою.

— Чи довго, не знаю, а шо не совсѣмъ и давно знами воевать стали. Еще за мою память, когда насъ пригнали сюда изъ Полтавской губерніи съ семействами, какъ только что Запорожцы изъ-подъ Измаила пришли, тогда совсѣмъ не то было....

- А ну, рассказать намъ, якъ же це було?
- Пора спать, сказалъ старикъ.
- Нѣтъ, еще рано: расскажите, пристали всѣ.
- Ну, добре.... Слушайте! Былъ я приписанъ къ войску

уже порядочнымъ хлопцемъ, такъ годовъ шестнадцати или семнадцати, а въ которомъ именно году, не запомню, только лѣтъ слишкомъ шестьдесятъ назадъ, а теперь мнѣ чуть ли не подъ восемьдесятъ, да еще держусь на ногахъ съ Божьей помощью и пластуновать не разучился.

«Пришли мы сюда (*), а тутъ только что курени строились и пустота была кругомъ страшная; ничего не было, что называет-

(*) По сіе время, какъ между Черноморцами, такъ и Черкесами прикубанскими, сохранилось преданіе, передаваемое почти такъ. Было время, когда именно безъ войны можно было побѣдить закубанскихъ горцевъ (Адыге). Это время продолжалось съ 1793 до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, именно до назначенія атаманомъ генералъ-маіора Тимоея Котляревскаго, при которомъ произошла между козаками и Черкесами вражда. Запорожцы, или уже Черноморцы, занявъ линію, начали постройку зимовниковъ. Требовался лѣсъ, его же на правой сторонѣ не было; а потому они ѣздили на лѣвый берегъ рѣки и производили порубъ лѣса. Закубанцы, увидѣвъ воинственное племя, пришедшее и поселившееся на земляхъ, принадлежащихъ имъ; сперва съ недоброжелательствомъ смотрѣли на Черноморцевъ; но потомъ, разсмотрѣвъ ихъ дружелюбныя къ нимъ отношенія, а главное—проникнутые уваженіемъ къ рыцарству ново-пришельцевъ, у которыхъ было такъ много оружія и пороху и которые такъ свободно и безбоязненно переправлялись къ нимъ за Кубань, гдѣ рубили и охотились, но не причиняли имъ никакого вреда, полюбили этотъ народъ и связались договоромъ — не наносить другъ другу никакого вреда и всѣ недоразумѣнія, которыя могутъ выходить между ними, рѣшать общимъ судомъ, на той землѣ, у кого что случится, имѣя только со стороны обоихъ тяжущихся депутата. Всякое воровство, убійство и мошенничество судились общиною и рѣшались добросовѣстно, безъ всякаго пристрастія. Все закубанское народонаселеніе училось воинскимъ упражненіямъ у Черноморцевъ, вымѣнивало у нихъ порохъ и оружіе, и, кромѣ этого, они продавали и промѣнивали другъ другу домашнюю живность. Такое положеніе дѣлъ было до назначенія атаманомъ Тимоея Котляревскаго; но при немъ произошелъ разрывъ между двумя дружественными семьями. Поводомъ къ этому было вмѣшательство Котляревскаго въ ссору между племенами: Бжедужскимъ и Шапсугскимъ. Шапсуги желали ввести у Бжедужовъ народное правленіе, отъ котораго послѣдніе отказывались, и потому началась между ними вражда. Сперва были частныя неудовольствія, а потомъ дѣло дошло до того, что Шапсуги объявили войну Бжедужамъ, пригласивъ противъ нихъ въ союзъ съ собою Абадзеховъ. Бжедужи, увидѣвъ невозможность противостать союзу двухъ племенъ, обратились съ просьбою о помощи къ Котляревскому. Атаманъ, не разсчитавъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ вмѣшательства въ семейную ссору двухъ племенъ, рѣшился помочь Бжедужамъ.

Сотня козаковъ и одно орудіе даны были на помощь Бжедужамъ. Ободренные помощію Русскихъ, Бжедужи назначили мѣсто сраженія союзникамъ. Это мѣсто—на линіи нынѣ существующаго Хомутовскаго поста, въ семи вер-

ся ничего, даже бабъ совѣмъ не было, а уже съ нами послано было ихъ чи мало. Когда явились мы въ Екатеринодарскій курень—тогда еще онъ такъ назывался—и приписали всѣхъ насъ къ войску. Стали сейчасъ учить насъ стрѣлять, и кто не совѣмъ хорошо умѣлъ, такъ *батаговали* порядкомъ, такъ что и теперь, пожалуй, спина чешется. Когда уже подучились немного, то перемѣшивали насъ, молодыхъ, съ Запорожцами и ставили по линіи въ караулы, на всякій случай; только караульнымъ—то дѣлать было нечего: Черкесы никогда не нападали на насъ, и ихъ коши (отары) были на нашей сторонѣ и ходили по нашимъ полямъ; даже аулы были по берегу Кубани. Никто ихъ не трогалъ (*); жили они совѣмъ спокойно. У насъ и прежде, какъ и теперь, лѣсу совѣмъ не было, такъ, бывало, на паромехъ переправявъ обозъ, поѣдутъ сколько нужно рабочихъ козаковъ и нарубятъ лѣсу сколько душѣ завгодно, и никогда не бывало никакой драки. Черкесы, правда, тогда совѣмъ и воевать не умѣли, у нихъ и ружьевъ не было, только луки съ стрѣлами, пашки да кинжалы.

«Бывало, что случится такое, непріятствіе на нашей или на ихней сторонѣ, сейчасъ пріѣзжаютъ къ намъ и жалуются куренному атаману: что вотъ такъ и такъ, у насъ пропажа случилась или что тамъ другое было; а когда у насъ что случалось, такъ и наше начальство ѣздило туда, и тамъ старшины дѣло рѣшали всегда полюбовно. Да и шкоды никакой особенной не было, все какъ-то шло хорошо, жили какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы одной вѣры или изъ одной земли.

стахъ отъ р. Кубани, трехъ верстахъ отъ сухаго ерка Бзіюкъ на полянѣ Негидѣ. Произошелъ бой; не долго продолжалось кровопролитіе. Однако, убитыхъ и раненыхъ, по словамъ князя Тельтустена, внука предводителя Бжедуховъ, Хаджи-Мукова, было около 1,320 человекъ. Предводитель Бжедуховъ, изъ рода Хамисеевъ, князь Беткерей Хаджи-Муковъ, былъ убитъ, а съ пролитіемъ крови полководца, по обычаю горцевъ, должно было окончиться сраженіе, разумѣется, въ пользу Шапсуговъ. Съ крикомъ и плачемъ, неся на рукахъ своего полководца, возвращались Бжедухи. Съ радостными возгласами и пальбой спѣшили домой торжествующіе Шапсуги и Абазехи.

Шапсуги и Абазехи отпали отъ Черноморцевъ, и началась вражда непримиримая. Бжедухи долго еще держались въ дружбѣ съ помогшими имъ; но происки Шапсугъ и различнаго рода козни, которые они производили подъ именемъ Черноморцевъ, отклонили и Бжедуховъ отъ нихъ. Вотъ начало вражды.

(*) Черкесскія отары были еще до 1850 года. Первый генералъ-маіоръ Кухаренко, бывши исправляющимъ должность наказнаго атамана, передвинулъ линію къ самой рѣкѣ Кубани и потому заставилъ Черкесъ перебраться на лѣвую сторону рѣки.

«Пріѣдутъ къ намъ, бывало, торгуютъ, скотъ продаютъ, соль, порохъ, оружіе вымѣниваютъ у насъ и даютъ намъ втрое сколько стоитъ какая вещь.

«Помню, одинъ разъ пріѣхалъ ко мнѣ знакомый мой Черкесинъ и дней пять жилъ и все учился, какъ ружьемъ стрѣлять, а меня училъ ремни выдѣлывать. Такой старательный былъ и все ему знать хотѣлось: и это, и то Расскажи, какъ дѣлается и какъ называть. Чудакъ—таки былъ; его бѣднягу убили.

«Дружно жили мы съ ними сколько лѣтъ: я думаю, года три или четыре, что никакой войны намъ вести не приходилось, а только въ гости другъ къ другу ѣздили да перепродавались и обмѣнивались своимъ имуществомъ.

«Не знаю, какой тамъ случай выпалъ у нихъ, что они вдругъ ни съ того, ни съ сего ссору помежъ себя затѣяли, да такую, что просто бѣда. Одинъ разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ мой пріятель, Мишеость—такъ его звали—и говоритъ мнѣ:

— «Эй, Иванъ, бѣда!

«А они и прежде, какъ и теперь, дурни: какъ только Русскій, такъ непременно Иваномъ зовутъ, хоть бы онъ и Хомой прозывался.

— «А что? говорю.

— «У насъ война пошла такая, что въ горахъ жить трудно: Шапсуги и Абадзехи на насъ идутъ, а винъ бувъ Бжедухъ; приказываютъ, чтобы у насъ князя не было. Насъ мало: князь нашъ пріѣхалъ просить помощи у вашего князя.

«Такъ они нашего атамана звали.

— «Такъ ты съ княземъ пріѣхалъ? А что же вамъ сказавъ нашъ батько атаманъ?

— «Слышалъ, говоритъ, что обѣщалъ дать и козаковъ и пушку. Мы ихъ теперь побьемъ, Иванъ, и я тебѣ много, много оружія привезу и лошадей.

— «Не хвались еще, сказалъ я: — тогда скажешь гопъ, якъ перескочешь; прежде надо дѣлать, а потомъ и гостиньці давать.

«Поговорили, поговорили съ нимъ, и поѣхалъ онъ себѣ.

«Дней черезъ пять послѣ этого полученъ былъ наказъ отъ куреннаго собраться сотнѣ и отправиться въ Екатеринодаръ. Я служилъ въ томъ конномъ полку, изъ котораго назначена была сотня, такъ и мнѣ на долю выпало побывать въ этомъ поганомъ дѣлѣ.

«Славный день былъ: небо такое чистое—ни одной тучки—

вѣтерокъ не шелохнетъ. Сотнею командовалъ тогда, кажется, Скіяревскій, должно быть сотенный, добре не запомную, бо не нашего куреня былъ. Одну поганеньку пушку дали и повели насъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь Хомутовскій постъ, переправились на ту сторону Кубани и, отошедши версты двѣ, остановились и расположились ночевать на маленькой полянѣ.

«Поговаривали, что Черкесы нападуть на другой день на разсвѣтъ; но оказалось, что это была брехня. Къ разсвѣту тысячи три Черкесъ, за которыхъ мы должны были сражаться, пріѣхали къ намъ съ своими князьями, а немного погодя дали знать передовые, что верстъ за шесть непріятель. Повели и насъ.

«Какъ идти напрямикъ къ горамъ отъ Хомутовскаго поста, верстъ за семь была протока... а то такъ-таки назвать маленькою рѣчкою.... теперь она совсѣмъ высохла. Рѣчка эта обливала большую поляну и раздѣляла ее на двѣ половины. За полверсты—не больше—видѣлся большой лѣсъ и богатые аулы, множество скота ходило по подь лѣсомъ. Видно, что дѣло не на грабежъ шло, а только на лыцарскую потѣху.

«Едва выѣхали мы на поляну, то увидѣли множество Черкесовъ, непріятелей нашихъ, ѣдущихъ противу насъ чинно, шагомъ. Впереди ѣхало нѣсколько человѣкъ со значками, а одинъ—совсѣмъ впереди—видимо начальникъ былъ.

«Нани Черкесы тоже постарались и своего князя выслали впередъ. Сотня была на правой сторонѣ, а въ серединѣ—пушка.

«Попросилъ князь эсаула, чтобы стрѣльнули съ пушки—стрѣльнули...

«Разсердилась бунтовавшая Черкесня и начала палить изъ своихъ ружей, а больше всего пускали стрѣлы.

«Все ближе и ближе сѣзжались, все сильнѣе и сильнѣе визжали Черкесы, наконецъ совсѣмъ сѣхались и начали уже шашками и кинжалами дѣйствовать. Тутъ-таки работы было вдоволь нашимъ бѣднякамъ... однако, молодцами. Нашихъ меньше было, а не поддавались, чисто какъ звѣри сцѣпились, и не знаю, чья бы взяла, если бы вдругъ не завизжали сильнѣе, не застонали всѣ разомъ и не разошлись въ разныя стороны.

«Диковинное дѣло, право! Сначала намъ непонятно было, отчего это случилось, а потомъ увидѣли, что старики соскакивали съ лошадей и бѣжали всѣ къ одному мѣсту.

— «Что это значитъ? спросилъ сотенный у одного Черкеса.

— «Несчастье, несчастье! прокричалъ онъ: — нашего князя убили.... дѣло наше пропало.... насъ побѣдили.

— «Отчего же пропало? Теперь стоитъ только всѣмъ намъ броситься на нихъ: посмотри, въ какомъ они безпорядкѣ—дѣло будетъ выиграно.

— «Нѣтъ, у насъ такой законъ, когда убьютъ начальника, такъ значить и дѣло все пропало.

«Аллахъ, Аллахъ!» слышалось отовсюду; кругомъ насъ были Черкесы на разные тоны и слѣзали съ лошадей, прятали стрѣлы въ колчаны и опускали луки.

«Старики-Черкесы, снявши съ себя бурки, постлали на траву и положили на нихъ сильно раненаго князя. Вой такой поднялся надъ нимъ, что хоть съ поля бѣги—хуже всякой перестрѣлки.

«Тогда какъ наши дурни-Черкесы сами себѣ на шею петлю накинули, плакали и визжали, противники ихъ скакали по полю, стрѣляли вверхъ, пускали стрѣлы и радостно кричали.

«Раненый князь скоро умеръ. Говорили, что онъ крѣпко наказывалъ держаться его сыновей и не слушаться Шапсуговъ.

«Шапсуги поѣхали въ противоположную сторону, радостно гичали и стрѣляли.

«Убитыхъ и раненыхъ было много; всѣхъ забрали и повезли по ауламъ.

«Сотенный повелѣ насъ къ Кубани, и мы прибыли домой благополучно: у насъ не было ни одного раненаго. Во все время, когда Черкесы дрались, мы стояли въ сторонѣ и только смотрѣли. Князь просилъ, чтобы тогда бросились, когда уже они сами не въ состояніи будутъ отстоять себя. Черкесы-непріатели по насъ не стрѣляли, и мы смотрѣли какъ будто на какую комедію.

«Отъ этого времени начали Черкесы у насъ и скотъ красть; гдѣ встрѣтятъ одного человѣка, то и убить не боялись. Чѣмъ дальше, все хуже становилось. Шапсугскіе и абадзехскіе Черкесы съ того же дня стали намъ врагами, а тѣ, которымъ мы подавали помощь, еще съ годъ были съ нами въ мирѣ. Да какой тутъ миръ, когда не разберешь, кто пакоститъ — свои мирные или чужіе!

«Словомъ, уже и къ нашимъ полу-пріятелямъ ѣздить нельзя было, и за лѣсомъ или за чѣмъ нибудь, бывало, отправляются уже не нѣсколько человѣкъ съ телѣгами, а такі порядочный конвой, и безъ того, чтобы не было человѣкъ сколько убитыхъ и раненыхъ, никогда не возвращались.

«Къ тому же, враги наши стали подъ насъ яму копать, такъ что у Бжедуховъ украдутъ или убьютъ кого нибудь, да и сваиваютъ на насъ.

«Терпѣли, терпѣли наши Черкесы, да тоже, помирившись съ врагами, стали имъ пріятелями, а насъ, пріятелей, за враговъ начали почитать. Извѣстно, свой своему поневолѣ братъ. Гдѣ уже добра ждать отъ Черкеса—невѣри!

«Когда кончится эта война, такъ тоже, извѣстно, когда перестрѣляютъ всѣхъ до одного, або построятъ крѣпости да не дадутъ имъ никакого ходу, такъ и разбою не будетъ; а то свобода: извѣстно, куда хочетъ, туда и ѣдетъ. А куда лучше и ближе къ намъ, гдѣ и скотинку возьметъ и лошадку поймаетъ, да и отъ человѣка, або бабы, не откажется.

«Вотъ какъ бы и намъ позволено было ходить, когда захочется, въ горы, такъ не довелось бы имъ часто шлаться и оставлять свои сакли пустыми. Только бы этимъ можно было пріучить ихъ сидѣть дома, покуда совсѣмъ бы не забрали....»

Отошелъ я отъ козацкаго костра, хотя видно было, что еще нескоро лягутъ отдыхать разболтавшіеся Черноморцы.

Свѣтъ костровъ замѣтно слабѣлъ, тишина становилась еще замѣтнѣе. Почти стихло; лишь изрѣдка пробѣжитъ какъ бы неясный говоръ, и опять все тихо. Уже наступила вторая половина ночи; но у нѣкоторыхъ костровъ не перестаютъ стоять солдаты и грѣться отъ холода. Иные, снявъ сорочки, жарятъ ихъ надъ пламенемъ, и до слуха проходящаго долетаетъ неясный трескъ или лускъ (*). Кое-гдѣ нѣтъ пламени, разгребенъ жаръ—десятокъ и болѣе солдатъ, плотно стиснувшись, забылись въ тревожномъ снѣ.

Вдали, у противоположнаго конца отряда, у офицерскихъ бивуаковъ, еще горѣли огромные костры. Я направился къ нимъ. Иду, и слышится бредъ соннаго солдата.

— Ахъ, не зам... что ты хочешь, у меня нѣтъ денегъ, говоритъ сонный солдатъ полуохриплымъ голосомъ, быстро поворачиваясь на другую сторону.

— Видно, разбойники приснились, замѣтилъ солдатъ, сидящій на карточкахъ, съ трубкой въ зубахъ.

— Аль родимчикъ прихватилъ. Я съ нимъ въ казармахъ

(*) Конечно, бываемоу въ походахъ и проводившему ночи на бивуакахъ знакомъ способъ, посредствомъ котораго солдаты избавляются докучливыхъ насѣкомыхъ.

вмѣстѣ на нарахъ сплю, такъ всю ночь чепуху городить; да все, братъ, деньги на умѣ: оно, значитъ, что и солдату деньги требуются.

— Чудакъ ты этакой, кому деньги не надобны: вѣдь и то и другое купить надо, а денегъ—то нехватаетъ. Однако, Сомову пора на часы: вишь, полѣно догораетъ. Буди.

— Сомовъ, а Сомовъ!

— Чаво? схватываясь на ноги, вскричалъ полусонный Сомовъ.

— На часы ступай къ козламъ.

— Да, чорта! Ау-хъ, посмотрѣвши на костеръ, пробурчалъ Сомовъ, аукнулъ, крикнулъ и пошелъ къ козламъ смѣнять часового (*).

Прошелъ я еще нѣсколько и замѣтилъ, что у одного костра, на который была взвалена горская телѣга, составилъ довольно большой кружокъ и слушалъ съ увлеченіемъ рассказъ одного изъ солдатъ. Я поспѣшилъ приблизиться и, усѣвшись на бревно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ солдатскаго костра, услышалъ вотъ какого рода рассказъ:

«Посмотрѣли бы вы на Василия Омина, что за солдатъ онъ былъ, что за удалъ была у него молодецкая, взглядъ орлиный, слово громкое и разумное, на груди крестъ серебряный и рука лѣвая перевязана. Всѣ, кто пожилъ съ нимъ, всѣ, кто знаетъ, такъ и сказываютъ: доброта души ангельская; даже нехристей, и то жаловалъ; малолѣтка, чай, ни единого не убилъ, хотя былъ случай и не разъ... А 'коль бабу или дѣвушку—черкешаночку кто обидитъ въ бою, такъ, бывало, на ножи готовъ... Богомоленъ былъ Василій Оминъ. Ну, за все это и жалованъ былъ отъ начальства. А послушенъ, бывало: лишь капралъ отзовись, или десяточный, хоть ефрейторъ, или старый солдатъ, такъ сейчасъ и спѣшить, какъ бы чѣмъ услужить. Въ веселомъ кружкѣ и видно, что грусть у него на душѣ, а тоже смѣется, не хочетъ свою грусть показать.

«Жаль его: скоро насъ онъ оставилъ; а жалѣть и рота объ немъ. Да пусть съ Богомъ живетъ и порадуется сердце близкихъ родныхъ. Какъ сталъ уходить онъ отъ насъ, мы всѣ и пристали, что вотъ Расскажи намъ, чего ты такъ часто скучалъ и ночью не спалось, частенько и плакалъ, бывало.

(*) Къ составленнымъ въ козла ружьямъ назначается часовою. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить время очереди, солдаты зажигаютъ полѣно, и когда оно догоритъ, значитъ наступило время смѣны. Это походные солдатскіе часы.

«— Хорошо, расскажу, коль хотите того, господа-товарищи! сказалъ онъ.

«А ужъ говорилъ—то онъ, братцы, словно съ книги вычитывалъ.

«Жизнь моя», говорилъ Фоминъ такъ, «среди близкихъ родныхъ хорошо проходила. Угождалъ отцу—батюшкѣ и родной моей матушкѣ... Слава Богу, даровалъ Онъ имъ здоровье, наградилъ Онъ и хорошимъ хозяйствомъ. Всего вдоволь было и ни въ чемъ недостатка не видѣлось; а батюшка говорилъ мнѣ не разъ, что и деньгами онъ не обиженъ. А семья наша была: отецъ, мать, старшій братъ съ женою и маленькимъ сыномъ, сестра еще въ дѣвкахъ да я—вотъ и всѣ. Я, бывало, въ уѣздъ за покупками хаживалъ. Отецъ торговалъ *мелкой* лавочкой, а *извозомъ* *господь* занимались мы всѣ... такъ что жизнь моя шла отлично...

«Минуло мнѣ 18 лѣтъ. Собрались мы семьей въ церковь сельскую, пришли, поставили свѣчки престольному образу и стали молиться. Обѣдня окончилась, сталъ народъ ко кресту подходить, и я съ ними вмѣстѣ подвигаюсь. Глядь, передо мной идетъ какая-то дѣвушка. Лица-то ея я еще не видалъ, а по наряду-то хорошему и по красивому складу вижу, что незнакомая. Подвинулись мы еще немного за народомъ. Она, на несчастье мое, и обернись, и такъ сразу лицо ея пришлось мнѣ по сердцу, какъ будто я и вѣкъ глядѣлъ на нее, мою ненаглядную, и не день, а годы любилъ ее, мою желанную. Въ глазахъ у меня словно туманъ какой сдѣлался; остановился я и не помню, какъ потомъ подошелъ къ кресту, какъ поцаловалъ руку священника; очнулся я уже на паперти и сталъ поджидать оставшійся народъ, чтобы поглядѣть еще разъ на нее, чтобы разглядѣть поближе незнакомую дотолѣ дѣвицу. Стою, ожидаю... проходить народъ...

«— Ну, что ты, Василій, стоишь здѣсь, кого поджидаешь? спросилъ меня товарищъ мой Гаврило.

«— Да такъ, говорю, ничего, и солгалъ: ожидаю, молъ, я дядю Михайла Ивановича...

«— Давно уже вышелъ, говоритъ мнѣ Гаврило:—пойдемъ. Я къ тебѣ заверну; а потомъ не пройдемся ли къ дядѣ Ивану Кузмичу. Онъ крѣпко наказывалъ мнѣ тебя привести: вѣдь сынъ у него именинникъ.

«— Иди, братъ Гаврило! Сейчасъ за тобой прибѣгу я. Теперь не мѣшай мнѣ.

«— Ну, ладно, сказалъ мнѣ Гаврило и, увидѣвъ другаго товарища, поспѣшно меня оставилъ.

«А я все стою, поджидаю ее, никого и не вижу, какъ будто народъ незнакомый вокругъ меня ходить... Идетъ и она, молодая, бѣлокурая, коса тучная, золотистая, очи свѣтло-голубыя, губы словно бусы красныя, что на шеѣ у ней, груди пышныя, роскошныя и сама она такая стройная, разодѣтая вся лентами... Посмотрѣлъ на нее, такъ и чувствую, что люблю. Она мимо идетъ. Ни съ того, ни съ сего уклонился ей очень низко; она мнѣ слегка головкой кивнула... Закраснѣлась, а я, просто, весь потерялся и побрелъ домой, опустивши голову.

«— Что, Василій, такъ пригорюнился? догоняя, спросила меня сестра моя Мареа.

«— Вотъ мнѣ горе приключилося: увидалъ я красную дѣвицу, и ужъ такъ мнѣ по сердцу пришлась, что, сдается, и жить безъ нея не съумѣю...

«— Покажи, гдѣ она.

«— Вонъ идетъ, погляди: на ней больше всѣхъ лентъ...

«— Знаю. Это дяди Ивана Кузмича племянница; она изъ Грязнушенскихъ мѣстъ пріѣхала. Я вчера еще съ нею видѣлась.

«Не дослушавъ послѣднихъ словъ сестры, побѣжалъ я къ Ивану Кузмичу, сломя голову.

«Сердце такъ вотъ и выпрыгнетъ, кажется; а какъ подошелъ къ избѣ, такъ страхъ одолѣлъ. Право, не придумаю, отчего бы. Такъ и порывало меня повернуть домой; да желаніе повидать ее пересилило, и вошелъ я во дворъ.

«Много народу было; но глаза все искали избранную. Хожу я помежду людей да разсматриваю: глядь, она сидитъ, подлѣ нея на скамейкѣ Гаврило и что-то нашептываетъ. Взыграло мое ретивое: такъ бы, кажется, схватилъ я Гаврилу и Богъ знаетъ что съ нимъ сдѣлалъ. Въ горячахъ и забылъ, что родня онъ ей приходился.

«Подхожу къ кружку, гдѣ все дѣвушки, душа замерла, лихородка бьетъ...

«— Василій! а, Василій! что ты сталъ? Ну, иди сюда поскорѣй, погляди, вѣдь не вѣрить Прасковья, что она краше всѣхъ изъ грязнушенскихъ.

«Словно холодомъ меня обдало, слова нѣтъ, будто нѣмъ я сталъ, сердце сжалося, а изъ глазъ моихъ слеза такъ и просится.

И молчу, стою да гляжу на Прасковью, а она посмотрѣла во-кругъ, а потомъ на меня, да ужъ такъ зарумянилась, что какъ будто предъ огнемъ засидѣлась. И мнѣ стало повольнѣй, отъ души отлегло и въ очахъ посвѣтлѣло: знать, она, такъ подумалъ я, отъ меня покраснѣла, смѣшалась и глаза къ землѣ опустила. Страхъ пропалъ и языкъ развязался, и началъ я гутарить.

«— Пусть посмотритъ Прасковья кругомъ, а потомъ наберетъ воды въ мисочку да въ нее поглядитъ, такъ увидитъ, правду ль ты сказалъ ей Гаврило, аль нѣтъ.

«Тутъ Прасковья моя такъ зарумянилась, что и шея и руки алой краской взялись...

«Да чтó долго толковать! полюбилъ я Прасковью, и она меня полюбила, и потомъ въ саду дяди Ивана Кузмича сколько разъ мы видались.

Три недѣли спустя я поѣхалъ по селамъ закупать для отца шерсть и заѣхалъ въ Грязную. У отца Прасковьи овецъ было вдоволь, потому прямо во дворъ къ нему завернулъ и былъ принять тамъ какъ родной и какъ гость дорогой. Блестѣли очи у Прасковьи отъ сердечной радости.

«Пообѣдали. Старикъ шерсть показалъ, сторговались, и задатки я далъ. Ночевать попросили меня—я остался. Вечеромъ, уже солнце спряталось, я и вышелъ въ садъ, подъ деревомъ сѣлъ... Эхъ, когда бы Прасковья пришла! такъ подумалъ. Слышу, сзади меня сучья треснули, оглянулся, и вижу—она...

«— Вотъ легка на поминѣ Прасковья, сказалъ я, обнимаяе:— потѣшила душу мою... Съ тѣхъ поръ, какъ виались съ тобой мы въ послѣдній разъ въ саду Кузмича, истомился я весь, о тебѣ такъ кручусь, родная...

«— Охъ, мой милый Василій, еслибъ зналъ ты, какъ у меня ноетъ сердце; безъ тебя и свѣтъ мнѣ не милъ.

«— Чтó тоскуешь ты и печалишься? Скоро буду просить батюшку сватовъ посылать, и тогда будемъ жить мы въ счастья, радости, а теперъ не кручинься ненаглядная, моя милая!

«Толковали съ ней, гдѣ и какъ намъ можно видѣться, порѣшили все и попрощались... Уже смерклося, какъ мы во дворъ вошли.

«На другой день, лишь на зорьку свело, какъ я выѣхалъ, еще разъ съ нею свидѣвшись.

«Страшно было мнѣ сказать батюшкѣ, что люблю я Прасковью, хоть осень на дворѣ была. Слово, данное ей, и хотѣлось

исполнить, да боязнь сказать родителю, что люблю я уже дѣвицу, своимъ сердцемъ прежде выбранную, чѣмъ то батюшкѣ самому порѣшить слѣдовало, удерживала меня.

«Утромъ, разъ кличетъ батюшка:

«— А что, сынъ мой Василій, такъ сказалъ онъ мнѣ: — я думаю, не пора ли тебѣ и невѣсту выбирать? У меня на примѣтѣ есть, и дѣвка хозяйка, отъ хорошаго отца и матери, молода; чай, хозяйства и денегъ дадутъ...

«Словно громъ разразился, такъ я грохнулся передъ батюшкой на колѣни. Голову приклонилъ я къ его ногамъ, цѣловалъ ихъ, плакалъ; говорить хотѣлъ — слова не было. Такъ печально мнѣ стало и тяжело, что не дай Богъ моему врагу претерпѣть, что я вынесъ тогда.

«— Что съ тобой? Что ты плачешь? Вѣдь я счастья желаю тебѣ и пристроить скорѣе. Такихъ дѣвокъ вѣдь, чай, со свѣчей не найдешь, какъ теперь я избралъ для тебя.

«— Батюшка!...

«Только вымолвить могъ, а потомъ приподнялся да и грохнулся объ полъ въ ноги къ отцу.... Только Богъ одинъ зналъ, что творилось со мной, а ужъ мучился крѣпко. Хотѣлъ рѣчь я держать, чтобы несчастнымъ не сдѣлалъ меня, что люблю я другую, что рѣшился умереть, но любя только лишь одну. Праксавью.... Такъ валяюсь въ ногахъ у отца; онъ допрашиваетъ, что со мной приключилось, а я вымолвить слово боюсь....

— «Да послушай, Василій, встань да дѣло скажи, что не хочешь, можетъ быть, ты жениться? можетъ быть, въ счастье не вѣришь, что скоро приходится тебѣ на хозяйство отдѣльное стать?... Что жъ молчишь?... говори!...

— «За кого меня сватать желаешь, драгоценный родитель?

— «А зачѣмъ тебѣ знать, такъ сказалъ мнѣ отецъ:—ты пойдемъ подъ вѣнецъ, такъ увидишь: вѣдь тайкомъ не вѣнчаютъ.

— «Батюшка! да скажи же...

— «Ну, коль хочется знать, изволь, расскажу. Былъ на дняхъ я у Грязнушенскихъ селъ, повидался тамъ съ Петромъ Оедоровичемъ, съ Кузмичемъ и съ Лукою Тимоѣенчемъ, покалякали о разныхъ случаяхъ; подвернулася рѣчь о торгахъ, о продажахъ и сбытахъ. Вотъ Лукѣ Тимоѣенчу я и сказалъ, что, другъ Тимоѣенчъ, я хочу посылать за товаромъ къ тебѣ, такъ какъ думаешь? а купецъ у меня вѣдь лихой молодецъ; твой товарищъ тоже не худъ, такъ давай порѣшимъ.... Дѣло сладили, порѣши-

ли все; могариць запитъ.... И значить твоя нарѣченная невѣста дочь его Прасковья Лукинишна....

«Одурѣлъ я отъ неожиданнаго счастья, сталъ дѣло торопить; заслали сватовъ; назначили день, когда свадьбѣ быть; кафтанъ сшили мнѣ такой, что и въ цѣломъ селѣ у ребятъ не было. Все готово, только въ церковь иди....

«По утру, въ четвертокъ, приходитъ указъ брата въ рекруты брать. У него же двое дѣтеночекъ малолѣтокъ и жена молодая.... Не до свадьбы было—пересилило горе. Дома плачь такой поднялся, что хоть вонъ бѣги.... Мать да невѣстка своими горемъ и слезами душу мнѣ совсѣмъ растравили. А родитель-старикъ хнычетъ, сидя въ углу, потихоньку.

«Этотъ тихій плачь сердце такъ защемилъ, что не знаю, какъ я не рехнулся.... Бѣгу вонъ съ избы, не въ мочь становилось; съ братомъ встрѣтился.... А братъ блѣдный такой, глаза впалые и лица нѣтъ на немъ, идетъ противъ меня—не здороваётся, какъ бы я ему и не братъ.... Вижу, плохъ, и до губернии не дойдетъ. Чтò тутъ дѣлать? А тутъ представились мнѣ дѣти и жена его молодая, которыя остаются сиротами, и участь ихъ бѣдная сиротская. Еще пуще тяжело стало на сердцѣ, и, не думая, рѣшился я отвортить отъ брата бѣду и идти за него въ рекруты.

«Не въ мочь стало мнѣ родное горе, и, все думаячи, побрелъ за околицу; не помню, какъ очутился въ лѣсу, гдѣ мальчишкой игралъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ. Вспомянулъ его ласки ко мнѣ, вспомянулъ, какъ за меня онъ работалъ сохой, уложивши меня подъ березы спать.... А потомъ не значай посмотрѣлъ на рѣку, чтò за лѣсомъ была.... поглядѣлъ на нее больно пристально.... зарыдалъ, зарыдалъ, какъ дѣтенышъ, вспоминаячи, какъ, купаясь, тонулъ и какъ вытащилъ братъ изъ рѣки меня почти мертваго.... Руки къ Богу поднялъ, застоналъ и рѣшилъ судьбу свою горестную и поклялся служить съ правдой вѣрѣ, царю и отчизнѣ....

«Только къ вечеру вернулся домой, твердо рѣшившись быть солдатомъ за брата.

«Всю ночь я не спалъ. Какъ искорки, звѣздочки бѣгали по небу и мѣсяцъ свѣтилъ между ими.... Смотрю на одну потемнѣе звѣзду и думаю, что долго ль придется мнѣ дома остаться.... Скатилась.... Слеза побѣжала. Я взялъ, сталъ креститься—прошло, какъ будто заснулъ, и привидѣлся чудный мнѣ сонъ....

«Рыданье и плачь всей семьи какъ будто хоронить меня со-

бирались.... Потомъ, я солдатомъ въ мундирѣ, съ ружьемъ, далеко отъ родной земли, и много солдатъ всѣ идутъ—и какъ-то весело, радостно стало.... Начали стучать барабаны, затрубили въ рога, пальба началась такая, что свѣтлое солнце отъ дыму закрылось.... Одинъ, вотъ другой мой товарищъ упали, и кровь я завидѣлъ; вдругъ больно мнѣ стало, и кровь заструилась съ плеча моего.... Тутъ явилась моя Прасковья и бѣлымъ платкомъ связала мнѣ рану: кровь перестала бѣжать.... Опять въ родной я избѣ; отецъ и родные всѣ тутъ же со мною, и братъ, и сестра, племянники маленькіе бѣгаютъ.... Всѣ радуются, что я возвратился....

«Крикъ и шумъ во дворѣ разбудили меня.... То бабы родныя голосили обратѣ. Пришлось проводить его. Пришелъ старшина.

«Схватился, вошелъ я въ избу. Родитель какъ мертвый сидитъ и глядитъ на Терентія; а тотъ, обнявшись съ женою и матерью, какъ бы околѣнѣлъ отъ горя....

«Не выдержалъ я, зарыдалъ, крестъ положилъ на себя и упалъ батюшкѣ въ ноги.

— «Батюшка родной! не женатъ еще я, позволь, родитель, пойду за брата въ солдаты.

«Отецъ меня обнимаетъ, цѣлуетъ, и матушка, слезно рыдая, схватила меня, обняла и въ голосъ одинъ говорятъ, что равно имъ родное дитя какъ я, такъ и Терентій.... Какъ ни отговаривали, но я ни на шагъ—говорю, рѣшено: такъ Богу угодно, мнѣ лучше невѣсту покинуть, чѣмъ брату, жену и дѣтей осиротить.

«Братъ, со слезами, уговаривать сталъ, что онъ по наряду, такъ долженъ идти, во что бы то ни стало.

— «Да развѣ ты не родное наше дѣтище? Развѣ тебя меньше жаль будетъ? говорили мнѣ въ одинъ голосъ отецъ съ матерью.

«Но, долго ли, скоро ли, я настоялъ на своемъ, и рѣшились меня поставить за брата.

«Собрали въ дорогу. Нужно было проститься съ Прасковьей — я отправился.

«Слезы ея до того меня доводили, что чуть не рѣшилъ я отказать: да ужъ поздно было....

— «Послушай, Прасковья, душа дорогая, не плачь, не кручинься: мнѣ Богъ поможетъ; увидишь, что скоро домой возвращусь. Тогда заживемъ на славу. Жди меня годовъ черезъ три. Если жъ Богу не будетъ угодно возвратить меня подъ кровь ро-

димый, если не приду я въ урочное время, забудь Василья, выходи замужъ за другаго. Или нѣтъ! вотъ что Прасковья: нищи себѣ друга другаго сейчасъ же, прошу я тебя. Не дѣло говорю я, съ горя болтаю: придется мнѣ служить годовъ 20, а можетъ 25. Гдѣ тамъ ждать! Такъ, сдѣлай ты милость: меня позабуди.

— «Напрасно меня обижаешь, Василій: колы сердце свое отдала я тебѣ, такъ другаго любить не смогу, и если, Богъ дастъ, доживу до того, что свидимся, такъ застанешь меня старухой въ дѣвкахъ.

«Воротился домой. Какъ повезли меня, какъ были въ присутствіи, не помню. Очнулся лишь на службѣ царской.

«Какъ годъ провелъ я въ резервахъ, не буду рассказывать: всѣмъ извѣстно, куда привыкнешь, очень скучно.

«Начали насъ назначать по полкамъ, и меня отправили въ Черноморскій линейный баталіонъ. Пришелъ, ознакомился; ребята, друзья дорогіе меня окружили. Спасибо за все: не обиженъ былъ ими.

«Уже не разъ мнѣ случалось побывать и въ походахъ и видѣть Татаръ, стрѣлять и колоться, хоть времени и мало прошло: всего одинъ годъ.

«Одинъ разъ, вечеромъ, приказано намъ было получить сухарный провіантъ на себя дней на пять и утромъ въ походъ выступать. Смазали ружья, получили патроны, пооббили кремень, осмотрѣли сапоги, шаровары—все цѣло; полушубчикъ залатанъ, и, уложивши въ торбочку все съѣстное да одну на всякій случай сорочку — вотъ и совсѣмъ готовъ.

«Къ утру, когда еще зорька не встала, а мы всѣ, пообѣдавши, ждемъ приказанья, готовые къ походу, «ступай, выходи!» раздалось въ казармѣ. Мы всѣ вдругъ схватились и ружья давай разбирать... суматоха! Вотъ вышли, построились въ ротныя, и повели насъ.

«На первый день такъ, ничего, обошлось, и мало стрѣлять приходилось, лишь ночью холодной пришлось пролежать мнѣ въ секретѣ, а рано до зорьки мы выпили водки, поѣли кашички, отрядъ поднялся, и немного прошли мы, какъ вдругъ открылась перестрѣлка. Узнали, что горцы, засѣвъ за завалы изъ толстыхъ деревьевъ, наложенныхъ черезъ дорогу, открыли пальбу по цѣпи авангардной. «Охотниковъ требуютъ», кто-то сказалъ, «идти на завалы». Перекрестился, и, когда командиръ охотниковъ

вызвалъ, я вышелъ изъ первыхъ. Пошли мы. Было насъ человѣкъ пятьдесятъ—не болѣе—шли дружно.... Передъ нами гора и дорожка но ней.

«Круча была большая: поползли по сторонамъ тропинки межъ кустами. Трудно было: колючка и камни руки рѣжутъ, а обрывъ, поглядишь — въ головѣ закружится; оступись, такъ костей не сочтешь: такъ глубоки овраги.

«Подошли мы поближе—слышенъ говоръ, смѣются враги, не смышляя, что солдаты русскій тутъ въ десяти шагахъ и готовы уже броситься, да прилежъ отдохнуть, какъ приказано было: до перваго выстрѣла — смирно. А мы такъ зашли къ нимъ съ тыла, что несчастные совсѣмъ не слышали.

«Вдругъ нашъ офицеръ закричалъ «ура!» и мы кинулись.... Заблистало въ глазахъ, зазвенѣло въ ушахъ, въ головѣ закружилось. Полилась кровь черезъ край. Крики наши «ура!» и черкесскіе «ги» такъ какъ будто одно составляли.... Вдругъ вижу я, поручикъ, а съ нимъ и солдатовъ человѣка четыре отбились: того и гляди, что въ плѣнъ попадутся.

— «Ребята, закричалъ я:—скорѣе сюда къ его благородію!...

«Выручили....

«Долго дрались мы, дрались такъ, что дай Богъ, чтобы всегда вамъ всѣмъ драться такъ приходилось.... Вотъ еще одинъ разъ сошлись мы, кровь мнѣ брызнула въ лицо, и бросился пуше драться. Тутъ ранили меня въ руку, а въ груди заболѣло, что-то потомъ голова у меня закружилась, потемнѣло въ глазахъ; я упалъ.

Поглядѣлъ я вокругъ — что-то странное, право; въ избѣ я или гдѣ, не пойму ничего; а потомъ опять я заснулъ.... Снилось ли, или точно то было, не знаю, только видѣлъ я, какъ старушка мнѣ какъ будто дѣлала больно и вязала меня; а потомъ такъ хорошо и свѣжо было мнѣ.

«Смотрю: кажется, точно изба, только темно что-то. Тутъ старуха сидитъ и другіе вдали говорятъ,—не пойму, что такое.... А внизу на землѣ огонекъ горитъ, только плохо совсѣмъ.

«Вдругъ одинъ изъ сидѣвшихъ взялъ рукой головню, приподнялъ и подбросилъ дровъ: пламя вспыхнуло, освѣтило все.... Сакля и черкесы кругомъ, — значигъ, я въ плѣну. Грустно стало мнѣ, заплакалъ я, такъ горько, такъ крѣпко, что старуха, бывшая въ саклѣ, подошла ко мнѣ, зажгла лучину, посмотрѣла въ лицо и, обращаясь къ другимъ, замолвила, видно, за меня доб-

рое словечко, потому что всѣ подошли ко мнѣ, покачали головой, совсѣмъ не такъ страшно и злобно смотрѣли, какъ рассказываютъ наши молодцы, побывавши у нихъ въ плѣну.

«Полюбили меня черкесы за мой кроткій нравъ и, увидя, что рука моя лѣвая не работница, ничего мнѣ не приказывали и во всемъ даже мнѣ помогали. Тутъ увидѣлъ я, что простился съ рукой навсегда, повело, покорило всего; но черкесы сростили мнѣ руку. Только пуля въ груди больно мучила и не давала мнѣ вздохнуть свободно

«Недѣли три, и мѣсяцъ прошелъ — я поправился, силы ко мнѣ возвратились; только руку вотъ совсѣмъ отняло.

«Началъ думать я, какъ бы мнѣ домой къ нашимъ въ лагерь попасть, и придумалъ такъ: что какъ лягутъ спать всѣ, встать да прямо и иди себѣ до дому.

«За мной даже не смотрѣлъ никто. Ночью выступилъ я, взявъ съ собою три лепешки въ дорогу. Прошелъ съ версту; немного еще пришлось по рѣченькѣ брести, потомъ подъ горою спустился въ лѣсокъ, гдѣ утро настигло меня. Забравшись въ кусты, легъ отдохнуть, верстъ семнадцать прошелъ, а не зналъ, куда навѣрно мнѣ слѣдовать; отъ усталости заснулъ я.... Пробудился отъ пальбы съ пушекъ и ружей.... схватился, смотрю изъ кустовъ и вижу нашъ отрядъ.

«Кустами, оврагами прошелъ я такъ счастливо, что въ отрядъ попалъ. Ошиблись въ цѣпи: думали, ловятъ Черкеса, схватили меня, повели подъ карауломъ къ начальнику отряда. Тамъ я все рассказалъ, и отправили меня въ свой баталіонъ, гдѣ меня на довольствіе оставили въ третьей ротѣ; командиръ роты былъ тотъ поручикъ, что съ нами ходилъ на завалы.

— «Здравствуй, другъ, здравствуй, братъ Фоминъ! Какъ, какими судьбами ты бѣжалъ, а еще страннѣй — ты живъ....»

Говоря это, поручикъ цѣловалъ меня. Рассказалъ его благородію, какъ очнулся, какъ смотрѣли за мной, что, соскучась за родиной, я бѣжалъ, хотя пользы теперь приносить не могу Царю Батюшкѣ и родному своему отечеству.

«Посмотрѣлъ онъ на руку мнѣ, покачалъ головой.

— «Молодъ, жаль, говорить.

— Чтò же дѣлать, ваше благородіе! Жалѣть нечего, что пошло для пользы другимъ. Я и жизнию готовъ жертвовать....

«Поручикъ взялъ меня и повелъ къ баталіонному командиру: тотъ спасибо сказалъ и мнѣ чистую отставку велѣлъ ожидать.

— «За храбрость твою и спасеніе командира будешь ты кавалеромъ св. Георгія.

«Такъ обрадовалъ добрымъ словомъ меня нашъ полковникъ.

«Каждый день съ того часу у поручика-благодѣтеля я бывалъ. Онъ меня чаемъ паивалъ и какъ съ другомъ своимъ, какъ бы съ равнымъ обходился со мной. Просто, такъ не повѣрите, первый разъ не зналъ, какъ садиться съ его благородіемъ рядомъ, а потомъ попривыкъ.

— «Ты мнѣ другъ, говорилъ поручикъ: — бывало, много встрѣчу людей, а такого, какъ ты, видно, ужъ больше не видать. Ты мнѣ жизнь спасъ, такъ помни, другъ мой Василій, что, когда бы и гдѣ бы ни былъ и въ чемъ будешь нуждаться, проси, и послѣднимъ съ тобой подѣлюсь я.

«Получилъ я крестъ, и отставка пришла. Вотъ въ рукахъ у меня, да больно разстаться мнѣ, други-товарищи, съ вами: еще другой годъ въ баталіонѣ этомъ я, но крѣпко привыкъ къ вамъ. Хотѣлось бы послужить; да, видно, ужъ такъ на роду мнѣ написано.

«Сонъ снился, товарищи, правдивый, что быть мнѣ на службѣ, въ походахъ, быть ранену крѣпко, домой возвратиться; вотъ только, товарищи, не знаю, приду ли домой, да еще жива и не вышла ли замужъ моя Прасковья; а трехъ лѣтъ еще нѣтъ, такъ, можетъ быть, вправду Богъ всемогущій еще счастьемъ надѣлать!»

Замолкъ разскащикъ. На лицахъ солдатъ выразились недоразумѣніе и неудовольствіе....

— Что же, только и будетъ? а дальше ничего неизвѣстно, что сталося съ нимъ? сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Ужъ и не говорилъ бы, сказалъ другой.

— Нѣтъ, братецъ, передъ походомъ его дядько Климъ Герасимовъ письмо получилъ отъ него и два рубля денегъ, и пишетъ онъ, что все засталъ дома въ надлежащемъ видѣ, и Парасковья жива и за него замужъ пошла... Видите, ожидала его... порядочная дѣвка... и что Богъ сына далъ... такой баловникъ, пишетъ, вонъ ужъ скоро годъ ему.... Пишетъ, что я, говорить, готовлю изъ него солдата и теперь одной рукой таскаю мальчишку и приучаю къ службѣ и, говорить, что во всемъ счастіи и довольствіи живетъ....

— Такъ всегда, сказалъ старичокъ-солдатъ: — доброму и Богъ помогаетъ.... За брата пошелъ и себѣ и всему семейству

добро сдѣлалъ.... Что рука не дѣйствуетъ — ничего, за то черезъ три года кавалеромъ домой воротился....

Выслушавъ разсказъ о Васильѣ Фоминѣ, я съ трудомъ пробирался между грудями натаканнаго въ кучи горскаго имущества, направляясь къ широкому пламени офицерскаго костра.

Не доходя шаговъ двадцати къ костру, кругомъ котораго сидятъ и стоятъ офицеры, я остановился. Между ними шелъ самый жаркій споръ. Вслушиваюсь: сравнивается настоящее и прошедшее положеніе кавказской войны. Споры въ самомъ разгарѣ....

— Никакого сравненія, никакого сравненія, довольно громко кричалъ одинъ:—теперь вы не увидите тѣхъ ужасовъ, какіе происходили прежде....

— Да, до перваго дѣла....

— Выслушайте меня, я только расскажу случай, который разыгрывался передъ моими глазами, сказалъ довольно пожилыхъ лѣтъ мужчина:—выслушайте, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

— Говорите, мы слушаемъ....

— «Лѣтъ двадцать и даже немного болѣе, было одно дѣло,— дѣло такое, которое и теперь, какъ тогда, одинаково свѣжо въ моей памяти, и до сихъ поръ я страдаю, вспоминая о немъ. Назначенъ былъ набѣгъ въ горы; вечеромъ отрядъ выступилъ, и за часъ до разсвѣта мы лежали подъ плетнями аула, жители котораго безпечно спали.

«Передъ выступленіемъ не только отдавалось письменное приказаніе, чтобы при занятіи аула щадить жизнь стариковъ, дѣтей, женщинъ и вообще всѣхъ, кто не можетъ владѣть оружіемъ, но еще начальникъ отряда просилъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, офицеровъ и даже солдатъ какъ можно заботиться о томъ, чтобы меньше проливалось невинной крови.

«Кажется, все было соблюдено; а когда отрядъ расположился подъ плетнями аула, то генералъ и отрядный адъютантъ, обходя ряды, шопотомъ повторяли тѣ же приказанія. Разсвѣло.... Несчастные обитатели аула узнали о своемъ безвыходномъ положеніи.

«Крики ужаса раздались отсюда, раздирающій душу плачъ женщинъ и дѣтей, воинскіе крики молодыхъ джигитовъ, рѣшившихся умереть, защищая свою общину — все это слилось въ одинъ звукъ, — звукъ до того ужасный, до того грустный,

что я готовъ былъ бѣжать съ поля тайнаго набѣга, гдѣ приходилось драться не съ однимъ мужчиной, но съ женщинами, дѣтьми. Ужасно!... Нѣсколько выстрѣловъ, и закипѣлъ бой.

«Сначала ошеломленные горцы, захвативъ оружіе, выскакивали, иные совершенно нагіе. Женщины, съ распущенными косами, какъ сумасшедшія, бѣгали по дворамъ.

«Горцы видѣли, что единственное спасеніе—это силѣ противопоставить силу; но какъ они этого сдѣлать не могли, то рѣшились умереть, защищая родныя пепелища.

«Драка распространилась по всему аулу. Рѣзня была страшная. Каждый шагъ нашъ обливался кровью. Горцы дрались бо-лѣе, чѣмъ отчаянно. Несмотря на то, что мы превосходили немнѣе, чѣмъ въ десять разъ, долго не замѣтно было, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Старъ и младъ, ухвативъ что попало, спѣшили на общую схватку. Сила восторжествовала. Не только мужчинъ, но женщинъ кололи. Кровь лилась повсюду. Женщины, видя погибель своихъ мужей, искали покровительства и защиты у побѣдителей; но разъяренные воины забывали лучшую добродѣтель свою и не всегда давали пощады просящимъ ее.

«Мнѣ очень живо рисуется картина, когда, упавши на колѣни, съ младенцемъ на рукахъ, блѣдная, съ распущенными волосами, едва прикрытая, молодая, красивая Черкешенка умоляла о защитѣ у поручика З....скаго.

«Но пройдемъ молчаніемъ многое. Вы не повѣрите тому, что я видѣлъ... Когда я вспоминаю это дѣло, у меня волосъ становится дыбомъ; я даже не вѣрю самъ себѣ, что былъ свидѣтелемъ чего нибудь подобнаго. Не вѣрится; но, къ несчастью, это было... Одно лишь воспоминаніе приводитъ меня въ дрожь и бьетъ лихорадка. А что же было еще прежде.

«Къ счастью, теперь совершенно прошла пора невзгодъ, теперь уже и тѣни нѣтъ того, что было, когда я еще былъ въ вашихъ лѣтахъ, господа...»

— Да у насъ, слава Богу, этого не бываетъ, замѣтилъ молодой офицеръ:—но все-таки, я думаю, слѣды прошедшаго не изгладились въ памяти горцевъ, и если съ нашей стороны, по возможности, уничтожается эта вражда, горцы иногда дѣлаютъ страшныя вещи... Я расскажу вамъ случай, не менѣе впечатлительный, какъ и вашъ. Вотъ онъ:

«Разъ на зарѣ, когда станица погружена была...»

«Тревога! тревога!» раздалось со всѣхъ концовъ полусоннаго отряда. Поднялась перестрѣлка, забилъ барабанъ, съ громомъ полетѣло нѣсколько гранатъ, застучала картечь по деревьямъ. Освѣтилась полоса отъ пущеннаго свистящаго ядра; вдали очертились тѣни горцевъ, собравшихся толпою и готовыхъ къ нападенію. Опять темно вдали; лишь отъ выстрѣловъ горскихъ мелькаютъ въ темнотѣ огоньки. Солдаты встрепнулись, ружья въ рукахъ, и всѣ готовы въ бой. Рѣзко звучатъ горскіе гики, наводятъ грусть. Офицеры были на своихъ мѣстахъ.

«Затихла перестрѣлка. Бивуакъ отряда водворился по прежнему; но уже не сходились офицеры, и только что начатый рассказъ, вѣроятно, намъ придется дослушать въ другой разъ.

Отрядъ, потревоженный тревогой, уже не ложился спать. Хотя до разсвѣта оставалось еще довольно времени, но готовилась каша, кипѣла вода въ самоварахъ, нагрѣвались чайники.

Солдаты опять смѣются, опять весело звучитъ русская пѣсня, чай пьется, кашу ѣдятъ; прошло еще полчаса, затарахтѣлъ барабанъ у ставки отряднаго начальника, повѣстка подхвачена въ различныхъ мѣстахъ отряда. Укладываются вещи офицерскія, тащатъ ротные котлы. Огонь костровъ и пламя горящаго аула, сливаясь, представляютъ одну массу огня. У пламени грѣются промерзшіе въ секретѣ и цѣпяхъ солдаты. Пожаръ увеличивается ежеминутно; смѣшанный говоръ сливается съ трескомъ горящихъ и падающихъ бревенъ. Барабаны еще разъ загремѣли, зазвучали трубы; раздаются приказанія начальниковъ, и ротныя колонны отряда двинулись за командирами. Задрезжалъ обозъ по замерзшей дорогѣ и началъ вытягиваться въ одну линію.

Вышедшія за аулъ роты, назначенныя въ авангардъ, простояли съ полчаса; ротные командиры приказываютъ составить ружья. Становится холодно; опять раскладываются костры, и долго еще не раздается сигналъ для общаго движенія всей колонны.

Но вотъ поданъ наконецъ сигналъ.

Отрядъ двинулся.

ПЕТРЪ АНДРІЕВИЧЪ.

С.-Петербургъ,
8-го сентября 1859 г.

ЗНАКОМСТВО СЪ ШАМИЛЕМЪ (*).

(Посвящается П. К. М—су.)

3 октября, я получилъ приказаніе — явиться на слѣдующій день къ полковнику Богуславскому, попеченіямъ котораго правительство ввѣрило имама Шамиля на первое время его плѣна, впредь до окончательнаго водворенія въ Калугѣ. Полковникъ Богуславскій долженъ былъ представить меня знаменитому плѣннику, какъ человѣка, который съ этой минуты будетъ заботиться о немъ, какъ о добромъ своемъ товарищѣ, и жить съ нимъ подъ одною кровлею до самой смерти кого нибудь изъ насъ.

Жить съ Шамилемъ! заботиться о немъ!... Когда это приходило мнѣ въ голову?... Напротивъ, я хорошо помню, что за время долгой моей службы на Кавказѣ не одинъ разъ подумывалъ я о томъ, какъ-то будетъ заботиться Шамиль обо мнѣ, когда случайности войны сдѣлаютъ меня его плѣнникомъ?... Про-

(*) По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, для постояннаго нахожденія при знаменитомъ плѣнникѣ назначенъ штабсъ-капитанъ Руновскій, служившій доселѣ въ войскахъ Кавказской арміи.

Штабсъ-капитанъ Руновскій, извѣстный читателямъ «Военнаго Сборника» замѣчательными статьями своими «Человѣкъ съ честными намѣреніями», будетъ постоянно продолжать свои записки. Рядъ статей даровитаго сотрудника «Военнаго Сборника», основаніемъ которыхъ будутъ бесѣды съ Шамилемъ, ознакомивъ читателей съ замѣчательною личностію имама, прольетъ новый свѣтъ на Кавказъ, обычаи горскихъ народовъ и, быть можетъ, исторически уяснитъ нѣкоторыя событія ожесточенной борьбы временъ прошлыхъ.

Ред.

Т. Х. Отд. II.

12

сторна или тѣсна будетъ та яма, въ которую меня засадятъ? До какой степени сносный будетъ въ ней воздухъ? Чѣмъ-то меня кормить будутъ и какого свойства рубище дадутъ мнѣ для защиты отъ холода и сырости, въ замѣнъ моего собственнаго костюма, который, сдѣлавшись, по праву войны, однимъ изъ трофеевъ моего хозяина, быть можетъ, поступитъ въ составъ гардероба моей будущей, милой хозяйки?... Не разъ случалось также мнѣ видѣть и сны подобнаго содержанія.... то были сны страшные,—страшные до того, что, несмотря на всю пріятность пробужденія и на сознаніе, что «то былъ сонъ», я невольно начиналъ, на всякій случай, перебирать въ умѣ средства къ освобожденію своему изъ будущаго плѣна....

Но теперь кончено! я ужь не попадусь къ Шамилю въ плѣнъ: это вѣрно; развѣ только онъ плѣнитъ меня другимъ, болѣе мирнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, который онъ употреблялъ на Кавказѣ. Тогда это будетъ плѣнъ пріятный, и заключенію моему въ тюрьмѣ его сердца, быть можетъ, позавидуетъ не одна изъ прежнихъ непріятельницъ грознаго имама.

Пріѣхавъ въ Знаменскую гостинницу въ 10 часовъ утра, я уже не засталъ ни имама, ни г. Богуславскаго: въ половинѣ десятаго, они уѣхали, по приглашенію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, въ Кронштадтъ и только въ четыре часа пополудни должны были воротиться домой.

Къ четыремъ часамъ я былъ уже въ гостинницѣ. Толпа народа на площади, около дверей, дожидалась возвращенія имама чуть ли не съ самаго отъѣзда его. Множество посѣтителей обо-его пола наводняли всѣ великолѣпныя залы, лѣстницы и корридоры отеля. И такое стеченіе публики здѣсь бываетъ каждый день. Это цѣлый триумфъ! Немногіе побѣдители возбуждали въ своихъ соотечественникахъ такое участіе и такую жажду видѣть ихъ и изучить ихъ черты, какъ возбуждалъ все это Шамиль въ тѣхъ, когѣ во всю свою жизнь онъ считалъ, и по религін и по убѣжденію, заклятыми своими врагами. Не служить ли это доказательствомъ того, что знаменитый нашъ плѣнникъ совсѣмъ не та дикая, разбойничья личность, которая незаслуживаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не только уваженія, но и состраданія? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этотъ жадномъ любопытствѣ публики, въ этомъ лихорадочномъ чувствѣ, написанномъ на лицѣ каждаго, кто ожидаетъ выхода имама откуда бы то ни было, не слѣ-

дуетъ ли во всѣмъ этомъ видѣть — не простое любопытство, устроившее благополучіе антрепренера Юліи Пастраны, а именно дань уваженія къ той личности, въ которой уже признанъ: и хорошій администраторъ, и умный, даже очень умный человекъ, одаренный отъ природы сильнымъ характеромъ и желѣзною волею? И если послѣднія два качества обращались иногда въ жестокость, столь непонятную и непростительную для нашего христіанскаго цивилизованнаго взгляда на вещи, то нужно только вспомнить, что она очень обыкновенна по понятіямъ горцевъ, ожесточенныхъ, сверхъ того, полутораѣвковой борьбою съ нами и не находившихъ, между кудрявыми догматами ислама, нашего христіанскаго догмата: «любите враговъ вашихъ».

Любите враговъ вашихъ!... Какая прекрасная задача! Но какъ-то мы ее рѣшаемъ? Что до меня, то грѣшный человекъ: хоть и стараюсь я быть порядочнымъ христіаниномъ, а, надо признаться, не болѣе много полюбилъ я враговъ своихъ, не взирая даже и на то, что между ними попадаются люди съ большими достоинствами. Вотъ развѣ не любятъ ли враговъ своихъ какъ самихъ себя тѣ господа, которые съ такимъ ожесточеніемъ нападаютъ на беззащитнаго Шамиля, на вниманіе къ нему публики и, стало быть, на самыя условія, въ которыя будутъ поставлены плѣнъ и остатокъ его жизни?... Однако, они, вонъ, печатно доказали свою нетерпимость въ отношеніи враговъ отечества, даже *бывшихъ* враговъ, всегда полуголодныхъ, полуобнаженныхъ, а теперь и лишенныхъ уже возможности вредить намъ. Но, можетъ быть, они питаютъ очень нѣжное чувство къ личнымъ своимъ врагамъ, одѣтымъ въ военное или партикулярное платье? Можетъ быть, не смѣю сомнѣваться; но думаю, что болѣе вѣрнаго сужденія о личности имама, объ его достоинствахъ и преступленіяхъ противъ насъ слѣдуетъ ожидать отъ нашихъ кавказскихъ войскъ, такъ долго стоявшихъ лицомъ къ лицу со всѣми этими данными и потому имѣющихъ въ этомъ случаѣ полное право на неоспоримый авторитетъ. Спросите же у нихъ о Шамилѣ: что они вамъ скажутъ? Наверное, не посоветуютъ они поступать съ нимъ такъ, какъ поступали горцы съ нашими плѣнными, и выразятъ свое мнѣніе по этому предмету если не въ такомъ, то почти въ такомъ родѣ: Шамиль былъ предводителемъ народа, который такъ долго ведетъ съ нами войну, и, притомъ, войну народную; а кто не знаетъ, что такое народная война? Но вы ее не знаете, господа, потому что изъ вашихъ теплыхъ кабина-

товъ, откуда вы мечете на Шамиля ваши громы, не совсѣмъ рельефно обозначаются многія мелочныя подробности народныхъ войнъ, а нѣкоторыя даже совсѣмъ не замѣтны. Однако, вы читали или слышали о нихъ изъ разныхъ разсказовъ, о войнѣ, напримѣръ, гверильясовъ, да хоть бы о войнѣ приснопамятнаго двѣнадцатаго года. Какъ же вамъ показались эти подробности? Обвиняли ли вы безпощадно предводителей гверильясовъ или нашихъ партизановъ Давыдова, Фигиера и проч.? А вѣдь тѣ и другіе воспитаны въ духѣ христіанской религіи и считаются въ числѣ народовъ если не образованныхъ, то, по меньшей мѣрѣ, просвѣщенныхъ. А горцы? Какая великая разница! Вы только посмотрите на то, что дѣлается съ ними въ жизни: не успѣтъ горецъ родиться, крестная его мать—природа кладетъ ему на зубокъ все свое достояніе: ликость, угрюмость и, подъ-часть, величественность. Все это, впоследствии, неизбѣжно должно отразиться въ характерѣ взрослого человѣка, а стало быть и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Потомъ, онъ начинаетъ сосать молоко родной своей матери—горянки; а въ этомъ молокѣ, какъ извѣстно, содержится, между прочими составными частями, два элемента, не открытыхъ еще химіею: ненависть къ христіанамъ, поставленнымъ алкораномъ въ одну категорію съ вредными существами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, и ненависть къ Русскимъ, въ сраженіяхъ съ которыми пзувѣченъ его отецъ, убитъ его дѣдъ, взятъ въ плѣнъ его прадѣдъ и тернѣлъ всякія напасти его пращуръ. Ко всему этому, горцы принадлежатъ къ числу народовъ не только непросвѣщенныхъ, не употребляющихъ никакихъ горячихъ напитковъ, но мы же зовемъ ихъ народомъ варварскимъ; а это условіе, виѣстѣ съ условіями, окружающими первые дни жизни горца, не должно ли сдѣлать его на войнѣ такимъ, какимъ мы его знаемъ?... И вся эта ненависть цѣлаго народа, всѣ отдѣльные вопли о погибшихъ братьяхъ, всякое личное неудовольствіе каждаго, все, что порождается недоразумѣніями и случайностями войны, — все это разѣ не должно было въ высокой степени соединяться въ Шамиля, какъ въ предводителя, который обязанъ знать всѣ нужды своего народа, сочувствовать всѣмъ его скорбямъ и, подъ-часть, исполнять его прихоти, не всегда разумныя у горцевъ, какъ бываютъ неразумны онѣ у малыхъ дѣтей? Слѣдуетъ ли, послѣ этого, назвать Шамиля разбойникомъ, руководившимся въ своихъ дѣйствіяхъ дикими инстинктами хищнаго животнаго? или же онъ,

дѣйствительно, герой своей сгранны, честно исполнившій свои обязанности, требуемый духомъ народа, нравами и обычаями его родины?... Предоставляю рѣшать положительнымъ образомъ этотъ вопросъ ненавистникамъ имама, которые послѣ этого, можетъ быть, хоть немножко тронутся окружавшею его на Кавказѣ обстановкою и, на этомъ основаніи, сколько нибудь помилуютъ его. Я же обращаюсь къ началу моего знакомства съ имамомъ.

Только что пробило четыре часа, на площади, около гостиницы и по всѣмъ ея помѣщеніямъ, раздались голоса: «ѣдетъ, ѣдетъ!» и, чрезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ показался Шамиль, поддерживаемый съ одной стороны человѣкомъ и окруженный такою густою массою публики, что только съ большимъ трудомъ могъ двигаться по лѣстницѣ. Несмотря на усталость, произведенную морскою поѣздкою, которую онъ совершилъ въ первый разъ въ жизни, на лицѣ его было написано удовольствіе, имѣвшее прямую связь съ вниманіемъ къ нему публики. Но это было не то удовольствіе, которое такъ часто испытываетъ нашъ братъ обыкновенный человѣкъ, когда видитъ, что удовлетворяются его страстишки, его нечеловѣческое и потому крошечное самолюбіе: нѣтъ, ощущеніе, котораго не могла скрыть важная, задумчивая фізіономія имама, казалось мнѣ истиннѣ разумнымъ, великимъ: сколько горькихъ тяжелыхъ годовъ пережилъ онъ до наступленія этой сладкой минуты!... А думалъ ли онъ о ней, рассчитывалъ ли на нее? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ: въ виду у него былъ одинъ конецъ — тотъ самый, который заключилъ дѣйствія и Гамзатъ-Бека, и Кази-Муллы, и всѣхъ другихъ предмѣстниковъ его на этой «должности». Шамиль зналъ это навѣрное; даже больше: онъ зналъ, что другаго конца для него и не можетъ быть,—но онъ твердо шелъ избранною однажды дорогою, которая вдругъ недуманно, негаданно привела его безоружнаго въ непріятельскую страну и потомъ поставила передъ изумленные взоры петербургской публики. Взглянувъ на нее, онъ сразу замѣтилъ, что здѣсь цѣнятъ его достоинства такъ, какъ не всегда ихъ цѣнили его соотечественники, дѣлу которыхъ онъ такъ вѣрно служилъ. И вотъ гдѣ заключается источникъ того удовольствія, которое одушевляетъ серьезное лицо имама, при встрѣчахъ съ петербургскою публикою. Даже встрѣчи его съ уличными ротозѣями, нерѣдко пускающимися въ догонку за его коляскою и привѣтствующими

появленіе ея радостными криками, даже и эти встрѣчи возбуждаютъ въ немъ удовольствіе, отнюдь не лишнее смысла: однажды, при подобной встрѣчѣ, онъ сказалъ г. Богуславскому: «Ваши мальчишки радуются, видя меня въ плѣну; но они не сердятся на меня и не желаютъ мнѣ зла—это очень хорошо—а у меня не такъ: наши мальчишки закидали бы плѣннаго грязью, а еслибъ имъ позволили, то прибили бы его и даже убили. Когда придемъ въ Калугу, я напишу къ своимъ, чтобъ они запретили это дѣлать: я думаю, что меня послушаютъ....»

Зная, что впереди у меня еще много времени для изученія имама, во всѣхъ отношеніяхъ, я не всматривался въ его крашеную бороду, ни въ цвѣтъ его глазъ и ни въ одну изъ остальныхъ частей его наружности, а, вмѣсто того, обратилъ все свое вниманіе на фізіономію зрителей, между которыми немало было планетъ большой величины, немало было и сѣренскихъ мужичковъ. Шамиль двигался чрезвычайно медленно, и это доставило мнѣ возможность вглядѣться въ большое число самыхъ различныхъ фізіономій, и, притомъ, съ такимъ вниманіемъ, которое могло ручаться за вѣрность заключенія. Но ни на одномъ лицѣ, ни въ одной парѣ глазъ не замѣтилъ я и малѣйшаго непріязненнаго чувства или упрека, способнаго заставить преступнаго плѣнника опустить голову въ сознаніи справедливости этой укоризны. Ни одного взгляда ненависти, ни одного желанія мщенія не бывало видно на лицахъ зрителей. А, между тѣмъ, въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, были люди, оплакивающіе своихъ близкихъ родственниковъ или друзей, которые сдѣлались жертвами войны, такъ долго и такъ искусно веденной этимъ самымъ плѣнникомъ. Напротивъ, всѣ устремленные на него взоры выражали полную симпатію, и на всѣхъ лицахъ отражалось сочувствіе и уваженіе къ личности проходившаго предъ ними человѣка.

«Нѣтъ, господа», подумалъ я, двигаясь вслѣдъ за имамомъ къ занимаемому имъ номеру, «не обманемъ мы публики нашими газетными статьями: не станетъ она вторить нашимъ возгласамъ противъ безоружнаго и доблестнаго плѣнника,—возгласамъ, очень похожимъ на требованіе канлы; а будетъ она дѣйствовать такъ, какъ, видите, она дѣйствуетъ теперь: вполне сообразно съ достоинствомъ честнаго и великодушнаго народа...»

Давъ имаму время переодѣться въ домашній костюмъ и совершить омовеніе, полковникъ Богуславскій представилъ меня ему и, въ то же самое время, познакомилъ съ его сыномъ. Оба

они посмотрѣли на меня долгимъ внимательнымъ, даже суровымъ взглядомъ, послѣ чего Шамиль спросилъ: «какъ меня зовутъ?» Это всегдашній его вопросъ при первомъ его знакомствѣ, при чемъ онъ разумѣетъ не фамилію, а имя новаго знакомаго. Г. Богуславскій отвѣчалъ, что меня зовутъ Аполлономъ. Это имя замѣтно удивило ихъ обоихъ: они, повидимому, не подозревали его существованія и теперь какъ будто не знали, что съ нимъ дѣлать, потому что съ минуту молчали и только посматривали на меня, легонько шевеля губами. Потомъ начали они вполголоса произносить: «Афлѣнъ, Афлѣнъ, Афлѣнъ, и наконецъ, выговоривъ громко: «Афилѣнъ», на этомъ и остановились. Кажется, это имя такъ и останется за мною до конца нашихъ сношеній. Пусть будетъ такъ!

Произнеся еще нѣсколько разъ мое новое имя и продолжая смотрѣть на меня тѣмъ же внимательнымъ взглядомъ, Шамиль спросилъ, говорю ли я на какомъ нибудь изъ тѣхъ нарѣчій, которыя онъ знаетъ. Отвѣтъ былъ не вполне удовлетворительный: я говорилъ прежде довольно порядочно по-кумыкски, но это было давно, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики, а потому объявилъ, что знаю этотъ языкъ слишкомъ мало, а говорить совсѣмъ не могу. Отецъ и сынъ цмокнули языками, и на ихъ физиономіяхъ ясно отпечаталась мысль: «какой же изъ него толкъ будетъ?» Потомъ Шамиль спросилъ, «гдѣ я служу». Узнавъ, что на Кавказѣ, онъ, повидимому, обрадовался и, замѣтивъ въ эту минуту бывшую у меня въ рукахъ папаху, взялъ ее и вмѣстѣ съ сыномъ разсматривалъ очень внимательно и даже съ видимымъ удовольствіемъ, какъ предметъ, близкій ихъ сердцу, хотя точно такой же предметъ покрывалъ голову каждого изъ нихъ. Осмотрѣвъ мою папаху и возвращая ее мнѣ, Шамиль спросилъ, «давно ли я служу на Кавказѣ». Услыхавъ, что я служу девятнадцать лѣтъ, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его сынъ скончательно повеселѣли и стали уже смотрѣть на меня гораздо снисходительнѣе.

— Товарищъ мой будетъ, другъ будетъ, сказалъ Шамиль, подавая мнѣ руку, что сдѣлалъ тотчасъ же и Казы-Магометъ.

Я просилъ г. Богуславскаго передать имаму, что я чувствую себя очень счастливымъ своимъ теперешнимъ назначеніемъ и что употребляю всѣ силы, чтобы пріобрѣсти расположеніе моего будущаго «товарища».

Должно быть, это понравилось ему: онъ снова пожалъ мою

руку и сказалъ, что съ своей стороны и онъ считаетъ себя обязаннымъ заставить меня полюбить его.

Послѣ этого мы сѣли вокругъ стола, поставленнаго подлѣ дивана, на которомъ занялъ мѣсто Шамиль. Перебирая чѣтки, онъ не спускалъ съ меня своихъ умныхъ глазъ и во время общаго молчанія принимался твердить: «Афилѣнъ, Афилѣнъ», что, кажется, обратилось для него въ своего рода забаву, которою онъ не упускалъ случая пользоваться во все время нашего перваго знакомства, лишь только вниманіе его не было устремлено на какой нибудь другой предметъ. Казы-Магомету тоже понравилось это занатіе.

— Афилѣнъ, Афилѣнъ, медленно твердилъ Шамиль, перенося свой взглядъ съ меня на г. Богуславскаго: — это имя я въ первый разъ слышу. Въ Петербургѣ у васъ, кажется, всѣхъ зовутъ Николаями; а вотъ у насъ, на Кавказѣ, такъ очень много Ивановъ: все Иванъ, все Иванъ....

Оказалось что изъ числа лицъ, представлявшихъ имаму въ Петербургѣ, многія, дѣйствительно, назывались Николаями, и эта-то странная случайность, вѣроятно, и заставила Шамиля предположить, что большая часть петербургскаго населенія состоитъ изъ однихъ Николаевъ. Въ свою очередь, и я сказалъ, что горцы зовутъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ, а также и бѣглыхъ солдатъ, Иванами, вѣроятно, потому, что послѣдніе сами объявляютъ это имя, для сокращенія допросовъ относительно ихъ званія.

Все это было передано имаму, который, повидимому, вполне вникнулъ въ смыслъ объясненія и затѣмъ спросилъ, въ какомъ я чинѣ. Получивъ въ отвѣтъ, что я штабсъ-капитанъ, онъ началъ приводить себѣ на память всѣ извѣстные ему чины нашей военной іерархіи. Оказалось, что болѣе всего онъ знакомъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта, который и былъ произнесенъ имъ нѣсколько разъ совершенно правильно — признакъ того, что въ продолженіе своего военного поприща онъ чаще всего имѣлъ своими противниками генераловъ этого чина. При этомъ онъ называлъ нѣсколько фамилій нашихъ генераловъ, служившихъ прежде и служащихъ теперь въ генералъ-лейтенантскихъ чинахъ.

— Пассекъ не былъ генералъ-лейтенантомъ, сказалъ онъ между прочимъ:—а ему слѣдовало дать этотъ чинъ: онъ хорошій у васъ генералъ былъ.

Г. Богуславскій сказалъ на это, что, безъ сомнѣнія, онъ получилъ бы этотъ чинъ, еслибъ не былъ убитъ въ 1845 году.

— Жаль его! произнесъ Шамиль, впадая въ задумчивость.

Послѣ короткой паузы, въ продолженіе которой Казы-Магометъ занимался перечисленіемъ нашихъ военныхъ чиновъ, усиливаясь выговаривать правильно ихъ названія, отецъ его снова сдѣлалъ вопросъ, относившійся ко мнѣ: «Гдѣ я служилъ на Кавказѣ?» Г. Богуславскій началъ было со словъ моихъ перечень служебнаго моего поприща, въ началѣ котораго стоялъ Куринскій полкъ, но на этомъ же первомъ словѣ Шамиль прервалъ его, сказавъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ:

— А, сосѣдъ, сосѣдъ! (*)

И затѣмъ спросилъ, въ какихъ дѣлахъ я участвовалъ. Зная, что мелкія стычки не могутъ быть для него интересны, да о многихъ изъ нихъ онъ совсѣмъ и не знаетъ, я назвалъ прежде всего блокаду Зерани въ 1843 году. Лицо имама одушевилось.

— А! съ Пассекомъ былъ? спросилъ онъ.

— Да, съ Пассекомъ.

— Лошадей кушалъ? продолжалъ онъ, улыбаясь.

— Кушалъ, отвѣчалъ я.

— Что жъ, вкусно показалось?

Я отвѣчалъ, что ничего; но что было бы гораздо вкуснѣе, еслибъ была у насъ соль.

— А соли не было?

— Въ послѣднее время не было.

— Ну, это худо... Однако, вы очень крѣпко тамъ держались: мов не выдержали бы... Жена есть у васъ? немного погода спросилъ онъ.

— Есть.

— А дѣти есть.

— Есть.

— Гдѣ они теперь?

— На Кавказѣ.

— И мои тамъ, произнесъ онъ, вздохнувъ и грустно улыбувшись.

Въ это время подали обѣдать. По приглашенію г. Богуславскаго, Шамиль всталъ и пересѣлъ за обѣденный столъ. За нимъ

(*) Штабъ-квартира Куринскаго полка расположена въ кр. Воздвиженской, отстоящей отъ бывшей резиденціи Шамиля, аула Ведень, верстахъ въ пятидесяти.

поднялись мюрыды и Казы-Магометъ. Всѣ они усѣлись вокругъ стола и начали кушать съ большимъ аппетитомъ. Шамиль предложилъ и мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ; но я поблагодарилъ его и отказался.

Около семи часовъ пополудни, я опять очутился въ обществѣ Шамиля и вскорѣ затѣмъ отправился съ нимъ въ балетъ, на который онъ былъ приглашенъ директоромъ Императорскихъ театровъ г. Сабуровымъ, гостепріимно помѣстившимъ насъ въ своей ложѣ. Этотъ спектакль былъ уже не первый для имама, и онъ, какъ нельзя лучше, доказалъ это тѣмъ, что владѣлъ теперь биноклемъ очень ловко; а въ то время, когда на сценѣ представлялась ночь, онъ ужъ не такъ рѣзко обращался къ люстрѣ, вѣроятно, получивъ отъ г. Богуславскаго объясненіе механизма ея.

Въ этотъ вечеръ давали «Катерину» и одно дѣйствіе балета «Пери». Увидя на сценѣ гаремъ, со всѣми его атрибутами, Шамиль замѣтно одушевился, но тотчасъ же какъ будто одумался и принялъ спокойно-важную позу, исполнѣ подобающую властелину гарема. Вообще, въ продолженіе цѣлаго спектакля, онъ держалъ себя какъ истый джентльменъ, у котораго сдержанность въ манерахъ и во всемъ обращеніи отнюдь не изучена передъ зеркаломъ на случай представившейся надобности, а проявляется какъ привычка, обратившаяся въ природу и основанная на ежедневной потребности и на всѣхъ условіяхъ домашней и общественной жизни, которую онъ ведетъ. Чтобы повѣрить этому, стоитъ только вспомнить недавнюю обстановку домашняго быта имама и условія официального его положенія, которыми онъ былъ окруженъ въ теченіе столь долгаго времени. Къ тому же, онъ властвовалъ надъ горцами, которые, какъ и всѣ народы Азіи, имѣютъ свои собственныя понятія о томъ, какъ долженъ держать себя властелинъ относительно подвластныхъ ему. Общественная же жизнь, для которой женщина составляетъ необходимую принадлежность, у азіатскихъ народовъ, какъ извѣстно, не слишкомъ развита, а у кавказскихъ горцевъ тѣмъ менѣе. Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія притворства въ Шамилѣ служить отзывъ, сдѣланный имъ г. Богуславскому, при посѣщеніи парохода-фрегата «Штандартъ». Осмотрѣвъ пароходъ во всей подробности, имамъ особенно былъ пораженъ изящнымъ убранствомъ Императорской каюты и очень удивлялся

тому, какимъ образомъ все, что онъ видѣлъ, могло быть такъ хорошо помѣщено на маленькомъ суднѣ, отланномъ, къ тому же, на произволь незнакомой ему стихіи. На вопросъ г. Богуславскаго, что преимущественно обратило его вниманіе на пароходъ, Шамиль простодушно отвѣчалъ:

— Меня удивляетъ только то, что государь вашъ такой могущественный и богатый монархъ, а, между тѣмъ, говоритъ съ обыкновенными людьми...

Не правда ли, что такое понятіе о богатствѣ и могуществѣ совершенно въ духѣ Азіатца и что человѣкъ, сдѣлавшій подобный отзывъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть пропитанъ этою идеею и понятіемъ осуществленія подобной идеи? А Шамиль находился подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ болѣе двадцати лѣтъ...

Но я отвлекся отъ сцены, на которой вновь пріобрѣтенный для гарема живой товаръ выказывалъ передъ султаномъ свои достоинства.

Меня не занимала эта пьеса, сколько потому, что я уже видѣлъ ее нѣсколько разъ, столько же и потому, что передъ моими глазами была сцена другаго рода—физиономія Шамиля, являющаяся собою высокій интересъ для самаго нелюбознательнаго зрителя.

Сушность дѣйствія, выражаемаго балетомъ, Шамиль разгадалъ, кажется, вполне, и немало сочувствовалъ положенію фигурировавшихъ передъ нимъ лицъ. Тѣснившіеся въ немъ ощущенія ясно отражались на его лицѣ, и онъ совсѣмъ не стѣснялся проявленіемъ ихъ, думая, что вниманіе всѣхъ его сосѣдей приковано къ одной лишь сценѣ, въ чемъ онъ убѣждался, повременамъ обращая украдкой на насъ свои глаза. Глядя на балетнаго султана, когда тотъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на прелести одалыкъ и на ихъ искусство въ танцахъ, серьезный имамъ вполне входилъ въ его положеніе и, какъ казалось, совсѣмъ былъ бы не прочь побывать на его мѣстѣ. Но вотъ султанъ ложится въ постель и засыпаетъ. На сцену спускается дымчатая занавѣсъ. Лицо имама горитъ; на немъ написано ожиданіе: что-то будетъ?... и вдругъ занавѣсъ исчезаетъ, и передъ изумленными очами моего зрителя явилась живая пирамида самыхъ прелестныхъ очаровательныхъ гурій... Шамиль не ожидалъ этого; онъ ждалъ другаго... Впившись глазами въ эту чудесную группу, онъ долго разсматривалъ ее съ тою ненасытною жадностью,

которая можетъ быть понятна только для записныхъ любителей балета. Потомъ, утоливъ нѣсколько снѣдавшее его чувство, а можетъ быть созная потребность отдохнуть отъ него, Шамиль перенесъ свой взглядъ съ заманчивой картины на спящаго султана, и тутъ онъ не могъ уже не сочувствовать ему, хотя бы глаза цѣлаго свѣта устремились на него и обличили бы его въ грѣшныхъ мечтаніяхъ: рука съ биноклемъ опустилась, и Шамиль закрылъ глаза...

— Нравится ли вамъ это? спросилъ его г. Богуславскій, показывая глазами на нашъ безподобный кордебалетъ.

— Пророкъ обѣщалъ намъ это только въ раю, отвѣчалъ имамъ: — я очень счастливъ, что успѣлъ еще на землѣ это увидѣть.

Шамиль лукавилъ: онъ очень хорошо зналъ о существованіи этихъ гурій на землѣ потому что, когда еще только начинался балетъ и онъ едва успѣлъ разсмотрѣть невольницъ и евнуховъ, то тотчасъ же сообщилъ г. Богуславскому замѣчаніе, что «это совершенно такъ, какъ бываетъ въ большихъ гаремахъ».

Но вотъ волшебная картина исчезаетъ; султанъ просыпается и, припоминая свои грѣзы, начинаетъ выражать одушевляющую его страсть какимъ-то новоизобрѣтеннымъ па. Очень можетъ быть, что, въ глазахъ большинства зрителей, этотъ танецъ имѣлъ всѣ достоинства новизны и граціи; но въ мнѣніи моего «товарища» онъ положительно и невозвратно погубилъ не только султана да, кажется, и самую пьесу: при первыхъ прыжкахъ этого, хотя и закулиснаго, но все-таки высокостепеннаго лица, Шамиль сдѣлалъ большіе глаза и, не довѣряя собственному зрѣнію, поспѣшилъ вооружиться биноклемъ. Однако, и тутъ онъ довольно долго отыскивалъ нужную для него степень фокуса, вѣроятно, изъ опасенія опять ошибиться. Установивъ наконецъ инструментъ и высоко поднявъ свои брови, имамъ началъ разсматривать танцующаго султана. При одномъ великолѣпномъ его сальтомортале, Шамиль окончательно убѣдился, что могущественный султанъ—увы!—дѣйствительно танцуетъ, и, притомъ, танцуетъ «любя». Тогда имамъ опустилъ бинокль и засмѣялся ироническимъ, самымъ злымъ смѣхомъ. Признаюсь, не хотѣлъ бы я въ то время быть на мѣстѣ балетмейстера, поставившаго этотъ танецъ, да и на мѣстѣ самого танцора. Я рѣшительно страдалъ за нихъ, глядя на одушевленное ироніею лицо имама, которое такъ, кажется, и говорило: «какою же грязью, друзья мои гауры, кормятъ васъ

ваши поэты: понятное дѣло, что «убѣжище міра», осчастлививъ какую нибудь рабу своимъ желаніемъ, можетъ выразить его глазомъ, словомъ, наконецъ объятіемъ, но чтобъ онъ унизился до того, чтобъ плясать какъ простой алліэ, да еще и вмѣстѣ съ этими исчадіями грѣха, какой вздоръ!... Васъ кормятъ грязью, друзья мои гауры!...» И затѣмъ онъ уже не смотрѣлъ на сцену до самаго окончанія «Пери».

Во время антракта имамъ былъ приглашенъ г. Сабуровымъ пить чай; а потомъ, возвратившись передъ поднятіемъ занавѣса на свое мѣсто, спустя нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя сосѣдку, въ лицѣ одной молодой и прелестной особы. Это сосѣдство поставило его какъ будто въ ненормальное положеніе: онъ часто оборачивался и осторожно, съ какою-то боязливостью, посматривалъ на изящный костюмъ сидѣвшей возлѣ него дамы, не позволяя себѣ посмотреть ей въ лицо. Я не знаю, что подумала эта особа о движеніяхъ имама; но что касается до него, то я навѣрное знаю, что его мучила мысль о неловкости и невѣжливости его позы, въ которой онъ противъ воли долженъ былъ сидѣть, и что онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ, чтобы только выйти изъ положенія, такъ сильно его смущавшаго.

Въ «Катаринѣ» особенное вниманіе Шамиля было возбуждено двумя эпизодами: военными эволюціями амазонокъ и разрушеніемъ переброшеннаго черезъ пропасть моста. Какъ только разбойникъ миновалъ его и подъ ударами его топора начали падать доски, всѣ горцы—и имамъ, и его сынъ, и мюриды Таушъ—вздрыгнули, судорожно передернули плечами и, какъ будто сговорившись, взглянули другъ на друга въ одно и то же мгновеніе. Этотъ взглядъ былъ тотъ самый, которымъ они полагали себя въ другомъ балетѣ «Робертъ и Бертрамъ», когда глазамъ ихъ представились эти два друга, проходившіе украдкою по сценѣ.... Какой выразительный взглядъ! Я никогда не забуду его: въ немъ заключалась цѣлая драма, составленная изъ безчисленнаго множества актовъ, и охватывающая собою характеръ, нравы, привычки, всю жизнь горца.... Безъ всякаго сомнѣнія, каждый изъ нихъ понималъ другъ друга, когда поймалъ на лету взглядъ товарища....

Граціозныя эволюціи кордебалета тоже очень занимали имама: глядя на стройныя фигурки хорошенькихъ разбойницъ, онъ очень снисходительно улыбался, и на его лицѣ отражалась какая-то мысль, которой я никакъ не могъ разгадать. Но скоро

загадка объяснилась. Когда грозные маневры заключились не менѣе грозною, но еще болѣе граціозною «кучкою», г. Богуславскій спросилъ имама, до какой степени страшнымъ показалось ему это войско.

Глаза Шамиля блеснули самою добродушною прониюю.

— Еслибъ это войско было у меня въ Гунибѣ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь:—я бы не былъ побѣжденъ.

Въ началѣ послѣдняго акта «Катарины», г. Богуславскій долженъ былъ оставить театръ, по случаю экстренной служебной надобности. Выходя изъ ложи, онъ просилъ меня остаться при нашихъ горцахъ и занимать ихъ до возвращенія его прямо въ гостиницу. Конечно, я могъ замѣнить г. Богуславскаго только какъ провожатый, а не какъ собесѣдникъ; а потому, сидя въ каретѣ съ Шамилемъ и его сыномъ, я началъ отъ нечего дѣлать, размышлять о неловкости теперешняго моего положенія и придумывать средства, какъ бы изъ него выйти,—какъ вдругъ Казы-Магометъ, до сихъ поръ толковавшій о чемъ-то съ отцомъ, обратилъ свою рѣчь ко мнѣ, и между нами произошелъ разговоръ на томъ діалектѣ, который такъ хорошо знакомъ всѣмъ, кто служилъ на передовой кавказской линіи, и на которомъ такъ свободно и успѣшно разговариваютъ наши солдаты съ Чеченцами, несмотря на то, что Чеченцы не знаютъ русскаго языка, а солдаты чеченскаго.

— Ый, капитанъ! сказалъ онъ, тронувъ меня легонько за колено:—твой жена—Капказъ?

— На Кавказѣ, отвѣчалъ я.

— Ый! билъды твоя? (ты знаешь?) Моя Капказъ гайдъ: жена ташилъ нада (жену привезти надо); ну, мой жена ташилъ, имамъ жена ташилъ.... билъды твоя?

— Билѣманъ (знаю), отвѣчалъ я.

— Ну.... моя жена ташилъ моя; имамъ жена ташилъ моя: давай, пожалуйста, моя будетъ твоя жена ташилъ!

— Якши, сказалъ я:—сабулъ (спасибо), тащи, пожалуйста!

— Ну, якши, продолжалъ онъ, качнувъ головою и ужъ со всѣмъ положивъ одну свою руку на мое колено: — моя будетъ жена твоя ташилъ.... Ну.... а баранчукъ ташилъ нада? (А дѣтей надо привезти?)

— Надо; тащи и баранчукъ, пожалуйста!

— Якши: моя будетъ баранчукъ ташилъ.... Ну.... твоя мая.... Каатъ беръ маа, пожалуйста! (Письмо мнѣ дай.)

— Чохъ якши, сказалъ я.

— Чохъ якши, сказалъ и онъ.

На томъ разговоръ и покончился. Откуда эта любезность?... Посмотримъ. Въ это время я замѣтилъ, что Шамиль, сидя безъ шубы, которой онъ, при выходѣ изъ театра, не надѣлъ и не захотѣлъ взять съ собою въ карету, что-то сильно пожимается, какъ будто ему очень холодно. Правду сказать, и морозъ былъ въ эту ночь порядочный. Зная, что для его южной комплекціи сырой и холодный петербургскій воздухъ не можетъ быть полезенъ, я предлагалъ ему надѣть мое комиссаріатское пальто. Сначала онъ было поцеремонился немного, но вскорѣ, порядкомъ, должно быть прозябнувъ, взялъ у меня пальто и надѣлъ его на себя, застегнувшись на всѣ пуговицы. Только что онъ это сдѣлалъ, мы повернули съ Поцѣлуева моста въ Большую Морскую, и вслѣдъ затѣмъ луна, бывшая до сихъ поръ у насъ сзади, освѣтила одно изъ оконъ кареты. Я взглянулъ на имама: голова его, вмѣстѣ съ украшавшимъ ее тюрбаномъ, скрывалась въ тѣни; оставалось видимымъ одно туловище, плотно укутанное моимъ пальто, и еслибъ не темная борода, граціозно лежавшая на сѣромъ сукнѣ, то никѣмъ другимъ нельзя было признать имама, какъ старымъ комиссаріатскимъ чиновникомъ. Шамиль комиссаріатскій чиновникъ!... Чтò, еслибъ оставить его теперь въ этомъ званіи! подумалъ я тогда: онъ бы сдѣлалъ кой-какія преобразованія въ нашемъ комиссаріатѣ....

Порядочный холодъ, заставлявшій и меня повременамъ пожиматься, отбилъ у моихъ спутниковъ охоту къ разговорамъ, и мы провели остальную часть дороги въ совершенномъ молчаніи. Возвратившись домой около полуночи, мы, несмотря на то, застали еще нѣсколько человѣкъ около подъѣзда гостинницы и столько же, если не больше, любопытныхъ встрѣтили на лѣстницѣ и въ корридорѣ. При выходѣ изъ кареты, Шамиль возвратилъ мое пальто и въ знакъ благодарности пожалъ мнѣ руку. Въ пріемной имама, мы нашли г. Богуславскаго и приготовленный его заботливостью ужинъ. Шамиль переодѣлся, совершилъ намазъ и затѣмъ ужъ сѣлъ за столъ. Примѣру его послѣдовали мы съ г. Богуславскимъ, Кази-Магометъ и три мюрида, изъ числа которыхъ Таушъ, бывшій въ театрѣ, тотчасъ же началъ рассказывать своимъ товарищамъ что-то съ большимъ жаромъ: вѣроятно, онъ передавалъ имъ впечатлѣніе этого вечера. Самъ Шамиль да и сынъ его въ продолженіе ужина были до-

вольно молчаливы: безъ всякаго сомнѣнія, они устали тѣломъ и духомъ. Обмѣнявшись съ г. Богуславскимъ немногими словами насчетъ завтрашней поѣздки, по приглашенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части, въ Инженерный замокъ, для осмотра моделей нашихъ крѣпостей, а также къ художнику Деньеру, для снятія фотографическихъ портретовъ, Шамиль окончилъ ужинъ, всталъ изъ-за стола, распрощался съ нами и ушелъ въ свою спальню.

На другой день всѣ мы, вчерашніе посѣтители директорской логи, отправились въ Инженерный замокъ, куда и явились въ одиннадцатомъ часу утра. На всѣхъ лѣстницахъ и во всѣхъ залахъ, по которымъ мы проходили, стояли тѣсными рядами воспитанники Инженернаго училища, академисты той же академіи, училищные офицеры, чиновники Инженернаго департамента, и даже замѣтили нѣсколько дамъ. Встрѣча была такъ же торжественна и симпатична, какъ и прежнія, которыя Шамиль имѣлъ счастье видѣть во всѣхъ дружныхъ мѣстахъ.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ фонъ-Кауфманъ встрѣтилъ имама въ одной изъ залъ и повелъ его въ тѣ комнаты, гдѣ установлены модели, которыя онъ и началъ показывать своему гостю, объясняя при этомъ нѣкоторыя болѣе интересныя подробности, касающіяся устройства крѣпостей вообще и обороны нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣднюю войну. Шамиль видимо былъ заинтересованъ объясненіями г. Кауфмана и нерѣдко возбуждалъ ихъ вопросами съ своей стороны. Очень нравились ему также и самыя модели, которыя устройствомъ своимъ и чистотою работы представляютъ совершенство своего рода. Миниатюрныя на нихъ изображенія всѣхъ возможныхъ крѣпостныхъ работъ и построекъ въ особенности обращали его вниманіе. На все это онъ смотрѣлъ если не опытнымъ глазомъ знатока, то съ жаднымъ вниманіемъ записнаго любителя. Однако, выслушивая объясненія г. Кауфмана и соображая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ на моделяхъ, Шамиль нѣсколько разъ задумывался и покачивалъ головою, какъ бы въ раздумьи, имѣвшемъ способность подѣйствовать на посторонняго наблюдателя такимъ образомъ, что онъ могъ заподозрить имама въ тупости понятій, при которой подобное дѣло не могло быть для него доступнымъ. Но это было не такъ: Шамиль хорошо слышалъ, хорошо видѣлъ и еще лучше понималъ

все, что представлялось ему; онъ живо смекнулъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ оригиналовъ видѣнныхъ имъ копій, и едва ли соображеніе его было черезчуръ невѣрно; но онъ самъ сознавался впослѣдствіи, что его угнетала въ то время мысль объ ограниченности его познаній, не позволявшей ему даже помечтать о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы пришлось ему распорядиться или этими твердынями, или войсками, назначенными для покоренія ихъ.

Грустное чувство, отражавшееся на лицѣ его, разсѣялось, какъ только начали мы всходить на антресоли, для обозрѣнія расположенныхъ тамъ моделей. Устройство спиральной лѣстницы, соединяющей антресоли съ прочими залами, очень занимало имама: онъ нѣсколько разъ останавливался, оглядываясь внизъ, посматривалъ вверхъ и при этомъ улыбался. Впослѣдствіи, онъ говорилъ мнѣ, что ему тогда приходила на мысль польза, которую можно бы ожидать отъ примѣненія спиральныхъ входовъ при оборонѣ гористой мѣстности, но что, вслѣдъ затѣмъ, онъ отказался отъ этой идеи, потому что сперва запугала его сложность выполненія ея, а подъ конецъ и самое примѣненіе спирали показалось ему бесполезнымъ. «Впрочемъ», говорилъ онъ въ заключеніе, «въ Калугѣ я подумаю объ этомъ.»

Осмотрѣвъ съ тѣмъ же вниманіемъ модели, бывшія на антресоли, и прослѣдивъ изъ окна за суетливымъ движеніемъ, происходившимъ внизу, по набережной Фонтанки, Шамиль просилъ генераль-маіора фонъ-Кауфмана передать свою признательность Его Императорскому Высочеству за высокое къ нему вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свою благодарность самому генераль-маіору фонъ-Кауфману за трудъ, который онъ такъ любезно принялъ на себя. Затѣмъ онъ раскланялся, и мы отправились на Невскій проспектъ, къ художнику Деньеру.

Г. Деньеръ чрезвычайно былъ обрадованъ посѣщеніемъ имама, и, конечно, никогда не принимался онъ за дѣло съ такой любовью къ своему искусству, какъ въ этотъ разъ, будучи одушевленъ очень понятнымъ желаніемъ — передать публикѣ черты этаго замѣчательнаго человѣка въ той степени совершенства, которое только допускается фотографіею.

Шамиль позировалъ три раза. Г. Деньеръ былъ очень доволенъ его спокойствіемъ, столь необходимымъ для передачи всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ человѣческой фizioноміи. За вторымъ разомъ, имамъ уступилъ свое мѣсто сыну, а самъ пересѣлъ на

диванъ и занялся разсматриваніемъ кипсековъ, расположенныхъ на ближайшемъ къ нему столѣ. Прежде всего ему попалась «дрезденская галлерей», и первая въ ней гравюра — «Христа Спасителя».

Шамиль разсматривалъ картину съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ его глазахъ и на всемъ лицѣ отразилось то самое чувство, которое должно быть возбуждено въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ страданіями Спасителя, переданными кистью.

— Кто это? взволнованнымъ голосомъ спросилъ имамъ.

— Это Иисусъ Христосъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

Шамиль посмотрѣлъ на изображеніе Спасителя еще разъ и потомъ сказалъ:

— Я поцѣлую его!

Вслѣдъ затѣмъ онъ поднесъ къ своимъ губамъ картину и поцѣловалъ ее.

По поводу этого, г. Богуславскій разсказалъ мнѣ другой подобный же случай, встрѣтившійся при посѣщеніи имамомъ Царскаго Села. Обозрѣвая достопримѣчательности царскосельскаго дворца, имамъ остановился въ одномъ павильонѣ, передъ статуею Спасителя. Сперва все вниманіе его было обращено на руки, ноги и вообще на всѣ части туловища статуи. Онъ разсматривалъ ихъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, часто притрогивался къ нимъ и тогда только удостовѣрился, что это ничто иное, какъ холодный мраморъ. Но когда онъ взглянулъ на голову статуи, то до того былъ пораженъ выраженіемъ лица, что долго, долго смотрѣлъ на него не спуская глазъ и вполнѣ проникнувшись чувствами, которыя оно отражало.

— Кто это? спросилъ онъ у всегдашняго своего спутника.

— Спаситель нашъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

— Онъ многому прекрасному училъ васъ! сказалъ Шамиль.

— Я тоже Ему буду молиться: Онъ мнѣ счастье дастъ...

Эти факты кажутся способными возбудить предположенія о томъ, что въ душѣ Шамиль далеко не былъ такимъ краснымъ фанатикомъ, какъ это можно думать, судя по дѣйствіямъ его въ распространеніи мюридизма и возбужденіи казавата, что религіозный его фанатизмъ скорѣе былъ дѣломъ политическаго разсчета, нежели глубокаго, душевнаго убѣжденія, и что наконецъ онъ самъ не слишкомъ-то слѣпо поддается внушеніямъ корана, а, напротивъ, подвергаетъ даже нѣкоторые принципы его критикѣ, чрезъ сравненіе ихъ съ тождественными принципами еван-

гелія, которое, повидимому, не составляетъ для него terra incognita. Все это, однако, не мѣшаетъ ему быть, по наружности, правовѣрнѣйшимъ мусульманиномъ, а на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, глубоко-религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ разумнымъ убѣжденіемъ, что та религія непогрѣшительна, которая способна заставить человѣка отдаться ей искренно, всѣмъ его существомъ.

Выходъ нашъ отъ г. Деньера былъ ознаменованъ огромнымъ стеченіемъ публики, расположившейся по всему протяженію Милутиныхъ лавокъ такою густою массою, что Шамиль только съ весьма большимъ трудомъ пробрался къ коляскѣ. Сынъ же его, не замѣченный публикою, остался въ числѣ зрителей и только улыбался, переглядываясь съ отцомъ, но не рѣшаясь дѣйствовать энергически, чтобы пробиться къ экипажу. Тогда я обхватилъ его сзади за талію и попросилъ сосѣдей пропустить сына Шамиля. Зрители тотчасъ же, хотя и съ трудомъ, разступились, и Казы-Магометъ очутился наконецъ въ коляскѣ. Когда мы такимъ манеромъ пробирались, я чувствовалъ, что меня кто-то тянетъ какъ будто назадъ. Оглянувшись, я увидѣлъ мюрида Тауша, который, чтобы не отстать отъ насъ, уцѣпился за меня точно такъ же, какъ я за Казы-Магомета, вѣроятно, думая, что «такъ оно тамъ и нужно». При этомъ я замѣтилъ, что не совсѣмъ-то покойное чувство было написано на его здоровомъ и беззаботномъ лицѣ, которое тогда только приняло свое нормальное выраженіе, когда онъ увидѣлъ себя сидящимъ со мною въ каретѣ, а зрителей—оставшимися, попрежнему, на тротуарѣ. Блаженное состояніе своего духа онъ тотчасъ же ознаменовалъ какою-то пѣсенкой, что, впрочемъ, онъ дѣлаетъ каждый разъ, какъ только садится въ карету, чтобы куда нибудь ѣхать.

— А что, Таушъ, сказалъ я ему чрезъ переводчика:—еслибъ мнѣ случилось быть у васъ въ плѣну да попался бы я въ эдакую толпу твоихъ земляковъ, какъ думаешь: вышелъ бы я изъ нея живой?

— Не вышелъ бы, лаконически отвѣчалъ мюридъ.

— Ну, какой же законъ для тебя лучше? продолжалъ я.

— Нашъ законъ лучше, съ спокойной увѣренностью отвѣчалъ онъ.

Это убѣжденіе привело мнѣ на память обѣщаніе Шамиля написать въ горы, чтобы тамъ почеловѣколюбивѣе обращались съ нашими плѣнными.

«Надо будетъ напомнить ему», подумалъ я.

Возвратившись въ гостиницу, мы нашли, по обыкновенію, около нея и внутри множество любопытныхъ, передъ которыми Шамиль прошелъ съ обычнымъ выраженіемъ удовольствія на лицѣ. Пришедши въ номеръ, онъ тотчасъ же исполнилъ обязанности добраго масульманина и затѣмъ уже сѣлъ обѣдать.

Французскій столъ, повидимому, не былъ противнымъ горцамъ; однако, онъ не возбуждалъ и особеннаго удовольствія въ нихъ. Не ѣвши во всю свою жизнь ничего, кромѣ баранины, курятины и прѣснаго хлѣба, пріятели наши, кажется, не отказались бы и теперь отъ этихъ блюдъ, тѣмъ болѣе лакомыхъ, что ихъ можно ѣсть руками, безъ пособія вилки, повидимому, столь несносныхъ и для Тауша, и для Хаджіо, и для Керимъ-Магомета, да, кажется, и для самого Казы-Магомета. Одинъ только Шамиль дѣйствуетъ этимъ инструментомъ съ ловкостію челоуѣка, давно и хорошо знакомаго съ подобными обычаями Европейцевъ. Но и онъ не могъ изрѣдка отказать себѣ въ наслажденіи собственноручно обглодать крылышко цыпленка или хрящеватую косточку барашка. Что же касается мюридовъ, то интересно было видѣть ихъ отчаянныя усилія, съ которыми они старались захватить кусокъ майонеза, каждый разъ соскользавшаго съ вилки и наконецъ дробившагося на мелкія части, совсѣмъ ужъ неудобныя для дѣйствія противъ нихъ вилкою. Сначала горцы сердились на неуспѣхъ своихъ стараній; но потомъ, видя, что это дѣлу не помогаетъ, они бросали одинъ за другимъ вилки, брали нарѣзанные куски руками и клали ихъ въ ротъ, со смѣхомъ переглядываясь между собою и облизывая замоченные укусомъ пальцы. Почти то же самое происходило и съ пилавомъ: неизбѣжная, по ихъ понятіямъ, необходимость обглаживать куриныя косточки и для этого брать ихъ въ руки соблазняла мюридовъ и въ отношеніи риса. Подумавъ, подумавъ, они оставляли ложки и начинали брать его руками, съ наслажденіемъ поглядывая на масло, стекавшее съ ихъ пальцевъ на тарелку. Не безъ удовольствія взглядывалъ повременамъ на нихъ Шамиль: онъ какъ будто сознавалъ свое превосходство передъ земляками даже и въ этомъ, ничего не стоящемъ дѣлѣ, и, улыбаясь снисходительною улыбкою, дѣлалъ небольшія замѣчанія, касавшіяся неловкости мюридовъ и страннаго свойства русскихъ блюдъ. Замѣтно было также, что онъ одинъ знаетъ въ нихъ толкъ, но, вслѣдствіе какого нибудь расчета, не высказы-

ваетъ своего мнѣнія о преимуществѣ, которое онъ въ душѣ отдаетъ европейской кухнѣ передъ стряпнею горцевъ. Остальные же собесѣдники ѣли подаваемые имъ кушанья почти безъ всякаго сознанія ихъ вкуса; они какъ будто считали ихъ только сносными, и то потому собственно, что вся живность была зарѣзана правовѣрными руками Тауша и на этомъ основаніи можетъ быть допущена для утоленія мусульманскаго голода, въ какомъ бы безобразномъ безвкусіи гяуры еени приготовили. Только всѣхъ сортовъ пирожныя и медъ, этотъ единственный напитокъ, который горцы употребляли въ Петербургѣ, удостоивались безусловной отъ нихъ похвалы. Предложилъ было я Казы-Магомету попробовать квасу. Онъ принялъ отъ меня стаканъ и, указывая на него головою, спросилъ: не арака ли это? Я увѣрилъ его, что нѣтъ. Несмотря на это, онъ, повидимому, сомнѣвался и довольно долго разсматривалъ жидкость противъ свѣта. Наконецъ темный цвѣтъ кваса успокоилъ его: онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и прихлѣбнулъ нѣсколько капель, но тотчасъ же сморщился и, передавая мнѣ стаканъ, сказалъ: «буза!» Затѣмъ никакія убѣжденія не истребили въ немъ увѣренности, что это совсѣмъ не хмѣльной напитокъ, и я рѣшительно отказался отъ желанія распространить между трезвыми горцами употребленіе нашего русскаго рейнвейна.

По окончаніи обѣда, Шамиль пересѣлъ къ окну на диванъ и занялся чтеніемъ манускриптовъ, полученныхъ имъ отъ г. профессора Мирзы-Казембека. Манускрипты очень интересовали его, и онъ до того въ нихъ углубился, что не замѣчалъ людей, входившихъ въ комнату и проходившихъ чрезъ нее. Надо было позвать его, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ чтенія.

Въ этотъ вечеръ и въ послѣдующее утро я убѣдился, какъ много безпокойства и всякаго рода хлопотъ досталось на долю г. Богуславскаго. Въ его комнату безпрестанно являлся чловѣкъ съ докладомъ, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть. На повѣрку выходило, что господинъ имѣлъ желаніе видѣть собственно не его, а Шамиля; но такъ какъ особой записки, удостовѣряющей въ дѣйствительной необходимости видѣть имама и говорить съ нимъ, у многихъ посѣтителей не имѣлось, то, въ огражденіе его отъ частаго и утомительнаго безпокойства, г. Богуславскій долженъ былъ, къ обоюдному прискорбію, отказывать имъ въ способствованіи къ свиданію съ плѣнникомъ. Интересны также были причины, выставляемыя нѣкоторыми по-

сѣтителями, на право свиданія съ Шамилемъ: одинъ отставной военный говорилъ, что долго служилъ на Кавказѣ и потому имѣть неоспоримое право посмотрѣть на того, съ кѣмъ онъ дрался. Другая какая-то пожилая барыня выставила на видъ раны своего племянника и потому требовала свиданія съ имамомъ, должно быть для успѣшнѣйшаго врачеванія ихъ. Третій, тоже пожилой человѣкъ, въ «цивильномъ костюмѣ» и въ очкахъ, объявлялъ, что онъ намѣренъ писать біографію Шамиля, для чего необходимо сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ.

— Вы, вѣрно, знали имама прежде, на Кавказѣ? спрашиваетъ г. Богуславскій.

— Нѣтъ, не зналъ; да я и не былъ на Кавказѣ.

— Побойтесь же Бога! отвѣчалъ страдалецъ: — ну, какую вы біографію составите изъ двухъ или трехъ отвѣтовъ Шамиля?...

Наконецъ были такіе господа, которые просто требовали показать имъ Шамиля. Г. Богуславскій долженъ былъ каждому отвѣчать и каждого убѣждать въ невозможности выполнить его желаніе или требованіе. Большой запасъ христіанскаго терпѣнія надо имѣть для того, чтобъ вынести всѣ эти пытки. Одному изъ посѣтителей г. Богуславскій никакъ не могъ отказать, несмотря на то, что у него не было записки на свиданіе съ имамомъ; но онъ принесъ картину, изображающую обнаженнаго человѣка, съ бритою головою, страшно израненнаго и лежащаго съ закрытыми глазами на землѣ, внутри или возлѣ подобія горской сакли. Подъ картиною были двѣ подписи: на русскомъ языкѣ—«Кази-Молла», и на арабскомъ—«Казы-Магометъ». Посѣтитель, показывая г. Богуславскому картину, утверждалъ, что Шамиль, по всей вѣроятности, будетъ очень радъ увидѣть портретъ своего учителя, котораго онъ такъ уважалъ. Этотъ доводъ убѣдилъ г. Богуславскаго, и онъ, желая доставить имаму пріятное, рѣшился сообщить ему о желаніи любезнаго посѣтителя. Шамиль изъявилъ согласіе и, взявъ въ руки картину, долго разсматривалъ ее съ жаднымъ вниманіемъ. Наконецъ, возвращая ее владѣтелю, онъ щелкнулъ языкомъ и равнодушно сказалъ: «нѣтъ, это не Казы-Магометъ». Отвѣтъ его, переведенный г. Богуславскимъ, смутилъ бѣднаго посѣтителя, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ разительномъ сходствѣ портрета съ оригиналомъ, въ чемъ удостовѣряли, по его словамъ, отзывы значительныхъ особъ, служившихъ на Кавказѣ.

Вечеръ заключился продолжительною бесѣдою имама съ г. Казембекомъ, къ которому, повидимому, онъ питаетъ неограниченное уваженіе. Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Шамиль говорилъ объясненія нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ изъ исторіи кавказской войны, которой, онъ, можно сказать, служилъ самымъ олицетвореніемъ; г. Казембекъ записывалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Какую неподобную группу составляли изъ себя эти двѣ фигуры: воинъ и ученый! Какъ различны цѣли ихъ жизни и какъ разнородна извѣстность! А, между тѣмъ, сколько гармоніи заключалось въ теперешнемъ ихъ сближеніи, о возможности котораго, навѣрное, не приходило на мысль ни тому, ни другому, да едва ли и кому нибудь въ цѣломъ мірѣ....

Между тѣмъ, какъ въ пріемной Шамиля шла тихая, полная значенія бесѣда, въ другихъ комнатахъ его нумера, три мюрида дѣлали приготовленія къ завтрашнему отъѣзду. Хаджіо вынималъ изъ чемодана чистое бѣлье и раскладывалъ его на постели своего имама. Потомъ онъ развернулъ узкій и длинный въ нѣсколько десятковъ аршинъ кусокъ бѣлой бязи, внимательно осмотрѣлъ его и сложилъ на одномъ изъ креселъ, имѣя въ виду замѣнить завтра этимъ кускомъ ту матерію, которая обивала имамскую шапку теперь. Кончивъ съ бѣльемъ, Хаджіо принялся за одежду и обувь Шамиля: разсмотрѣвъ въ подробности черкеску, онъ нашелъ ее въ полной исправности и повѣсилъ на ширмы, при чемъ, замѣтивъ меня, онъ улыбнулся и сказалъ: «якши!» Но, взглянувъ послѣ того на чевяки, онъ сказалъ «яманъ!» и тотчасъ же показалъ ихъ Казы-Магомету, который въ это время лежалъ на своей постели и игралъ отъ скуки шашкою, стараясь удержать ее въ вертикальномъ положеніи на одномъ пальцѣ. Казы-Магометъ прекратилъ навремя свою забаву, взялъ чевяки, посмотрѣлъ на дырявыя мѣста и потихоньку зашвысталъ, процѣживая звуки какимъ-то особеннымъ манеромъ, между языкомъ и зубами. Потомъ, подбросивъ чевяки одинъ за другимъ вверхъ и ловко схвативъ ихъ налету, онъ наконецъ обратился ко мнѣ и, указывая на прорѣхи, сказалъ:

— Ый, капитанъ! Пожалуйста, чевякъ пропалъ!

Я приказалъ позвать переводчика и тотчасъ же устроилъ это дѣло. Успокоившись насчетъ чевякъ, Казы-Магометъ легъ, по прежнему, на постель и снова предался своей забавѣ; а мюридъ Хаджіо, обдѣлавъ съ усердіемъ казеннаго деньщика всѣ

дѣла своего нѣма, нашелъ справедливымъ заняться теперь и собственными дѣлишками.

Присѣвъ на корточки возлѣ своего друга Тауша, бережливый и опрятный Хаджіо прежде всего обратилъ вниманіе на производимыя имъ безчинства. Таушъ сидѣлъ тоже на карточкахъ передъ раскрытымъ чемоданомъ и развязывалъ саквы (*). Вынимая потомъ изъ нихъ свои вещи, чтобы сдѣлать укладку поумѣстѣ, онъ не клалъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ, какъ раскладывалъ Хаджіо и какъ кладутъ всѣ люди на свѣтѣ, но руководился въ этомъ случаѣ собственною манерою, которая, можетъ быть, могла доставить ему удовольствіе, но никакъ не пользу. Онъ не вынималъ вещей, а съ какимъ-то азартомъ хватывалъ ихъ изъ чемодана или изъ сумы, а потомъ еще съ большимъ остервенѣніемъ бросалъ, или, вѣрнѣе, швырялъ на полъ, на стулъ, на кровать и на все, что только, по его соображенію, способно было произвести болѣе громкій и болѣе дисгармоническій звукъ, котораго, повидимому, такъ жаждало его безстрашное ухо. Ничто не давало повода думать, чтобы на такую ярость Таушъ былъ вызванъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, повредившимъ доброму расположенію его духа, которое, повидимому, никогда его не оставляетъ; напротивъ, въ эту минуту, онъ былъ «въ ударѣ» болѣе, чѣмъ когда нибудь: каждое движеніе его сопровождалось сперва какимъ-то очень энергическимъ восклицаніемъ, потомъ звонкимъ беззаботнымъ смѣхомъ и наконецъ не менѣе звонкою и веселою пѣснью, ни одного разу, однако, не кончавшеюся, потому что съ послѣдующимъ швыркомъ начиналась пѣсня совсѣмъ другаго мотива и, по всей вѣроятности, совсѣмъ инаго содержанія.

Просидѣвъ нѣсколько времени въ своемъ интересномъ положеніи и поглядѣвъ съ безмолвною улыбкою на Тауша, Хаджіо наконецъ разсмѣялся и толкнулъ его подъ бокъ. Таушъ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ и, закричавъ на своего пріятеля притворно гнѣвнымъ тономъ, обратился снова къ своему занятію, продолжая его тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде. Тогда Хаджіо всталъ, досталъ свои вещи и началъ разбирать ихъ, напѣвая, подобно Таушу, какую-то пѣсню, но только, повидимому, духовнаго содержанія.

Третій мюридъ, Керимъ-Магометъ, во все время пребыванія

(*) Переметныя сумы, мѣшки, изъ шерстяной матеріи, кавказской фабрикаціи.

въ Петербургѣ, былъ очень боленъ, и теперь лежалъ на постели, завернувшись въ енотовую шубу, полученную имъ, въ числѣ прочихъ товарищей, отъ Высочайшихъ щедротъ. Керимъ-Магометъ до крайности интересовалъ меня и наружностью своею и какимъ-то драматическимъ эпизодомъ, разыгравшимся въ моихъ глазахъ между нимъ и его товарищами. Его правильное, немного смуглое и чрезвычайно выразительное лицо, съ граціозно очерченными бровями и необыкновенно тонкимъ и прямымъ носомъ, способны были обратить на него вниманіе каждаго, самаго невнимательнаго прохожаго; а глаза его, умные, огненные, маслянистые и черные какъ агаты, совершенно поработили меня магнетическою силою своего долгаго, впивающагося и съ виду какъ будто добраго взгляда; но нѣтъ! всмотрѣвшись пристальнѣе въ эти глаза, если только достанетъ у кого нибудь на столько твердости, чтобъ не опустить передъ ними своего взгляда, нельзя было не замѣтить, что нѣтъ въ нихъ добра, а есть что-то зловѣщее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, притягивающее къ этому человѣку всякаго другаго человѣка. Вотъ герой для романа! И, судя по отчужденію Керимъ-Магомета отъ своихъ товарищей, которые въ продолженіе этихъ трехъ дней, какъ я замѣтилъ, не сказали съ нимъ ни одного слова, судя по холодности къ нему самого Шамиля и его сына и, наконецъ, замѣчая на его лицѣ печальное, но суровое выраженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженное стараніе удалиться отъ земляковъ, нельзя было не прийти къ убѣжденію, что въ квартирѣ Шамиля разыгрывается какая-то драма, содержаніе которой, должно быть, чрезвычайно интересно. Да, очень интересно. А какъ узнать, въ чемъ состоитъ дѣло? Переводчикъ здѣсь бесполезенъ; одно средство — учиться ихъ языку. Буду учиться; а пока спрошу г. Богуславскаго, не знаетъ ли онъ, въ чемъ дѣло....

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Калугу, Шамиль съ такимъ теплымъ искреннимъ чувствомъ старался передъ посѣтителями своими выразить душевную признательность Государю Императору за милости, которыми онъ былъ осыпанъ такъ неожиданно и такъ, повидимому, непонятно для него самого. Нѣтъ сомнѣнія, что это великодушіе, а также и пріемъ, сдѣланный Шамилю петербургскою публикой, подѣйствуетъ на него тоже неожиданнымъ образомъ.

Явился г. Александровскій съ портретами всѣхъ горцевъ, снятыми имъ еще прежде г. Денъера. Портреты отличались разительнымъ сходствомъ и изяществомъ отдѣлки. Попадши въ руки мюридовъ, портретъ Шамиля произвелъ между ними большую суматоху. «Ай, имамъ, имамъ!» закричали они, бросивъ завтракъ, долго и съ любовью разсматривали портретъ, сличая его съ оригиналомъ.

Одинъ экземпляръ каждаго портрета г. Александровскій подарилъ горцамъ, что, повидимому, доставило имъ большое удовольствие, и Шамиль тотчасъ же изъявилъ желаніе отправить свой портретъ съ Казы-Магометомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ женамъ. Такая внимательность доказываетъ, что онъ постоянно помнилъ о нихъ и вообще очень привязанъ къ своему семейству. Это подтверждаетъ и г. Богуславскій, рассказывавшій, кромѣ того, что Шамиль страстно любитъ дѣтей. Припоминая известное убѣжденіе, что человекъ, который любитъ дѣтей, не можетъ имѣть злаго сердца, нельзя не согласиться въ томъ, что отзывы г. Богуславскаго, бросая новый свѣтъ на личность имама, должны бы, кажется, еще болѣе смягчить невыгодное о немъ мнѣніе людей, такъ сильно противъ него вооруженныхъ. Впрочемъ, обстоятельство это, вѣроятно, разъяснится въ непродолжительномъ времени.

Для избѣжанія повтореній, я не вхожу въ подробности того, до какой степени гостинница была переполнена публикою; скажу только, что небольшое пространство, отдѣляющее квартиру Шамиля во второмъ этажѣ отъ парадной лѣстницы, мы прошли добрыхъ десять минутъ; а что касается до площади, то она, буквально, была запружена народомъ и экипажами: такъ много было желавшихъ взглянуть на имама въ послѣдній разъ. Даже люди менѣе любознательные, которыхъ личность Шамиля совсѣмъ не интересовала, или они спѣшили по своимъ дѣламъ, болѣе экстреннымъ, нежели прощанье съ нимъ,—даже и тѣ, по невозможности проѣхать черезъ площадь, противъ воли присоединялись къ толпѣ, и рады, не рады, а должны были повидаваться съ Шамилемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе публики Знаменская площадь видѣла развѣ въ то время, когда происходило открытіе желѣзной дороги. Шествіе Шамиля, поистинѣ, казалось торжествомъ. Сколько поцѣлуевъ было разослано хорошенькими ручками по воздуху! Сколько было восклицаній: «Прощайте, имамъ! Прощайте, Шамиль! Оставайтесь съ на-

ми, имамъ! Погостите еще у насъ!...» Шамиль не понималъ этихъ словъ; но онъ слышалъ восклицанія, видѣлъ на всѣхъ лицахъ одно и то же выраженіе симпатіи, — и этого было достаточно, чтобъ объяснить смыслъ представлявшейся ему картины, на первомъ планѣ которой былъ онъ самъ. Значеніе ея онъ понялъ какъ нельзя лучше, и жестъ, которымъ онъ отвѣчалъ публикѣ, тоже какъ нельзя лучше характеризовалъ его собственные чувства.

Такое небывалое стеченіе публики, по всей справедливости, требовало нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ относительно пропуска на путевой дворъ; но это было напрасно: все, что было на площади, очутилось на путевомъ дворѣ и наполнило всѣ его залы и всѣ галлерей.

Въ распоряженіе имама отдана была цѣлая половина перво-класснаго вагона, состоящая изъ одной, очень большой комнаты, и изъ другой, вполонину меньше ея. Въ этой послѣдней помѣстились мы съ г. Богуславскимъ и съ полковникомъ Али-Беккомъ, который, впрочемъ, передъ вечеромъ оставилъ насъ; большую же половину занялъ Шамиль, съ сыномъ и съ мюридами.

Усѣвшись въ дальнемъ углу кареты, имамъ совсѣмъ не былъ видѣнъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что и стекло въ дверцахъ кареты было поднято. Замѣтивъ нетерпѣливое и очень сильное желаніе зрителей видѣть имама, я сообщилъ объ этомъ г. Богуславскому, который обратился къ нему съ очень убѣдительною просьбою — доставить публикѣ удовольствіе проститься съ нимъ еще разъ. Шамиль тотчасъ же всталъ, подошелъ къ окну, собственноручно опустилъ стекло и, взявъ стулъ, сѣлъ прямо противъ окна. Это, повидимому, привело публику въ восторгъ: много шляпъ показалось въ воздухѣ, и много послышалось восклицаній самаго симпатическаго свойства. Шамиль былъ тронутъ: онъ безпрестанно прикладывалъ руку къ сердцу и къ головѣ и даже наклонялъ ее. Въ этомъ положеніи онъ просидѣлъ почти полчаса. Но вотъ раздался третій звонокъ, и опять поднялись шляпы и снова раздались восклицанія: «Прощайте, Шамиль! Прощайте, имамъ! Будьте здоровы! Пріѣзжайте къ намъ! Скажите ему, что мы очень любимъ его! Скажите, что мы желаемъ ему очень много хорошаго!...» Г. Богуславскій переводилъ всѣ эти пожеланія; но это почти было напрасно: Шамиль понималъ ихъ, и — не буду утверждать положительно: можетъ быть, я и ошибался — но, право, мнѣ показалось, что на глазахъ его наверты-

валась слеза, которую онъ упорно старался удерживать, и успѣлъ-таки ее одолѣть....

Отгадывая по восклицаніямъ и по жестамъ значеніе третьяго звонка, Шамиль обратился къ г. Богуславскому и просилъ его передать публикѣ всю его признательность за ея вниманіе къ нему, за гостепріимство, за хлѣбъ-соль.

— Скажите имъ, пожалуйста, говорилъ онъ цѣпистымъ арабскимъ языкомъ: — что я не могу выразить моихъ чувствъ словами: они слишкомъ для того глубоки и искренни; скажите только то, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго въ 45-мъ году и какого не доставляли мнѣ успѣхи 43-го года въ Дагестанѣ!...

Въ эту минуту, машина свистнула, поѣздъ тронулся, и г. Богуславскій, къ крайнему своему сожалѣнію, не успѣлъ передать публикѣ короткихъ, но душевныхъ словъ имама.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить ихъ по адресу.

А. РУНОВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Артиллерійскій Журналъ», № 4.

Рѣдко можно встрѣтить артиллериста, который бы болѣе или менѣе энергически не возставалъ противъ принятой у насъ въ артиллеріи системы двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ и особенно противъ нашей троечной запряжки. Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ не могъ ускользнуть отъ просвѣщеннаго вниманія нашего артиллерійскаго начальства, и вотъ, дѣйствительно, на разсмотрѣніе и обсужденіе артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета поступили два предложенія: объ измѣненіи парковой нашей повозки и о замѣнѣ двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными. Парковая наша повозка оказалась весьма неудобною еще въ послѣднюю войну, оконченную, какъ извѣстно, весною 1856 года. Что же сдѣлано до настоящаго времени для уничтоженія этихъ неудобствъ? А вотъ что: разсмотрѣны три повозки, которыми имѣлось въ виду, въ случаѣ возможности, замѣнить нашу парковую, а именно повозку нѣмецкихъ колонистовъ Таврической губерніи, повозку, проэктированную подполковникомъ Пашкевичемъ, и англійскую парковую повозку. Разсмотрѣніе это привело къ тому результату, что изъ всѣхъ трехъ повозокъ ни одна не удовлетворяетъ вполнѣ условіямъ, требуемымъ отъ хорошей парковой повозки; но при этомъ замѣчательно, что производились полные опыты, и, притомъ, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, надъ повозкою подполковника Пашкевича, несмотря на то, что само отдѣленіе сознается, что мысль изобрѣтателя не заключается въ себѣ ничего новаго, что она была уже подвергнута у насъ однажды испытанію, которое дало самые неудовлетворительные результаты: зачѣмъ же было снова подвергать эту

мысль испытанію, тѣмъ болѣе, что оказалось еще, что повозка подполковника Пашкевича неудобна для употребленія въ подвижныхъ паркахъ уже потому, что не имѣетъ никакихъ приспособленій для удобной укладки и храненія разныхъ предметовъ, полагаемыхъ содержать въ этихъ паркахъ, а это, на сколько намъ кажется, можно бы видѣть и изъ детальныя чертежей повозки, не прибѣгая къ постройкѣ ея. Для полученія яснаго и опредѣлительнаго понятія объ англійской и колонистской повозкѣ, тоже, по нашему крайнему разумнію, незначѣмъ было прибѣгать къ покушкѣ и постройкѣ этихъ повозокъ: достаточно бы имѣть только хорошіе детальныя чертежи, и тогда, вѣроятно, опытный глазъ нашихъ артиллеристовъ сѣумѣлъ бы оцѣнить ея неудобства. Впрочемъ, мнѣніе наше — мнѣніе не-специалиста и вызвано единственно кажущеюся намъ возможностью болѣе быстрого хода дѣла объ измѣненіи нашей парковой повозки. Какъ бы то ни было, но, забравъ всѣ три вышеупомянутыя повозки, Артиллерійское отдѣленіе признало необходимымъ проектировать для подвижныхъ парковъ особую повозку. При составленіи чертежей этой повозки, отдѣленіе приняло въ соображеніе устройство колонистской и англійской повозокъ и, кромѣ того, устройство употребляемыхъ въ прусской артиллеріи *Leiterwagen* и во французской артиллеріи такъ называемой парковой повозки. Новая повозка заказана уже для образца въ С.-Петербургскомъ арсеналѣ и, по изготовленіи ея будетъ, конечно, подвергнута новой пробѣ. Она будетъ имѣть нижній ходъ одного только образца; но верхъ ея будетъ трехъ разныхъ видовъ: повозка съ брезентомъ, повозка съ крышею и повозка безъ короба. Главныя достоинства ея будутъ заключаться въ большей простотѣ устройства, въ большемъ увеличеніи внутренняго объема короба, въ сравнительно большей легкости на ходу, чѣмъ нынѣ существующая повозка. Но важнѣйшее улучшеніе въ ней — измѣненіе самой запряжки: новая повозка будетъ возиться четырьмя лошадьми, запряженными въ дышло, при чемъ, смотря по ширинѣ дороги, можно будетъ впречъ всѣ четыре лошади въ рядъ или же двѣ въ корню и двѣ въ уносѣ. Къ тому же, число лошадей въ паркѣ не только не увеличится, но даже уменьшится, равно какъ и число самыхъ повозокъ; а именно: теперь все имущество подвижнаго парка размѣщается на 120 повозкахъ, для передвиженія которыхъ необходимо имѣть 360 лошадей, а при новой повозкѣ то же имущество размѣститъ-

ся на 86 повозкахъ, для подъема которыхъ понадобится только 344 лошади. Дай Богъ только, чтобы намъ поскорѣе довелось наконецъ увидать введеніе этихъ улучшенныхъ повозокъ въ нашей артиллеріи.

Такимъ образомъ, вопросъ о парковой повозкѣ можно считать почти рѣшеннымъ; но не такъ-то легко рѣшить другой вопросъ — о замѣненіи двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными. Вопросъ этотъ особенно усложняется еще и тѣмъ, что онъ долженъ быть рассмотрѣнъ не только въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, но и въ тактическомъ. Главные недостатки, приписываемые нашимъ двухколеснымъ заряднымъ ящикамъ, заключаются въ томъ, что колеса составляютъ только двѣ точки опоры для груза, а третью точку опоры служить лошадь, которой приходится поддерживать часть груза и выдерживать всѣ толчки, претерпѣваемые повозкою, отчего лошадь весьма скоро дѣлается негодною для службы; кромѣ того, слѣдованіе по узкимъ дорогамъ нашихъ зарядныхъ ящиковъ съ троечною упряжью неудобно и управленіе тремя лошадьми ѣздовому, сидящему на крайней изъ нихъ, затруднительно. Ко всему этому можно было присовокупить еще многія другія неудобства, на которыя, неизвѣстно почему, не указано Артиллерійскимъ отдѣленіемъ; неудобства эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что они особенно усиливаются во время войны. Такъ, между прочимъ, въ случаѣ убыли лошадей, выѣздка новыхъ для троечной запряжки гораздо затруднительнѣе, чѣмъ для дышло-вой; самая замѣна ѣзовыхъ тоже встрѣчаетъ весьма большія затрудненія.

Пропуская всѣ подробности сравненія двухколесныхъ ящиковъ съ четырехколесными, укажемъ только на окончательные результаты этого сравненія, выведенные Артиллерійскимъ отдѣленіемъ. Во первыхъ, въ техническомъ и матеріальномъ отношеніи, четырехколесныя повозки имѣютъ слѣдующія выгоды: при нихъ лошади страдаютъ менѣе, чѣмъ при двухколесныхъ, управленіе лошадьми удобнѣе, движеніе по гористой мѣстности и узкимъ дорогамъ удобнѣе съ четырехколесными повозками, чѣмъ съ двухколесными; наконецъ, принявъ три четырехколесныя зарядныя повозки на орудіе, въ нихъ можно имѣть болѣе зарядовъ, чѣмъ при трехъ же двухколесныхъ ящикахъ. За то, на каждое орудіе потребуется для возки зарядовъ. вмѣсто 9 лошадей, 12; при четырехколесныхъ повозкахъ, каждая лошадь ве-

зетъ зарядовъ менѣе, чѣмъ при двухколесныхъ, за то грузъ, приходящійся на каждую лошадь, будетъ въ первомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во второмъ.

Затѣмъ въ хозяйственномъ отношеніи четырехколесныя повозки крайне невыгодны, потому что крайне усложняютъ хозяйственную часть въ батареяхъ и въ летучихъ паркахъ, потребуютъ увеличенія рабочихъ средствъ въ арсеналахъ, увеличенія самого помѣщенія въ артиллеріи. Но на все это можно бы, кажется, возразить, что рѣдкое нововведеніе обходится безъ пожертвованій, и лишь бы только оно было дѣйствительно полезно, такъ нечего жалѣть на него расходовъ. Особенно же мы рѣшительно не можемъ понять того заключенія, которое сдѣлано Артиллерійскимъ отдѣленіемъ о хозяйственныхъ невыгодахъ четырехколесныхъ повозокъ. «Можно, кажется, заключить—говорится въ отчетѣ — что въ хозяйственномъ отношеніи лучше и дешевле пожертвовать во время кампаніи всѣми коренными ящичными лошадьми, чѣмъ заводить четырехколесныя повозки.» Право, трудно понять, какъ это лучше и дешевле лишиться всей артиллеріи—потому что потеря всѣхъ коренныхъ ящичныхъ лошадей неминуемо должна повести къ тому—чѣмъ заводить четырехколесныя повозки, что хотя потребуетъ значительныхъ расходовъ, но не одновременно, а въ теченіе, пожалуй, даже нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ введеніе ихъ можетъ быть сдѣлано постепенно.

При разсмотрѣніи вопроса о замѣненіи двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ четырехколесными съ тактической точки зрѣнія, явное преимущество отдается первымъ, такъ какъ, при вторыхъ, батареи легко могутъ остаться безъ зарядовъ, и вообще снабженіе батарей при четырехколесныхъ повозкахъ затруднительно и не такъ вѣрно, какъ при двухколесныхъ ящикахъ; самое движеніе безъ дорогъ первымъ труднѣе, чѣмъ вторымъ; двухколесные ящики легче укрыть за мѣстными прикрытіями, чѣмъ четырехколесныя повозки, и, наконецъ, послѣднія слишкомъ будутъ растягивать походныя движенія войскъ. Все это, пожалуй, въ нѣкоторой степени и справедливо; но вѣдь въ иностранныхъ артиллеріяхъ не слышно жалобъ на эти недостатки, несмотря на то, что за границую вездѣ введены четырехколесныя зарядныя повозки, что и побудило въ нѣкоторой степени и самое Артиллерійское отдѣленіе возбудить вопросъ о замѣненіи двухколесныхъ ящиковъ четырехколесными. Но нѣтъ, говорятъ,

что съ двухколесными зарядными ящиками вполне свыклась наша артиллерія, что и побудило Артиллерійское отдѣленіе признать выгоднѣйшимъ остаться при нынѣ существующихъ у насъ двухколесныхъ зарядныхъ ящикахъ.

Выставляя на видъ нѣкоторую медлительность въ дѣйствіяхъ бывшаго Артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета, справедливость требуетъ, чтобы всякій разъ вмѣстѣ съ тѣмъ было указываемо и на то множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые рѣшаются въ этомъ отдѣленіи. Такъ, изъ находящагося предъ нами отдѣла прошлагодняго отчета видно, какъ обширна была въ 1858 году дѣятельность отдѣленія по части однихъ только лафетовъ. Рассмотрѣны были измѣненія, которыя необходимо ввести въ полевомъ нашемъ лафетѣ, проектированъ новый желѣзный осадный лафетъ для 24 и 18-фунтовыхъ пушекъ и для пудоваго единорога, испытываемы были: лафеты для береговыхъ орудій 3-пудовой бомбовой пушки, 60-фунтовой и новой 36-фунтовой пушекъ, устанавливаемыхъ на открытыхъ батареяхъ, а также и новый металлическій станокъ для проектированной подпоручикомъ княземъ Гагаринымъ 1-пудовой стальной мортиры. Все это, вмѣстѣ съ разными другими занятіями отдѣленія, очевидно, должно было потребовать очень много времени и производило замедленія въ рѣшеніи другихъ весьма многихъ вопросовъ. Съ нынѣшняго года, медленность эта, вѣроятно, уже исчезнетъ, вслѣдствіе совершеннаго преобразованія Военно-Ученаго комитета. По новому положенію, Артиллерійское отдѣленіе сего комитета упраздняется, а вмѣстѣ его учрежденъ при Генералъ-Фельдцейхмейстерѣ временной артиллерійскій комитетъ, подраздѣляющійся по предметамъ занятій своихъ на семь специальныхъ комиссій. Надо полагать, что новый комитетъ, обладая большими средствами сравнительно съ прежнимъ Артиллерійскимъ отдѣленіемъ и, притомъ, состоя подъ прямымъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера, вѣроятно, окажетъ значительныя услуги нашей артиллеріи своею просвѣщенной дѣятельностію.

Въ отдѣлѣ ученомъ и техническомъ разсматриваемаго нами номера «Артиллерійскаго Журнала» помѣщено окончаніе лекцій, читанныхъ генералъ-маіоромъ Ферсманомъ, съ началомъ которыхъ мы уже отчасти ознакомили читателей «Военнаго

Сборника», разбирая № 3 «Артиллерійскаго Журнала» (*). Въ помѣщенной же въ четвертомъ номерѣ третьей лекціи, генералъ Ферсманъ разбираетъ только одинъ вопросъ—«о вѣроятномъ значеніи навѣснаго огня въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ». Что въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ навѣсный огонь будетъ играть весьма важную роль, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительность ружейнаго огня по необходимости заставляетъ сколь возможно болѣе искать разныхъ естественныхъ закрытій, а въ случаѣ неимѣнія ихъ даже возводить и искусственные; при этомъ не только передовыя войска въ боевыхъ линіяхъ, стрѣлковыя цѣпи, но даже и самыя резервы будутъ постоянно болѣе или менѣе укрыты отъ выстрѣловъ непріятельскихъ. Очевидно, что одного прицѣльнаго и рикошетнаго огня будетъ недостаточно для дѣйствія противъ войскъ, находящихся за закрытіями: необходимо нужно будетъ употреблять и огонь навѣсный. Уже въ послѣднюю Восточную войну, какъ видно изъ свидѣтельствъ, приводимыхъ генералъ-маіоромъ Ферсманомъ, чувствовали потребность въ навѣсномъ огнѣ, потому что представлялись случаи, когда въ полевыхъ сраженіяхъ навѣсный огонь могъ бы быть употребленъ съ большою пользою, но что если онъ не употреблялся, то единственно по неудобству и медленности дѣйствованія. Послѣдняя же кампанія въ Италіи, сколько намъ извѣстно, не представила ни въ одномъ сраженіи примѣра употребленія навѣснаго огня, несмотря на то, что характеръ самаго театра войны вполне долженъ былъ требовать его. Но это обстоятельство не можетъ еще быть приведено въ опроверженіе вѣроятнаго значенія навѣснаго огня въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ. Дѣла, происходившія въ Италіи, имѣютъ совершенно особый, исключительный характеръ. Въ нихъ не разъ представлялась для Французовъ возможность употребить навѣсный огонь для того, чтобы выбить Австрійцевъ изъ сильно защищаемыхъ селеній; но Французы не любятъ терять времени въ перестрѣлкѣ: отчаянная храбрость зуавовъ и тюроксовъ или же желаніе гвардіи выказаться въ глазахъ императора и арміи постоянно рѣшали дѣло штыками прежде, чѣмъ артиллерія успѣвала приготовить успѣхъ своимъ огнемъ. Другое дѣло, если бы пришлось дѣйствовать наступательно Австрійцамъ: тогда, нѣтъ никакого сомнѣнія, они вполне развили бы все значеніе своего артиллерійскаго огня и, вѣроятно, успѣли бы

(*) Въ 8 № «Военнаго Сборника».

даже употребить при случаѣ и свои мортирные батареи, которыя послѣ 1849 года, въ видѣ постоянного учрежденія, находятся только при арміи, расположенной въ Италіи. Впрочемъ, батареи эти заведены были Австрійцами не для полевыхъ сраженій, а на случай, если бы имъ пришлось снова атаковать средне-вѣковые италіанскіе города. Вообще же говоря, трудно допустить, чтобы мортиры были когда нибудь приняты для постоянного употребленія ихъ въ полѣ, такъ какъ употребленіе это связано съ весьма важными неудобствами, а именно: изъ мортиръ нельзя стрѣлять картечью и прицѣльно, отчего онѣ не могутъ содѣйствовать собственной своей оборонѣ, и, сверхъ того, установка ихъ на мѣсто для стрѣльбы, а также накладываніе ихъ на повозку, по прекращеніи дѣйствія, требуютъ болѣе времени, чѣмъ снятіе съ передка или надѣваніе на передокъ пушки или гаубицы. Но затѣмъ является вопросъ: если мортиры не могутъ быть употребляемы въ полѣ для навѣснаго огня, то какое же изъ полевыхъ орудій можетъ производить наиболѣе дѣйствительный навѣсный огонь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ генералъ Ферсманъ, который, сравнивая дѣйствительность навѣснаго огня разныхъ полевыхъ орудій, нашелъ, что на разстояніи 336 сажень, въ квадратъ, стороною въ 15 сажень, изъ 100 снарядовъ попадаетъ:

Изъ $\frac{1}{2}$ -пудоваго единорога	15	гранатъ.
— $\frac{1}{4}$ — — —	14	—
— 12-фунтовой облегченной пушки	14	—
— 7-фунтовой прусской гаубицы	23	—
— 4-фунтовой наръзной пушки (*).	36	—

Результаты эти ясно показываютъ, что 4-фунтовое наръзное орудіе имѣетъ явное преимущество въ навѣсномъ огнѣ передъ всѣми прочими полевыми орудіями, и такъ какъ въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что наръзные орудія будутъ введены въ полевую артиллерію, то очевидно, что они и сдѣлаются главнымъ орудіемъ для дѣйствія навѣснымъ огнемъ въ будущихъ полевыхъ сраженіяхъ. Но замѣнить разомъ всѣ орудія нашей артиллеріи наръзными дѣло невозможное или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно выполнимое; а

(*) Пушки эти испытываются и у насъ. Калибръ ихъ въ 3,42 дюйма; снарядъ пустотѣлый, вѣсомъ около 11 фунт.; полный зарядъ къ нему въ 1,5 фунта. Навѣсная стрѣльба производилась подъ угломъ возвышенія въ 17 градусовъ, при зарядѣ въ 24 золотника.

потому, вѣроятно, прежде всего ими будутъ замѣнены наши легкія орудія, батарейныя же и облегченныя придется еще оставить на нѣкоторое время. Поэтому-то, имѣя въ виду, что и этимъ орудіямъ будетъ приходиться надобность дѣйствовать навѣснымъ огнемъ, необходимо изслѣдовать, въ чемъ именно заключаются затрудненія и неудобства, встрѣчаемыя при производствѣ навѣсной стрѣльбы изъ $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ единороговъ и 12-фунтовыхъ облегченныхъ пушекъ, и какими мѣрами можно ихъ устранить. Изслѣдованіе это вошло также въ составъ лекціи генералъ-маіора Ферсмана и привело его къ предложенію нѣкоторыхъ средствъ, которыя, дѣйствительно, могутъ значительно упростить навѣсную стрѣльбу изъ орудій нынѣшней системы. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этихъ средствъ, которыя могутъ быть особенно интересны для однихъ специалистовъ, приведемъ только еще два практическія замѣчанія генерала Ферсмана относительно навѣснаго огня, заимствованныя имъ изъ германскихъ артиллерій, гдѣ постоянно обращали и обращаютъ особенное вниманіе на этотъ родъ выстрѣловъ. Въ этихъ артиллеріяхъ, на основаніи опыта войны, принимаютъ за доказанное, что отъ навѣснаго огня можно ожидать большаго успѣха только при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: а) когда стрѣльба производится противъ одного и того же предмета изъ довольно большаго числа короткихъ или длинныхъ гаубицъ и б) когда дѣйствующія орудія принадлежатъ особымъ гаубичнымъ батареямъ, а не взяты на поле сраженія отъ различныхъ пушечныхъ батарей.

Первое вполне понятно вслѣдствіе малой вообще дѣйствительности навѣснаго огня; второе же условіе проистекаетъ изъ того, что вообще для производства хорошей навѣсной стрѣльбы требуется болѣе искусства, чѣмъ для другихъ родовъ стрѣльбы, а искусство это пріобрѣтается въ особенности такими батареями, въ которыхъ навѣсная стрѣльба считается самою главною; притомъ же, батарея, составляющая одно цѣлое и подчиненная одному лицу, знающему всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, всегда будетъ дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ сводная батарея. Эти-то выгоды, свойственныя батареямъ, состоящимъ изъ однихъ только гаубицъ, и побудили содержать подобныя батареи въ артиллеріяхъ австрійской, прусской, англійской, саксонской, голландской и шведской.

Изъ другихъ статей техническаго и ученаго отдѣла особен-

ное вниманіе специалистовъ должны обратить на себя: «Литье мѣдныхъ орудій въ Россіи» (окончаніе), Н. Шрамченка и А. Энгельгардта; «Описаніе электробалистическаго маятника капитана Нове», Я. Луневскаго, и «О прицѣлѣ для навѣсной стрѣлы изъ 12-фунтовой гранатной пушки, употребляемомъ въ саксонской артиллеріи», В. Лугинина.

Отдѣлъ библіографіи въ 4-мъ № «Артиллерійскаго Журнала» замѣненъ статью: «Обзоръ свѣдѣній, полученныхъ съ театра войны изъ Италіи», генераль-маіора Крыжановскаго. Цѣль этой статьи вполнѣ похвальная — ознакомить съ италіанскою кампаніею тѣхъ весьма многихъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые, стоя гдѣ нибудь въ деревнѣ или уѣздномъ городѣ, не имѣютъ средствъ и возможности составить себѣ даже приблизительно вѣрное понятіе о военныхъ событіяхъ, совершившихся уже въ Сѣверной Италіи. Талантъ генераль-маіора Крыжановскаго можетъ заранѣе служить ручательствомъ, что авторъ не ограничится однимъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, а, вѣроятно, съ критическою оцѣнкою взглянетъ на эти военныя событія и рельефно выставитъ намъ, какую роль играла въ нихъ артиллерія. Такъ какъ при этомъ непременно должно встрѣтиться весьма много новыхъ данныхъ, относящихся до тактическихъ вопросовъ, то и намъ, вѣроятно, придется еще говорить объ этой статьѣ; въ разсматриваемомъ же нами номерѣ журнала помѣщено только начало ея, гдѣ дается понятіе о театрѣ войны, военныхъ силахъ обѣихъ сторонъ и описано только вступленіе французской арміи въ Піемонтъ. Къ статьѣ приложена весьма ясная и отчетливая карта всего театра войны.

Въ арміи, да и вообще въ обществѣ, весьма часто приходится слышать, что наши артиллерійскіе офицеры имѣютъ сравнительно съ армейскими несравненно болѣе средствъ для личнаго своего образованія, что у нихъ есть свои бригадныя библіотеки, что они постоянно могутъ получать и читать газеты и журналы и вообще слѣдить за всѣми современными новостями. Но—увы!—какъ горько разочаровались бы утверждающіе это, прочтя небольшую статейку въ 4 № «Артиллерійскаго Журнала»: «Зимовыя квартиры», г. В.—Конечно, батареямъ, стоящимъ въ городахъ, и особенно большихъ, очень хорошо; но вѣдь не надо забывать, что многія батареи стоятъ по деревнямъ, гдѣ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ вокругъ нѣтъ ни одного помѣщика, съ которымъ бы можно было познакомиться и подѣ-часъ прово-

дять у него время. Тогда-то, по словамъ г. В., офицеры на цѣлую зиму запираются въ своихъ хатахъ, какъ монахи, отрываются отъ свѣта и дѣлаются совершенными дикарями. Выписывать книги нѣтъ никакихъ средствъ, а получать ихъ изъ бригадной библіотеки дѣло невозможное. «Двери библіотеки, говоритъ тотъ же г. В., часто осаждаются лицами, желающими чѣмъ нибудь заняться; но лица эти слышатъ всегда одни отвѣты: право, господа, въ библіотекѣ, кромѣ стараго хлама, ничего нѣтъ, а новые журналы и газеты всѣ разобраны. Спрашивается: кто же ихъ разбираетъ? батареи ихъ никогда не видятъ. Или не выдаются книги въ ожиданіи наступающаго смотра.» Грустная, непріятная картина, тѣмъ болѣе грустная, что она является результатомъ частной недобросовѣстности, тогда какъ со стороны правительства все дѣлается для достиженія возможно лучшихъ и полезныхъ результатовъ. Но что значать эти правительственныя мѣры, если онѣ не будутъ съ полнымъ рвеніемъ, добросовѣстно поддерживаемы частными дѣятелями? Къ чему поведутъ всѣ благія мѣры, принимаемыя для болѣе полного образованія офицеровъ, если потомъ это образованіе должно заглухнуть безъ пользы на зимовыхъ квартирахъ? а заглухнуть оно непременно должно, если не будетъ питаемо и поддерживаемо тѣми начальниками, вѣдѣнію которыхъ ввѣрены эти офицеры.

«ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ». *Книжка третья.*

«СОЛДАТСКАЯ БЕСѢДА», №№ 1, 2 и 3.

Странна бываетъ иногда участь вашихъ періодическихъ изданій: выйдутъ одна, двѣ книги, составленныя дѣльно, превосходно; статьи всѣ какъ на подборъ, одна лучше другой. Ну, вотъ, думаешь, журналъ поднялся, пойдетъ въ гору. Но—увы!—выходитъ слѣдующая книжка, просто и вѣрить не хочется, чтобы она прошла черезъ одну редакцію съ первыми двумя. Отчасти это и понятно: редакторы по большей части находятся въ тѣсной зависимости отъ своихъ сотрудниковъ; иной разъ нагрянетъ въ редакцію разомъ нѣсколько прекрасныхъ статей, иной же разъ просто хоть плачь—рѣшительно нечего помѣщать, а, между тѣмъ, надо, во что бы то ни стало, выпустить въ свой срокъ слѣдующій нумеръ. Вотъ и приходится наполнять книгу Богъ знаетъ чѣмъ.

На подобныя мысли невольно навела насъ лежащая передъ нами третья книжка «Чтенія для Солдатъ». Увы! какъ далеко непохожа она на первыя двѣ книжки нынѣшняго же года. Со-

ставъ ея таковъ, что, кажется, безошибочно можно сказать, что солдаты врядъ ли прочтутъ и четвертую долю ея. Чтобы подтвердить наше предположеніе, взглянемъ на составъ ея. Во главѣ стоитъ разсказъ: «Христіанскій подвигъ солдата». Цѣль этого разсказа вполне похвальная — показать, какую огромную пользу можетъ принести грамотность и въ особенности душе-спасительное чтеніе священнаго писанія. Но личность героя разсказа — простаго солдатика Ивана Степанова, до того идеальна, что невольно поражаетъ всякаго, а тѣмъ болѣе должна поразить самихъ же солдатъ, которымъ, вѣроятно, на своемъ вѣку никогда не приходилось встрѣчать ничего подобнаго. Читая этотъ разсказъ, мало-малыски смысленный солдатикъ непременно замѣтитъ, что Иванъ Степановъ дѣлаетъ вещи совершенно непозволительныя. Онъ по цѣлымъ ночамъ просиживаетъ въ лазаретѣ у постелей трудно больныхъ и читаетъ имъ святое Евангеліе. Во первыхъ, солдату прійдетъ въ голову: при какомъ же освѣщеніи онъ читаетъ? Извѣстно, что въ лазаретахъ ночью горятъ лампы или ночники, при которыхъ не слишкомъ расчитаться. Во вторыхъ, подобное чтеніе должно крайне изнурять больныхъ, и поэтому въ каждомъ порядочно устроенномъ лазаретѣ никакъ не можетъ быть допущено дежурнымъ фельдшеромъ. Зачѣмъ же напрасно только мутить понятія солдата разсказами такихъ вещей, которыхъ онъ никогда не встрѣчаетъ на дѣлѣ? Этимъ только подрывается довѣріе солдата къ печатному слову и внушается ему мысль, что въ книгахъ помѣщаются лишь сказки, выдумываемыя разными сочинителями, для того, чтобы морочить народъ Божій. А разъ поколебавши въ солдатѣ это довѣріе, уже трудно будетъ, часто даже вовсе невозможно, снова возстановить его.

За этимъ идеальнымъ разсказомъ слѣдуютъ два другіе, совершенно въ иномъ родѣ: одинъ—«О военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ахалцыхомъ въ 1828, 1829 и въ 1853 годахъ», а другой—«О томъ, что такое природа и какъ человекъ до всего доходилъ постепенно». Первый изъ нихъ имѣетъ цѣлью дать понятіе солдатамъ о доблестныхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ Закавказскомъ краѣ, а второй—ознакомитъ читателей съ положеніемъ человека среди окружающей его природы. Въ обоихъ случаяхъ задача, весьма трудно выполняемая, и надо имѣть чрезвычайно много таланта, чтобы простымъ, незатѣйливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобопонятнымъ языкомъ, съ возможно большею занимательно-

стію передать самый рассказъ. Оба приведенные нами рассказа именно далеко не выполняютъ этихъ условій. Рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ахалцыхомъ наполненъ собственными именами, которыхъ солдатъ нашъ и не выговорить, не даетъ никакого яснаго понятія о самомъ характерѣ театра войны и, въ добавокъ, наполненъ промахами, въ родѣ слѣдующихъ: «Турецкій шахъ» (стр. 31), «До 1828 года Ахалцыхъ, будучи окруженъ непроходимыми горами, служилъ убѣжищемъ разбойниковъ и удалцовъ Кавказа» (стр. 30). Рассказъ о природѣ нѣсколько лучше, но отличается необыкновенною сухостью, которая никакъ не можетъ прійтись по вкусу малоразвитыхъ еще читателей.

Что касается до статей: «О томъ, какъ ротный командиръ училъ свою роту цифирной мудрости», и «О разсыпномъ строѣ», то онѣ слишкомъ напоминаютъ солдатамъ скучные для нихъ пунктики, для того, чтобы составить пріятное чтеніе.

О комедіи «Чему быть, того не миновать», назначаемой для солдатскихъ театровъ, мы не станемъ говорить: она очень слаба.

Лучшія статьи въ третьей книжкѣ «Солдатскаго Чтенія»—это «Донской козакъ въ гостяхъ у англичанъ, историческая быль 1814 года», В. Савинова; «Самоваръ», рассказъ В. Даля; «О пчелахъ», «О кораблѣ», и «Всякое знаніе солдату пригодно, разговоръ на привалѣ».

Въ заключеніе нашего разбора не можемъ не сказать еще нѣсколькихъ словъ насчетъ сужденія «Солдатскаго Чтенія» о пьянствѣ. Объ этомъ предметѣ говорится и въ отдѣльной, небольшой статейкѣ и, сверхъ того, еще въ статьѣ «Солдатскій Собесѣдникъ». Странно, какъ въ одномъ и томъ же номерѣ такого журнала, какъ «Солдатское Чтеніе», могутъ встрѣчаться столь рѣзкія противорѣчія. «Солдатскій Собесѣдникъ» рассказываетъ между прочими вещами о составившемся въ западныхъ губерніяхъ обществѣ, или братствѣ трезвости и по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Въ уставѣ этого братства помянуто семь текстовъ изъ священнаго писанія противъ пьянства, и умными людьми доказано, что спиртъ человѣку не нуженъ для подкрѣпленія силъ и здоровья его; что онъ вреденъ и тогда даже, когда употребляютъ его и въ незначительномъ количествѣ; что не пьюшіе живутъ долѣе и избѣгаютъ много болѣзней; что спиртъ вреденъ даже для дѣтей пьющихъ людей. Кто пьетъ понемногу, тотъ скоро будетъ пить и много. Кто находитъ пріятность въ спиртѣ, тотъ можетъ считаться потеряннымъ, потому что скоро привык-

нетъ пить запоемъ. Спиртъ отнимаетъ у человѣка разумъ; пьющій человѣкъ становится вялымъ и сонливымъ, пренебрегаетъ своимъ хозяйствомъ, жилищемъ, дѣлается нищимъ и презрѣннымъ людьми». И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Теперь посмотримъ, что говорится объ этомъ же предметѣ въ статьѣ «О пьянствѣ». По мнѣнію автора статьи, пьянство имѣетъ три вида: *увеселеніе, опьянѣніе и осатанѣніе*. Перваго рода пьянство вполне дозвоительно. «И бракъ въ Канѣ Галилейской — говоритъ авторъ — не обошелся безъ вина, и въ писаніи сказано, что вино веселитъ сердце человѣка, и князь св. Владиміръ-Солнышко сказалъ во время оно, что Руси есть веселіе пияти: стало быть, не вино виновато, а виноваты тотъ, кто мѣры въ винѣ не знаетъ». Затѣмъ высчитывается, какія выгоды приобретаетъ человѣкъ, когда онъ немного только выпьетъ, «подрумянить себя маленько, раскуражится». Спрашивается: что жъ подумаетъ солдатъ, когда онъ прочтетъ въ одной и той же книгѣ, что есть семь текстовъ священнаго писанія противъ пьянства и что умными людьми доказано, что спиртъ даже въ незначительномъ количествѣ вреденъ человѣку, и тутъ же въ этой же книгѣ увидитъ, что то же святое писаніе говоритъ, что вино веселитъ сердце человѣка.... и прочее? Станетъ ли онъ вѣрить печатнымъ книгамъ? Притомъ же, самъ авторъ статьи «О пьянствѣ», допуская употребленіе вина для увеселенія, говоритъ, что отъ увеселенія до опьянѣнія одинъ шагъ, а опьянѣніе и осатанѣніе такъ близко, что лучше оберегаться отъ обоихъ: къ чему же въ такомъ случаѣ восхвалять употребленіе вина до увеселенія, если оно непременно должно довести до осатанѣнія? Все это чрезвычайно сбивчиво и, еще разъ повторимъ, непременно ведетъ солдата къ недовѣрію къ книгамъ; а при этомъ недовѣріи, конечно, солдатъ не станетъ читать ихъ, не станетъ читать даже и такихъ книгъ, которыя бы дѣйствительно могли принести ему пользу. Вообще съ солдатами въ этомъ отношеніи надо быть столь же осторожнымъ, какъ и съ дѣтьми: взрослый иногда положится на то, что для дѣтей можно приводить объясненія какія нибудь, что все равно они не поймутъ ничего; а, между тѣмъ, это часто ведетъ къ ужаснымъ ошибкамъ: дѣти и вообще люди простые, необразованные, но имѣющіе природный здравый смыслъ, часто замѣчаютъ многое такое, о чемъ человѣку образованному и въ голову не прійдетъ; изъ замѣченнаго ими они составляютъ себѣ свои собственные понятія, на свой ладъ, и по-

томъ извольте-ка выбивать изъ ихъ головъ эти понятія, вполне ими усвоенныя! Поэтому-то ни въ одномъ родѣ литературныхъ произведеній не требуется такой осторожности, какъ въ произведеніяхъ, назначаемыхъ для дѣтей или для солдатъ, тѣхъ же дѣтей, но только взрослыхъ.

Подобные недосмотры скорѣе всего слѣдуетъ приписать неосторожности редакціи, которая не должна допускать на страницахъ своего журнала столь рѣзкихъ противорѣчій. Въ этомъ отношеніи невольно приходитъ въ голову, что какъ было бы хорошо, если бы журналъ могъ обходиться вовсе безъ сотрудниковъ. Конечно, мысль эта почти невыполнима; но если бы это было возможно, то, по крайней мѣрѣ, тогда самый журналъ имѣлъ бы гораздо болѣе единства въ своемъ направленіи. Впрочемъ, при всей трудно-выполнимости этой мысли, мы, однако, встрѣчаемъ осуществленіе ея въ другомъ солдатскомъ журналѣ — «Солдатской Бесѣдѣ». Тамъ почти всѣ статьи принадлежатъ одному даровитому редактору этого журнала, оттого-то о самомъ изданіи можно вполне безпристрастно сказать: малъ золотникъ, да дорогъ. При разборѣ нашемъ «Солдатской Бесѣды» за прошлый годъ (*), мы сказали, что подождемъ съ нашимъ сужденіемъ объ этомъ изданіи, пока не появятся въ немъ узоры, которые обѣщалъ редакторъ, говоря, что «сначала топоромъ, потомъ скобелемъ, а рѣзба да узоры — послѣднее дѣло». Оказалось, что узоры-то появились ранѣе, чѣмъ можно ихъ было ожидать, и, дѣйствительно, находящіеся передъ нами нумера за нынѣшній годъ представляютъ собою рядъ статей, лучше которыхъ трудно и пожелать для солдатъ. О языкѣ, какимъ написаны онѣ, нечего и говорить: въ этомъ отношеніи смѣло можно сказать, что редакторъ «Солдатской Бесѣды» рѣшительно не имѣетъ себѣ не только соперниковъ, но и равныхъ въ нашей литературѣ. Но что главное — вездѣ въ этихъ статьяхъ видна мысль, ясная и понятная для самаго простаго человѣка. Статьи эти касаются весьма многихъ обстоятельствъ солдатской жизни, а, между тѣмъ, навѣрное можно сказать, что солдатъ прочтетъ ихъ безъ скуки, съ интересомъ, да, вѣроятно, еще не одинъ, а нѣсколько разъ. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе мы имѣемъ полное право вывести изъ подлинныхъ отзывовъ гвардейскихъ солдатъ, которыхъ мы спрашивали, какъ имъ нравятся разные издаваемые для нихъ журналы. Общій отзывъ былъ тотъ, что

(*) Въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

«Солдатскую Бесѣду» они читаютъ болѣе всего, потому что она «какъ-то ближе всего имъ по душѣ приходится». А, между тѣмъ, журналъ этотъ очень мало говоритъ о доблестяхъ солдатъ, очень мало воскуриваетъ имъ энміалу, а, напротивъ, чаще всего побраниваетъ солдата. Это-то именно и нравится солдату: онъ видитъ себя на страницахъ «Солдатской Бесѣды» такимъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности, а вовсе не такимъ, какимъ хотятъ его пересоздать. Чтò можетъ быть, напримѣръ, вѣрнѣе очерковъ «Слушаю и не могу знать», «Наши женитьбы», «Чертовщина», или «Слабосильные люди»? Вѣдь такія личности, какъ Елизаръ Лаптевъ, унтеръ Кашинъ и цѣлая компанія лоботрясовъ сплошь и рядомъ попадаютъ между нашими солдатами. И какъ поучительны всѣ эти рассказы, не заключая въ себѣ, между тѣмъ, ни малѣйшей сухости и однообразія. А напримѣръ, рассказъ «Доблестное народное дѣло», гдѣ говорится о распространеніи у насъ на Руси трезвости и о томъ вредѣ, какой происходитъ отъ употребленія водки: какъ далеко стоитъ эта статья выше всего, чтò по этому же предмету было написано «Солдатскимъ Читеніемъ»! Какъ логично, послѣдовательно и ясно доказанъ въ ней весь вредъ, причиняемый пьянствомъ для здоровья, общественной нравственности и общественному благосостоянію! А какъ ловко во всѣхъ этихъ статьяхъ дѣйствуется прямо на самолюбіе солдата! Ему не обѣщается только то, что начальство будетъ имъ довольно: нѣтъ, ему представляется въ будущемъ перспектива его отставки, когда онъ съ почетомъ вернется въ свое родное село и не станетъ зря безъ и пользы маяться по свѣту, а снова будетъ служить, уже на другомъ поприщѣ, Господу всеблагову, Царю милостивому и всему любезному отечеству! «Видно и нашему брату-солдату пришла чередъ помогать дѣла поправлять», говорится въ статьѣ «Грамотность и знаніе». «Были мы мастера портить, Богъ дастъ и поправить съумѣемъ: обществу немного, признаться, корысти было въ отставныхъ солдатахъ, а теперь, пожалуй, что и до старости нужны будемъ». Эта мысль, вполнѣ справедливая, что солдаты, выучившись на службѣ грамотѣ и потомъ выйдя въ отставку и вернувшись на родину, могутъ сдѣлаться сельскими учителями, неоднократно проводится въ «Солдатской Бесѣдѣ» и, конечно, должна оказывать немаловажное вліяніе на самолюбіе солдатъ, возбуждая ихъ къ большому усердію въ занятіяхъ. Много бы можно было сдѣлать выписокъ изъ «Солдатской Бесѣды» для

подтвержденія примѣрами, сколько здравыхъ, ясныхъ и вполне понятныхъ для солдата мыслей разсѣяно въ крошечныхъ книжкахъ этого изданія; но размѣры настоящей статьи, къ сожалѣнью, не позволяютъ намъ это сдѣлать. Однакожь, мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать одного мѣста изъ статьи «Грамотность и Знаніе», въ которомъ доказывается неправильность того взгляда, что будто бы мужику не слѣдъ учиться грамотѣ. Разсказавъ вкратцѣ исторію Ломоносова, чтобы показать, какъ изъ сына простаго рыбака, черезъ науку, человѣкъ этотъ сдѣлался всѣми уважаемымъ ученымъ, авторъ говоритъ:

«Вотъ до чего можетъ дойти каждый, кто усердно займется ученіемъ. А мужикъ ли онъ или баринъ, это какъ есть все равно: наука не разбираетъ, какой ложкой тебѣ во младенчествѣ кашу въ ротъ совали — серебряной или липовой; только ты полюби ее, науку-то, а она у тебя паспорта не спроситъ, кто-молъ ты такой, она вся твоя.

«Да и то сказать, господа, отчего же мужику и не учиться? Не рука, говорятъ, не мужицкое дѣло! Пустяки, братцы! повѣрьте это нынче состарилось. Чтò значить слово мужикъ? Оно произошло отъ славянскаго слова мужъ, то есть человѣкъ, мужчина — вотъ чтò. Оно названіе честное и почтенное, Честный мужикъ, честный солдатъ, честный господинъ — все одно и то же, люди равно почтенные; а коли кто нечестенъ, такъ не пособить ему никакой на свѣтѣ титулъ и величанье — дрянъ человѣкъ, вся ему и честь. Для того-то и надо всѣмъ учиться, чтобы понимать, какъ слѣдуетъ, жить на свѣтѣ честно.»

Въ заключеніе выразимъ искреннее наше желаніе, чтобы «Солдатская Бесѣда» продолжала идти тѣмъ же путемъ, какой она выбрала; нѣтъ сомнѣнія, что войска вполне оцѣнятъ ея великія достоинства. Одно, чего отчасти нельзя не пожелать, это — чтобы она возможно увеличила свой объемъ; но если только вмѣстѣ съ этимъ связано хоть нѣкоторое ослабленіе достоинствъ журнала, въ такомъ случаѣ лучше пусть она останется въ настоящихъ своихъ размѣрахъ, пусть лучше даже уменьшится въ объемѣ. Все же таки для солдатъ нашихъ, которые, вѣроятно, станутъ по нѣскольку разъ прочитывать ея статьи, она будетъ въ тысячу разъ полезнѣе и занимательнѣе, чѣмъ иныя, болѣе обширныя изданія.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Практическое руководство для производства инструментальной и военно-глазомерной съемокъ, составлено оберъ-квартирмейстеромъ 3-го армейскаго корпуса полковникомъ Саковичемъ для н. фронтовыхъ офицеровъ. Орелъ. 1859.

Въ настоящее время никто не сомнѣвается уже въ недостаточности знанія фронтовымъ офицеромъ однихъ только уставовъ: безъ знанія тактики, нѣкоторыхъ указаній фортификаціи, безъ умѣнья оцѣнивать силу и значеніе разнаго рода мѣстностей, уставъ совершенно можетъ задавить разумный взглядъ на военное дѣло. Обращая исключительное вниманіе на одинъ только уставъ, который по необходимости, въ большей части случаевъ, долженъ ограничиваться однимъ только допущеніемъ совершенно ровной и однообразной мѣстности, весьма легко впасть въ односторонность, крайне опасную, когда войскамъ придется дѣйствовать на мѣстности пересѣченной и закрытой. Конечно, маневры и ученья на пересѣченной мѣстности могутъ въ нѣкоторой степени ознакомливать офицеровъ съ разнаго рода мѣстностями, но все же таки этого еще недостаточно для того, чтобы вполне свыкнуться съ разными, часто самыми разнообразными видами мѣстности. Лучшимъ средствомъ для этого всегда была и останется съемка. Съемщику попадаютъ мѣстности самыя разнообразныя; для нанесенія ихъ на планъ онъ долженъ всматриваться во всѣ малѣйшія подробности ея, изыскивать лучшія средства для того, чтобы умѣть ориентироваться. Все это,

такъ сказать, набиваетъ глазъ и мало по малу осваиваетъ съ разнаго рода мѣстностями. Къ тому же, нѣкоторые понятія о съемкѣ необходимы еще и потому, что весьма часто, въ военное время, офицеру, посылаемому съ какимъ либо порученіемъ, приходится потомъ дать отчетъ о видѣнной имъ мѣстности; а безъ предварительнаго приготовленія исполнить это добросовѣстно и отчетливо весьма трудно, почти даже невозможно. Всѣ эти причины и заставили въ настоящее время обратить вниманіе на то, чтобы офицеры, по возможности, болѣе были ознакомлены съ главными приѣмами собственно военно-глазomѣрной съемки. Но такъ какъ, по сдѣланному опыту, при всемъ полномъ усердіи обучающихся, невозможно прямо приняться за глазomѣрную съемку, то и приходится по необходимости предварительно ознакомиться, хотя теоретически, съ главнѣйшими приѣмами съемки инструментальной, правила которой служатъ основаніемъ для военно-глазomѣрной. Съ этой-то цѣлью ознакомленія какъ съ инструментальной, такъ и съ глазomѣрною съемкою и составлено полковникомъ Саковичемъ настоящее руководство, которое въ весьма небольшомъ объемѣ, всего на 70 страницахъ, заключаетъ не только всѣ главнѣйшіе практическіе приѣмы, употребляемые при съемкахъ, но даже и описаніе употребительнѣйшихъ инструментовъ для военныхъ съемокъ, а равно и объясненіе условныхъ знаковъ, употребляемыхъ для военно-топографическихъ плановъ. Главное достоинство этого руководства — его практичность и совершенная доступность даже для тѣхъ офицеровъ, которые не обладаютъ большимъ запасомъ свѣдѣній по геометріи. Все это, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ оценено тѣми, кому придется заниматься по этому руководству. Но, говоря о достоинствахъ, мы не можемъ умолчать и о нѣкоторыхъ, хотя и незначительныхъ, недостаткахъ названнаго нами руководства, — недостаткахъ, которые все-таки вполнѣ искупаются хорошими сторонами этой брошюры. Такъ о нѣкоторыхъ предметахъ говорится не тамъ, гдѣ бы слѣдовало: напримѣръ, не сказавъ еще ровно ничего о мензулѣ и о производствѣ инструментальной съемки, авторъ говоритъ о приблизительномъ опредѣленіи относительной высоты пунктовъ (стр. 11); на стр. 16 и 17 въ числѣ необходимыхъ принадлежностей мензулы упоминается и о мензульной буссоли, которая, по словамъ руководства, незначается «для установленія мензулы такъ, чтобы одинъ изъ краевъ доски былъ по направленію меридіана, или все то же, чтобы нораѣ (съ-

веръ) всегда приходился въ верху мензулы». Подобное объясненіе можетъ показаться чрезвычайно темнымъ для всякаго начинающаго заниматься съемкою, тѣмъ болѣе, что за этимъ объясненіемъ не слѣдуетъ никакого другаго поясненія, и только уже на стр. 29 обучающійся найдетъ слабое опредѣленіе, что такое меридіанъ. Вообще въ разсматриваемомъ руководствѣ встрѣчаются иногда, хотя и очень рѣдко, выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «переворачиваютъ трубу черезъ зенитъ» (стр. 20). Подобныя выраженія намъ кажутся совершенно неумѣстными въ руководствѣ, составленномъ для фронтовыхъ офицеровъ, которымъ почти совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, очень мало извѣстны различныя приемы, употребляемые при астрономическихъ наблюденіяхъ.

Къ руководству приложены 4 листа чертежей, изъ которыхъ первые два заняты различными знаками, употребляемыми какъ для военно-топографическихъ плановъ, такъ и для изображенія квартирнаго и боеваго расположенія войскъ. При этомъ остается жалѣть, что не указано также, какъ изображаются лѣса и разнаго рода мѣстности, въ случаѣ отдѣлки плана карандашемъ, а не красками.

Высказывая вкратцѣ эти замѣчанія на нѣкоторыя недостатки руководства г. Саковича, можно вполне надѣяться, что они будутъ исправлены авторомъ, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что трудъ его быстро разойдется между нашими офицерами, что и заставитъ г. Саковича выпустить второе, исправленное изданіе его руководства.

Hippo-lasso, appareil compressif servant à maîtriser le cheval, le mulet, etc, et généralement les grands quadrupèdes domestiques difficiles à manier, par suite de leur caractère m chant, rétif ou sauvage, par M. Raabe, capitaine-commandant au 6-e régiment de dragons, et M. Lunel, lieutenant au 4-e escadron du train des équipages militaires. Paris 1859.

(Конскій арканъ, новая принадлежность для укрощенія лошадей, муловъ и вообще крупныхъ домашнихъ четвероногихъ, отличающихся злостью, упрямствомъ или дикостью, изобрѣтенная капитаномъ 6 драгунскаго полка Раабе и фурштатскимъ поручикомъ Люнелемъ. Парижъ 1859 года.)

Давно ли американецъ Рарей приводилъ Европу въ изумленіе своимъ необыкновеннымъ искусствомъ укрощать совершенно дикихъ и злыхъ лошадей, какъ вотъ является уже брошюра,

въ которой признають способъ Рарей далеко неудовлетворительнымъ и предлагаютъ новыя средства, болѣе вѣрныя и надежныя. Средства эти были испытаны уже во Франціи въ присутствіи многихъ тамошнихъ знаменитостей по ветеринарной части и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Первая мысль о необходимости изобрѣтенія какого нибудь средства для укрощенія совершенно почти дикихъ лошадей появилась у г. Люнеля, одного изъ авторовъ рассматриваемой брошюры, еще во время Восточной войны, когда ему приходилось, по званію начальника ремонта въ Варнѣ, ловить, ковать, сѣдлать и проч. совершенно почти дикихъ турецкихъ лошадей и муловъ, назначенныхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ французской арміи. Въ то время онъ уже употреблялъ для своихъ цѣлей особаго рода арканъ и сбрую, что чрезвычайно удобно укрощало животное и дѣлало его совершенно неподвижнымъ; послѣ того, совершенствуя все болѣе и болѣе свое изобрѣтеніе и особенно пользуясь содѣйствіемъ капитана Раабе, одного изъ лучшихъ французскихъ берейторовъ, г. Люнель достигъ до того, что предлагаемый имъ арканъ, привсей простотѣ его устройства, можетъ замѣнить собою силу десяти человѣкъ. Арканъ этотъ, названный изобрѣтателями *Hippo-lasso*, имѣетъ три различныя вида: арканъ-укротитель, назначаемый собственно для сдерживанія лошадей злыхъ, упрямыхъ или норовистыхъ; арканъ-сбруя, умѣряя постоянно движенія упряжной лошади, не позволяетъ ей заносить; наконецъ, учебный арканъ-мартингалъ служитъ для дрессировки лошади.

Не вдаваясь въ подробное описаніе каждаго изъ этихъ родовъ вновь изобрѣтеннаго аркана, мы считаемъ нашимъ долгомъ обратить на это новое усовершенствованіе вниманіе нашихъ кавалеристовъ, полагая, что для нихъ будетъ весьма любопытно ближе ознакомиться съ названной брошюрою, особенно въ теперешнее время, когда у насъ обращено полное вниманіе на ремонтное управленіе нашей регулярной кавалеріи степными козачьими лошадьми.

Die Armeen der europäischen Mächte, ihre Organisation und Stärke, nach authentischen Quellen bearbeitet, von P. Goetsch, Lieutenant der Artillerie. Potsdam 1859.

(Арміи европейскихъ государствъ, ихъ организація и сила. Составлено изъ подлинныхъ источниковъ поручикомъ артиллеріи Гетшемъ. Потсдамъ 1859 года.)

Небольшая эта книжка заключаетъ въ себѣ пространство земли, число жителей, составъ, раздѣленіе и силу арміи не только пяти первостепенныхъ державъ Европы, но отдѣльно и cadaго изъ государствъ Германскаго Союза, а равно и всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Весьма важно, что авторъ, не ограничиваясь однѣми сухопутными силами, даетъ также въ особомъ обзорѣ и составъ морскихъ силъ. Ошибки, вкравшіяся въ эту компиляцію, хотя и незначительны, но все же она не иначе можетъ быть почитаема, какъ вызванною тѣмъ военнымъ настроеніемъ, въ которомъ находилась въ текущемъ году вся Европа. Гораздо болѣе вниманія, по обширности и добросовѣстности труда, заслуживаетъ слѣдующее твореніе капитана бельгійскаго генеральнаго штаба Вандензанде:

Tableaux de la composition des armées européennes sur le pied de guerre, dressés d'après les documens officiels les plus récents. — I L'Autriche. II La France. 1859.

(Таблицы состава европейскихъ армій на военномъ положеніи, составленныя по новѣйшимъ официальнымъ документамъ. I Австрія. II Франція.)

Трудъ этотъ только что начать и современемъ представить намъ самую полную картину того военного положенія, въ которое могутъ быть приведены арміи европейскихъ державъ. Слѣдующія таблицы, сколько извѣстно, будутъ заключать прусскую и сардинскую арміи.

Traité d'artillerie théorique et pratique, par G. Piobert. 2-e édition, revue et augmentée. Paris 1859.

(Теоретическій и практическій курсъ артиллеріи Піобера, второе, исправленное и увеличенное изданіе. Парижъ 1859.)

Principes de fortifications par le général Noizet. Paris 1859.

(Начала фортификаціи, изложенныя генераломъ Ноазе. Парижъ 1859.)

Два эти чисто спеціальныя сочиненія подлежатъ суду нашихъ ученыхъ артиллеристовъ и инженеровъ. Все, что мы можемъ позволить себѣ сказать о нихъ, это только то, что за первое изъ нихъ много говоритъ самое имя автора, весьма громкое въ артиллерійскомъ мірѣ; а за второе, тоже, имя автора, пользующееся извѣстностію во Франціи, такъ какъ генералъ Ноазе долгое время былъ профессоромъ въ Мецѣ и участвовалъ въ работахъ, производившихся по укрѣпленію различныхъ пунктовъ Франціи и особенно Парижа.

Der italienische Krieg 1859, politisch-militairisch beschrieben von W. Rüstow. Zürich 1859.

(Италянская война 1859 года, описанная съ военно-политической стороны В. Рюстовымъ.)

La guerre d'Italie, histoire complète des opérations militaires dans la Péninsule, par Ch. Adam. Paris 1859.

(Италянская война, полный историческій очеркъ военныхъ дѣйствій на полуостровѣ К. Адама.)

Histoire de la guerre d'Italie par E. de la Bédollière. Paris 1859.

(Исторія итальянской войны, Е. Бедольера.)

Montebello, Magenta, Marignan. Lettres d'Italie (mai et juin 1859), par A. Achard. Paris 1859.

(Монтебелло, Маджента, Мариньяно. Письма изъ Италіи за май и іюнь 1859 года, А. Ашара.)

Notice sur le théâtre de la guerre en Italie par le capitaine L. Vandevelde. Bruxelles 1859.

(Замѣтки о театрѣ войны въ Италіи, капитана Л. Вандевельде.)

Napoléon III en Italie par J. Bichard. Paris 1859.

(Наполеонъ III въ Италіи, Ж. Ришара.)

La campagne d'Italie par le Baron de Bazoncourt, tome I, Paris 1859.

(Италянская кампанія, барона Базанкура.)

Едва успѣла окончиться италянская кампанія, какъ вотъ уже какой длинный рядъ сочиненій появился о ней. Въ этомъ отношеніи Французы удивятъ cadaго своей плодovitostію. Невольно является вопросъ: неужели жъ всѣ эти сочиненія, по большей части очень похожія другъ на друга и всѣ болѣе или менѣе составленныя единственно только по официальнымъ даннымъ, найдутъ себѣ сбытъ и читателей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ почти не можетъ быть отрицательнымъ, особенно, если вспомнить, какъ распространено употребленіе французскаго языка: смѣло можно сказать, что сочиненія эти разойдутся по всему свѣту и, конечно, почти всѣ будутъ прочитаны. Да и въ самой Франціи, благодаря необыкновенному пристрастію Французовъ ко всему родному и особенно ко всему, что относится къ военной славѣ Франціи, сочиненія эти найдутъ множество читателей. А, между тѣмъ, большинство изъ нихъ написаны единственно только по случаю, людьми вовсе не военными и даже не бывшими на

театръ войны. Лучшимъ изъ всѣхъ поименованныхъ нами французскихъ сочиненій все-таки можетъ считаться произведеніе барона Базанкура, котораго, впрочемъ, до сихъ поръ, вышелъ только одинъ томъ; оно, по крайней мѣрѣ, наиболѣе полно. Ковсѣмъ этимъ сочиненіямъ въ скоромъ времени долженъ присоединиться еще очеркъ италіанскаго похода, составляемый маршаломъ Ниелемъ, который, какъ извѣстно, принималъ весьма дѣятельное участіе въ этой войнѣ въ званіи корпуснаго командира. Дай Богъ только, чтобы трудъ этотъ былъ болѣе удаченъ, чѣмъ его же описаніе осады Севастополя.

Матеріалы для изученія послѣдней италіанской кампаніи только тогда будутъ полны, когда появятся описанія этой войны на италіанскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Но Италіанцы слишкомъ еще заняты своими внутренними дѣлами, а въ Германіи появилось только еще одно сочиненіе о послѣдней войнѣ. Авторъ этого сочиненія, В. Рюстовъ, давно уже извѣстенъ въ военной литературѣ и въ новомъ своемъ произведеніи не ограничивается однимъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, заимствованныхъ изъ официальныхъ газетъ и донесеній, а старается вездѣ всѣ дѣйствія подвергнуть критическому разбору. Изъ всѣхъ его выводовъ особенно замѣчательнъ тотъ, что хотя Австрійцы, вообще говоря, были гораздо многочисленнѣе союзниковъ, но, несмотря на то, вездѣ на рѣшительныхъ пунктахъ послѣдніе имѣли численный перевѣсъ надъ первыми.

Все сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ пока вышли только еще двѣ, заключающія въ себѣ политическое, военное и топографическое обозрѣніе, силы и положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ въ маѣ мѣсяцѣ, дѣло при Монтебелло, фланговый маршъ союзниковъ, переходъ черезъ Тичино, сраженіе при Маджентѣ и отступленіе Австрійцевъ за Минчіо. Въ послѣдней части будетъ заключаться сраженіе при Сольферино и вилафранкскій миръ, къ чему ученый авторъ, вѣроятно, не замедлитъ присовокупить и общія свои замѣчанія на весь ходъ кампаніи и отдѣльные ея эпизоды.

Говоря о сочиненіяхъ, вышедшихъ за границей по поводу италіанской кампаніи, нельзя не остановится также и на прекрасномъ приобрѣтеніи, сдѣланномъ въ послѣднее время нашей картографіей, тоже по поводу послѣдней войны въ Италіи. Мы говоримъ о вышедшей недавно въ Петербургѣ хромофотографической картѣ Верхней Италіи, составленной подполковникомъ

Полтарацкимъ и капитаномъ Ильинымъ и оттисненной въ собственной же типографіи самихъ составителей. Конечно, очень жаль, что карта эта не появилась въ то время, когда у насъ такъ жадно бросались на всякую вновь вышедшую мало-мальски порядочную карту Италіи. Впрочемъ, и въ настоящее время карта эта съ ея достоинствами не утратила своей цѣны и вполне можетъ назваться однимъ изъ самыхъ лучшихъ, отчетливыхъ и добросовѣстно выполненныхъ трудовъ по части нашей картографіи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Grundzüge der Taktik der drei Waffen Infanterie, Kavallerie und Artillerie; nach den neuesten Erfahrungen und mit besonderer Rücksicht auf die Verbesserung und Vervollkommnung der Feuerwaffen bearbeitet, von H. Brandt. Berlin 1859. (Основанія тактики пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, составленныя Г. Брандтомъ.)

Napoléon I et la garde impériale, par Eug. Fieffé, Paris 1859. (Наполеонъ I и императорская гвардія, Ев. Фіеффе.)

L'Armée et la garde nationale, tome II, par C. Poisson. Paris 1859. (Армія и національная гвардія, К. Поассонъ.)

Les guerres d'Afrique depuis la conquête d'Alger par les Français jusques et compris l'expédition de Kabylie en 1858, avec un aperçu des différents faits militaires auxquels la France a pris part pendant cette période, par. J. Ladimir. Paris 1859. (Войны въ Африкѣ со времени покоренія Французами Алжира, включительно до Кабилъской экспедиціи 1858 года, Ж. Лядимира.)

Campagne de Kabylie en 1857, par Eug. Clerc. Lille 1859. (Походъ въ Кабилію 1857 года, Ев. Клерка.)

De la conduite des débats devant les conseils de guerre et devant les cours d'assises, par A. de Bernard. Lyon 1859. (Порядокъ дѣлопроизводства въ военныхъ совѣтахъ и уголовныхъ судахъ, А. Бернарда.)

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подписаніе цюрихскаго трактата между Франціей и Австріей.—Неопредѣлительность судьбы и беззащитность Средней Италіи; приготовленія ея непріятелей.—Соперничество Англіи и Франціи; приготовленія ихъ противъ Китая.—Военная дѣятельность въ Испаніи и экспедиція противъ Марокко.—Новое раздѣленіе Франціи.—Преобразованія въ Австріи и Германіи.—Вопросы объ одеждѣ и снаряженіи солдатъ, объ увеличеніи баварскихъ военныхъ силъ, измѣненіи прусской военной системы и укрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Германіи.—Прусскій военный флотъ.—Преобразование военныхъ школъ въ Пруссіи.—Заготовленіе орудій Армстронга въ Англіи.—Штыкъ-сабля.—Числительность англійской арміи и новый проектъ о милиціи.—Солдатскія библіотеки.—Способны ли евреи къ военной службѣ?—Заговоръ въ Константинополѣ.—Укрѣпленіе Тавриса.

Цюрихскія конференціи и кончились и нѣтъ. Кончились потому, что послѣдовало уже заключеніе отдѣльнаго трактата между Франціей и Австріей, которымъ опредѣляются переуступка Ломбардіи Піемонту и обязанности, возложенныя на послѣднее государство вслѣдствіе этого пріобрѣтенія. Не кончились же потому, что трактатъ этотъ еще не ратификованъ договаривающимися сторонами, потому что сардинскій уполномоченный вовсе не подписалъ этой части трактата, и потому наконецъ, что, строго говоря, конференція еще очень мало, чтобы не сказать ничего не сдѣлала для Италіи. Заключенный трактатъ утверждаетъ всѣ статьи виллафранкскаго мира и опредѣляетъ, что Піемонтъ долженъ уплатить Австріи 40,000,000 флор. и принять на себя ломбардо-венеціанскій долгъ; всего придется около 250,000,000 франковъ. Но эта уступчивость Австріи, которая сперва хотѣла было перевести на Сардинію даже и часть общаго своего долга, какъ кажется, сдѣлана только на тотъ случай, если будутъ при-

знаны права изгнанныхъ герцоговъ: тосканскаго, моденскаго и пармскаго. Это-то послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и побудило сардинскаго уполномоченнаго не подписывать рѣшенія цюрихской конференціи. Дѣйствительно, на это условіе Сардинія никакимъ образомъ не можетъ согласиться. Она постоянно оказывала самое живое сочувствіе свободнымъ изъявленіямъ желаній населенія средне-италіанскихъ герцогствъ относительно присоединенія ихъ къ Пиемонту; король Викторъ-Эммануилъ торжественно объявилъ депутаціямъ этихъ герцогствъ, что онъ принимаетъ на себя защиту ихъ желаній передъ лицомъ всей Европы; наконецъ, съ самаго заключенія виллафранкскаго перемирія, Сардинія постоянно требовала, чтобы италіанскій вопросъ былъ обсужденъ общимъ европейскимъ конгрессомъ, а не зависѣлъ бы отъ рѣшенія двухъ императоровъ. Спрашивается: какъ же было послѣ всего этого сардинскому уполномоченному подписать рѣшеніе цюрихской конференціи, на которой всѣ переговоры велись не прямо между Австріей и Сардиніей, а не иначе, какъ черезъ посредство Франціи?

Но невольно является вопросъ: на что же надѣется Сардинія? На конгрессъ? Но статья «Монитѣра», приведенная въ Военномъ Обзорѣннѣ прошлаго нумера «Военнаго Сборника», прямо говоритъ, что Италіи нѣчего надѣяться на него. На силу оружія? И того не замѣтно. Правда, что сардинское военное министерство дѣятельно занимается образованіемъ вооруженныхъ силъ въ Ломбардіи: положено сформировать 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ, одинъ артиллерійскій полкъ въ 12 батарей, 13 баталіоновъ берсальери и 3 кавалерійскихъ полка. Черезъ это сардинская армія увеличится, примѣрно, на мирной ногѣ 30,000, а на военной 45,000 человекъ, не считая резервовъ и инженерныхъ и піонерныхъ войскъ. Но при этомъ встрѣчается весьма важное затрудненіе въ приобрѣтеніи для вновь формируемыхъ частей значительнаго числа офицеровъ. Выпускаемыми изъ Туринской военной академіи и Иврейской военной школы едва можно замѣнить половину недостающаго числа, что и заставило правительство предложить офицерскіе чины всѣмъ тѣмъ волонтерамъ, которые поступили въ сардинскую армію во время послѣдней войны и принадлежатъ къ образованнымъ сословіямъ. Мѣра эта, конечно, въ нѣкоторой степени выведетъ изъ затрудненія сардинское министерство, но врядъ ли окажетъ благотворные результаты для арміи; а, между тѣмъ, Виктору-Эммануилу нужно быть

готовымъ на всякую случайность, такъ какъ Австрія не только не уменьшаетъ, но даже увеличиваетъ свои военныя приготовленія въ Венеціанской области. Притомъ же, герцогства смотрятъ на короля сардинскаго, какъ на прямаго и естественнаго своего защитника; они присягнули ему на вѣрность, приняли сардинскій гербъ, всѣ административныя распоряженія дѣлаются его именемъ, какъ короля, избраннаго ими. Что, если имъ придется отстаивать свои рѣшенія противъ внѣшней вооруженной силы, чѣмъ тогда поможетъ имъ Викторъ-Эммануилъ? Онъ, конечно, не высказалъ имъ прямо, что принимаетъ ихъ желаніе присоединиться къ Піемонту, но они-то своими дѣйствіями ясно показываютъ, что истолковали его отвѣтъ по своему. А что очень легко можетъ настать для Средней Италіи необходимость отстаивать свои рѣшенія противъ внѣшняго вооруженнаго вмѣшательства, въ этомъ почти нельзя и сомнѣваться. Рѣшеніе герцогствъ не принимать къ себѣ обратно изгнанныхъ ими династій прямо противоположно желаніямъ Австріи и императора Наполеона, который, какъ видно, выставляетъ возвращеніе герцоговъ непремѣннымъ условіемъ для исполненія всѣхъ своихъ обязательствъ касательно Италіи. Безъ этой мѣры виллафранкскій миръ не можетъ считаться обязательнымъ для Австріи. Это ясно высказываетъ вышепознутаая нами статья «Монитѣра», гдѣ говорится:

«Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія иностранной силой; но такъ какъ одна часть условій виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи Венеціанской области. Тревожимый враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вмѣсто политики примиренія и мира возродится политика недовѣрія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія.»

Если бы австрійскій императоръ спокойно оставался еще на лѣвомъ берегу рѣки По, не вмѣшиваясь въ то, что будетъ дѣлаться на правомъ, то отъ этого, конечно, страдала бы только одна Венеціанская область; но бѣда въ томъ, что, въ случаѣ какаго либо волненія, даже самаго незначительнаго, на правомъ берегу По, австрійскій императоръ очень легко можетъ почестъ это волненіе опаснымъ для его собственныхъ владѣній, можетъ почестъ крайне необходимымъ потушить это волненіе, и вотъ го-

товъ поводъ къ вторженію Австрійцевъ въ Среднюю Италію, къ возведенію прежнихъ герцоговъ и къ возобновленію опять той полицейской роли, которую несла Австрія съ самаго вѣнскаго конгресса до настоящаго времени. Какія жь силы и средства имѣетъ Центральная Италія для противодѣйствія подобному вторженію? Викторъ-Эммануилъ не взялъ на себя обязанности организовать въ самыхъ герцогствахъ какія либо оборонительныя средства: посмотримъ, обратили ли на это вниманіе временныя правительства Центральной Италіи. Вотъ что, по поводу вооруженныхъ силъ Центральной Италіи, говоритъ флорентійскій корреспондентъ газеты «Times» (*): «Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ Центральной Италіи простираются до 40 или 50,000 человѣкъ. Я самъ часто повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыя теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя положить болѣе 22,000 человѣкъ. Число Тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10,000. Этотъ храбрый и добрый человѣкъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя утверждали, что тосканскія войска были деморализированы и дезорганизованы своимъ прежнимъ командиромъ (генераломъ Уллоа). Гарибальди говоритъ, что, «судя по ихъ нынѣшнему духу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ честью могли бы сражаться подлѣ маджентскихъ и сольферинскихъ побѣдителей. Но, сколько я знаю, никто и не питалъ сомнѣнія объ ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились къ разслабленію дисциплины и къ недостаточной приготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишній походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя какъ ветераны. Маленькая тосканская армія, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, не созданіе новаго времени. Съ небольшими перемѣнами—она наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

(*) Переводомъ части этого замѣчательнаго письма мы пользуемся изъ № 9 «Современника».

«Фарини (*) организовалъ моденскую бригаду, реджіосскую бригаду и теперь занимается организованіемъ пармской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проектировать ихъ въ декретахъ. Романская дивизія Меццакапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ начался наборъ ея, и усердіе италіанскихъ волонтеровъ неизбѣжно было охлаждено виллафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы (**), я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то болѣею частію люди, отпущенные изъ піемонтской арміи и привлеченные подъ знамена нелѣпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать ихъ пьяною и безпорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригадъ. Безспорно, Гарибальди такой человѣкъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные имъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, мгновенно были превращены его вліяніемъ въ легіонъ героевъ; но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для италіанцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и расслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди не хуже меня понимаетъ опасность своего капуанскаго отдыха и постарается держать свои моденскія и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но, какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и пармскихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ декреты говорить о нихъ въ будущемъ времени: я нахожу, что теперь устроены пока только зародыши и кадры этихъ трехъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романьи организація дивизіи Меццакапо встрѣчала много затрудненій. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпускъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какою опредѣляютъ численность войскъ

(*) Диктаторъ герцогствъ.

(**) Письмо писано отъ 2 сентября.

подъ командою Менцпокапо, не превышаетъ 8,000 человѣкъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простирающійся, быть можетъ, до 3,000 человѣкъ. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоятъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батареи, по восьми орудій каждая; въ Романья артиллерія состоятъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человѣкъ, находящихся теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человѣкъ. Въ это число входятъ 2,400 человѣкъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи. Эти солдаты превосходны; но, разумѣется, ихъ нельзя выводить за границу. Остальные—рекруты. Если время позволить довершить обученіе рекрутъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ Центральной Италіи, 22,000 человѣкъ, безспорно, можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣтъ отъ 4 до 5 милліоновъ жителей. Когда вынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣтъ до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человѣкъ жителей — пропорція недурная для государства, находящагося внѣ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что Центральная Италія не находится внѣ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокій миръ».

Такое состояніе военныхъ силъ Центральной Италіи, конечно, весьма неутѣшительно для ея безопасности, тѣмъ болѣе неутѣшительно, что лица, стоящія во главѣ временнаго правительства, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, вовсе не надѣются на народъ и не хотятъ допустить его къ защитѣ отечества, давъ ему оружіе и организовавъ изъ него поголовное ополченіе. Наконецъ, и сами Италіанцы отличаются какою-то безпечностью и совершеннымъ нерасположеніемъ къ военной службѣ. «Битвы Италіанцы не боятся — говоритъ тотъ же корреспондентъ газеты «Times» — они не отступятъ передъ огнемъ и сталью, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военного обученія и маршировки. Они не любятъ солдатчины, если не видятъ необходимости въ ней. Послѣ виллафранкского мира они впади въ оцѣненіе, которое происходитъ наполовину отъ увѣренности въ защитѣ, наполовину отъ отчаянія. Императоръ Французъ даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное вмѣшатель-

ство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ италіанскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ пальцемъ тронуть народа, который держитъ себя съ такимъ примѣрнымъ достоинствомъ, благоразуміемъ, единодушіемъ. А если Франція и Австрія оставятъ ихъ въ покоѣ, то «зачѣмъ же — говорятъ они — намъ получать мигрени и мозоли отъ долгихъ, напрасныхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и папы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если Франція не сдержитъ своего слова, если она или Австрія, или она и Австрія вмѣстѣ нападутъ на насъ, къ чему приведутъ всѣ наши воинственныя приготовленія? Къ тому, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ и облагородить нашу гибель подвигами отчаянія? Но храбрость отчаянія ненуждается ни въ оружіи, ни въ солдатскомъ обученіи. Флоренція храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ, подъ начальствомъ Франческо-Ферруччіо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой армій. Римъ и Венеція въ 1849 дорого продали побѣду Французамъ и Австрійцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ волонтеровъ зналъ — правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ.»

Итакъ, военныя средства Центральной Италіи крайне ограничены; а, между тѣмъ, враги ея не перестаютъ постоянно все болѣе и болѣе усиливаться. Агенты Франціи и прежнихъ герцоговъ постоянно не перестаютъ возбуждать народъ въ пользу низложенныхъ династій. Правда, что на ихъ долю часто достается самая жалкая участь — лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить трагическая смерть въ Пармѣ полковника Анвити, одного изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ пармскаго герцогскаго дома — но подобные же случаи могутъ оказать и весьма пагубное вліяніе на судьбу Центральной Италіи: они могутъ повести за собою вѣншее вмѣшательство, которое никакъ не можетъ быть выгодно для герцогствъ. Съ другой стороны, враги Центральной Италіи дѣйствуютъ и вѣ ея, стараясь обезпечить за собою всѣ средства для будущихъ своихъ дѣйствій. Такъ герцогъ Моденскій рѣшительно обратилъ Мантую въ свою главную квартиру и дѣятельно занимается формированіемъ арміи, съ которою онъ могъ бы возвратитъ себѣ потерянный имъ престолъ. Армія его не должна быть слишкомъ многочисленна — никакъ не болѣе 4 до 5,000 человекъ, при чемъ въ ней не болѣе трети Италіанцевъ,

а остальные двѣ трети Австрійцы и Тирольтцы. Все вооруженіе для своей арміи герцогъ получилъ изъ мантуанскихъ арсеналовъ. Въ то же время и въ Папской области дѣлаются приготовленія для возвращенія Романьи подъ власть папы. Швейцарцы продолжаютъ въ Римѣ вербоваться въ папскую службу и направляются въ Перузу, гдѣ поступаютъ въ составъ иностранныхъ полковъ, переименованныхъ изъ прежнихъ швейцарскихъ, вслѣдствіе послѣднихъ запрещеній швейцарскаго союзаго собранія насчетъ поступленія Швейцарцевъ въ иностранныя арміи. Изъ Перузы уже папскія войска направляются на границу Романьи, гдѣ аванпосты ихъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, стоятъ въ виду романьольскихъ.

Сверхъ того, не полагаясь на свои собственныя силы, папа имѣлъ свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ, цѣлю котораго, какъ надо полагать, было испрошеніе помощи противъ легатствъ. Въ какой степени справедливо это предположеніе, неизвѣстно, по новѣйшія газеты сообщаютъ, что отъ 15 до 20,000 Неаполитанцевъ собрано въ лагерѣ у Чіеты, близъ римской границы; въ то же время въ Неаполѣ усиленно продолжается наборъ солдатъ, король постоянно инспектируетъ войска, осматриваетъ крѣпости, и вообще въ неаполитанскомъ военномъ министерствѣ замѣтна сильная дѣятельность. Носятся слухи, что войска, собранныя у Чіеты, а равно собираемыя у Аквиллы, назначаются въ помощь папѣ противъ легатствъ; говорятъ даже, что и Австрія уже рѣшилась принять участіе въ этомъ походѣ. Но слухи эти подлежатъ еще сомнѣнію. Конечно, Австрія очень была бы непрочь начать эту кампанію; но силы ея еще слишкомъ слабы и не окрѣпли послѣ недавнихъ пораженій, король же неаполитанскій самъ еще не вполне можетъ положиться на спокойствіе своихъ собственныхъ владѣній и потому врядъ ли рѣшится на предпріятіе, которое не можетъ пользоваться популярностью между большинствомъ его подданныхъ. Гораздо вѣрнѣе, что и неаполитанское и австрійское правительства только дозволили волонтерамъ изъ своихъ войскъ поступать въ папскую службу, потому что дѣйствительно таковыхъ очень много является въ ряды римской арміи. Даже и католическая Испанія имѣетъ множество своихъ представителей въ рядахъ защитниковъ неприкосновенности и цѣлости папскихъ владѣній.

Чѣмъ кончится судьба Центральной Италіи, не наше дѣло предугадывать. Все, что мы можемъ сказать, такъ это только

то, что, къ сожалѣнію, при всей своей неопредѣлительности, дѣло Центральной Италіи начинаетъ принимать все болѣе и болѣе неблагопріятный исходъ.

Всѣ надежды и упованія свои Италія въ настоящее время болѣе всего можетъ возлагать на Англію, которая готова быть полезною Италіанцамъ и изъ личной симпатіи къ этому возрождающемуся народу, а еще болѣе изъ соперничества къ Франціи. Англія завистливо смотритъ на то значеніе, которое можетъ получить Франція, устроивъ дѣла Италіи, тѣмъ болѣе завистливо, что еще десять лѣтъ тому назадъ Англія имѣла возможность сдѣлать почти то же самое, но не сдѣлала, по излишней требовательности лорда Пальмерстона, стоявшаго въ то время во главѣ лондонскаго кабинета. Теперь же она хочетъ превзойти императора Наполеона, считая виллафранкскія условія недостаточными для возстановленія самобытности Италіи: отсюда и проистекаетъ ея настойчивость въ необходимости конгресса, но только такого конгресса, въ основаніи котораго не было бы условій, заключенныхъ между двумя сближившимися императорами, а стояло бы желаніе самыхъ же Италіанцевъ, выраженное ими спокойно, единодушно, безъ всякихъ волненій и виѣшняго вліянія. Это несогласіе между лондонскимъ и французскимъ кабинетами едва-едва не поколебало дружественнаго согласія англо-французскаго союза; но вдругъ непріятная встрѣча, сдѣланная представителямъ обѣихъ великихъ державъ китайскимъ правительствомъ (*), снова возстановила дружественное стремленіе обѣихъ націй къ одной общей цѣли — наказанію Китая. На этотъ разъ Англія явно нуждалась въ пособіи Франціи, потому что не могла разсчитывать на содѣйствіе войскъ, находящихся въ Индіи, изъ которыхъ около 10,000 человѣкъ, какъ уже извѣстно читателямъ «Военнаго Сборника», потребовали возвращенія въ Европу. Съ своей стороны, Франція дѣятельно приступила къ приготовленіямъ. Рѣшено было сформировать особую дивизію въ 15,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Трошю, младшаго изъ дивизіонныхъ генераловъ Франціи, человѣка, отличавшагося неоднократно на поляхъ сраженій. Дивизія эта должна была состоять изъ пяти пѣхотныхъ полковъ, сформированныхъ изъ волонтеровъ, взятыхъ отъ всѣхъ частей арміи и долженствовавшихъ получить обмундированіе зуавовъ, какъ наиболѣе сообразное съ требованіями климата новаго театра войны. Въ то

(*) Смотри Военное Обозрѣніе № 10 «Военнаго Сборника».

же время и Англія стала снаряжать въ Портсмутъ и Спитгедъ особую эскадру противъ Китая. Во все это время англійскія газеты были весьма скромны относительно всего, что касается италіанской политики императора Наполеона. Но вотъ получается извѣстіе изъ Индіи, что тамошніе англійскіе солдаты согласились наконецъ за весьма усиленные преміи не возвращаться въ Европу, а отправиться въ Китай—обстоятельство важное для Англіи въ финансовомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающее уже менѣе необходимою и самую помощь Франціи. Почти одновременно съ этимъ начинаются въ Англіи и новые нападки на политику Наполеона III. И снова колеблется искренность англо-французскаго союза. Еще болѣе эту искренность поколебало недовѣріе Англіи къ Франціи и Испаніи вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній этихъ двухъ державъ къ Мароккской имперіи. Постоянныя безпокойства, причиняемыя Марокканцами испанскому владычеству въ Африкѣ, вызвали Испанію на необходимость наказать ихъ за это дѣло. Долго, по безсилію своему, терпѣла она, но въ настоящее время увеличившійся флотъ испанскій и вообще значительное развитіе государственныхъ силъ доставляютъ возможность Испаніи выказать свою силу и значеніе. Притомъ же, дѣйствуя противъ Марокко, Испанія дѣйствуетъ и въ видахъ обезпеченія вообще торговыхъ интересовъ всѣхъ морскихъ націй. Въ южной части Мароккской имперіи кочуютъ хищническія, воинственные племена Мавровъ, находящіяся лишь въ самой слабой зависимости отъ мароккскаго императора. Изъ нихъ живущее близъ береговъ Атлантическаго океана занимается постояннымъ пиратствомъ и совершенно безнаказанно грабитъ коммерческія суда, подъ какимъ бы они флагомъ ни находились. Племя это называется рифскимъ, по занимаемому имъ берегу; оно дѣлится на 16 селеній, или колѣнъ, управляемыхъ шейкомъ, и только номинально признаетъ власть мароккскаго императора, и то болѣе, какъ главы религіознаго. Главное селеніе ихъ Азаненъ лежитъ внутри далеко вдающейся въ землю бухты. Скалистые и трудно доступные берега въ этой части океана дѣлаютъ положеніе рифскаго племени трудно доступнымъ со стороны моря. Европа почти впервые узнала о существованіи этого пиратскаго племени года четыре тому назадъ, когда, вслѣдствіе ограбленія ими одного прусскаго торговаго судна, Пруссія рѣшилась снарядить противъ нихъ морскую экспедицію, подъ начальствомъ принца Адальберта. Но экспедиція эта имѣла самое несчастли-

вое окончаніе, и это еще болѣе убѣдило въ недоступности рифскаго берега. Теперь Испанія выступила съ рѣшительнымъ намѣреніемъ прекратить рифскіе морскіе разбои и уничтожить это гнѣздо пиратства, такъ долго остающееся еще поблизости Средиземнаго моря. Въ то же время и Франція рѣшилась предпринять экспедицію противъ мавританскихъ племенъ, живущихъ къ востоку отъ рифскаго племени и постоянно беспокоившихъ предѣлы Алжирии. Но эти предпріятія сильно не нравятся Англіи. Владѣя на испанскомъ берегу Гибралтаромъ, она не очень привѣтливо смотритъ на начинающееся возрожденіе Испаніи; но еще болѣе беспокоитъ ее та мысль, что результатомъ предпринимаемыхъ въ настоящее время экспедицій можетъ послѣдовать новое увеличеніе владѣній Франціи или Испаніи на африканскомъ берегу. Вслѣдствіе того, Англія употребила всѣ мѣры, чтобы, по возможности, помирить Испанію съ Марокко; но, какъ извѣстно по послѣднимъ свѣдѣніямъ, мѣры эти оказались бесполезными и испанское правительство уже отозвало своего консула изъ Танжера и объявило кортесамъ, что намѣрено начать войну. Объявленіе это было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ Испанцевъ, которые видятъ въ предпринимаемой экспедиціи новое доказательство пробужденія ихъ отечества отъ долгаго сна. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что предпріятіе это увѣнчается успѣхомъ, и тогда Испанія пріобрѣтетъ нѣкоторое нравственное значеніе на африканскомъ берегу, если и не сдѣлаетъ даже никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, въ чемъ, если вѣрить газетамъ, она обязалась передъ Англіей и Франціей. Приготовленія къ этой экспедиціи очень значительны. Кромѣ главнаго 30,000 корпуса, собраннаго подъ начальствомъ маршала О'Доннеля въ Алжезирасъ, еще формируются два резервные корпуса: одинъ въ Кадиксъ, а другой въ Малагъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ какъ для испанскаго флота, такъ и для сухопутной арміи будетъ Алжезирасъ (*), гдѣ сдѣланы значительныя заготовленія по части госпитальной и провіантской. Вообще въ Испаніи въ послѣднее время замѣтна сильная военная дѣятельность: армію ея положено на 1860 годъ увеличить до 100,000; заведена бригада ѣздящей артиллеріи, состоящая изъ 4 батарей, по 4 орудія въ каждой, на мирномъ положеніи; положено сформировать еще одну подобную же бригаду изъ уничтожаемой въ настоящее время горной бригады; рѣшено основать новую оружейную фабри-

(*) Алжезирасъ — небольшой портъ, въ 3 или 4 миляхъ отъ Гибралтара.

ку въ Севильѣ, на которой бы можно было изготовлять ежегодно до 30,000 штукъ разнаго оружія; нужныя машины и рабочихъ положено выписать изъ-за границы, для чего командированы уже способные артиллерійскіе офицеры; Овідская оружейная фабрика тоже получила значительныя улучшенія; на фабрикахъ Овідской и въ Трубін дѣятельно занимаются передѣлкою гладкоствольнаго оружія въ наръзное, и полагаютъ, что уже готово 60,000 передѣланныхъ ружей; тамъ же пристувлено и къ заготовленію наръзныхъ орудій. Этотъ бѣглый перечень улучшеній, производимыхъ въ испанскомъ военномъ вѣдомствѣ, показываетъ уже, что Испанія обратила полное вниманіе на устройство своихъ военныхъ силъ, и предпринимаемая экспедиція можетъ служить только къ доставленію войскамъ ея надлежащаго боеваго образованія.

Что касается до экспедиціи, предпринятой Франціей противъ мароккскихъ предѣловъ, то о ней тоже пока имѣется еще очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что экспедиціонный корпусъ состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій генераловъ Эстергази и Юсуфа и одной кавалерійской генерала Дево, подъ главнымъ начальствомъ генерала Мартемпре, который прибылъ 8 октября, по новому стилю, къ войскамъ, собравшимся у Орана. Носятся слухи, что цѣлю французской экспедиціи будетъ усмиреніе маврскихъ племенъ, живущихъ близъ западныхъ предѣловъ Алжира, и что Франція намѣрена перенести границу своихъ африканскихъ владѣній на р. Мулуію, для того, чтобы этимъ болѣе прикрыть возникающія поселенія въ Оранской провинціи, а равно и обезпечить торговые пути свои съ внутренней Африкой.

Кстати считаемъ нужнымъ замѣтить, что генералъ Мартемпре является во главѣ французско-мароккской экспедиціи по званію своему начальника алжирскаго военного округа, куда онъ назначенъ вслѣдствіе новаго территоріальнаго раздѣленія Франціи вмѣсто пяти дивизій на семь военныхъ округовъ. Округа эти и вновь назначенные начальники ихъ слѣдующіе:

1-й округъ—главная квартира Парижъ, начальникъ маршалъ Маньянъ; 2-й—Лиль, начальникъ маршалъ Макъ-Магонъ; 3-й—Нанси, начальникъ маршалъ Канроберъ; 4-й—Ліонъ, начальникъ маршалъ Кастелланъ; 5-й—Туръ, начальникъ маршалъ Бараге д'Илье; 6-й—Тулуза, начальникъ маршалъ Ніель; 7-й—Алжиръ, начальникъ дивизионный генералъ Мартемпре.

— Каждая война непременно вызываетъ вслѣдъ за собою рядъ преобразованій и улучшеній не только въ одномъ военномъ сословіи, но часто, въ болѣе или менѣе сильной степени, и въ самомъ государственномъ устройствѣ не только воевавшихъ, но даже и не принимавшихъ участія въ войнѣ державъ. Такъ и послѣдняя Италіанская кампанія не могла остаться безъ послѣдствій. Не только въ одной Австріи, но и въ цѣлой Германіи почувствовали необходимость многихъ преобразованій. Въ Австріи улучшенія эти были обѣщаны императорскимъ манифестомъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ по заключеніи виллафранкскаго мира, и, дѣйствительно, въ настоящее время приняты уже кой-какія мѣры для осуществленія этихъ улучшеній. Но, къ сожалѣнію, мѣры эти далеко не могутъ удовлетворить того, чего ожидали, и никакъ не могутъ привести къ полному обновленію государства. Это скорѣе полумѣры и, притомъ, относящіяся только къ мелочамъ, подробностямъ, нисколько не касаясь тѣхъ основаній, которые составляютъ главнѣйшее зло Австріи.

Въ то же время и Германія нашла, что послѣдняя война выказала вполне неудовлетворительность ея настоящаго устройства. Она увидѣла, что, несмотря на свою обширность и многочисленность, она не пользуется ровно никакимъ вліяніемъ въ общеевропейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе своей раздѣльности и разъединенности. Это и выдвинуло снова вопросъ о необходимости измѣненія союзнаго положенія Германіи съ цѣлью возстановленія ея единства и неразлучно связаннаго съ нимъ могущества и силы. Но осуществленіе этого вопроса, сильно нравящееся всей германской націи, очевидно, не можетъ быть встрѣчено столь же благопріятно многими германскими правительствами, которымъ бы пришлось для осуществленія идеи единства Германіи пожертвовать своими правами. Всѣ надежды германской націи въ этомъ дѣлѣ почти исключительно сосредоточиваются на Пруссіи; но надежды эти, по крайней мѣрѣ до времени, не могутъ осуществиться, потому что Пруссія официально объявила въ нотѣ своего министра внутреннихъ дѣлъ, что «уваженіе къ праву и закону, обезпечивающее Пруссію во внутреннихъ дѣлахъ, должно опредѣлить наши отношенія къ Германіи и къ нашимъ сочленамъ по Германскому Союзу». Одна изъ временныхъ мѣръ для возстановленія единства Германіи, которая наиболѣе относится къ военному положенію этого союза, это—предложеніе, чтобы Пруссіи передано было управленіе германскими военны-

ми силами и дипломатическое представительство всей Германіи до тѣхъ поръ, пока не устроится центральная власть. Конечно, исполненіе этой мѣры могло бы придать весьма важное значеніе цѣлой Германіи въ ряду европейскихъ государствъ; но и она, подобно всѣмъ другимъ, встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны Австріи и другихъ державшихъ ея сторону германскихъ правительствъ. Вообще, идея объ единствѣ Германіи, снова вызванная послѣднею войною, вѣроятно, и теперь останется столь же далекою отъ своего осуществленія, какъ была и до настоящаго времени.

Гораздо болѣе дѣйствительна дѣятельность въ Австріи и вообще въ Германіи по части улучшеній, относящихся прямо къ военному дѣлу. Особенно въ Австріи сильно занимаются изслѣдованіемъ причинъ неудачъ, понесенныхъ австрійскими войсками въ Италіи, и на основаніи опыта италіанской кампаніи предполагаютъ совершенно измѣнить организацію арміи. Между прочимъ найдено, что принятая въ Австріи боевая, или, какъ ее называютъ, маневренная единица (Manövrir-Einheit) — бригада, слишкомъ слаба. На это обстоятельство и сваливаютъ въ настоящее время часть неудачъ Австрійцевъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу «Allgemeine-Zeitung»:

«У Французовъ тактическою единицею для сраженія есть дивизія: всѣ диспозиціи основываются на ней; артиллерія находится подъ непосредственнымъ начальствомъ дивизионнаго генерала, который располагаетъ ею по своему усмотрѣнію. Бой завязывается цѣлою дивизіею, которая разсыпаетъ три линіи стрѣлковъ и составляетъ для нихъ резервъ. Съ нашей же стороны для этого назначается и каждый разъ особенно поименовывается бригада; бригада образуетъ единицу для диспозицій, и оттого происходитъ, что употребляемая въ дѣло бригада должны или слишкомъ растягиваться, чтобы не быть охваченными съ фланговъ непріятелемъ, или же, сохраняя надлежащую глубину боеваго порядка, не могутъ развернуть фронта достаточной длины».

Неудобство это, дѣйствительно, подтверждается, если вспомнить австрійскія донесенія и диспозиціи за послѣднюю кампанію, гдѣ почти постоянно главнокомандующему приходилось руководить и направлять отдѣльныя бригады, а бригада состоитъ, какъ извѣстно, изъ одного полка, съ придачею къ нему или стрѣлковаго, или пограничнаго баталіона. Въ избѣжаніе это-

го-то неудобства, предполагается въ Австріи усилить силу бригадъ до двухъ линейныхъ полковъ; но такъ какъ настоящіе австрійскіе полки слишкомъ велики въ своемъ составѣ, особенно въ военное время, то предполагается одновременно съ этимъ уменьшить численность людей въ полку. Именно полагаютъ число баталіоновъ въ полку оставить прежнее, уменьшивъ только ихъ силу, черезъ приведеніе ихъ въ четырехъ-ротный составъ, при чемъ роты будутъ имѣть меньше людей, чѣмъ въ настоящее время. Этимъ измѣненіемъ хотятъ также придать полку и болѣшую боевую подвижность. Но для того, чтобы черезъ это сокращеніе не уменьшить общей численности пѣхоты въ австрійской арміи, число полковъ будетъ, вѣроятно, увеличено изъ 62, по однимъ показаніямъ, до 100, а по другимъ только до 80. Мѣра эта дастъ возможность правительству употребить съ пользою ту огромную массу офицеровъ, которая съ приведеніемъ войскъ съ военнаго на мирное положеніе останется за штатомъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ предположеній можно видѣть, что Австрія нисколько не думаетъ уменьшать численности своей арміи, на что многіе вѣрившіе въ возможность возрожденія Австріи сильно надѣялись. Безъ этого же уменьшенія, которое должно стоять на первомъ планѣ, Австрійской монархіи весьма трудно будетъ поправить свои финансы, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ несоразмѣрно громадные расходы на военно-сухопутныя силы.

Впрочемъ, нѣкоторое уменьшеніе австрійской арміи послѣдовало уже, вслѣдствіе приведенія ея на мирное положеніе, кромѣ трехъ корпусовъ, занимающихъ еще Венеціанскую область. Распоряженіемъ 8 октября новаго стиля, приказано распустить всѣхъ солдатъ, принадлежащихъ къ резерву и призванныхъ по случаю войны, увольнять совершенно тѣхъ, которые вполнѣ выслужили свой срокъ, и перечислить изъ дѣйствующихъ войскъ въ резервныя тѣхъ, которые на то имѣютъ право. Вслѣдствіе того снова допущены увольненія въ отставку и отпуска, прекращенные войною, а равно и вторичное поступленіе солдатъ на службу на 1859 годъ, для замѣны откупающихся отъ военной повинности.

Изъ другихъ вопросовъ, относящихся до военнаго сословія, очень занимаетъ въ послѣднее время военныхъ людей Австріи и особенно Германіи вопросъ объ одеждѣ и снаряженіи солдата. Какъ ни кажется этотъ вопросъ второстепеннымъ, но онъ отнюдь не долженъ быть пренебрегаемъ военными администрато-

рами. Опытъ восточной войны показалъ, какъ важно и необходимо измѣненіе въ одеждѣ офицеровъ, введенное у насъ для боя. Последняя италіанская кампанія заставила многихъ предполагать, что огромная убыль, которую несли Австрійцы въ бою, происходила оттого, что бѣлые мундиры ихъ руководили огнемъ непріятеля. Вслѣдствіе того явились разныя предположенія о новомъ обмундированіи для австрійской арміи, въ которыхъ хотѣли отмѣнить бѣлый цвѣтъ мундировъ; но, какъ кажется, правительство вовсе не намѣрено дѣлать этихъ измѣненій, такъ какъ въ сущности они и не представляютъ особенной важности, а отчасти и потому, что все-таки бѣлый австрійскій мундиръ, при всѣхъ вынесенныхъ имъ несчастіяхъ, имѣетъ нѣсколько и славныхъ воспоминаній. Гораздо существеннѣе предположеніе объ измѣненіи самаго покроя австрійскаго мундира, а преимущественно отмѣна его стоячаго воротника на откладной и измѣненіе прежнихъ высокихъ и тугихъ галстуховъ болѣе мягкими и низкими. Это измѣненіе въ одеждѣ, дѣйствительно, можетъ облегчить солдата. Но еще болѣе важнымъ является вопросъ о снаряженіи солдата и о той ношѣ, которую онъ имѣетъ на себѣ. Италіанскій походъ показалъ, что съ той тяжестью, какую въ настоящее время носить на себѣ солдатъ, почти нѣтъ никакой возможности вступать въ бой; поневолѣ приходилось передъ боемъ скидывать ранцы, что было связано всегда съ большими неудобствами; въ случаѣ побѣды, солдатъ бывалъ удаленъ отъ своего имущества и на первыхъ же порахъ отдыха не могъ имъ пользоваться; при поражении, конечно, ранцы пропадали совершенно, и положеніе солдата становилось крайне тягостнымъ. Все это заставило серьезно подумать о необходимости облегчить солдатъ, и предметъ этотъ сильно занялъ нѣмецкіе военные журналы. Большинство мнѣній, конечно, стоитъ за облегченіе; но появились и противники этой, повидимому, столь очевидно полезной мѣры. Они признаютъ совершенную неудовлетворительность почти всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ для облегченія солдатъ; одно, что, по ихъ мнѣнію, должно отнять у пѣхоты, это тесаки, какъ оружіе, совершенно ненужное для солдата. Уменьшать же число вещей въ ранцѣ, по ихъ мнѣнію, совершенно непрактично, такъ какъ всѣ эти вещи вполнѣ необходимы солдату. Затѣмъ противники облегченія задаютъ вопросъ: отчего въ блестящія времена войны революціи и первой имперіи, когда солдатъ несъ на себѣ гораздо большую противъ теперешняго тя-

жестъ, когда онъ имѣлъ при себѣ постоянно мясо, сухари и сушенныя овощи на нѣсколько дней и когда переходы вовсе не были короче теперешняго, отчего тогда солдатъ не чувствовалъ этой тяжести? На это можно бы отвѣчать, что тогда солдатъ былъ воодушевленъ военнымъ гениемъ своего велпкаго полководца, увлеченъ громадною его славой и потому не чувствовалъ тѣхъ тягостей, которыя угнетали его, притомъ же и въ то время бывали отсталые и утомленные; только тогда, по самому духу того времени, о солдатѣ не заботились такъ, какъ теперь, и оттого не слишкомъ-то вникали въ дѣйствительныя причины этой утомленности. Но противники облегченія приписываютъ эту противоположность прошедшаго съ настоящимъ главнѣйше вліянію желѣзныхъ дорогъ, которыя, доставляя возможность перевозить солдатъ по нимъ, уменьшаютъ и облегчаютъ значительно чисто походную жизнь, которая необходима, какъ лучшее упражненіе для приученія солдата къ тягостямъ и трудностямъ военного времени. Вслѣдствіе того, противниками облегченія солдатъ предлагаются слѣдующія мѣры, въ дѣйствительности которыхъ нельзя не согласиться. Во первыхъ, они совѣтуютъ выбирать въ пѣхоту людей по преимуществу сильныхъ и здоровыхъ, такъ какъ пѣхотная служба можетъ похвастаться почти самою трудною изъ всѣхъ родовъ оружія. Во вторыхъ, всѣ занятія въ пѣхотѣ должны исключительно клониться къ развитію въ людяхъ физической силы и способности переносить всѣ возможные тягости военного времени. Съ этою цѣлью они совѣтуютъ совершенно изгнать всѣ такъ называемыя плацъ-парадныя упражненія, а главное вниманіе обратить на фехтованіе, гимнастику, маневры, дѣланіе переходовъ въ полной походной амуниціи во всякое время года и при всѣхъ возможныхъ состояніяхъ погоды. Даже самую гарнизонную службу они считаютъ разслабляющею солдата, выставляя, что пѣхотинцу только и нужно знать обязанности часового на аванпостахъ. Вообще надо отдать справедливость противникамъ облегченія солдатъ, что на ихъ сторонѣ весьма много логичности и совершенно вѣрный взглядъ на обученіе пѣхоты. Но, тѣмъ не менѣе, желаніе облегчить солдатъ перешло уже въ правительственные круги, и результатомъ того явилось образованіе въ Пруссіи особой комиссіи для изысканія средствъ къ возможному уменьшенію солдатской ноши. Въ Баваріи же съ этой цѣлью послѣдовали уже измѣненія въ ранцѣ и амуниціи шести егерскихъ баталіо-

новъ. Новый баварскій ранецъ значительно меньшихъ размѣровъ и вѣса противъ прежняго; но особенное значеніе въ немъ придаютъ тому обстоятельству, что форма и покрой его совершенно приходится повигибамъ человѣческой спины и тяжесть его разложена между тремя точками. Не имѣя еще подробнаго описанія самаго ранца, трудно судить, въ какой мѣрѣ эти выгоды могутъ быть дѣйствительными; но, по отзыву нѣмецкихъ газетъ, ранецъ этотъ заключаетъ въ себѣ весьма большія удобства для солдата. вмѣстѣ съ этимъ послѣдовало также измѣненіе суммы для патроновъ и всей амуниціи, которая сдѣлана поясною. Наиболѣе оригинально устройство суммы или патронташа, который уменьшенъ до того, что можетъ вмѣщать только 24 патрона; остальные затѣмъ патроны прикрѣпляются въ особомъ мѣшкѣ снаружи къ ранцу, съ тѣмъ, что, въ случаѣ, еслибъ пришлось снять ранцы, то солдатъ можетъ мѣшокъ съ патронами привѣсить къ тесаку. Подобная мѣра принята съ цѣлью болѣе равномернаго распредѣленія на солдатъ тяжести; но, какъ кажется, въ практичности ея сильно можно сомнѣваться.

Выше мы уже говорили, что вообще Германія недовольна той незначительностію, какою она пользовалась во время послѣдней италіанской кампаніи. Это неудовольствіе особенно проявляется въ государствахъ южной Германіи, которыя, при всемъ сочувствіи своемъ къ Австріи, ничего не могли сдѣлать въ ея пользу; но наиболѣе сильно оно высказывается въ Баваріи, вполнѣ увѣренной, что еслибъ военныя силы ея были болѣе значительны, то, конечно, Франція не дѣйствовала бы такъ энергичски въ Италіи и не оставила бы почти беззащитною своей германской границы.

Вслѣдствіе такого взгляда на вещи, общественное мнѣніе южной Германіи требуетъ отъ Баваріи новыхъ усилій, чтобы ея военныя силы имѣли большее значеніе, чтобы она непременно имѣла сильный укрѣпленный пунктъ въ своей зарейнской провинціи, чтобы въ мирное время были заготовлены всѣ матеріальныя средства для быстраго приведенія арміи на военную ногу, чтобы наконецъ вся армія получила непременно нарѣзное оружіе, для чего слѣдуетъ, въ случаѣ, если бы баварскія оружейныя фабрики не могли выполнить этого, прибѣгнуть даже къ заказамъ за границую. Всѣ эти вопросы, вѣроятно, будутъ предлагаемы во вновь собранныхъ палатахъ, и интересно знать какое рѣшеніе получаютъ они тамъ. Не лишне только замѣтить, что

удовлетвореніе всѣмъ этимъ военнымъ потребностямъ потребуетъ очень немалыхъ расходовъ; а, между тѣмъ, бюджетъ Баваріи и безъ того съ нѣкотораго времени представляетъ дефицитъ, который покрывается постоянно усиливаемыми налогами и новыми займами, увеличившими сумму расходовъ по государственному долгу до 7,331,580 р. с., при общемъ числѣ доходовъ въ 23,958,389 р. с. Изъ числа же этихъ доходовъ на содержаніе арміи, въ прошломъ 1858 г., по мирному положенію, было ассигновано 5,447,540 р. с.

На сѣверную Германію послѣдняя война тоже оказала свое вліяніе, и даже въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Такъ, король ганноверскій замѣнилъ прежде бывшія у арміи каски, построенныя по прусскому образцу, новыми, за образецъ для которыхъ былъ взятъ австрійскій головной уборъ. Но въ этомъ случаѣ руководствовались вовсе не преимуществомъ удобства австрійскихъ касокъ передъ прусскими, а единственно только желаніемъ выразить свое сочувствіе австрійцамъ и нерасположеніе къ пруссакамъ. Жаль только, что этотъ новый способъ дипломатическихъ сношеній обойдется немного дорого для Ганновера.

Болѣе замѣчательны два другіе вопроса, занимающіе въ настоящее время сѣверную Германію: это именно—измѣненіе прусской военной системы и укрѣпленіе морскихъ береговъ Германіи. Первый вопросъ поднять уже давно, и только послѣднее приведеніе прусской арміи на военную ногу, кажется, ускорить разрѣшеніе его. Давно уже Пруссія хотѣла усилить свою постоянную армію, какъ болѣе надежное военное орудіе, а когда во время италіанской войны ей пришлось созывать ландверъ и потомъ снова распустить его послѣ виллафранкскаго мира, то это еще болѣе утвердило прусское правительство въ его убѣжденіи, что выгоднѣе имѣть сильную постоянную армію, чѣмъ напрасно отрывать часть гражданъ отъ ихъ обычныхъ занятій, особенно въ такое время года, когда полевые работы требуютъ наибольшаго числа рукъ. Это и заставило наконецъ принца-регента утвердить предположеніе о новой организаціи прусской арміи согласно проекту, составленному комиссіею, находящеюся подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Бонина и состоящею изъ генераловъ Роона, Фохтъ-Ретца и Альвенслебена. По новому положенію, подробности котораго еще не извѣстны, ландверъ перваго призыва вовсе теряетъ свое названіе и совершенно сливается съ постоянною арміею, черезъ что увеличивается въ послѣд-

ней число полковъ и усиливается, болѣе, чѣмъ вдвое, численный ихъ составъ. Собственно ландверомъ будетъ называться только теперешній ландверъ втораго призыва, и назначеніемъ его будетъ исключительно оборона крѣпостей. Срокъ службы остается, по прежнему, трехлѣтній; но система временныхъ отпусковъ измѣнится. Ограничиваясь на этотъ разъ только этими общими указаніями на сущность новаго положенія, мы полагаемъ еще возвратиться къ нему, когда будутъ получены о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Что же касается до другаго вопроса, относящагося къ укрѣпленію сѣверныхъ береговъ Германіи, то онъ тоже является послѣдствіемъ тѣхъ отношеній, какія существовали между Германіей и Франціей во время послѣдней италіанской кампаніи. Германія увидѣла себя совершенно беззащитною со стороны Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и стала требовать, чтобы немедленно было приступлено къ укрѣпленію этихъ береговъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ прусскаго берега и нѣкоторыхъ весьма немногихъ пунктовъ Ганновера, все остальное побережье остается совершенно беззащитнымъ и, въ случаѣ войны, напр., съ Франціей, послѣдней державѣ весьма легко было бы высадить 50 или 60 тысячъ и этимъ совершенно парализовать всѣ дѣйствія сѣверной Германіи. А, между тѣмъ, лежащія при этомъ побережья мелкія владѣнія Ольденбурга и Мекленбургъ—Шверина слишкомъ слабы для того, чтобы возвести эти укрѣпленія своими собственными средствами; притомъ же, отъ этихъ укрѣпленій зависитъ общее спокойствіе Союза, а потому было бы совершенно правильно, чтобы они были возведены на счетъ союзныхъ суммъ, подобно тому, какъ были построены союзныя сухопутныя крѣпости: Роштатъ, Ульмъ, Майнцъ, Люксембургъ и Ландау. Предложеніе это, какъ дѣйствительно весьма основательное, вѣроятно, не замедлитъ быть представлено на рѣшеніе Франкфуртскаго сейма.

Что же касается собственно прусскихъ береговъ, то они достаточно обезпечены возведенными уже укрѣпленіями и еще болѣе могутъ надѣяться на защиту отъ содѣйствія постоянно усиливающагося прусскаго флота, который въ настоящее время состоитъ изъ 57 судовъ разныхъ ранговъ, съ 292 орудіями на нихъ; изъ числа этихъ судовъ одинъ фрегатъ 48 и другой 38-пушечные, четыре корвета, имѣющіе на каждомъ отъ 28 до 12 орудій. Остальныя суда имѣютъ вооруженіе, состоящее отъ 9 орудій до одного; изъ нихъ 36 канонирскихъ лодокъ и 6 іоловъ

назначаются для содѣйствія непосредственной оборонѣ береговъ. Въ послѣднее время прусское морское управленіе заказало еще 20 винтовыхъ канонирскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая будетъ въ 60 — 80 силъ, съ 4 — 6 орудій; лодки эти строятся на частныхъ верфяхъ въ Данцигѣ, Эльбингѣ, Вольгастѣ и Штетинѣ, только четыре изъ нихъ на казенной данцигской верфи. Всѣ онѣ должны быть спущены на воду къ началу навигаціи будущаго года.

Личный составъ прусскаго флота состоитъ изъ 20 офицеровъ и 1,300 нижнихъ чиновъ; морской же баталіонъ въ послѣднее время усиленъ до 1,500 человекъ.

— Наконецъ-то получило утвержденіе давно уже предполагаемое измѣненіе прусскихъ военныхъ школъ. Рѣшено закрыть всѣ 18 дивизіонныхъ школъ и замѣнить ихъ только тремя, изъ которыхъ каждая будетъ служить для трехъ корпусовъ. Новыя школы открываются въ Нейссе, Потсдамѣ и Эрфуртѣ, назначаются для приготовленія молодыхъ людей, желающихъ быть офицерами, и состоятъ подъ вѣдѣніемъ главнаго инспектора военного обученія, отъ котораго зависитъ и назначеніе профессоровъ. Каждая школа имѣетъ свой опредѣленный штатъ, состоящій изъ директора, штабъ-офицера и 8 капитановъ; сверхъ того, при каждой школѣ полагается 6 поручиковъ-инспекторовъ, на которыхъ будетъ тоже возложено обученіе верховой ѣздѣ, фехтованію и гимнастикѣ. Весь курсъ будетъ продолжаться 10 мѣсяцевъ, съ 1-го октября до 31-го іюля. Этимъ измѣненіемъ пріобрѣтается главнѣйше та выгода, что для трехъ школъ гораздо легче будетъ найти лучшихъ профессоровъ и вообще всѣ средства, чѣмъ для восемнадцати.

— Въ Англіи, какъ извѣстно уже, послѣдняя Италіанская кампанія тоже имѣла вліяніе на значительныя усиленія военной дѣятельности. Примѣръ Франціи, которая, повидимому, не бывъ совершенно готовою къ войнѣ, разомъ перебросила въ Италію 200,000 армію, не могъ не встревожить Англичанъ. И, дѣйствительно, послѣ заключенія Виллафранкскаго мира, Великобританія не только не прекратила всѣхъ начатыхъ ею военныхъ приготовленій, но даже и усилила ихъ. На первомъ планѣ, разумѣется, стоитъ приготовленіе орудій Армстронга и введеніе ихъ на береговыя батареи. Не только берега Англіи вооружаются этими орудіями, но они даже будутъ доставлены въ Гибралтаръ, гдѣ

устроятся для этого двѣ новыя батареи, изъ которыхъ одну положено вооружить 30 орудіями. Равномѣрно положено вооружить новыми орудіями весь флотъ. Приготовленіе этихъ орудій должно теперь производиться съ необычайною быстротою, такъ какъ почти уже окончены для ихъ изготовленія особенныя мастерскія въ Ньюкестлѣ. Мастерскія эти состоятъ изъ пяти отдѣльных зданій, изъ которыхъ самое наибольшее, въ 312 англ. фут. длины, назначаемое для кузнечныхъ работъ, уже кончено. Какъ велико это зданіе, можно судить уже изъ того, что одна изъ наковаленъ, заказанная для этой мастерской, вѣситъ около 1,204 пудовъ. Затѣмъ, въ двухъ другихъ, гораздо меньшихъ строеніяхъ, будутъ приготовляемы всѣ принадлежности къ орудіямъ; въ четвертомъ зданіи будутъ отливаться снаряды, а въ пятомъ орудія будутъ уже окончательно отдѣлываемы. Полагаютъ, что какъ скоро мастерскія начнутъ дѣйствовать, то онѣ станутъ готовить по четыре орудія разныхъ калибровъ въ недѣлю.

Замѣчательно, что между Англичанами, вслѣдствіе Италіанской войны, явилось предположеніе о необходимости замѣнить штыкъ, принятый въ англійской пѣхотѣ, штыкомъ-саблей, введеннымъ во Франціи у зуавовъ, стрѣлковъ, артиллеріи и фураштата. Вотъ что по этому поводу пишетъ нѣкто М. П. въ газету «Times».

«Наочный свидѣтель увѣрялъ меня, что одна изъ причинъ, сильно обезкураживавшая австрійскаго солдата, былъ французскій штыкъ-сабля, противъ котораго совершенно не дѣйствителенъ прежній штыкъ и даже превосходство владѣющаго имъ въ физической силѣ. Послѣ каждаго удара, штыкъ-сабля гораздо легче вынимается изъ раны, чѣмъ обыкновенный штыкъ. Замѣчательно еще то, что французскій солдатъ обученъ особому фехтовальному приему, весьма дѣйствительному во время боя. Приемъ этотъ заключается въ томъ, что, держа ружье горизонтально на высотѣ головы непріятеля, легкимъ движеніемъ руки, описывается сегментъ круга, такъ что конецъ штыка разомъ касается лицъ трехъ человѣкъ. Этотъ новый приемъ особенную пользу приносить при штыкъ-саблѣ и приводилъ въ совершенное отчаяніе австрійскихъ солдатъ, которые не успѣвали ни выстрѣлить, ни дѣйствовать штыкомъ, какъ уже получали по лицу ударъ, правда не смертельный, но совершенно озадачивавшій ихъ.»

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ «Spectateur Militaire», численность англійской арміи въ настоящее время слѣдующая:

	Человѣкъ.
Офицеровъ	6,306
Унтеръ-офицеровъ	9,309
Нижнихъ чиновъ	107,040
Лошадей	12,839
Сверхъ того, въ Индіи:	
Войскъ	91,879
Лошадей	11,231

Составъ же этой арміи слѣдующій: 2 конные гвардейскіе полка, 1 пѣшій гвардейскій, 7 полковъ гвардейскихъ драгунъ, 18 полковъ драгунъ, 2 полка артиллеріи, 1 эскадронъ манежный, 2 полка инженеръ, 2 фуриштатскихъ, 1 полкъ гвардейскихъ гренадеръ (въ 2,694 человѣкъ), гвардейскій полкъ Coldstream (въ 1,797 чел.), полкъ шотландскихъ гвардейскихъ фузилеровъ (1,809 чел.), 100 пѣхотныхъ полковъ, отъ 1,000 до 1,400 чел. каждый, 4 баталіона стрѣлковъ, 2 полка Западной Индіи и 11 корпусовъ колоніальныхъ.

Корпусъ морскихъ солдатъ, какъ мы извѣщали уже (*), былъ въ послѣднее время увеличенъ 2,000 солдатъ и соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ; затѣмъ въ настоящее время онъ состоитъ изъ 112 ротъ, изъ которыхъ въ каждой 3 офицера, 6 докторовъ и 125 нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, къ этому корпусу принадлежитъ и 16 ротъ артиллеріи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 5 офицеровъ и 175 нижнихъ чиновъ. Всего же въ корпусѣ морскихъ солдатъ, считая и 99 офицеровъ, принадлежащихъ къ главному штабу этого корпуса, будетъ 17,987 человѣкъ.

Коммиссія, составленная въ Англіи, для изысканія лучшей системы организаціи милиціи, представила въ парламентъ свой прое́ктъ новой организаціи милиціи, которая могла бы служить для защиты англійской территоріи столь же полезно, какъ и постоянная армія. По новому прое́кту, предлагается сдѣлать обязательною службу въ милиціи для всѣхъ гражданъ отъ 16 до 40-лѣтняго возраста; прежде требуемая мѣра роста уменьшена съ 5 фут. 4 дюймовъ до 5 фут.; положено вербовать въ милицію отставныхъ солдатъ постоянной арміи; въ каждомъ округѣ, а въ случаѣ надобности въ двухъ или нѣсколькихъ вмѣстѣ, должны быть образованы особые пятисотенные отряды, обязанные въ теченіе одного года располагаться въ казармахъ, или, по крайней

(*) «Въ Военномъ Обозрѣніи» № 8 «Военнаго Сборника».

мѣръ, собираемые въ лагерь не менѣе, какъ на 28 дней, для занятій стрѣльбою. Проектъ этотъ, очевидно, имѣетъ нѣкоторое сходство съ прусской и швейцарской ландверной системой.

Для слѣдящихъ за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ солдатъ англійской арміи, конечно, будутъ не лишены интереса слѣдующія свѣдѣнія о состояніи библіотеки въ Чатамѣ. Число солдатъ, посѣтившихъ библіотеку съ 1-го января по 30-е іюня сего года, было 9,277 человекъ, занимавшихся чтеніемъ книгъ, 2,291 чтеніемъ газетъ, и 4,804, занимавшихся разными играми; всего 16,272. Весьма жаль, что, не имѣя свѣдѣній о томъ, какое число солдатъ могло пользоваться библіотекой, нельзя вывести общаго отношенія посѣщавшихъ библіотеку къ числу не посѣщавшихъ. Чатамская библіотека заключаетъ въ себѣ 3,520 сочиненій; изъ нихъ наиболѣе были читаемы повѣсти и романы, которыхъ было требуемо 4,294 раза, затѣмъ военныя и морскія сочиненія—только 338 разъ, біографій разнаго рода—211, путешествій—241 разъ. Весьма странно, что наименьшее число читателей сочиненій было по части естественныхъ наукъ. Все же, библіотека эта приноситъ значительную пользу для солдатъ, что и побудило принца Альберта предложить устроить подобную же библіотеку въ Алдершотскомъ лагерѣ.

— Въ № 16 «Русскаго Вѣстника» была помѣщена коротенькая, но прекрасная статья г. Я. Р—та: «Способны ли евреи къ военной службѣ?» Съ этой-то статью считаемъ необходимымъ ознакомить нашихъ читателей. Конечно, многимъ приходилось неоднократно слышать о трусливости евреевъ и о совершенной ихъ неспособности къ военной службѣ. Это считалось почти общимъ правиломъ, подлежащимъ лишь самымъ незначительнымъ исключеніямъ. Но вотъ являются положительные, неопровержимые факты, доказывающіе во многихъ случаяхъ совершенно противное. Такъ, въ выходящемъ въ Парижѣ журналѣ «Archives Israélites» напечатанъ списокъ еврейскихъ офицеровъ, служащихъ во французской арміи, составленный французскимъ же офицеромъ еврейской вѣры. Онъ показываетъ, что въ 1859 году, въ началѣ Италіанской войны, во французской арміи находилось слишкомъ 140 офицеровъ еврейскаго происхожденія, распределенныхъ рѣшительно по всѣмъ частямъ арміи; изъ нихъ 39 человекъ имѣютъ знаки Почетнаго Легіона. Вспомнивъ, что во Франціи всего считается до 100,000 евреевъ: придется, что на 700 человекъ евреевъ будетъ одинъ офицеръ — отношеніе весьма

многозначительное. Въ Австріи всего считается до 800,000 евреевъ, изъ числа которыхъ, по официальнымъ даннымъ вѣнскихъ газетъ, сообщеннымъ въ «Allgemeine Zeitung des Judenthum's», въ австрійской арміи, кромѣ 17,000 еврейскихъ солдатъ, находится до 800 офицеровъ еврейскаго исповѣданія. Сверхъ того, вѣнскія газеты сообщили о множествѣ евреевъ, вступившихъ въ формировавшіеся въ Австріи корпуса волонтеровъ. Въ Италіи почти то же самое вездѣ: въ Сардиніи, въ Ломбардіи, въ Центральной Италіи, евреи вступали въ ряды арміи и въ корпуса волонтеровъ, и, притомъ, не только одни бѣдные и бездомные, но и богатые, семейные, немолодые, люди, обремененные дѣлами. Чтò жь доказываютъ эти факты? На этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ отвѣчать выпискою изъ названной нами статьи.

«Они (факты эти) доказываютъ еще разъ явленіе, на которое указываютъ всѣ стороны современной европейской жизни, что человѣкъ только при свободныхъ условіяхъ жизни, только въ свободной средѣ можетъ сознать и поддерживать въ себѣ истинное человѣческое достоинство и что одна уже надежда на такія условія жизни, на вступленіе въ такую среду можетъ нравственно возродить и облагородить людей.

«Еврей, угнетаемый и втоптываемый въ грязь, все равно яснелъ бы невозможными ли польскими панами, турецкими ли правовѣрными пашами и эфенди, нѣмецкими ли фрейгерами и ограниченными бюргерами, или католическими пасторами, превращается въ жалкое трусливое существо, не защищающееся и тогда, когда его бьютъ какъ собаку. Но этотъ же еврей, при первомъ дыханіи свободы, при первомъ признаніи своего человѣческаго достоинства, возрождается и чувствуетъ себя гражданиномъ, готовымъ на всѣ гражданскія жертвы, готовымъ отдать и кровь и жизнь свою за тѣхъ, кто призналъ его свободнымъ чловѣкомъ. Тысячи евреевъ бодро дрались за Австрію, которая имъ только *обѣщала* (еще 10 лѣтъ тому назадъ) признаніе ихъ человѣческаго достоинства и дарованіе свободныхъ условій жизни. Удивительно ли, что евреи съ большею еще радостью и готовностью жертвуютъ всѣмъ для тѣхъ, кто имъ не только обѣщалъ, но дѣйствительно далъ гражданскія права и свободу жить, развиваться и служить обществу чѣмъ могутъ? Евреи были и будутъ всегда съ тѣми, кто въ нихъ видитъ и признаетъ человѣка и гражданина. Русскіе и польскіе евреи сохранили благодарную память объ Александрѣ I. Имъ

Александра II для нихъ теперь уже дорого, и они съ горячею любовью взирають на него, какъ на будущаго избавителя отъ многихъ горькихъ бѣдъ жизни.»

И, дѣйствительно, во Франціи Евреи уже давно, еще съ 1791 года, пользуются всѣми правами французскихъ гражданъ. Въ Австріи они до настоящаго времени еще подвергаются всѣмъ возможнымъ гоненіямъ. И вотъ обѣщаніе австрійскаго правительства дать Евреямъ полныя права гражданства уже заставляетъ ихъ сражаться за Австрію какъ бы за свое собственное отечество. Наконецъ въ Италіи стремленіе Евреевъ стать въ ряды арміи для защиты страны прямо вызвано было распоряженіемъ новыхъ правительствъ Тосканы, Пармы и Модены, объявившихъ вслѣдъ за изгнаніемъ прежнихъ владѣтелей, «что всѣ граждане, безъ различія вѣроисповѣданія, пользуются одинаковыми правами передъ закономъ и несутъ одинаковыя обязанности. И все это имѣло самое рѣшительное вліяніе на измѣненіе наклонностей и способностей Евреевъ. Впрочемъ, зачѣмъ намъ ходить за столь дальними примѣрами: мы имѣемъ ихъ и у себя довольно. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся у насъ наши польскіе Евреи; а, между тѣмъ, какъ перерождаются они, поступая въ военную службу, и особенно въ тѣ части, гдѣ наименѣе могутъ подвергаться насмѣшкамъ и притѣсненіямъ своихъ сослуживцевъ-христіанъ. Напримѣръ, извѣстно, что весьма большое число солдатъ изъ Евреевъ находится въ вѣдомствѣ путей сообщеній, и посмотрите, какъ развертывается большая часть изъ нихъ. Да что говорить объ Евреяхъ. Развѣ мы не видимъ почти того же превращенія, только въ обратномъ смыслѣ, и на нашихъ православныхъ мужичкахъ? Теперь оно случается очень рѣдко, почти даже и не встрѣчается, а прежде бывало поступаетъ въ рекруты молодой, расторопный парень: кажется, долженъ бы выйти изъ него молодецъ-молодцомъ; носмотришь, рекрутская школа, дядьки, унтера да фельдфебели такъ запугають его, что куда и дѣнется все молодечество! Конечно, все это

Дѣла давно минувшихъ дней....

Теперь, напротивъ, можно будетъ видѣть, что поступить какойнибудь неуклюжій, неразвитой Латышъ или Чухна, а армія съумѣетъ развить его, сдѣлать изъ него человѣка, который, дѣйствительно, станетъ сознавать свое собственное достоинство, станетъ гордиться тѣмъ мундиромъ, который вполне облагора-

живаешь и возвышаешь его. Распространеніе грамотности, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, введеніе болѣе ровнаго, справедливаго, хотя и не лишеннаго строгости, обращенія съ солдатами — все это можетъ привести къ гораздо болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ излишняя, но произвольно безпорядочная строгость, которая накажетъ, примѣрно, какойнибудь пустой проступокъ, а вслѣдъ затѣмъ проститъ иногда и большую вину.

— Въ заключеніе нашего обозрѣнія намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Турціи и Персіи. Извѣстно, что, послѣ окончанія Восточной войны, вся Европа устремила свое вниманіе на Турцію, отъ которой ожидали совершенно полнаго возрожденія и коренныхъ преобразованій въ ея внутреннемъ устройствѣ. Но всѣ эти надежды были обмануты. Не только что Турція не сдѣлала ничего для своего возрожденія, но, казалось, еще болѣе погружалась въ анархію и клонилась къ упадку. Въ провинціяхъ ея господствовало, по прежнему, полное самоуправство; жизнь и имущество христіанъ нисколько не были обезпечены, и они вовсе не имѣли никакой возможности пользоваться тѣмъ равенствомъ передъ закономъ, которое было имъ обѣщано; армія находилась въ самомъ жалкомъ положеніи и постоянно была недовольно правительствомъ, не платившимъ ей иногда по три, четыре и болѣе мѣсяцевъ жалованья; въ то же время долгъ государственныи все возрасталъ отъ новыхъ займовъ, заключаемыхъ на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ и, между тѣмъ, употребляемыхъ не на внутреннія улучшенія, а только на удовлетвореніе необыкновенной роскоши сераля. Все это, конечно, должно было возбуждать сильное неудовольствіе между самими Турками, и наконецъ неудовольствіе это выразилось обширнымъ заговоромъ противъ султана и всѣхъ его министровъ. Но заговоръ былъ открытъ, и въ настоящее время производится судъ надъ участвовавшими въ немъ. Интересно, что заговоръ этотъ вовсе не есть результатъ религіознаго фанатизма Турокъ. Полагаютъ, что султанъ даруетъ заговорщикамъ прощеніе и, вѣроятно, не замедлитъ воспользоваться урокомъ. Онъ увидѣлъ теперь, какая опасность грозила ему и его престолу, и можетъ надѣяться, что опасность возобновится, если не будутъ уничтожены причины, порождающія ее. Такъ какъ большинство заговорщиковъ принадлежало къ войскамъ, то первую мѣрою послѣ открытія заго-

вора было удовлетвореніе жалованьемъ константинопольскаго гарнизона, который не получалъ его уже за три мѣсяца до того.

Болѣе утѣшительное зрѣлище представляетъ другое сосѣдственное намъ на югѣ государство — Персія. Въ Военномъ Обзорѣннн прошлаго нумера были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о персидской арміи и объ осмотрѣ ея шахомъ. Теперь же есть свѣдѣнія, что послѣ осмотра обоихъ лагерей шахъ посѣтилъ Таврисъ, который онъ хочетъ сдѣлать первокласною крѣпостью. Дѣйствительно, положеніе этого города имѣетъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Онъ лежитъ противъ угла, образуемаго турецкою и русскою границею, такъ что въ одно и то же время можетъ служить для поддержанія какъ арміи, дѣйствующей противъ Турціи, такъ и той, которая была бы назначена противъ Россіи. Отдаленіе Тавриса отъ границъ не превышаетъ отъ русской 120, а отъ турецкой 200 верстъ. Городъ этотъ имѣлъ уже обширныя укрѣпленія, которыя были уничтожены землетрясеніемъ въ 1721 году. Теперешній шахъ осматривалъ мѣста прежнихъ укрѣпленій въ сопровожденіи инженерныхъ офицеровъ и утвердилъ уже новый проэктъ укрѣпленій Тавриса, который будетъ выполненъ Французами. Эта военная дѣятельность въ Персіи возбудила нѣкоторыя опасенія константинопольскаго дивана, вслѣдствіе чего султанъ приказалъ Керимъ-пашѣ, начальнику анатолійской арміи, выдвинуть обсервационный корпусъ на персидскую границу. Корпусъ этотъ, силою въ 10,000 человекъ, расположился у Баязета, подъ начальствомъ Османъ-пашн. Но само собою разумѣется, что эти мелкія демонстраціи нисколько не нарушаютъ добраго согласія между Турціей и Персіей, и въ подтвержденіе того султаномъ даже былъ посланъ одинъ изъ пашей привѣтствовать шаха во время бытности его въ Таврисѣ.

Н. ГЛИНОВЕЦКІЙ.

ВЪ БНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

Коммиссіонера Министерства Юстиціи.

*На Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца,
въ домъ Загѣтнова.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ, ея исторія, статистика, географія, политическое состояніе, нравы и обычаи, съ присовокупленіемъ словаря турецкихъ словъ, соч. Альфреда де-Бессе. М. 1860. Ц. 2 р.

КАРТА СООБЩЕНІЙ Европейской Россіи, съ показаніемъ почтовыхъ, шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, путей дилижансовъ, морскихъ и рѣчныхъ пароходныхъ и телеграфическихъ линій. Составлена Генеральнаго Штаба подполковникомъ Д. Анучинымъ. 1859. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

ПИСЬМА объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Соч. А. Гильфердинга. Выпускъ 2-й. М. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

О РАЗВИТІИ И РАСПОЗНАВАНІИ идеи свободной торговли, о примѣненіи ея къ положительнымъ законодательствамъ въ главныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Разсужденіе Б. Калиновскаго. Спб. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ или наука изящнаго. Соч. Фр. Гегеля. Архитектура, скульптура и живопись. М. 1859. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА или планетные и звѣздные міры. Популярное изложеніе великихъ открытій и теорій новѣйшей астрономіи. Соч. О. М. Митчелля. М. 1859. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИЗЪ ПРИРОДЫ. Земля. О широтѣ и долготѣ. Теплота на земной поверхности. Морскіе приливы. Вліяніе луны. Предсказанія погоды. Обманы чувствъ. Соч. Ларднера. Переведено подъ редакцію А. Буйницкаго. Съ 11 политипажами. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОСНОВАНІЯ МЕХАНИКИ и ея приложенія къ машинамъ, общепонятно изложенны Карломъ Гольцманномъ, издано подъ руководствомъ И. Вышнеградскаго. Съ 128 политипажами въ текстѣ. Спб. 1859. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВВЕДЕНІЕ въ общую зоологію или взглядъ на стремленія природы въ строеніи животнаго царства. Мильнь-Эдвардса. М. 1859. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

ПЕРЕМЕЖАЮЩЕЕСЯ РАЗМНОЖЕНІЕ И ПАРӨНОГЕНЕЗИСЪ въ животномъ царствѣ. Статья К. Кляуса. М. 1859. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ПЧЕЛОВОДА, руководствующія къ уходу за пчелами во всякое время года и къ разведенію ихъ на основаніи новѣйшихъ открытій и опытовъ, примѣненныхъ къ климату. Съ 44 рисунками. Соч. профессора Бейера. М. 1859. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ОБЛОМОВЪ. Романъ въ четырехъ частяхъ, Ивана Гончарова. Спб. 1859. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

ТАЙНЫ общественной политики, или умѣнье жить въ свѣтѣ, съ множествомъ интересныхъ анекдотовъ. М. 1858. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

ТОСКА ПО РОДИНѢ. Повѣсть соч. М. Н. Загоскина. Двѣ части. М. 1859. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

КАРТИНЫ Императорскаго Эрмитажа. Для посѣтителей этой галлерей, составилъ А. Сомовъ. Спб. 1859. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ОРГАНИЗМА, разслабленнаго любострастіемъ, или радикальное излеченіе онанизма, поллюцій, мужскаго безсилія и нервной слабости, съ прибавленіемъ, въ особомъ приложеніи, гигиены половыхъ частей, содержащей въ себѣ между прочимъ правила для предохраненія себя отъ зараженія. Съ рисункомъ. Соч. доктора Ришара. М. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

КАРМАННАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИЖКА, собраніе новыхъ опытовъ и наблюденій въ домашнемъ хозяйствѣ, К. Авдѣевой. I. Русскій столъ. II. Общій столъ. III. Рыбный столъ. IV. Постный столъ. V. Разныя кушанья, вошедшія въ употребленіе у Русскихъ. VI. Булки, пироги, крѣпиды, куличи, бабы, хлѣбы, дрожжи. VII. Квасъ, кислыя щи, пиво, медъ. VIII. Варенья и желе. IX. Сыропы и постыла. X. Соленые и моченые овощи и плоды. XI. Солонина, ветчина, гусиные полотки, рыба. XII. Сосиски и картофель. XIII. Наливки. XIV. Уксусъ. XV. Пряники и лепешки. XVI. Сбитень. XVII. Шоколадъ, какао, кофе. XVIII. Варенья и желе. XIX. О расположеніи кушаньевъ и объ украшеніяхъ. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к., въ переплетѣ 1 р. съ перес.

ПУТЕШЕСТВІЕ на Амуръ, совершенное по распоряженію сибирскаго отаѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1855 году. Р. Маакомъ. Съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго и атласомъ рисунковъ, картъ и плановъ. Спб. 1859. Ц. 20 р., съ пер. 25 р.

БЪЛОПАШЦЫ и обѣльные вотчинники и крестьяне. К. Вешнякова. Спб. 1859. Ц. 30 к., съ пер. 75 к.

О ВОЛОКНАХЪ ласточника, предложенныхъ для выгодной замѣны хлопчатой бумаги. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

О ПРЕЖДЕВРЕМЕННОМЪ увяданіи женской красоты и единственныя вѣрныя средства, какъ дѣвицы и дамы могутъ сохранить, поддержать и возвысить красоту свою въ полномъ ея блескѣ и совершенствѣ. Съ рецептами. М. 1859. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПРОДОЛЖЕНІЕ сказки для дѣтей (М. Ю. Лермонтова). Соч. Неизвѣстною. Спб. 1859. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

Иногородные благоволятъ адресоваться на имя А. И. Давыдова въ С.-Петербургъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С.-Петербургъ, 30-го октября 1859 года. Ценсоръ К. Обертъ.

О Б Ъ И З Д А Н І И Г А З Е Т Ы « К А В К А З Ъ »

въ 1860 году.

Въ 1860 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже успѣли ознакомиться въ теченіе четырнадцати лѣтъ существованія этого мѣстнаго изданія въ краѣ, которому суждена теперь столь отрадная и блестящая будущность.

Редакція этой газеты въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ старалась дать своему изданію направленіе болѣе сообразное съ современными потребностями общественной жизни, давая кавказскимъ своимъ читателямъ всѣ политическія и прочія новости, а иногороднымъ сообщая все интересное о Кавказѣ. Двойственная цѣль эта достигается, по возможности, сообразно объему изданія, не превышающаго, по положенію, ста листовъ, а доведеннаго теперешнею редакціею до ста-сорока листовъ чистаго и убористаго шрифта, что составляетъ почти что вдвое, сравнительно прежнихъ годовъ изданія. Цѣль эта достигнута нами не повышая цѣны, и мы будемъ стараться вводить еще улучшенія, сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція.

По составу своему, газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I. Правительственныя распоряженія. Сюда же относятся и всѣ Высочайшіе приказы по Кавказской арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе. V. Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, бібліографія и т. д. VI. Фельетонъ. Извѣстія о зрѣлищахъ въ Тифлисъ. VII. Метеорологическія наблюденія Тифлисской магнитной обсерваторіи, и наконецъ, VIII, разные объявленія и извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- 1) Отъ тифлискихъ подписчиковъ, въ Тифлисъ, исключительно въ редакціи, что на Александровской площади.
- 2) Отъ иногородныхъ подписчиковъ, въ Тифлисъ, въ редакціи газеты «Кавказъ».
- 3) Въ С.-Петербургѣ, въ Газетной экспедиціи.
- 4) Въ Москвѣ, въ Газетной экспедиціи и у комиссіонера Императорскаго Московскаго университета *Θ. О. Свѣшнікова*.
- 5) Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ.

Подписываться также можно и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ: но за исправное и своевременное доставленіе газеты редакция принимаетъ на себя отвѣтственность только передъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты «Кавказъ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ :

Годовая цѣна: за газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій) съ доставкою и пересылкою 9 р., безъ доставки на домъ и пересылки 8 р. 50 к.

За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ») съ доставкою и пересылкою 5 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 5 р.

За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями съ доставкою и пересылкою 12 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 12 р.

Полугодовая цѣна: за газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій) съ доставкою и пересылкою 5 р., безъ доставки на домъ и пересылки 4 р. 50 к.

За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ») съ доставкою и пересылкою 3 р., безъ доставки на домъ и пересылки 2 р. 50 к.

За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями съ доставкою и пересылкою 6 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 6 р. сер.

Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получать всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но, независимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ того только нумера, предъ которымъ поступить подписка.

Редакторъ Ѳедотъ Бобылевъ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ ШКОЛЫ ВЕРХОВОЙ ЪЗДЫ

и

ВЫЪЗДКИ ВЕРХОВЫХЪ ЛОШАДЕЙ,

А. ПАНАЕВА.

Въ манежѣ, близъ церкви Благовѣщенія, по Набережной Адмиралтейскаго канала, № 13-й.

Чтенія эти возобновятся 18 октября и будутъ производиться до первыхъ чиселъ апрѣля, постоянно по воскреснымъ днямъ (за исключеніемъ 6 декабря, 14 февраля и 3 апрѣля), отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ часовъ пополудни.

Выдача билетовъ для посѣщенія лекцій, по 12 р. сер. за весь курсъ, производится въ кассѣ манежа ежедневно отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни.

Въ объявленіи объ изданіи въ русскомъ переводѣ извѣстнаго сочиненія полковника *Шарраса Ватерлооская кампанія 1815 года* (*Campagne de Waterloo*), помѣщенномъ въ 5-й книжкѣ «Военнаго Сборника», между прочимъ сказано было, что редакція покорнѣйше проситъ гг. желающихъ пріобрѣсти это сочиненіе увѣдомить о томъ съ первою же почтою. вмѣсто увѣдомленія, нынѣ поступаютъ отъ нѣкоторыхъ лицъ требованія о высылкѣ означенной книги. Вслѣдствіе сего, редакція «Военнаго Сборника» имѣетъ честь объявить, что къ изданію перевода сочиненія Шарраса будетъ приступлено только въ ноябрѣ мѣсяцѣ и затѣмъ самая книга можетъ быть разослана подписчикамъ съ послѣднимъ номеромъ «Военнаго Сборника» нынѣшняго или съ первыми будущаго года. Несмотря на это, редакція, какъ и прежде, покорнѣйше проситъ гг. желающихъ пріобрѣсти означенный переводъ доставить подписку на оный теперь же, такъ какъ для издателей необходимо знать заблаговременно число подписчиковъ, для опредѣленія, хотя приблизительно, количества экземпляровъ, въ которомъ слѣдуетъ печатать это изданіе.

О НОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ИЗДАНІИ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

СОЛДАТСКАЯ БЕСѢДА.

I. «Солдатская Бесѣда», въ будущемъ 1860 году, будетъ издаваться на прежнихъ условіяхъ: *шесть книжекъ въ годъ*; подписная цѣна *1 р. сер.* съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ для войскъ обращаться съ требованіями не иначе, какъ по слѣдующему адресу:

«Въ Гвардейскій Генеральный Штабъ при Штабѣ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.»

Для частныхъ гг. подписчиковъ: *Въ контору редакціи «Солдатской Бесѣды», въ книжный магазинъ Смирдина и комп.*

За каждый экземпляръ журнала прилагается *1 р. сер.* и ни въ какомъ случаѣ не болѣе и не менѣе, какъ это было при нѣкоторыхъ требованіяхъ. По поводу нѣсколькихъ извѣщеній о несвоевременномъ полученіи вышедшихъ номеровъ журнала, Редакція приметъ мѣры къ исправной высылкѣ всѣмъ подписавшимся требуемаго количества экземпляровъ и покорнѣйше проситъ, въ случаѣ неполученія въ свое время полного числа экземпляровъ—*шесть книжекъ за настоящій годъ*—дать знать о томъ редакціи, адресуя: въ Гвардейскій Генеральный Штабъ, при Штабѣ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.

Несвоевременное удовлетвореніе нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ за прошлый 1858 годъ произошло отъ поздняго полученія требованій: только въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Редакція получила требованія болѣе, нежели на 1,000 экземпляровъ за 1858 годъ, и тотчасъ же приступила ко второму изданію ихъ. Для удобства болѣе точныхъ соображеній, Редакція имѣетъ

честь просить присылать требованія журнала на будущій 1860 годъ, по возможности, заблаговременно.

Согласно съ объявленной по войскамъ при началѣ изданія программы, съ 1860 года Редакція будетъ помѣщать въ нѣкоторыхъ книжкахъ журнала *описанія и объясненія по разнымъ отраслямъ знаний и предметы военной специальности*.

Сверхъ того, въ каждой книжкѣ будетъ отдѣлъ подъ рубрикой: *Разныя Извѣстія*, для ознакомленія солдатъ съ тѣми современными происшествіями и открытіями, о которыхъ свѣдѣнія имъ приличны.

II. Имѣя въ виду, *по возможности*, увеличить объемъ журнала и болѣе разнообразить его содержаніе, Редакція имѣетъ честь просить желающихъ споспѣшествовать этому дѣлу не отказать въ помощи своими литературными трудами. Необходимыми для того условіями полагается:

1) Статья должна быть написана согласно съ программой во всѣхъ отношеніяхъ, то есть: приличнаго читателямъ содержанія, общепонятнымъ и правильнымъ языкомъ и слогомъ и преимущественно оригинальная. Само собой разумѣется, что полезная «заимствованная или усвоенная» изъ иностранной литературы статья, отвѣчающая вышпензложеннымъ условіямъ, оцѣнится не менѣе оригинальной.

2) Статья не можетъ быть раздѣляема на двѣ книжки, и потому вообще принимается только вмѣщающаяся въ *одинъ* печатный листъ или нѣсколько болѣе, исключая, конечно, тѣхъ статей, предметъ которыхъ, *по важности своей*, не можетъ быть сжатъ въ ущербъ ясности и которыя окажутся полезными. Крайняя вмѣстимость такихъ статей полагается въ *три* листа.

3) Имя автора, желающаго остаться неизвѣстнымъ публикѣ, должно быть извѣстно Редакціи; на статьѣ слѣдуетъ означить, соглашается ли авторъ, въ случаѣ надобности, на исправленіе ея, и условія автора о помѣщеніи статьи въ журналѣ.

4) За печатный листъ сочиненія Редакція обязывается высылать отъ 25 до 40 р. с. Краткіе же рассказы, описанія подвиговъ, достойныхъ извѣстности, анекдоты и т. п., при незначительности литературной работы, могутъ быть вознаграждаемы, по желанію автора, извѣстнымъ числомъ экземпляровъ журнала.

5) Неудобныя къ напечатанію статьи могутъ быть получаемы авторами или довѣренными ихъ лицами изъ конторы Редакціи

при книжномъ магазинѣ Смирдина и комп., но отсылаться Редакцію обратно не будутъ.

Редакція покорнѣйше проситъ высылать статьи только до 1 февраля 1860 года.

Редакторъ «Солдатской Бесѣды», встрѣчая въ журналахъ, въ письмахъ и въ словесныхъ бесѣдахъ мнѣнія довольно разнчпныя, а иногда и совершенно противоположныя одно другому, о выполненіи цѣли «Солдатской Бесѣды», покорнѣйше проситъ гг. обучающихся въ войскахъ грамотѣ не отказать ему помочь въ этомъ общемъ для всѣхъ военныхъ людей дѣлѣ. Всякій дѣльный совѣтъ, замѣчаніе, указаніе и справедливое порицаніе касательно изданія будутъ приняты редакторомъ съ уваженіемъ и признательностію, лишь бы они относились собственно къ дѣлу, а не къ лицу, потому что редакторъ можетъ отвѣчать только за добросовѣстное и исправное выполненіе труда, но не за степень своихъ способностей.

Опытность занимающихся обученіемъ и общее искреннее желаніе добра нашимъ почтеннымъ ученикамъ ручаются за непремѣнную полезность просимыхъ замѣчаній и совѣтовъ. А недостатокъ серьезныхъ критическихъ разборовъ произведеній, особенно назначаемыхъ простонародью, указываетъ на это средство оцѣнки, какъ на единственно вѣрное

Объявить свои замѣчанія желающіе могутъ письменно или печатно — это все равно.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ «СОЛДАТСКОЙ БЕСѢДЫ».

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшій докладъ рапорта его высокопревосходительства г. командира Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, предпринимается повременное изданіе подъ названіемъ «Солдатская Бесѣда», съ цѣлію распространенія между нижними чинами войскъ грамотности и, посредствомъ ея, правильнаго развитія понятій.

Изданіе будетъ состоять изъ шести книжекъ въ годъ, различнаго содержанія, соотвѣтственнаго принятой цѣли. Предметы статей преимущественно будутъ:

1) Разсужденія, разсказы, повѣсти, служащія къ правильному развитію нравственныхъ и умственныхъ способностей читателей, не касаясь вопросовъ чисто-религіознаго значенія. Опытъ подобныхъ статей, изданныхъ подъ названіемъ «Солдатскія За-

мѣтки» еще въ 1855 году, удостоился Высочайшаго одобренія, и книжка оказалась удобною для употребленія въ солдатскихъ школахъ.

Также будутъ помѣщаемы:

2) Общепонятныя описанія и объясненія по разнымъ отраслямъ знаній, въ той мѣрѣ, какая прилична большинству читателей.

3) Предметы военной спеціальности, въ той степени развитія, которая указывается потребностію, и на основаніи утвержденныхъ руководствъ.

Всѣ статьи изданія предполагаются оригинальныя, изложенныя языкомъ, вполне понятнымъ для читателей, которымъ предназначается изданіе.

Объемъ каждой книги полагается около *двухъ* печатныхъ листовъ (*). Каждая книга будетъ содержать въ себѣ отдѣльную полную статью. Такъ какъ статьи, писанныя для простонародья, не должны быть раздробляемы на двѣ книжки, тѣмъ болѣе разновременно выпускаемы, то тѣ статьи, которыя составятъ книжку значительно *болѣе трехъ* печатныхъ листовъ, считаются за *двѣ* книжки.

Впрочемъ, Редакторъ воспользуется возможностью всякаго усовершенствованія изданія, а здѣсь излагаются первоначальныя обязательныя условія.

Поставляя цѣлю — развитіе и направленіе способностей читателей въ возможно-вѣрной послѣдовательности, изданіе это, по объему своему, представляетъ не болѣе, какъ образчикъ или опытъ того труда, который, при постепенномъ увеличеніи средствъ, можетъ быть болѣе обширнымъ и дѣйствительнымъ. Степень достиженія этой цѣли обозначится мѣрою успѣха изданія, то есть отзывами свѣдущихъ людей и распространеніемъ его добровольной подпиской.

(Статьи «Солдатской Бесѣды» составляютъ каждая отдѣльную книжку и потому, на основаніи законовъ, перепечатываемы въ другіе журналы быть не могутъ.)

Александръ Погоскій.

(*) Программа эта опубликована до начала изданія; но по первой же подпискѣ оказалась возможность увеличить объемъ книжекъ.

ГОРЬКОСТЬ ИЛИ СЛАДОСТЬ ВАС НЕ ОБОИДЕТ. ПОПРОБУЙТЕ НАШЕ ПЕЧЕНОЕ ПОСЛАДКОЕ ПИЩЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается въ С.-Петербургѣ, по адресамъ: въ Редакцію «Военнаго Сборника» (адресъ которой всегда извѣстенъ С.-Петербургскому Почтамту) и въ конторы «Военнаго Сборника»: въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Николаевского Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.

Цѣна за полное годовое изданіе «Военнаго Сборника» 6 руб. сер. Лица, служащія въ войскахъ и обращающіяся съ требованіями на «Военный Сборникъ» черезъ свои начальства или прямо отъ себя въ Редакцію, за пересылку ничего не платятъ: журналъ будетъ доставляться на ихъ имя въ ту часть войскъ, къ которой они принадлежатъ. Лица же, къ войскамъ не принадлежащія, прилагаютъ къ подписной цѣнѣ за пересылку въ другіе города, или въ С.-Петербургѣ за доставку на домъ, 1 руб. 50 коп. серебромъ.

При большомъ числѣ статей, присылаемыхъ въ редакцію «Военнаго Сборника», возвращеніе таковыхъ авторамъ, съ объясненіемъ причинъ, почему онѣ не могли быть помѣщены въ этомъ журналѣ, ставитъ редакцію въ затруднительное положеніе. Вслѣдствіе чего, редакция «Сборника», желая отстранить отъ себя неудовольствія лицъ, присылающихъ свои статьи, покорнѣйше проситъ ихъ обратить вниманіе на слѣдующія слова объявленія объ изданіи журнала на текущій 1859 годъ:

«Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана въ «Сборникѣ» при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія — возвращается автору, по его личному востребованію или довѣренному отъ него лицу безъ всякихъ объясненій. Редакция принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя, хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный».

225
22-8